

М. Т. АБШАЕВ

**ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЫ
БАЛКАРИИ**

М.Т. Абшаев
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

Соисполнители:

Обследование и фотографирование памятников:

Белпаев С.У. (руководитель), *Жабоев Ж.С.*, *Жангоразов М.Х.-М.*, *Карчаев М.П.*,
Мирзоев А.М., *Османов Х.Л.*, *Хапаев Н.М.*, *Чочаев Х.Х.*, *Циканов Х.А.*, *Абшаев А.М.*

Авторы текстов подразделов:

1.3.7–1.3.9 – *Сабанчиев Х.-М.А.*; 6.2 – *Османов Х. Л.*; 8.4 – *Будаев Н.М.*;
8.5–8.6 – *Абдуллаева М.А.*; 9.2–9.6 – *Джуртубаев М.Ч.*

Книга посвящена памятникам истории и культуры Балкарии, насыщенной средневековыми оборонительными сооружениями, мавзолеями и некрополями, останками древних сел с каменными саклями и уникальной архитектурой, предметами быта и культуры. Она содержит краткие сведения о происхождении и культурном наследии балкарцев: древних боевых крепостях и башнях, поселениях, жилищах, захоронениях, особенностях их архитектуры, духовном наследии, национальной кухне, одежде и народном творчестве.

Книга подготовлена Кабардино-Балкарской республиканской общественной организацией балкарского народа «Алан» в рамках проекта «Сохранение и популяризация культурного наследия и памятников истории балкарского народа», выполненного по гранту «Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики» и предназначена для краеведов, учащихся образовательных учреждений и туристов.

М.Т. Abshaeв
BALKARIAN HISTORY AND CULTURA MONUMENTS

Inspection and photographing of monuments:

Beppaev S.U. (head), *Zhaboev J.S.*, *Jangurazov M.M.-H.*, *Karchaev M.P.*, *Mirzoev A.M.*,
Osmanov H.L., *Hapaev N.M.*, *Chochoev H.H.*, *Tsikanov H.A.*, *Abshaeв A.M.*

Authors of sections texts:

1.3.7–1.3.9 – *Sabanchiev H.-M.A.*; 6.2 – *Osmanov H. L.*; 8.4 – *Budaev N.M.*;
8.5–8.6 – *Abdullaeva M.A.*; 9.2–9.6 – *Jurtubaev M.C.*

The book is devoted to the historical and cultural monuments of Balkaria, saturated with medieval fortifications, mausoleums and necropolis, the remains of ancient villages with stone houses and unique architecture, objects of everyday life and culture. It contains brief information about the origin and cultural heritage of balkar people: ancient martial fortresses and towers, villages, dwellings, graves, especially their architecture, spiritual heritage, national cuisine, clothing and folk art.

Book was prepared by «Public organization of the balkar people «Alan» in the framework of the project «Preservation and promotion of cultural heritage and monuments of balkar people stories» performed by the grant of «Department for interaction with civil society institutions and nationalities affairs of of the Republic Kabardino-Balkaria» and is intended for regional ethnographers, students of educational institutions and tourists.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ	11
1.1. Балкария и балкарцы	11
1.2. Происхождение балкарцев и карачаевцев	14
1.2.1. Этап формирования предков	14
1.2.2. Скифы-киммерийцы – одни из предков балкарцев	18
1.2.3. Гунно-булгарский компонент предков балкарцев	19
1.2.4. Болгарские племена – ранние предки балкарцев	20
1.2.5. Вклад гунно-булгарских племен в материальную культуру	21
1.2.6. Алано-асы – предки балкарцев	23
1.2.7. Борьба Тамерлана с асами у Эльбруса	30
1.2.8. Асы и аланы – прямые предки балкарцев	31
1.3. Формирование и развитие Балкарии	33
1.3.1. Балкарский орган управления – Тёре	35
1.3.2. Взаимоотношения Балкарии с Кабардой	39
1.3.3. Взаимоотношения Балкарии с Осетией	40
1.3.4. Взаимоотношения Балкарии с Грузией	40
1.3.5. Балкария в системе русско-кавказских отношений	41
1.3.6. Русско-балкарские связи в XVIII веке	43
1.3.7. Присоединение Балкарии к России	44
1.3.8. Балкария в советское время	49
1.3.9. Балкарцы в депортации	56
1.3.10. Балкария после возвращения на родину	58
<i>Список литературы к разделу 1</i>	62
2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ	64
2.1. Общая характеристика сооружений	64
2.2. Размещение и классификация сооружений	69
2.3. Крепости и башни XII–XIV веков	70
2.4. Крепости и башни XV–XVI веков	72
2.5. Крепости и башни XVI–XVIII веков	73
2.6. Крепости, замки и башни Черекского ущелья	76
2.6.1. Размещение оборонительных сооружений	76
2.6.2. Замок Курнаят-Кала (XV–XVI вв.)	78
2.6.3. Крепость Болат-Кала (XII–XIII вв.)	81
2.6.4. Крепость Кюнлюм-Кала (XII–XIII вв.)	82
2.6.5. Крепость Малкар-Кала (XII–XIII вв.)	83
2.6.6. Крепость Зылгы-Кала (XII–XIII вв.)	86
2.6.7. Родовой комплекс Жангуразовых (XVII в.)	90
2.6.8. Башня Абай-Кала № 1 (XVII–XVIII вв.)	91
2.6.9. Сторожевая башня № 2 – Абай-Кала (XVII в.)	92
2.6.10. Башня Абай-Кала № 3 (XIV–XV вв.)	94
2.6.11. Башня Амирхан-Кала (XVII в.)	95
2.6.12. Боевая башня Боташ-Кала (XVII в.)	96
2.6.13. Боевая башня Шахан-Кала (XVII–XVIII вв.)	97
2.6.14. Боевая башня Жанхот-Кала (XVII–XVIII вв.)	97
2.6.15. Боевая башня Бий-Кала (XVII–XVIII вв.)	98
2.6.16. Боевая башня Айдабол-Кала (XVII–XVIII вв.)	98
2.6.17. Боевая башня Бийнёгер-Кала (XVII–XVIII вв.)	98
2.6.18. Боевая башня Зок-Кала (XII–XIII вв.)	98
2.6.19. Башня Сукан-Кала (XIV–XV вв.)	99
2.7. Крепости, замки и башни Хопамо-Безенгийского ущелья	102
2.7.1. Местоположение оборонительных сооружений ущелья	102
2.7.2. Хуламская крепость Усхур-Кала (XIII в.)	103
2.7.3. Замок Жабо-Кала (XI–XIII вв.)	106
2.7.4. Оборонительная башня Хопам-Кала (XIV–XV вв.)	109
2.7.5. Безенгийская башня Баксанук-Кала (XVII–XVIII вв.)	109

2.7.6. Безенгийская башня Ак-Куу-Кала (XII–XIII вв.)	110
2.7.7. Безенгийская башня Ак-Кала (XVII–XVIII вв.)	111
2.7.8. Безенгийская башня Тотур-Кала (XV–XVI вв.)	113
2.8. Крепости и башни Чегемского ущелья	114
2.8.1. Карта позиций укреплений Чегемского ущелья	114
2.8.2. Верхне-Чегемские башни Донгат-Калала	116
2.8.3. Верхне-Чегемская башня Малкарук-Кала (XVII в.)	116
2.8.4. Оборонительная башня Жияк-Кала	118
2.8.5. Сторожевая башня Барасбий-Кала (XVII–XVIII вв.)	119
2.8.6. Сторожевая башня Асс-Кала (XVII в.)	119
2.8.7. Боевая башня Трам-Кала	119
2.8.8. Боевая башня Битикле-Тюбю (XII–XIII вв.)	119
2.8.9. Боевая башня Битикле-Баши (XII–XIII вв.)	120
2.8.10. Лестница Битикле (XII–XIII вв.)	121
2.8.11. Верхне-Чегемская крепость Тотур-Кала	123
2.8.12. Боевая башня Хустос-Кала	124
2.8.13. Боевая башня Асболду-Кала	124
2.8.14. Боевая башня Лыгыт-Кала (XII–XIV вв.)	125
2.8.15. Боевая башня Личиу-Кала	125
2.8.16. Боевая башня Хырджауат-Кала	126
2.9. Крепости, замки и башни Баксанского ущелья	126
2.9.1. Размещение оборонительных сооружений	126
2.9.2. Оборонительный комплекс Учкун-Кала	128
2.9.3. Баксанские башни Эль-Журт-Калала (XIII–XIV вв.)	128
2.9.4. Былымская башня Хазар-Кала (XIII–XIV вв.)	130
2.9.5. Былымская крепость (XIII–XIV вв.)	130
<i>Список литературы к разделу 2</i>	132
3. ГОРОДИЩА, МОГИЛЬНИКИ И КУРГАНЫ БАЛКАРИИ	133
3.1. Городища и могильники Хазнидонского ущелья	133
3.1.1. Ташлы-Талинский могильник	133
3.1.2. Суканское городище	133
3.2. Городища и могильники Черекского ущелья	133
3.2.1. Город мертвых и могильники Верхней Балкарии	133
3.2.2. Могильник и курган села Бабугент	134
3.2.3. Кашхатауские курганы и могильники	134
3.3. Древние объекты Холамо-Безенгийского ущелья	136
3.3.1. Безенгийские объекты	136
3.3.2. Холамские объекты	137
3.4. Древние объекты Чегемского ущелья	140
3.4.1. Городища и курганы Нижнего Чегема	140
3.4.2. Древние грот и городища Верхнего Чегема	141
3.4.3. Древние городище и могильник Булунгу	142
3.5. Древние объекты Баксанского ущелья	143
3.5.1. Жанхотекское поселение-стойбище	143
3.5.2. Кенделенские городища, курганы и катакомбы	144
3.5.3. Гроты Лашкуты	151
3.5.4. Городища и могильники Былыма	151
3.5.5. Городище и склепы бывшего поселения Гижгит	152
3.5.6. Городища Верхнего Баксана	153
3.6. Древние объекты Малкинского ущелья	153
3.6.1. Селище, склепы и шахты Хабаза	154
3.6.2. Селище и каменные ящики Кичмалки	156
4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ	157
4.1. Общая характеристика и классификация	157
4.1.1. Подкурганские захоронения	158
4.1.2. Мавзолеи – кешенеле	159
4.1.3. Усыпальницы	164
4.1.4. Некрополи – «города мертвых»	164
4.1.5. Хронология мавзолеев	167
4.2. Кешене Хазнидонского ущелья	168
4.3. Мавзолеи и некрополи Черекского ущелья	169

4.3.1. Абай-кешенеле в селе Шканти	169
4.3.2. Алту-кешене в Тура-Хабла	171
4.3.3. Коспарты-кешене	172
4.3.4. Атаби-кешене в Верхней Балкарии	172
4.3.5. Ай Солтан-кешене	173
4.3.6. Несохранившиеся кешенеле Черекского ущелья	175
4.4. Мавзолеи и некрополи Холамо-Безенгийского ущелья	176
4.4.1. Безенгийский-кешене	176
4.4.2. Жабо-кешене	176
4.5. Мавзолеи и некрополи Чегемского ущелья	178
4.5.1. Некрополь Фардык	178
4.5.2. Кач-кешене в селе Булунгу	182
4.5.3. Лячинкайский некрополь	182
4.6. Мавзолеи и некрополи Баксанского ущелья	184
4.6.1. Кенделенский некрополь	184
4.6.2. Камгутби-кешене	185
4.6.3. Гошаяк-кешене	185
4.7. Предметы из мавзолеев, некрополей и усыпальниц	187
4.8. О памятниках средневековья соседних народов	191
5. БАЛКАРСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ	216
5.1. Общая характеристика надгробных памятников Балкарии	194
5.2. Надгробные памятники Черекского ущелья	200
5.3. Надгробные памятники Хуламо-Безенгийского ущелья	203
5.4. Надгробные памятники Чегемского ущелья	206
5.5. Надгробные памятники Баксанского ущелья	208
<i>Список литературы к разделам 3–5</i>	211
6. МЕНГИРЫ И ДОЛЬМЕНЫ БАЛКАРИИ	213
6.1. Менгиры разных эпох	213
6.2. Османов Х.Л. Древние наскальные рисунки	216
6.3. Дольмены	219
6.3.1. Дольмен Илькер-Ташла	219
6.3.2. Мегалитическая шахта Баксанского ущелья	221
6.3.3. Катакомбный и полуподземные захоронения	222
6.3.4. Молитвенные камни	223
6.3.5. Гробница в Лячинкай	223
7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ	224
7.1. Особенности размещения поселений	224
7.2. Особенности архитектуры балкарских жилищ	226
7.3. Поселение и жилища Верхней Балкарии	238
7.3.1. Поселение Кюнлюм (Солнечное)	240
7.3.2. Поселение Ишканти	243
7.4. Поселения и жилища Холамо-Безенгийского ущелья	246
7.4.1. Поселение Безенги	247
7.4.2. Поселение Холам	249
7.4.3. Поселение Шыкы	251
7.5. Поселения Чегемского общества	254
7.5.1. Поселение Думала	255
7.5.2. Поселение Булунгу	256
7.5.3. Поселение Эльтьюбо	257
7.5.4. Поселение Кала	261
7.6. Поселения и жилища Баксанского ущелья	262
7.6.1. Поселение Учкум-Кала	264
7.6.2. Жилища поселения Курму	265
7.6.3. Жилища Абдуллаевского поселка	266
7.6.4. Жилища поселения Нижний Баксан (Гирхожан)	267
7.6.5. Поселение Былым	269
7.7. Поселения и жилища Малкинского ущелья	270
<i>Список литературы к разделу 7</i>	271
8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ	272
8.1. Основные виды хозяйственной деятельности	272

8.1.1. Скотоводство в Балкарии	272
8.1.2. Земледелие в Балкарии	277
8.1.3. Ремесло и торговля	281
8.1.4. Охота как отрасль экономики	288
8.1.5. Пчеловодство	291
8.1.6. Садоводство, огородничество и сбор ягод	292
8.2. Национальная одежда	295
8.2.1. Мужская одежда	298
8.2.2. Женская одежда	298
8.3. Национальные украшения	305
8.4. Будаев Н.М. Музыкальные инструменты	310
8.4.1. Группа струнных смычковых инструментов	314
8.4.2. Группа щипковых инструментов	316
8.4.3. Группа духовых музыкальных инструментов	217
8.4.4. Группа ударных инструментов	320
<i>Список литературы к разделу 8.4</i>	321
8.5. Посуда и утварь	322
<i>Список литературы к разделу 8.5</i>	332
8.6. Абдуллаева М.А. Национальные блюда	333
9. Джуртубаев М.Ч. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРИИ	339
9.1. Религия и верования	340
9.1.1. Тенгрианство	340
9.1.2. Христианство	341
9.1.3. Мусульманство	344
9.2. Мифология	345
9.2.1. Почитание животных и птиц	345
9.2.2. Олицетворение	347
9.2.3. Чудовища и страшилища	349
9.2.4. Демоны	350
9.2.5. Духи – хозяева мест	350
9.2.6. Оборотничество	351
9.2.7. Умай-бийче и Байрым-бийче	352
9.2.8. Богини-матери стихий	352
9.2.9. Боги-отцы	353
9.2.10. Апсаты	353
9.2.11. Грозовые божества	354
9.2.12. Солнечные божества	354
9.2.13. Покровители скотоводства	355
9.2.14. Тейри	356
9.2.15. Представления о мире	357
9.2.16. Мифологические эпосы	358
9.3. Нартский эпос	359
9.3.1. Основные темы эпоса	359
9.3.2. Кто такие нарты	360
9.3.3. Занятия нартов	361
9.3.4. Обычаи и обряды нартов	362
9.3.5. Развлечения нартов	362
9.3.6. Нартское общество	364
9.3.7. Мир нартского эпоса	364
9.3.8. Золотой Дебет	365
9.3.9. Сказания об Алаугане и Карашауае	366
9.3.10. Сатанай-бийче и нарт Ёрюзбек	367
9.4. Жанры устного народного творчества	369
9.4.1. Историко-героические песни	369
9.4.2. Устное народное творчество	372
9.4.3. Народные сказки	374
9.4.4. Национальные песни	375
9.5. Национальные танцы	376
9.6. Ёзден адет – этикет	378
<i>Список литературы к разделу 9</i>	380
Заключение	382

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена памятникам истории и культуры Балкарии, насыщенной средневековыми крепостями, сторожевыми башнями, мавзолеями и некрополями, останками древних сел с каменными саклями и уникальной архитектурой, предметами быта и культуры. Она содержит иллюстрации и краткие сведения об историческом прошлом Балкарии, о памятниках средневековья, поселениях, жилищах, особенностях их архитектуры, духовном наследии, национальной кухне, одежде и народном творчестве балкарского народа.

Книга подготовлена Кабардино-Балкарской республиканской общественной организацией балкарского народа «Алан» в рамках проекта «Сохранение и популяризация культурного наследия и памятников истории балкарского народа», выполненного по гранту «Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики».

Основной целью ее издания является повышение интереса молодежи к своему культурному наследию и памятникам истории, стимулирование бережного отношения, сохранение и популяризации памятников своей истории, духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения в духе национально-этнических устоев, патриотизма и преданности малой и большой Родине, улучшение имиджа Кабардино-Балкарии, а также содействие развитию познавательного и этнографического туризма.

Для подготовки данной книги проведен цикл мероприятий, связанных с изучением, сохранением и популяризацией культурного наследия и памятников истории, которые продолжают разрушаться под действием природной стихии и варварского отношения. Эти мероприятия проводились под руководством и при активном участии руководителя общественной организации «Алан» С.У. Беппаева и председателя исполкома организации Ж.С. Жабоева.

Предисловие, разделы 1–7, 8.1–8.3, 9.1, заключение, оформление рисунков ко всем разделам и общую редакцию всех разделов выполнил профессор М.Т. Абшаев. При написании разделов 1–8 использованы материалы исследований и монографии И.М. Мизиева, В.М. Батчаева, Э.Б. Бронштейна, А.Я. Кузнецовой, книга «История Кабардино-Балкарии» под редакцией Т.Х. Кумыкова, материалы фонда «Ассия» (по согласованию) и другие источники, приведенные в конце разделов.

Текст разделов 1.3.7–1.3.9 представил профессор Х.-М.А. Сабанчиев; текст раздела 6.2 – Х. Л. Османов; текст и рисунки к разделу 8.4 – Н.М. Будаев; тексты разделов 8.5–8.6 – М.А. Абдуллаева, тексты разделов 9.2–9.6 – М.Ч. Джуртубаев.

Консультантами по вопросам истории и археологии были кандидаты исторических наук Ю.Н. Асанов и И.М. Чеченов.

Обследование и фото современного вида крепостей и башен выполнил кандидат философских наук М.Х.-М. Жангоразов, мавзолеев и усыпальниц – Х.Л. Османов с участием проводников экспедиционных групп Н.М. Хапаева и др., а также кандидат физико-математических наук Х.Х. Чочаев и Х.А. Циканов.

Географические координаты объектов по данным GPS зафиксировал доктор физико-математических наук А.М. Абшаев совместно с М.Х.-М. Жангоразовым.

В редакции книги с дополнениями, уточнениями участвовали: доктор филологических наук Т.Ш. Биттирова, Н.М. Будаев, М.П. Карчаев и др.

Подобные книги о памятниках истории изданы практически в любом регионе любой страны. Авторы надеются, что эта книга о средневековой культуре Балкарии, ее уникальных архитектурных памятниках представит интерес для любителей старины, туристов и отдыхающих в Кабардино-Балкарии, будет способствовать улучшению имиджа республики.

Во всех горных ущельях Балкарии имеются множество средневековых оборонительных сооружений (крепости, боевые и сторожевые башни), «городков мертвых», мавзолеев и усыпальниц, руин древних поселений с каменными саклями, предметами быта и культуры.

По данным Управления государственной охраны культурного наследия Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики «на территории республики находятся тысячи объектов культурного наследия, из них на государственном учете состоят 437 памятников истории и культуры, в том числе 111 памятников федерального значения, 326 памятников регионального значения, 207 памятников воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Все эти памятники требуют неотложных работ по их сохранению. В особенности это касается памятников архитектуры федерального значения – феодальный замок Жабо-Кала, крепости Болат-Кала, Курнаят-Кала, Зылгы-Кала, Усхур-Кала, оборонительные башни Абай-Кала, Ак-Кала, Амирхан-Кала, Малкарук-Кала и др.

Эти оборонительные сооружения находятся в высокогорных районах между Боковым и Скалистым хребтами центральной части Главного Кавказского хребта. В XIII–XIV веках они сооружались на труднодоступных вершинах и крутых склонах, окаймляющих обжитые котловины, а в более позднее время в XV–XVII веках – в долинах ущелий, в поселениях или вблизи них. Башни, принадлежавшие княжеским родам, зачастую, располагались в верхней части поселений.

Оборонительные сооружения Балкарии имеет некоторое сходство с аналогами в других районах Центрального Кавказа по назначению – везде они являются укрепленными родовыми башнями или феодальными замками.

Имеется схожесть в строительной технике – камень, используемый в кладке, обрабатывался частично или более тщательно, в зависимости от назначения сооружения и возможностей строителей, кладка осуществлялась на связующем растворе и без него. Как правило, они четырехугольные в основании и сверху сужаются. Стены имеют окна, ниши, а в стенах верхних этажей – крестообразные и стрельчатые проемы для бойниц. В полу предусмотрены колодцы для запасов воды и провизии. Межэтажные перекрытия устраивались на толстых деревянных балках, а сообщение между этажами осуществлялось при помощи приставных лестниц или бревен с зарубками. Боевые башни Балкарии имели плоское или двускатное перекрытие, что также сближает их с некоторыми башнями Чечни, Ингушетии, Осетии, Хевсуретии и других областей Центрального Кавказа.

Вместе с тем ярко прослеживаются отличительные особенности балкарских сооружений, охватывающие ряд специфических особенностей фортификационной архитектуры Балкарии, опирающейся на глубокие местные самобытные традиции, имеющей раннесредневековые корни. Архитектура Балкарии поражает своей монументальностью и увязкой с рельефом местности. Особый интерес представляют башни и крепости, которые упоминаются во многих литературных источниках и летописях о походе Тамерлана, войска которого истребляли балкарцев и разрушали их поселения и крепости.

Не меньший интерес представляют также архитектура мавзолеев, некрополей (например, Фардык), древних поселений и жилищ балкарцев, о которых известный археолог Э.Б. Бернштейн в своей замечательной книге «Архитектура балкарского народного жилища» на основе его «живого» исследования писал: *«Может показаться странным и невероятным, что маленькая, занесенная на кручи высокогорий Кавказа, Балкария вдруг оказалась источником для заполнения недостающих страниц истории всей мировой архитектуры»*.

К сожалению, многие архитектурные памятники уже разрушены или разрушаются и средневековое зодчество Балкарии постепенно теряет свое лицо, будучи недостаточно изученным.

Первые катастрофические разрушения крепостей, башен, мавзолеев и жилищ Балкарии нанесены войсками Тамерлана в 1395–1396 годах. Немало памятников пострадало и в новейшее время. Например, в 1920 годы уничтожены около 20 кешене в «городке мертвых» у въезда в село Кенделен, в последние 15 лет – несколько кешене вдоль дороги, ведущей от села Чегем-2 до села Лячинкая. В период депортации балкарского народа с 1955-го по 1957 год продолжалось безжалостное уничтожение древних поселений и жилищ. Вернувшись на родину, балкарцы нашли пепелища на месте многих десятков своих поселений.

Не лучшим образом обстоят дела и в наши дни. Сегодня большая часть

этих уникальных памятников, составляющих часть всемирного культурного наследия, продолжает разрушаться под действием природных факторов и руками «чернокопателей», а также бесконтрольно выделения земельных участков и строительства объектов на территории памятников истории и археологии даже федерального значения. Многие памятники культурного наследия не прошли государственную регистрацию и не имеют паспортов. В Едином государственном реестре прав зарегистрированы только 60 объектов, являющихся федеральной собственностью.

Последние работы по реставрации памятников культурного наследия в Кабардино-Балкарии проводились более 20 лет назад. Учитывая, что многие из них представляют большую научную ценность для археологии, а также интерес для любителей истории и туристов, авторы данной книги надеются на то, что в Кабардино-Балкарии будут приняты меры по их реставрации и сохранению, как это уже делается в Северной Осетии–Алании, Ингушетии, Чечне и Дагестане. Их реставрация и сохранение объединения усилий федеральных, республиканских, районных и сельских муниципальных органов, общественных организаций и фондов, а также усилий и инициативы потомков, бывших владельцев фамильных и родовых сооружений.

Работа по восстановлению каждого из этих памятников имеет свои индивидуальные особенности, но можно выделить три основные группы:

- памятники, более или менее сохранившие первоначальный вид и требующие относительно небольшого ремонта;
- памятники, конструкция и форма, которых документально известна и могут быть восстановлены в первоначальном виде;
- памятники, которые из-за недостатка документальных данных могут быть восстановлены по фундаментам и фрагментам стен по аналогии с сохранившимися памятниками этой эпохи. Однако при этом крайне важно не перейти грань, отпугивающую чуждой формой и современностью.

Большинство обследованных памятников культурного наследия находятся в таком состоянии, которое не позволит вернуть им первоначальный архитектурный вид. В этих случаях есть возможность показать их в виде руин, проведя работы по их укреплению и частичной реставрации с минимальным оформлением для предохранения от дальнейшего разрушения под действием природных процессов (атмосферных осадков, ветра), обвалов и землетрясений.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

1.1. БАЛКАРИЯ И БАЛКАРЦЫ

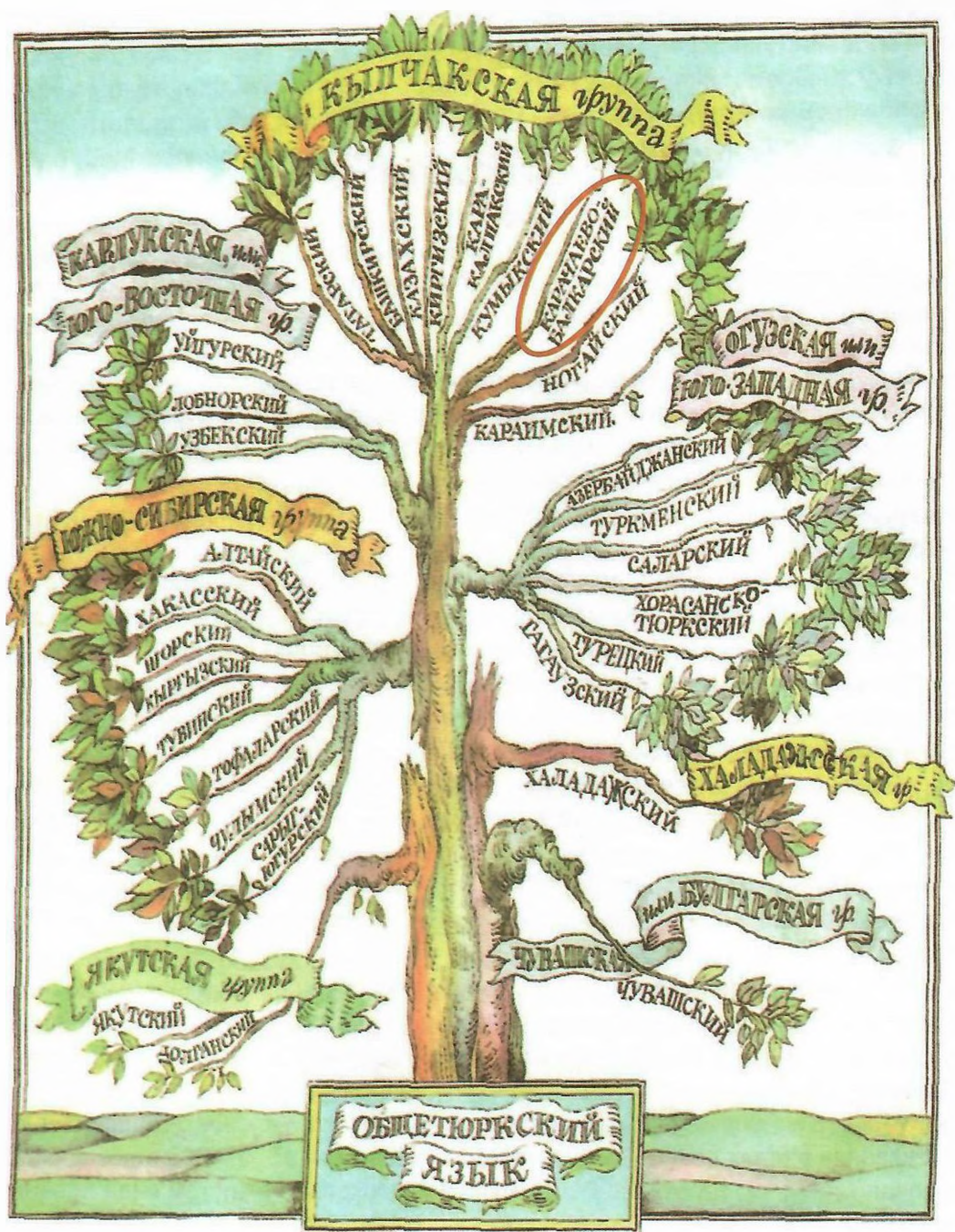
Хочу увидеть заново края моей мечты...
Зовут меня в Балкарию, где горы и орлы.

Инна Кашежева

Балкария – горная страна, расположенная в центральной части Северного Кавказа в западной и южной части Кабардино-Балкарской Республики. Основное население – балкарцы, именующие себя «*аланла*» (аланы), «*таулула*» (горцы). Соседние осетины их называют – «*асами*» или «*асиаг*», кабардинцы – «*къушхъэ*» (горцы), сваны – «*сауарами*» (горцы), грузины – «*басианами*», а Балкарию «*Басианией*».

По данным Википедии «историческая территория Балкарии составляет 6,6 тысяч км². Балкария занимает ущелья и предгорья Центрального Кавказа по долинам рек Малка, Баксан, Чегем, Черек, Хазнидон и их притоков, относящихся к бассейну реки Терек. На территории Балкарии расположены: высочайшая гора Европы – Эльбрус (Минги-Тау – тысяча гор), а также известные пятитысячники – высочайшие вершины Кавказа – Дыхтау, Коштантау, Джангитау и др. Здесь же находятся крупнейшие ледники и фирновые поля Кавказа: Азау, Терскол, Иткол, Чегет и др., а также знаменитая Безенгийская стена (12-километровый горный массив, наиболее высокий участок Главного Кавказского хребта). Территория Балкарии богата горными массивами, лесами, плодородными долинами, альпийскими лугами и месторождениями полезных ископаемых».

Балкарцы – коренные жители Балкарии, имеющие по историческим данным и анализам ДНК, скифо-булгарско-аланское происхождение. Это один из самых высокогорных народов Европы – относятся к кавкасионскому антропологическому типу большой европеоидной расы и говорят на карачаево-балкарском языке, относящемся к кипчакской группе тюркской семьи языков. Изолированное проживание в горах после Тамерлановского нашествия 1395–1396 годов способствовало тому, что карачаево-балкарский язык сохранил в чистом виде древний тюркский лингвистический пласт, который хорошо понимают все тюркоязычные народы, даже те, у которых произошла ощутимая лексико-семантическая трансформация. Следует отметить почти полное совпадение базовой лексики карачаево-балкарского языка с языком как европейских тюрков – ногайцев,

Балкарский язык в древе тюркских языков
 (рисунок заимствован из книги «Энциклопедический словарь юного филолога».
 М.: Педагогика, 1984)

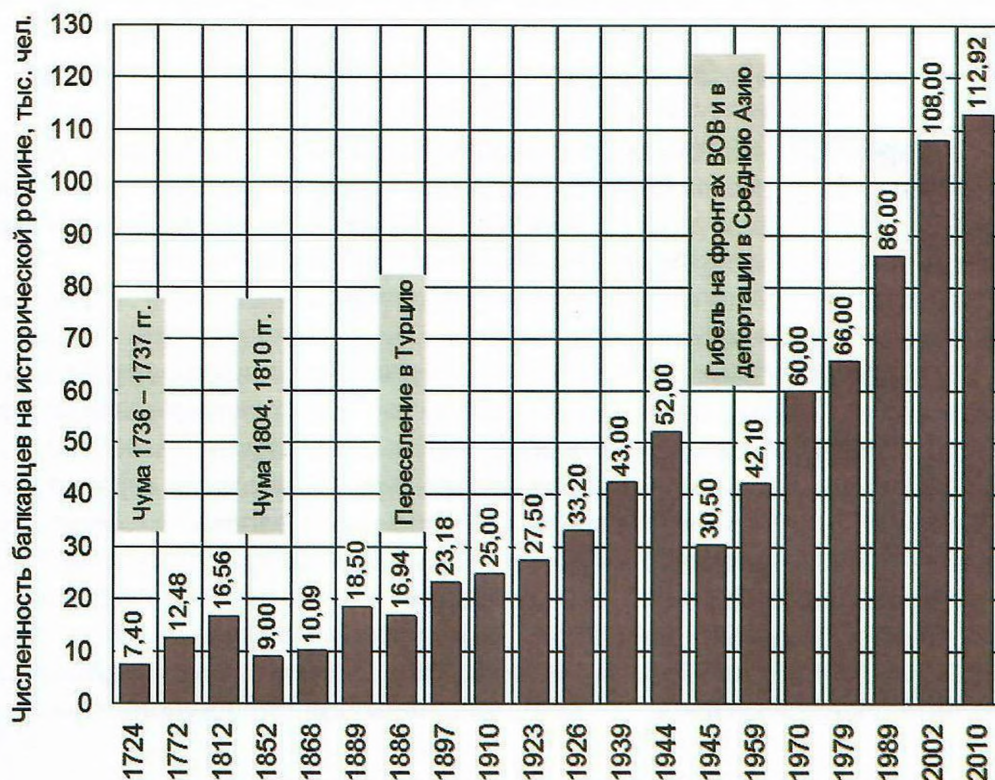
1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

гагаузов, караимов, кумыков, крымских татар, так и пространственно отдаленных киргизов, казахов и уйгуров, проживающих также в некоторой изоляции в горах Тянь-Шаня и Памира в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

Численность балкарцев составляет около 150 тысяч, в том числе, по переписи 2010 года в Российской Федерации проживало 112,9 тысяч человек, из них в Кабардино-Балкарии – 108,6 тысяч, что составляет 12,7% населения республики. Часть балкарцев (6–7 тысяч человек) проживает в Казахстане и Киргизии, куда они попали в результате насильственной сталинской депортации.

В конце XIX века, а также в 1736–1737 годах балкарцы, как и соседние народы, пережили эпидемию чумы с большими человеческими потерями. Из-за большой плотности населения и особенностей уклада жизни (моногенные поселения, многопоколенные семьи, родственные связи) болезнь стремительно распространилась и уничтожила 2/3 восстановленного после монгольского нашествия населения. Вновь чума сократила численность балкарцев через 100 лет в начале XIX века.

После добровольного вхождения Балкарии в состав Российской империи

Динамика численности балкарцев на исторической родине с 1724-го по 2010 год
(по данным истории и переписи населения в СССР и Российской Федерации)

в XIX веке часть балкарцев покинула Северный Кавказ. Они преимущественно мигрировали в Турцию и проживают в Стамбуле, Анкаре, Эскишехире, Конии, Измире и в более 20 мононациональных населенных пунктах. Из Турции некоторые потомки этих балкарцев – мухаджиров мигрировали в Сирию, Египет, страны Европы и США. Общая численность балкарцев в этих странах составляет около 20–30 тысяч. Серьезные потери своей численности балкарцы понесли в 1941–1945 годах, когда более 1/3 их погибло на фронтах Великой Отечественной войны и при насильственной депортации в Среднюю Азию.

1.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Не знать истории – значит всегда быть ребенком... История – свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни, вестник старины.

Марк Туллий Цицерон

1.2.1. Этап формирования предков

Балкарцы по происхождению, общности языка, культуры, религии и смежности территории расселения являются одним народом с карачаевцами, живущими в соседних горах, разделенным волею судеб в две соседние республики (Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию).

Удивительно богата история этого народа – потомков своих могущественных предков – скифов, булгар и алан.

О процессе формирования балкарского народа говорят антропологи, утверждающие, что балкарцы – это «классические представители кавкасионского типа», который сохранился здесь и в средневековых памятниках XIV–XVII веков. О кавказских корнях традиционной культуры балкарцев и карачаевцев, как правило, судят по так называемой кобанской археологической культуре конца II – начала I тысячелетия до новой эры. Эта культура сыграла определенную роль в формировании ранних предков балкарцев и карачаевцев, что прослеживается археологами в строительной технике, внутренней планировке жилищ, устройстве перекрытий, использовании строительного материала, элементах одежды, украшений, предметах прикладного искусства, бытовой утвари.

Однако когда речь идет об автохтонности историко-культурного наследия балкарского народа, необходимо начинать с более древней, чем кобанская культура, эпохи, а именно с энеолита (IV тысячелетие до новой эры), когда в

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

археологических памятниках четко проявляются смешения кавказских и степных кочевнических традиций, с появлением на Северном Кавказе курганной (ямной) археологической культуры.

Предки балкарцев и карачаевцев являются одними из древних жителей Кавказа. Об этом свидетельствует топонимика Центрального Кавказа: названия местностей и населенных пунктов на равнине, в предгорьях и горах, названия рек и их притоков, хребтов, больших и малых гор, ущелий, плоскогорий и пастбищных угодий, озер, водопадов, родников и природных достопримечательностей.

Формирование балкарцев и карачаевцев связано с проникновением на Северный Кавказ степных кочевнических традиций, бытовавших у скифов в евразийских степях. Это проникновение стимулировало активное развитие горско-кавказских раннетюркских взаимоотношений. Захоронения кочевников-ямников, впервые освоивших подвижный характер скотоводческого, преимущественно овцеводческого хозяйства, характеризовались курганными насыпями над могилами своих усопших.

Под курганом устраивали большую прямоугольную яму, а в ней строили срубный «дом для мертвых». Курганы являются этнокультурным «паспортом степей», которые возводились, чтобы при далеких кочевках с пастбища на пастбище не потерялись могилы усопших. Сверху погребальная яма покрывалась деревянными плахами и накатом из хвороста, камыша. Дно ямы устилалось войлочным ковром – *кийизом*, рядом с умершим клали жертвенное мясо овец, преимущественно части туши с головой и астрагалами – альчиками, лопаткой.

Прародиной тюркских племен и их культуры являются степи Волго-Уральского междуречья, где на рубеже IV–III тысячелетий до новой эры зародилась курганная (ямная) археологическая культура. В ней заложены все основные этнокультурные традиции тюркских народов, которые сохранились до XVI–XVII веков.

Историко-культурные черты балкарцев и карачаевцев неразрывно связаны с историей и культурой тюркских народов. В древности тюркские племена и народы были известны под различными названиями: скифы, сарматы, гунны, болгары (булгары), хазары, уйгуры. Заметную роль на Северном Кавказе и в Европе сыграли средневековые турки Дунайской и Волжской Болгарии.

История балкарского и карачаевского народов тесно связана с историей родственных им по языку и культуре народами Алтая, Якутии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Татарстана, Башкирии, Азербайджана, Турции, язык которых по лексике и словарному фонду совпадает более чем на 80 %.

Из Волго-Уральского очага зарождения древняя курганная (ямная) культура раннетюркского этноса веерообразно распространилась на огромные

расстояния: на север в среду угро-финнов, на запад в древнеславянский мир, на юг и юго-запад в среду древних земледельцев Средней Азии, Ирана и Афганистана, на восток в мир саяно-алтайских племен. В своем движении на юго-запад древнейшие кочевники-овцеводы, носители курганного обряда погребения, вступали в тесные связи с древними кавказскими племенами. Четвертое тысячелетие до новой эры можно считать началом проникновения на Кавказ степных древнетюркских племен – участников процесса происхождения балкарцев и карачаевцев, периодом зарождения контактов между горскими и степными племенами.

Этот контакт наглядно просматривается в археологических памятниках Северного Кавказа, в числе которых на первом месте стоит Нальчикский могильник, где 10 % захороненных были представителями ямной культуры, а также курганы у станиц Кубанской, Тбилисской, Казанской, Усть-Лабинской, Мекенской, у хутора Зубовского в Краснодарском крае и Чечне, у селений Ак-Баш, Кишпек, Шалушка, Былым в Кабардино-Балкарии и др.

Таким образом, кавказско-степной, или горско-тюркский, пласт в истории балкарского народа охватывает не менее 5000 лет. Попав в кавказскую среду в IV тысячелетии до новой эры, степняки-овцеводы испытывали влияние местных племен и их культуры, приспособлялись к новому ландшафту и этнокультурному региону, а многое привнесли сюда сами и внедрились в кавказскую культуру.

Проникнув на Кавказ, древние пратюркские племена, носители курганной культуры, впоследствии стали участниками создания так называемой «майкопской» культуры. На ранних этапах своего развития майкопская культура, как свидетельствуют археологи, оставалась чисто степной во всем своем этнокультурном многообразии. И лишь к середине III тысячелетия до новой эры в майкопских памятниках наблюдается активное взаимодействие кавказских и степных черт. Этот факт отражается и на хозяйственном облике: если на ранних этапах овцеводство у майкопцев занимало 18 %, то в эпоху развитой майкопской культуры оно занимало уже 50 % в скотоводстве горско-степных племен.

На этом этапе в погребальном обряде наблюдается использование камня для покрытия дна погребальной ямы, каменных выкладок различного типа над могильной ямой. Нередко под курганами теперь обнаруживаются такие чисто кавказские черты, как каменные ящики, склепы и даже огромные дольмены. Но факт, что эти памятники заходят под курганную насыпь, говорит о силе воздействия степных традиций.

Курганная культура со своими специфическими чертами проникала в Закавказье (в Азербайджан, Грузию, Армению), Малую и Переднюю Азию (в Турцию, Сирию) до северных окраин Шумерского государства. Проникнув

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

в эти районы, носители курганного обряда – кочевники с Северного Кавказа вступают впервые в контакты с ранними земледельцами Передней Азии. Смешение здесь культурных традиций дало толчок развитию цивилизации Месопотамии и шумеров.

В археологических памятниках Балкарии и Карачая обнаруживается уникальное сходство с шумерами в предметах быта, оружия, украшениях. Можно предположить, что культурные контакты были регулярными между шумерскими городами Ур, Киши, Лагаш и именно майкопскими курганами Северного Кавказа, так как подобных предметов нет в курганах Закавказья.

Сравнение показывает сходство шумерского и карачаево-балкарского языков, в которых обнаруживается около 400 прямых лексических сходжений, охватывающих такие важные элементы языка, как местоимения, числительные, термины кровного родства и целые фразы. Многие видные ученые прошлого и настоящего времени (Г. Винклер, Ф. Гоммель, Н. Трубецкой, Б. Грозный, Б. Юсифов, А. Мамедов, О. Сулейменов и др.) писали и доказывали, что шумерский язык очень близок к языку тюркских народов. Сходство шумеро-тюркских языков подтверждается и генеалогическими преданиями самих шумеров о том, что они пришли в Переднюю Азию с севера, северо-востока, из-за гор, т. е. по пути проникновения сюда курганов.

Рассмотренный период является *первым этапом* в формировании древнейших предков балкарцев и карачаевцев. В этом этапе самое активное участие приняли и древние шумеры.

Древнейшие предки балкарцев и карачаевцев, носители курганного обряда погребения, одними из первых стали внедрять подвижное скотоводство, в котором на первом месте находилось овцеводство. В поисках новых пастбищ они перегоняли свои стада на зимовки и летовки и в их хозяйственный уклад вошли понятия отгонного скотоводства: «*жайлык*» – летние пастбища и «*къышлык*» – зимовье.

Для передвижения *они изобрели повозки*, в которых перевозили людей и весь их домашний скарб. Они изобрели курганную насыпь, а слово «*курган*» (сгребать) вошло в языки многих народов. В погребальных ямах курганники сооружали срубы, умерших хоронили в деревянных повозках и саркофагах.

Поскольку это были преимущественно овцеводы, они, очевидно, одними из первых стали обрабатывать шерсть, раскатывать войлочные ковры, покрывала для своих повозок, изобрели веретено для вытяжки нити (курганы Ново-Титарево, Бедени, Уч-Тепе и др.). В огромные повозки они умели впрягать быков и использовать их силу. Бесценным достижением было *одомашнивание лошади в III тысячелетии до новой эры*. Вместе с курганами лошадь попала и в Малую Азию.

Доказательством позднего знакомства индоевропейцев с лошадью является

отсутствие в их языке единого корня у слов для обозначения лошади, как это наблюдается у тюркских народов. Слово «лошадь» происходит от тюркского слова «*алаша*» с прибавлением суффикса множественности «т». Как пишет осетинский языковед М. Исаев, и у ираноязычных кавказцев индоевропейского корня нет слов для обозначения лошади, кобылы, жеребца и жеребенка.

1.2.2. Скифы-киммерийцы – огни из предков балкарцев

Генетическими потомками древних ямников-курганников были скифы и их предки киммерийцы. Типичные предметы быта, труда и оружия киммерийцев, обнаруженные в Карачае у Карт-Джурта, Теберды, Учкулана, Сары-Тюза и Индыша, подчеркивают важную роль скифо-киммерийцев в процессе формирования предков балкарцев и карачаевцев. Археологические находки подкрепляются данными языка. В тюркских языках слово «кам-ер» (киммер) означает «речной человек», наподобие этнонима «сув-ар» (суу-ер, шум-ер) (чередование звуков «ш» и «с», «а» и «е» и др. – характерная черта тюркских языков).

Упомянутые ниже слова скифо-киммерийцев, отмеченные древнегреческими и античными авторами (Гомер, Гесиод, Геродот, Гиппократ, Страбон, Плиний, Птолемей и др.), до сих пор остаются спецификой исключительно тюркских племен, и ни одному из индоевропейских, кавказских, семитских народов не присущи. Весь комплекс этнических элементов культуры средневековых тюрков восходит к культуре скифов. Об этом свидетельствуют следующие факты:

- скифо-тюркские языковые, этнографические и иные сходжения;
- кочевой быт, разведение в основном мелкого скота и лошадей;
- употребление в пищу конины, кумыса, айрана и т. п.;
- погребальный обряд: курганная насыпь, сопровождение умершего жертвенными лошадьми, погребальные повозки, деревянные срубы и др.

Древние и средневековые авторы сообщают о скифах очень многое: об их территории, обычаях, нравах, верованиях. Но они ничего не говорят о тождестве их языка с иранским. В то же время между скифским и карачаево-балкарским языком немало параллелей. Даже имена скифских царей – потомков Таргытая и правящей верхушки звучат одинаково. Например, «*Сколоты*» – это огреченное наименование «*Ысхылты*», что означает на балкарском языке – социальная верхушка, высший класс общества. В этом термине, как и в словах «*Ыстамбул*», «*Ышканы*», «*Ысхауат*», в иноязычной среде выпадает первый звук «Ы».

Традиционные черты тюркской культуры по данным археологии (этнографии) восходят к скифским племенам, а через них к историко-культурному наследию древних ямников-курганников. Многие скифо-тюркские (карачаево-балкарские) этнографические параллели отсутствуют среди этнокультурных

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

элементов индоевропейских и иранских племен и народов. Перечислим хотя бы некоторые из них:

➤ Скифский мудрец Анахарсис писал, что повседневной пищей скифов было кислое молоко и сыр. Этот факт сохранился в быту балкарцев и карачаевцев и зафиксирован в выражении «*айран бла бишлакъ*», т. е. «айран и сыр».

➤ Скифы гадали и предсказывали будущее с помощью ивовых прутьев. Такое же гадание в быту балкарцев, карачаевцев, алтайцев, казахов, киргизов описали многие ученые прошлого и современности.

➤ По словам Геродота, когда у скифов не оказывалось под руками котла и дров, они разделявали тушу животного, отделяли мясо от костей, мясо собирали в желудок жертвы и варили его на костях. Таким способом варки отлично владеют балкарцы, карачаевцы, монголы и казахи.

➤ У скифов бытовала легенда, что с неба на их землю упали золотые вещи: «ярем с плугом», «боевой топорик – секира» и «чаша изобилия». В память об этой чаше каждый скиф носил у себя на поясе чашу. Такие чаши изображены на множестве тюркских каменных изваяний. Имели свои именные чаши Чингисхан и Аттила. Подобной чаше, по словам Низами, поклонялись многие тюркские народы.

➤ Сюжет о сражении скифского царя Атея с Кобо отражен в нартских сказаниях балкарцев и карачаевцев в сюжете сражения Ацея и Куба.

➤ У индоиранских племен не наблюдается в их астрономических знаниях бытование прообразов, упавших с неба скифских святынь. У балкарцев все они отражены в названиях созвездий: «*Чёмючле*» (чаши); «*Мырытла*» (лемех, плуг); «*Гидала*» (секира, топорик).

➤ Скифский царь Ариант, желая узнать количество своих воинов, приказал каждому принести по одной стреле. Их оказалось так много, что из этих стрел они отлили огромный котел. Этот факт отражен в балкарском предании о легендарном котле «*Тайпокъ къазан*», название которого происходит от тюркских слов «*тайп*» (племя), и «*окъ*» (стрела), «*къазан*» (котел), что в целом означает «котел из стрел племени».

Все изложенное говорит о тюркском языке и культуре скифов. С ними связан **второй этап** процесса происхождения балкарцев и карачаевцев.

1.2.3. Гунно-булгарский компонент предков балкарцев

Генетическими наследниками скифов были гунны, продолжившие почти все элементы их традиционной культуры: жили в войлочных шатрах – повозках, вели подвижный скотоводческий образ жизни, разводили коней, ели конину, пили кумыс, хоронили своих умерших в курганах, в деревянных колодах и срубках, поклонялись верховному божеству Тенгри («*Тейри*»), обожествляли легендарный меч, будто бы упавший с неба.

Со скифами прямо или косвенно отождествляли гуннов многие античные авторы. Приск в V веке в своем специальном трактате повсюду отождествляет эти племена. По его словам, римские дипломатические круги ставили знак равенства между гуннами и скифами.

Археологические памятники гуннов обнаружены во многих пунктах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии: в урочище Гиляч, Байтал-Чапхан, у селения Кишпек, которые являются прямыми аналогами гуннских памятников Дагестана, Крыма и других регионов.

С гуннами V века грузинские источники отождествляли овсов (асов), живших в Северном Дагестане. Среди них особый интерес привлекают гунны-мисака, имя которых отражено в балкарском патронимическом названии и генеалогическом предании о происхождении балкарцев.

О присутствии на Центральном Кавказе, в Дарьяльском ущелье гуннов под предводительством Амбазука («Эмбазык» – самый толстый, самый мощный) пишет автор VI века Прокопий Кесарийский. Амбазук умер между 507–508 годами, и персидский царь Кавад овладел этим ущельем и начал расселять здесь своих людей иранского происхождения (по-видимому, предков осетин-иронцев). Вместе с патронимическим названием «Мисаковы» (Мисака-улу), происходящим от имени мисаха-гуннов, их имена сохранились и в ряде топонимов Балкарии.

С IV по X век на Северном Кавказе господствовали объединения и царства тюркских народов – Гуннское в Приморском Дагестане, от которого отгородились Дербентскими стенами Персия и шахский Иран, а в Прикубанье – государство болгар.

1.2.4. Болгарские племена – ранние предки балкарцев

Наиболее авторитетные средневековые авторы – современники гуннов и болгар (Иордан, Прокопий Кесарийский и др.) однозначно отождествляли гуннов и булгар. Например, Кесарийский (VI век) писал, что булгары в древности именовались киммерийцами, и приводит гуннскую легенду о том, что у одного из гуннских царей были два сына Утургу и Кутургу, от которых произошли булгары.

В 576 году булгары освобождаются от ига тюркского каганата и в 582–584 годах объединяются в государство, получившее в письменных источниках название «Великая Булгария» или «Держава Кубрата», которое просуществовало до смерти хана Кубрата (641 г.). Государство Кубрата распалось под давлением хазар. После смерти отца сыновья Кубрата разделили государство по разным областям. Один из сыновей Кубрата – Аспарух ушел на Дунай и, объединив славянские племена, образовал Дунайскую Болгарию. Другой сын – поднялся вверх по Дону, а оттуда на Волгу и заложил основу Волжской Болгарии. Третий сын Батбай (Басиан) остался на родине предков, в Прикубанье.

Вероятно, его орда и явилась ранними предками балкарского и карачаевского народа. Для такого утверждения имеется ряд факторов:

➤ Мнения о болгарском происхождении балкарцев Ходнева, Миллера, Ковалевского, Буткова, Артамонова, Гумилева, Кузнецова и др.

➤ Данные языка и древнеболгарские рунические надписи из Балкарии и Карачая, в которых запечатлен древнейший тюркский диалект («Дз», «Дж», «З»), присущий карачаево-балкарскому народу.

➤ Топонимы на Дунае, где впервые поселился Аспарух: Камчай, Мара, Курнаят, Бешик, Килиса и прямые их аналогии в топонимах Балкарии и Карачая.

➤ Этнонимы родовых подразделений болгар – Кутургу, Балымар, Чал, Укуль и другие сохранены в названиях старинных балкарских и карачаевских селений: Гюдюрю, Былым, Учкулан, Чалмас.

➤ Много одинаковых названий элементов одежды, украшений, строительной техники, орудий труда: «джаулукъ» (платок), «джуургъан» (одеяло), «сабан» (плуг, лемех) и т. д.

➤ В «Армянской географии» VII или V века на Кубани и южнее значатся несколько болгарских племен, получивших название от рек: Купи-болгар, Дучи-болгар, Чдар-болгар, Огхондор-болгар. «Чдар-болгар» – это несколько видоизмененное название «Стур-болгар», что равнозначно дигорскому названию «Стур-Дигора» (Большая Дигора), «Стур-Асия» (Большая Асия), «Стур-Аг» (Большой Карачай). Отсюда получается, что в «Армянской географии» «Стур-болгар» написан через «Ч» (диалект) и обозначал понятие «Большая Балкария», как сейчас именуют балкарцы Верхнюю Балкарию (Уллу Малкар).

1.2.5. Вклад гунно-болгарских племен в материальную культуру

При царе Юстине (518–527 гг.) Византия разгромила крупнейший торговый город-государство Боспор, что вызвало большое недовольство гунно-болгар, которые сбывали там кожу, шкуры, сало, меха и другие продукты животноводства, выменивая на них ткани, предметы роскоши, вина и другие товары. Поэтому гунно-болгары стали объединять под свою власть все разрозненные тюркские племена Приазовья, Северного Кавказа, что воспринималось в Византии как нависающая над ней угроза. Византия всячески старалась привлечь на свою сторону влиятельных людей из болгарской среды. Так, широко популярный болгарский князь Орган был при дворе византийского царя Ираклия регентом при своем малолетнем племяннике Кубрате, который рос, воспитывался и был крещен при Ираклии.

Вернувшись из Византии на родину, Кубрат создал Великую Болгарию – праматерь будущих болгарских государств на Дунае, Волге и Северном Кав-

А	А	Б	В	В	Г	Г	Д	Д	Д	Е	Е	Е	ЙЕ	Ж
З	ДЗ	И	И	КХ	К	К	К	Л	Л	Л	М	М	М	Н
Н	Н	О	О	О	О	П	Р	Р	С	С	С	С	Т	Т
У	У	Ф	Х	Х	Х	ТХ	Ц	Ц	Ч	Ш	Ш	Ш	Ъ	Ъ
АС	ЙО	НУ	АН	АН	АН,	АН	ЪА	УЪ	УЪ	УЪ	УА	СИ	ШИ	АН
Х	З	Д	Т	М	Р	Э	Е	8	9	9	9	Х	О	Б
Д	Р	Д	Ж	Х	М	Ф	Г	В	Т	☆	§	Х	Т	И
Э	Е	Ф	Х	Р	З	Э	Д	Р	α	Ф	Ф	Δ	□	1
У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У

Булгарские рунические письма (132 знака)

казе. Крупнейшим городом-крепостью болгар была Хумара, расположенная на территории Карачая. Здесь имелось более 15 оборонительных башен, город был обнесен каменной стеной толщиной около 5 м. Строители обладали высоким уровнем обработки камня, строительная техника совпадает с мастерством строителей столицы Аспаруха на Дунае близ города Абоба – Плиски. Тщательная обработка больших каменных блоков, укладка кирпичей группами в вертикальном и горизонтальном сочетании, а также предметы быта наблюдаются и на городище Джулат близ города Майского в КБР.

Древние гунно-болгары еще в I веке разработали свое уникальное **руническое письмо**, в котором лингвисты обнаруживают большое закономерное и лексическое сходжение с карачаево-балкарским языком.

Болгары вели обширные торгово-экономические связи с Китаем, Ираном, Индией, Хорезмом, Византией. Ткани, предметы роскоши, вывозимые оттуда, часто обнаруживают археологи в наскальных и гротовых захоронениях кавказских болгар. По сведениям Захария Ритора (VI век), у них уже существовал перевод Евангелия.

Выдающимся вкладом болгар в культуру многих народов Европы (укра-

инцев, татар, русских, турков, а также балкарцев и карачаевцев) – является средневековый историко-эпический труд «Шан кызы», на основе которого в 882 году болгарский поэт Аламуш Джафар создал поэтический труд «Сказание о дочери Шана» («Шан кызы дастан»).

Кроме освещения истории своего народа, распада державы Кубрата и прочих подробностей, этот эпос, по-видимому, оказал влияние на создание всемирно известного труда Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Это влияние проявляется в ряде сюжетных мотивов и даже в именах главных героев. Так, например, в «Шан кызы дастан» – Хасан, Фатима, Аудан-Дуло, Таврил, а в «Витязе...» – Хасан, Фатима, Автандил, Тариэл. По мнениям Ю. Олейник и Ф. Нуритдинова, столь же явное влияние на сюжет, отдельные мотивы и имена героев «Шан кызы дастан» оказал на «Слово о полку Игореве», которое написано, по мнению Олжаса Сулейманова, двуязычным автором, владевшим тюркским и древнеславянскими языками.

1.2.6. Алано-асы – прегку балкарцев

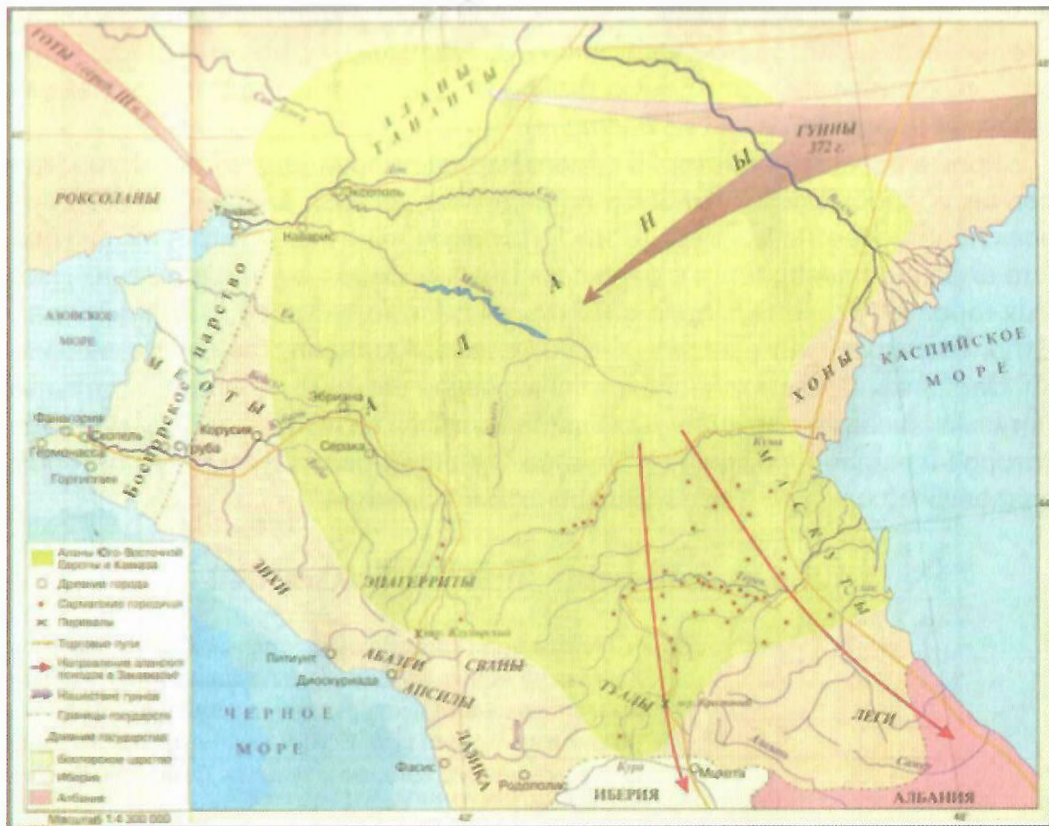
Аланы были населением центральной части Северного Кавказа не менее 1300 лет. Они прошли богатый событиями, сложный и тернистый исторический путь, создали и развили яркую культуру. Естественно думать, что вклад их в современную историю и культуру Северного Кавказа значителен.

М.И. Ростовцев

Античные авторы I века Анной Лукан, Дион Кассий, Иосиф Флавий, Иосиф Флакк, Дионисий Страбон, Плиний и другие называют алан «народом кавказским» и размещают их у берегов Азовского моря, в Подунавье, Приднепровье и Донских степях. О массовом расселении алан на Северном Кавказе пишет Аммиан Марцеллин, описывавший события 353–378 годов. Согласно римским источникам, аланы жили по обе стороны Дона, то есть в Азии и Европе, поскольку, по мнению географа Клавдия Птолемея, граница проходила по этой реке. Тех, что населяли западный берег Дона, Птолемей называл скифскими аланами, а их территорию «Европейской Сарматией». Тех, что жил на Востоке, Птолемей называл скифами, а Светоний – аланами.

Термин «алан» на карачаево-балкарском и других тюркских языках означает понятие «житель долины, равнины», а термин «ас» – «перевалить гору», «терять дорогу», «блуждать» (кочевать).

В русских летописях алан называли «ясы», в армянских – «алан», «народ аланов ас-дигор», в китайских хрониках – «алань», в грузинских источниках аланы упоминаются как «овсы».

Аланы в I – IV веках до нашествия гуннов

На Северном Кавказе аланы стали переходить к оседлости. Тут возникли первые аланские поселения, и именно здесь мы находим катакомбы (подземные камеры с узким входом) как типично аланское погребальное сооружение.

В общественном строе аланского союза сохранились черты военной демократии. Социальная структура была достаточно однородной. Основу общества составляли рядовые свободные воины. Вожди же избирались по признаку военных заслуг.

В эпоху Великого переселения народов, аланы подверглись нашествию гуннов. Гунны изобрели самобытный большой лук с костяной накладкой для натягивания тетивы, который вошел в систему вооружения эпохи средневековья. В рукопашном бою гунны впервые стали использовать аркан и набрасывать на врага петлю.

В третьей четверти IV века гунны одолели алан Волго-Донского междуречья и степного Предкавказья, обессилив их, по словам Иордана, «частыми стычками». Последним этапом этой борьбы явилось подчинение алан-танаитов и включение их в состав гуннских орд.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

Однако не все аланы стали политическим придатком гуннов, немало их отступило в горы Центрального Кавказа, а большая часть ушла в Европу, где аланы стали первым и последним «негерманским» народом, которым основали значительные поселения в Западной Европе.

В дальнейшем аланы, ушедшие в Европу, долгое время соседствовали с Римской империей с периодическими «визитами». Многие римские полководцы в своих воспоминаниях описывали их как непобедимых воинов. В 337 году Константин Великий принял аланов в состав Римской империи на правах федератов и поселил их в Паннонии (Центральная Европа), превратив в защитников границ империи. Например, аланы сражались в составе римской армии Ауэция против империи Аттилы, в составе войск которого тоже были аланы-танаиты.

Но спустя почти сотню лет, недовольные условиями жизни в Паннонии, аланы вступили в союз с германскими племенами вандалами и, выступая вместе, к 422–425 годам они подошли к Восточной Испании, завладели находящимися там кораблями, и под предводительством вождя Гейзериха высадились в Северной Африке. За несколько лет они покорили огромные африканские территории, принадлежавшие Риму во главе с Карфагеном, где образовали королевство вандалов и алан, просуществовавшее до 534 г. К ним в руки перешел мощный флот, с помощью которого они неоднократно наведывались на побережья Сицилии и Южной Италии.

В 442 году, Рим был вынужден признать полную независимость королевства аланов и вандалов. Но через тринадцать лет они напали на Рим, в течение двух недель разграбили Вечный город и заставили последнего из римских императоров отречься от престола.

Аланы оказали значительное влияние на развитие военного дела в Европе. С их наследием историки связывают целый комплекс как военно-технических, так и духовно-этических достижений, которые легли в основу средневекового рыцарства. Европа перенимала у алан воинское и конное снаряжение, оружие. Особенно ценились аланские собаки и кони.

Аланская порода собак, отличалась массивностью, верностью, надежной защитой детей и стада от хищников. Аланские кони не отличались красотой и ростом, но были очень выносливы и удостоивались особого внимания и заботы.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

Аланы в Великом переселении народов (конец IV – начало VI века)

Однако следует отметить и взаимный обмен, в результате которого аланы романизировались, а европейцы – «аланизировались».

В дальнейшем аланы остались на территории современной Германии, Франции, Испании, Португалии, Швейцарии и смешались с народами Европы. В настоящее время между Испанией и Францией находится княжество *Andorra*, а в Испании есть провинция *Catalonia* (что на балкарском языке означает Вторичная Алания) со столицей Барселона (барс – тотемное животное алан), в которых каталонский язык и танцы имеют много общего с карачаево-балкарскими. Каталонцы сохранили даже обычай разделывать внутренности животных и делать из них «сохта» и «жёрме», но в отличие от балкарцев они их не варят, а жарят на решетке на углях. В Испании, Франции и Андорре много топонимов и даже фамилии недавних президентов Франции Ширак (чирак – свеча, лампа) и Саркози (сары – желтый, коз или кёз – глаз) – звучат на понятном балкарцам языке. Многие европейцы и фирмы носят имя «Алан».

Подвластные гуннам аланы после распада державы Атиллы переселились в Нижнюю Мезию на современную территории Болгарии, Сербии и Румынии, где вскоре были поглощены местным населением.

Иначе сложилась судьба алан, оставшихся на Северном Кавказе. Основной

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

территорией их расселения являлся Центральный Кавказ от правых притоков Кубани (Зеленчук, Фарс) на западе до реки Аксай на востоке, от Главного Кавказского хребта на юге до верховий Кумы, течения Малки и правобережья Среднего Терека на севере. Соседями аланского объединения были: на западе Прикубанья – адыги, на юге в зоне центрально-кавказских перевалов – горные грузинские племена, на востоке – предки чеченцев и ингушей и племена горного Дагестана.

Прижатые гуннами к горам Кавказа, аланы вступили в контакты с многочисленным аборигенным населением, включив его в свой состав. В условиях этого межэтнического взаимодействия происходило развитие аланской государственности.

Аланское государство на Северном Кавказе стало оформляться в середине первого тысячелетия новой эры. Большинство современных исследователей считает, что на территории Алании к концу V – началу VI века сложились две этнокультурные группы. Западная локализовалась в верховьях Кубани, Пятигорье и современной Балкарии, а восточная – в Северной Осетии (Ирони), Ингушетии, Чечне и Дагестане.

Восточные аланы в своей внешней политике более ориентировались на Персию. В 550–551 годах они вместе с савирами в составе персидских войск вторглись в Колхиду, а в 562 году совершили поход на Восточную Грузию, заставив ее подчиниться Персии. Находки сасанидских монет на территории Восточной Алании говорят об ее тесных связях с Персией.

Западные аланы традиционно придерживались дружественных отношений с Византийской империей. С 558-го по 572 год византийские историки упоминают «вождя», «царя» западных алан Сарозия – друга и союзника ромеев. В VI веке на территорию Алании из Византии начинает проникать христианство.

С VII по X век значительная часть средневековой Алании, простирающейся от Дагестана до Прикубанья, входила в состав Хазарского каганата. До разгрома болгарской «Державы Кубрата» в VII веке и распада Хазарского каганата в 965 году аланы не играли особой роли ни в северокавказской, ни в международной политике.

Однако после распада Хазарского каганата их имя все чаще начинает фигурировать в письменных документах Ближнего Востока, Византии и европейских государств. Объединив под своим главенством разбитые племена Булгарии и Хазарии, аланы образовали мощное раннесредневековое государство «Алания», которое играет на протяжении X–XIII веков самую активную роль. Византия, Персия и государства Закавказья и Ближнего Востока пытаются использовать Аланию как буферное государство в своих войнах с различными кочевниками Северного Кавказа и южнорусских степей. Главный

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

Карта Кавказа 1060 года с границами Алании

город Алании, скорее всего, находился на территории главного и политически доминирующего аланского племени, из среды которого происходил и сам царь Алании – в верховьях Кубани, что соответствует территории Западной Алании.

В X–XII веках Северо-Кавказская Алания переживала период наивысшего военно-политического и культурного подъема. Внутри аланских городищ появляются цитадели, огражденные рвами и валами места обитания племенной и родовой аристократии. На рубеже X–XI веков часть крупных аланских поселений превращается в селения городского типа полуаграрного характера. Среди них можно отметить Нижний Архыз, Рим-гору, Верхний и Нижний Джулат, Алхан-Калу. Некоторые исследователи считают Алхан-Калу столицей алан, которую Масуди называл «Благочестивый Магас», а поселение у Верхнего Джулата (Татартупа) считают «Славным яским градом Дедяковым».

Почти полностью перейдя к оседлости, аланы сделали основой своего хозяйства пахотное земледелие, а отгонное скотоводство с предпочтительным разведением овец и коз являлось лишь отголоском прежнего быта скотово-

дов. Археологические источники существенно дополняют сведения хроник и летописей и свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла (металлургии, гончарного, ювелирного и оружейного дела, обработки камня, кости и дерева) с далеко зашедшей специализацией. На территории Центрального Кавказа существовало множество поселений и укрепленных городищ. О них писал еще Масуди: «Царство алан представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов».

Со второй половины XII века Алания вступает в пору феодальной раздробленности. Католический монах Юлиан, побывавший в Алании перед нашествием монголо-татар, отмечал, что «...теперь сколько селений, столько и вождей, и ни один из них не подчиняется другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села».

В период этой феодальной раздробленности походы Чингисхана в 1223 и последующие годы привели к разорению Алании, уничтожению огромного количества аланских селений (в том числе, аланских столиц Магас и Дедаков, стертых с лица земли вместе с жителями). Алан загнали в горы, где они ожесточенно сражались, погибали в бою, но не признавали власти над собой. По сведениям средневековых авторов (Карпини – 1245 г., Рубрук – 1253 г.) «Аланы выходили из ущелий убивали множество «татар, притом вельмож...». Чтобы противостоять этому, монгольский военачальник Сартах был вынужден держать «при входе в аланские ущелья» каждого десятого своего воина. Эта ожесточенная борьба с оккупантами сохранилась в карачаево-балкарских преданиях.

Аланы потеряли большую часть своей территории, были загнаны в горы и рассеяны на огромных просторах. Свыше 10 тысяч воинов переселились в Византию. Часть алан в 1238 году мигрировали на территорию современной Молдовы и Румынии, где и сейчас живут тюркоязычные гагаузы и ясы (асы).

Присоединение Алании к державе чингизидов – Золотой Орде также сопровождалось переселением части алан в золотоордынские города. В них появились аланские кварталы. Аланские полководцы и воины стали одной из самых боеспособных сил Золотой Орды. В середине XIV века 30 тысяч аланских воинов Ордой были направлены в гвардию союзного Китайского императора тюркского происхождения, но после переворота они оказались между молотом и наковальней – стали изгоями в Китае и не могли вернуться в Золотую Орду, принявшую ислам.

Таким образом, государство Алания просуществовало до монголо-татарского нашествия и установления владычества Золотой Орды.

1.2.7. Борьба Тамерлана с асами у Эльбруса

...единицы укрылись в тущобах Эльбруса.

Русские ведомости

Еще более трагичным для алан и асов оказалось нашествие Тамерлана, которое началось с того, что хан Золотой Орды Тохтамыш – воспитанник и ставленник Тамерлана, получивший неограниченную власть и огромное государство, часто стал тревожить тылы Тамерлана при его походах в Индию и Иран. Решив покончить с этим, весной 1395 года Тамерлан через Дербентский проход (по тому же пути, что и отряды Чингисхана, громившие Северный Кавказ в 1223 году, с 300-тысячной армией) вторгся на Северный Кавказ.

В районе Джулата и Татартупа 15–18 апреля 1395 года состоялось генеральное сражение войск Тамерлана и Тохтамыша, в составе войск которого сражались аланы и асы. В трехдневной битве с обеих сторон участвовали не менее полумиллиона воинов. Как говорил современник «ручьями лилась кровь по степи». Сражение закончилось поражением золотоордынского войска. Тохтамыш отступил к городу Маджар. Отсюда после повторной победы Тамерлана Тохтамыш направился к своей столице Сарай-Берке, располагавшейся на Волге. Здесь Тамерлан окончательно разгромил Тохтамыша и сравнял его столицу с землей. Данное событие до сих пор хранит народная память в проклятии «Тохтамышлай тохтагын!» – «Чтобы ты кончил как Тохтамыш!».

После этого Тамерлан, как писали летописцы его походов – Шарафуддин Иезиди и Низамеддин Шами, вернулся на Северный Кавказ, где «покорил русских и черкесов на Кубани и напал на алан и асов».

Эти же летописцы сообщают: «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всем, подобным небосводу, войском повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Бурикана и Буриберди, которые были правителями народа асов. На этом пути были густые, непроходимые леса. Вырубив деревья, войска проложили дорогу... и Тимур, оставив эмира Хаджи-Сейф-Аддина при обозе, сам взошел на Эльбурз». Разбив здешних жителей, взяв много богатств, Тимур вернулся к обозу, где ему был устроен роскошный пир.

Однако вскоре пришло сообщение, что асы вновь поднялись на борьбу против захватчиков. «Тимур, снова оставив обоз, двинулся к крепостям Кулы и Тауса... У тамошних жителей были крепости, пройти к которым вследствие их высоты было невозможно... у смотревшего на них мутился глаз, валилась шапка с головы, пущенная стрела туда не долетала... Тимур приказал сделать несколько высоких лестниц...», которые помогли туда добраться и разбить асов. Кулы и Тауса были взяты в плен. Однако чингизид Утурку – один из

смелых эмиров Тохтамыша, нашел убежище у предводителя асов Пулада. По дороге к крепостям Пулада войско Тимура остановилось в местности «Балкан» (по-видимому, имеется в виду Баксан, где сохранились столообразные курганы, окруженные рвами). «Чтобы вызвать предлог для сражения, Тимур написал Пуладу письмо: «Пришли Утурку, укрывшегося у тебя, если же нет, то я приду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, поражающих врагов». Но Пулад ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены. Утурку нашел у меня убежище, и, пока у меня душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его» (так высоко чтит горцы своих гостей!). Тимур с невероятными трудностями одолел крепость Пулада (Булата), истребил и ограбил его защитников, а самого Утурку настиг в местности Аяса (Уаза).

Жестокость Тамерлана в отношении героически сражавшихся за свою независимость аланов и асов не знала границ. В течение года его отряды прочесывали ущелья Балкарии и Карачая, истребляя всех взрослых. Предание гласит, что всех захваченных прогоняли под перекладной, установленной на две повозки, и у кого рост оказывался выше, отрубали голову. Детей угнали с собой в Самарканд, оставляя ослабевших в пути – в Каракалпакии и др. Познав героизм и отвагу алан и асов, из мальчиков в Самарканде воспитывали воинов, не помнящих родства. Тем не менее будущий предводитель карачаевского народа Карча с группой товарищей смог уйти на родину, где объединил остатки народа и создал этнокультурное образование Карачай.

В результате Тамерлановского геноцида была истреблена подавляющая часть алан и асов. Русские ведомости сообщали «единицы укрылись в тущобах Эльбруса». Татаро-монгольские нашествия и особенно нашествие Тамерлана изменили этническую карту Центрального Кавказа – на основе единого аланского этноса сложилось несколько новых субэтносов – балкарцы, карачаевцы, дигорцы, которые были окончательно замкнуты в горах Центрального Кавказа.

1.2.8. Асы и аланы – прямые предки балкарцев

Исходя из изложенного, балкарцы и карачаевцы являются прямыми потомками алан и асов, которые в свою очередь были потомками скифо-киммерийцев и болгар. По существу вся эта цепочка народов, попавших в историю под разными названиями, представляют часть единого тюркского мира, с преимущественно развивавшимся со временем образом жизни, занятий, культуры и быта. О таком происхождении балкарцев и карачаевцев говорят следующие бесспорные факты, не обнаруживающие аналогий у других народов:

- именно аланы и асы героически сражались с войсками Тамерлана на Северном Кавказе у «Эльбурза»;

- «аланами» до сих пор мингрелы называют карачаевцев;
- «асами» и «асиаг» называют балкарцев осетины;
- термином «алан» балкарцы и карачаевцы обращаются друг к другу. Этот термин у них означает понятие «сородич, соплеменник»;
- «Аланией» византийские авторы называли верховья Кубани – территорию нынешнего Карачая;
- именно территорию Карачая, а не Осетии, называли «Аланией» на русских стратегических, топографических картах XIII–XIX веков и при строительстве Военно-Грузинской дороги через Владикавказ;
- в известной «Зеленчукской рунической надписи» XII века значатся многие карачаево-балкарские слова: «ата» (отец), «журт» (родина), «бёлюнюп» (отделившись), «алан», «Багатар» (Богатырь) – тюркское имя, «итинир» (стремиться), «от эл», «де» (повествуй);
- «ас-киши», «ас-кизы» – это библейское название скифов;
- «ас-киши», «асы» и «аланы» – тюркские народы, размещавшиеся на Центральном Кавказе и в Крыму в XIV веке;
- «асы» бытовали среди княжеских родов болгар, из которых выбрал себе жену «ясыню» суздальский князь Андрей Боголюбский;
- в Венгрии проживает народ ясы, язык которых совпадает с карачаево-балкарским. Например, профессор Иштван и другие гости из Венгрии совершенно не нуждались в переводчике;
- ДНК анализы свидетельствуют об общности гаплогрупп карачаевцев и балкарцев (R1a+Z2123), скифов и алан (R1a).

Анализ ДНК гаплогруппы Y-хромосом (Р.А. Схаляхо, З.И. Боготов, С.С. Литвинов и др.) показали, что объединяющим все тюркские народы являются близкие между собой гаплогруппы R1a1 и R1b1. У балкарцев и карачаевцев 38 % (из более 400 фамилий) относятся к гаплогруппе R1a1a, к которой относятся скифы, сарматы и аланы, 5–10 % – к группе R1b1, а 35 % – к группе G2a, которая превалирует у сванов (более 80 %) и дигорцев. Часть балкарцев (10 %) относятся к гаплогруппе R1b1b1. По данным Р.А. Схаляхо и его соавторов для балкарцев и карачаевцев «...характерны две мажорные группы R1a1a-M198 и G2a-P15, составляющие в среднем 65 % их генофонда». Впрочем, основатель ДНК-генеалогии – приглашённый профессор биохимии Гарвардской школы медицины А.А. Клесов призывает к более осторожным выводам.

Аланы – предки балкарцев и карачаевцев имели европеоидный вид. По словам автора IV века Аммиана Марцеллина «Почти все аланы высоки ростом и красивы...». У большинства алан волосы русые, глаза синие. Таковыми являются и большинство современных балкарцев и карачаевцев. Но есть также черноволосые и темноглазые лица, что указывает на кипчакскую примесь.

Однако кипчаки не могли сыграть заметной роли в этногенезе балкарского народа, так как:

- кипчаки по антропологическому облику были монголоиды, а подавляющее большинство балкарцев относится к кавказскому типу;
- антропологический облик балкарцев похож на дунайских болгар;
- археологические раскопки многих сотен курганных могильников не обнаружили кипчакских захоронений на территории Кабардино-Балкарии.

1.3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БАЛКАРИИ

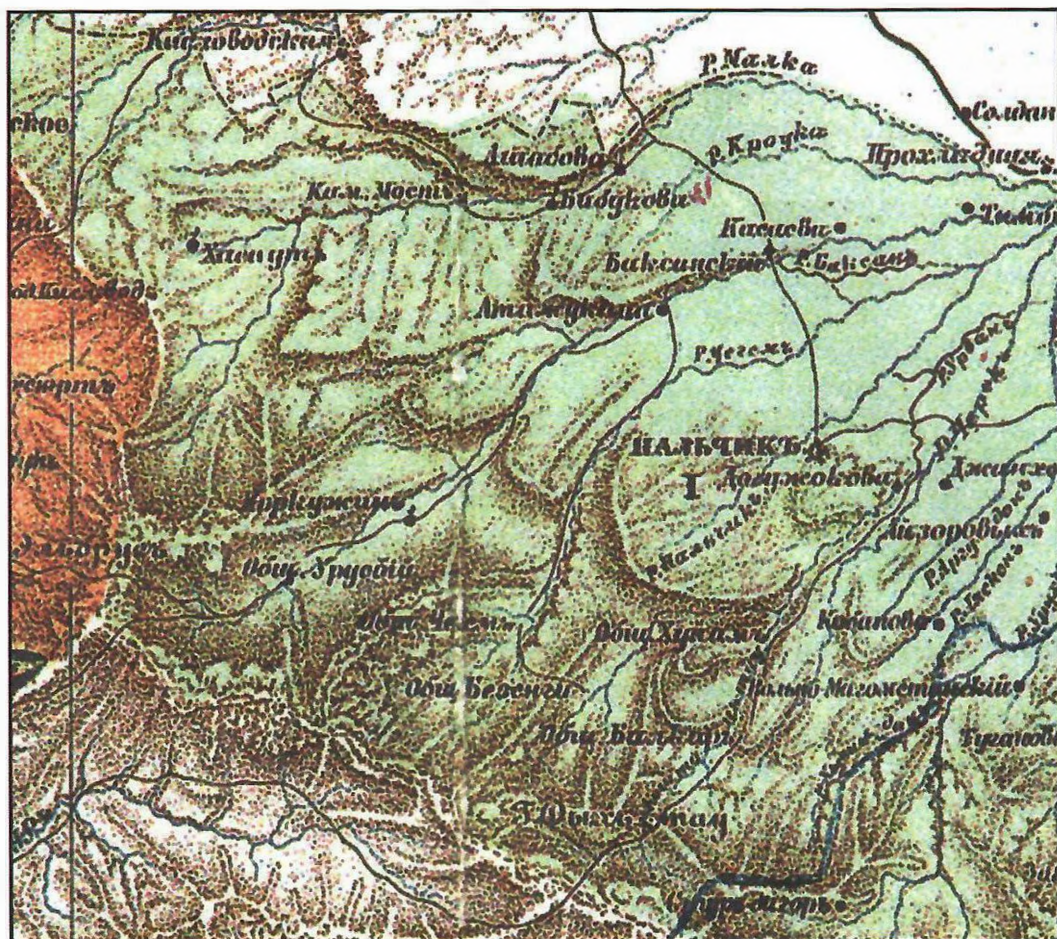
После падения Золотой Орды (золотоордынского ига) и ухода Тамерлана наступает относительная стабилизация обстановки на Северном Кавказе. С конца XIV – начала XV века начинается развитие и постепенное улучшение социально-экономического положения народов Северного Кавказа. На историческую арену начинают выступать самобытные и самостоятельные этнокультурные образования, находящиеся на стадии ранних государственных объединений.

Одним из таких образований стала Балкарии, которая уже во времена Тамерлановского нашествия представляла собой некоторую общность. Об этом говорит тот факт, что золотоордынский эмир Утурку постепенно перемещался под натиском отрядов Тимура из одного «эля» в другой и везде находил поддержку. Города были разрушены монголами и практически не подлежали восстановлению.

К XVII веку Балкария состояла из пяти горских обществ «Беш тау эль»: Балкарское, Холамское, Безенгийское, Чегемское и Урусбиевское, которые занимали ущелья и предгорья Центрального Кавказа по долинам рек Малка, Баксан, Чегем, Черек, Хазнидон и их притоков.

В Балкарии сложились довольно развитая для высокогорных условий формы феодализма многоступенчатая сословная иерархия с глубокой социально-имущественной дифференциацией. Общество разделялось на достаточно четкую иерархию:

- на вершине стояли «*таубии*» (горные князья);
- к привилегированному сословию относились и «*ёздени*» – люди благородного происхождения – дворяне, а также «*чанка*» – дети князя от простолюдина и «*эмчек*» – дети князей, выкормленные простолюдинкой;
- за ними шли «*ясаки*» (данники) и «*кара киши*» – независимые крестьяне-простолюдины;

Пять обществ Балкарии на фрагменте карты
«Земель горского населения, состоящего в военно-народном управлении 1868 г.»

- потом «чагары» – неимущие;
- бесправными были «кулы» (рабы): «казаки» (мужчины) и «карауаши» (женщины).

Высшая феодальная знать Балкарии была представлена сословием «таубиев» (князей). Они именовали себя еще «ак сюек» (белая кость), а также басияты. От легендарного Басията ведут свое происхождение все княжеские фамилии Балкарского ущелья – Абаевы, Айдаболовы, Шахановы, Жанхотовы, Мисаковы, в Хуламском – господствовали таубии – Шакмановы, в Безенгиевском – Суюнчевы, в Чегемском – Балкаруковы, Келеметовы, Баразбиевы и Кучуковы, в Баксанском – Урусбиевы. В XVI–XVII веках княжеские фамилии Балкарии владели великолепными башнями, феодальными замками, усыпальницами-мавзолеями.

Взаимоотношения между разными сословиями жестко регламентировались и, как правило, в интересах высших социальных групп. Если таубии устраивали свадьбы, похороны, то уздени, кара киши и др. вынуждены были нести определенные расходы, преподносить подарки, оказывать услуги и почести. В вопросах кровной мести, воровства и иных конфликтных ситуациях виновные таубии наказывались несравнимо мягче других или вообще не привлекались к ответственности – срабатывало право феодальной неприкосновенности. Браки, как правило, были сословно замкнутыми.

Рост численности населения, его рассредоточенность по ущельям вызвали к жизни представительный орган. Таковым у балкарцев выступал «Тёре» – выборный орган, регулирующий политическую и общественную жизнь средневековой Балкарии.

Шауаев (Абайханов) Даут Жумарукович (1800–1883) – поэт, переводчик и просветитель. Совершил хадж, объехал много стран, знал арабский, турецкий и персидский языки. Его сочинения и переводы сохранились в памяти многочисленных учеников. Многие испытывавший он писал:

*«Была бы моя воля – не появился бы
на этот свет,
Свершилось бы желание –
не покинул этот свет»*

1.3.1. Балкарский орган управления – Тёре

Гражданское управление в Балкарии осуществлялось через органы непосредственной демократии и представительные органы. Наиболее архаичным общественным институтом балкарцев являлся такой орган непосредственной демократии, как народное собрание – «тёре». Оно состояло из полноправных членов общины. Существовал и совет старейшин. На нем присутствовало по одному представителю от каждой семьи, как правило, преклонного возраста.

Название института Тёре происходит от древнетюркского слова «тёре» (закон, обычай). Термин «тёр» на карачаево-балкарском языке означает еще и понятие «почет». Уважаемому человеку обычно предлагают «Тёрге ёт», что означает «пройди на почетное место».

Балкарское Тёре – это самобытный выборный народный форум являлся

судебно-законодательным народным учреждением, правовой принцип которого целиком базировался на обычае (адате).

Выборы в Тёре проходили один раз в семь лет и отличались высокой демократичностью. Каждый аул называл из своей среды пять или семь наиболее достойных людей. Кандидатуры тщательно обсуждались на «ныгыше» (сельская площадь, где сходились взрослые мужчины и проводили досуг) и утверждались решением сельского схода. Избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в общесельский совет или «Гитче Тёре» (Малый Тёре). Подобные советы состояли из девяти человек и действовали в Баксане, Чегеме, Большой Балкарии, Хуламо-Безенгийском ущелье и Карачае. В свою очередь Малый Тёре на демократических началах выдвигал одного тёречи в «Халкъ Тёре» (Общенародный Тёре), который объединял самые известные умы и крупные авторитеты общества, говоря словами В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского, «верховных охранителей спокойствия и порядка».

Помимо этого функционировали общенародный «Уллу Тёре» (Верховный Тёре) и «бий кенгеш» (княжеский совет или «Бий Тёре»).

Малые Тёре были постоянно действующими органами. Общенародный Тёре собирался один раз в 2 – 3 месяца по мере накопления вопросов, общих для всех общин и в условиях тревожной военной и политической обстановки. Верховный Тёре созывался один раз в несколько лет по исключительно важным событиям, которые требовали принятия неотложных решительных мер. На заседаниях Верховный Тёре, как правило, участвовали представители Общенародного и малых Тёре.

Все общества («эли») подчинялись главному общественному органу управления, народной власти и суда – «Верховному Тёре», который руководил всей Балкарией и нес ответственность за судьбу народа.

Во главе Главного Тёре стоял избранный, самый авторитетный из князей – «Олий» (верховный правитель Балкарии). Им утверждались все решения Тёре, которые доводились до сведения народа и были обязательны для всех балкарских обществ. При Олие находились глашатаи, извещавшие всю Балкарию о принятых на Тёре решениях, а также военная дружина, состоявшая из отдельных отрядов воинов (*мыртазаков*), приводящих в исполнение решение Тёре. Воины собирались на «басиат кошах», где обучались джигитовке, стрельбе, ведению боя и защите границ.

Верховный Тёре обладал известной независимостью и был вправе даже ограничить власть Олия. В него нередко обращались для разрешения своих спорных вопросов из Карачая, Осетии и др. Он избирался из пяти или семи лучших и влиятельнейших представителей всех сословий, кроме крепостных крестьян. Члены Тёре (*тёречи*) должны были иметь высокий ав-

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

торитет среди населения, хорошо знать народные обычаи и традиции, быть справедливыми, ответственными за судьбу народа, высоконравственными и неподкупными. Тёречи принимали клятву, за нарушение которой они подлежали не только изгнанию из Тёре, но и наказанию вплоть до лишения жизни.

Верховное Тёре рассматривало особо важные вопросы: конфликты между общинами и с соседними народами, вопросы войны и мира, выполнял законодательные функции (узаконивал новые обычаи и обряды, если они не нарушали вековые традиции и часто встречались в жизни). Таким образом, он являлся юридическим и гражданским органом управления в Балкарии. В случае военной опасности он принимал решение о созыве народного ополчения (*къара аскер*), о сборе средств для его снаряжения, устанавливал нормы сборов, необходимых для содержания постоянных сторожевых постов на рубежах.

На Общенародном и Малых Тёре рассматривались судебные дела, споры, уголовные и гражданские вопросы, выносились наказания за правонарушения. При рассмотрении на таких Тёре вопросов судебного характера приглашались «*айрахчы*» (доказчик, обвинитель), «*къади*» (судья) и «*ёкюль*» (защитник, адвокат), в качестве которого обвиняемый мог нанимать любого человека по своему выбору. Обычно подбирали для такой роли человека авторитетного, честного, с острым умом, который мог бы парировать самые неожиданные вопросы и успешно защитить своего подопечного.

На заседаниях Тёре выносили приговор за различные проступки. Уличенного в них часто подвергали одному из самых позорных наказаний – привязывали

«Налат таш» (камень позора) в селе Эль-Журт.

В верхней части камня есть отверстие, к которому ремнем привязывали наказуемого

к «*Налат таш*» (камню позора), который обычно устанавливался в самом людном месте и каждый прохожий мог выразить виновному свое презрение. Подобные камни сохранились в Верхнем Чегеме, в Верхней Балкарии и в одном из средневековых поселений Баксанского ущелья.

Тёре заседали обычно за пределами территории поселения, так как до окончательного решения вопроса ход обсуждения не оглашался. Мнение Тёре было весомым для всех, в том числе и для знати. Тёре осуществлял размежевание земель между аульными обществами, решал вопросы прокладки, ремонта путей сообщения, устанавливал нормы работ, которые должны были выполнить каждое из общин по прокладке, очистке и ремонту общих ирригационных сооружений.

Тёре функционировали до добровольного вхождения Балкарии и Дигории в состав Российской империи, когда началось постепенное угасание их деятельности по мере внедрения царского административного права и утрате политического веса общины.

Обычным правом регулировались основные принципы балкарского этикета «*Тау адет*» (горский этикет), «*Ёздэн адет*» (дворянский этикет) в основу которых были заложены – толерантность, уважение к старшим, почитание женщины, гостеприимство, взаимопомощь и взаимовыручка.

Издавна балкарцы имели разносторонние экономические, политические и культурные связи с соседями, прежде всего с кабардинцами, дигорцами, сванами, грузинами-рачинцами и др., поддерживающими с ними родственные, аталыческие, побратимские и куначеские отношения.

1.3.2. Взаимоотношения Балкарии с Кабардой

Хороший сосед лучше дальнего родственника.

Народная поговорка

История взаимоотношений между Балкарией и Кабардой не знает серьезных межэтнических столкновений, а тем более войн. Границ между ними в нынешнем понятии никогда не существовало. Они всегда определялись мирными взаимоотношениями, носили прозрачный характер, возникающие изредка какие-либо споры по использованию пастбищных или лесных угодий решались посредством переговоров старейших представителей соседствующих обществ.

Наблюдавшиеся время от времени мелкие столкновения, неизбежные в жизни соседствующих народов, никогда не приводили к жестким последствиям. Кабардинцы и балкарцы свободно передвигались по Кабарде и Балкарии. Взаимоотношения между ними носили мирный и дружелюбный характер, что обуславливало множество межэтнических браков и кровное родство между кабардинцами и балкарцами. Такие браки заключались как между представителями княжеских семей, так и представителями простого народа. Результатом таких контактов являются наблюдаемые в Кабарде фамилии: Мисаковы, Кушховы, Жанбулатовы, Балкаровы, а в Балкарии – Черкесовы, Кабардоковы, Кабардиковы и др. В случае раздоров внутри Кабарды или Балкарии многие находили приют у своих соседей – в Балкарии или Кабарде.

Широкие рамки приобретали мирные и дружеские отношения между отдельными княжескими семьями и родами. Такие тесные контакты имелись между Абаевыми, Кайтукиными, Атажукиными, Балкаруковыми, Урусбиевыми. Мирно соседствующие народы на Кавказе отдавали своих детей на воспитание своим друзьям – в «аталычество» (отцовство). Например, в 1747 году «эмчеком» (молочным братом) князя Большой Кабарды Касая Атажукина был балкарский князь Азамат Абаев, а в 1768 году молочным братом кабардинского князя Казыя Кайсынова был балкарский князь Мухаммат Биев.

Многовековые мирные контакты отразились на интегрировании экономики и культуры Балкарии и Кабарды. Кабардинцы свободно могли пасти свои табуны в Балкарии, получать оттуда горные руды, лес, камень для строительства, меха, шкуры диких зверей и животных. Балкарцы арендовали в Кабарде зимние пастбища. Некоторые считают, что эти отношения свидетельствуют о

зависимости Балкарии от Кабарды. Но это не имеет под собой серьезного основания. За аренду зимних пастбищ балкарцы всегда платили определенную плату. Эти взаимоотношения способствовали развитию экономики той и другой стороны.

1.3.3. Взаимоотношения Балкарии с Осетией

Многосторонние связи балкарцев и осетин уходят в глубь веков. На территории Северной Осетии известны около 150 тюркских топонимов, содержащих названия древнетюркских племен: гуннов, басилов, огузов, сабилов. Эти названия дополняются наименованием крупнейшего ледника «Казбек-Кель», река Терек (Быстрая), «тенгиз» (море), «чатыр» (шатер), наименованием колыбельной и др.

Особенно тесные связи были между балкарцами и дигорцами. По народным преданиям оба эти народа происходят от двух родных братьев: Басията и Бадината. Дигорский князь Бадинат был женат на карачаевской княжне из рода Крымшаухаловых. От этого брака родились семь сыновей, у которых все имена тюркские: Абисал, Туган, Кобан, Чегем, Бетуй, Кубат, Карачай. От них происходят все княжеские фамилии Дигории. По свидетельству Я. Рейнегса, дигорцы говорили «на старинном татарском наречии», а этноним «дигор» встречается в списке тюркских племен Кавказа (например, у Рабгузи).

1.3.4. Взаимоотношения Балкарии с Грузией

История балкарско-грузинских взаимоотношений начинается с периода формирования предков балкарцев – алано-асов (XII век). Почти всегда эти отношения строились на кровнородственных связях, обогащались взаимными династическими браками. Эти отношения особенно активизируются при алано-асских царях Дургулеле и Худдане. Дочь Худдана – Бурдухан была матерью грузинской царицы Тамары, которая вышла замуж за суздальского князя Андрея Боголюбского. Мать Боголюбского, в свою очередь, была ясыня родом. Тамара воспитывалась у своей тети ясыни Русудан. Таким образом, еще в XII веке формировались тесные родственные связи предков балкарцев – алано-асов и грузин.

Сложившиеся еще в средневековье взаимоотношения балкарцев и грузин с каждым последующим веком все более крепились и расширялись. В то же время углублялись и кровнородственные контакты. Конечно, эти контакты не всегда носили безоблачный характер. Живым примером является Цховатский крест, рассказывающий о пленении Ризии Квенипновели в Балкарии. Эта знамени-

тая грузинская надпись на золотом Цховатском кресте, относящемся к XIV–XV векам, гласит: «Спас Цховатский, я ... попал в плен в Басиани и выкуплен твоими вещами...».

Особо близкими были связи балкарцев со Сванетией и Мингрелией. В период нашествия Тамерлана многие балкарцы укрылись в Сванетии, часть которых позже возвратилась на родину, и положили начало нескольким фамилиям: Отаровы, Рахаевы, Таумурзаевы, Тетуевы, Эбзеевы, Эристаевы и др. В высокогорных грузинских городах Рачи балкарцы регулярно торговали изделиями домашнего промысла – войлоками, башлыками, бурками, кожами, шкурами, мехами, а также – мясом, сырами, маслом и другими мясомолочными продуктами.

Политические контакты развивались в начале XVII века, способствуя налаживанию русско-грузинских взаимоотношений. Так, например, в 1658 году в Москву направляется грузинский царь Теймураз I для установления русско-грузинских связей. Путь Теймураза пролегал через Верхнюю Балкарию. К нему присоединилась депутация балкарских князей во главе с Артутаем Айдеболовым, который является одним из зачинателей и русско-балкарских отношений. В Москве Артутай был радушно принят, щедро одарен царем Алексеем Михайловичем и находился в Москве около года. Артутай принимал участие в беседе Теймураза и Алексея Михайловича в качестве переводчика. Следует отметить, что тюркский язык являлся не только государственным языком Алании, но и языком межнационального общения на Северном Кавказе и на огромных просторах Евразии (как теперь русский язык). Этим объясняется наличие многих тюркизмов в языке, фамилиях, именах и топонимах соседних народов.

В 1693 году в Москву направился опальный имеретинский царь Арчил. Он находился в Балкарии почти три года и только в сентябре 1696 года вернулся в Имеретию.

1.3.5. Балкария в системе русско-кавказских отношений

Отношения предков балкарцев – «ясов» и русских уходят в глубь веков. Связи эти начинались еще тогда, когда тюркские предки балкарцев (асы, аланы) господствовали в евразийских степях. Древнерусский перевод «Иудейской войны» автора I века Иосифа Флавия сообщал, что язык асов/ясов «яко от печеженьска рода родяси». С тех пор имя асов встречается в русских летописях неоднократно. В 965 г. Святослав ходил войной на хазар, разгромил их город Сары-кала (Желтую крепость). Пленил здесь и ясов и касогов. В 1029 году киевский князь Ярополк Мудрый «ходи на ясы и взя их», а в 1116 году Ярополк – сын Владимира Мономаха «ходи на половецку землю к

реце зовомой Дон» и взяша три города и жену себе приводе дщерь ясского князя». В 1175 году летопись сообщает об убийстве великого суздальского князя Андрея Боголюбского, жена которого была ясыня «бе-бо болгарка родом». Сын Андрея Боголюбского и этой ясыни – Юрий стал первым мужем грузинской царицы Тамар. Важно отметить, что после изгнания из Киева Андрей Боголюбский бежал на Северный Кавказ к родственникам своей жены – к асам. Здесь он остановился в славном городе Дедякове, который ученые отождествляют с областью Джулат и городами у современного города Майского и Эльхотовских ворот. Между русскими князьями и асами Северного Кавказа сложились тесные династические, кровнородственные отношения. Кроме Андрея Боголюбского, Ярополка и других, на ясыне был женат и Мстислав Святославович Удалой князь Черниговский, погибший в 1223 году на Калке в битве с монголами. Ясыней была жена Всеволода III (1176–1212), прозванного Большое Гнездо.

В XVI веке на историческую арену выходили такие крупные государства, как Турция и Персия, стремившиеся к господству на Кавказе. Свою политику Турция и Персия проводили через Крымское ханство и Дагестанское шамхальство. В этих условиях Россия стремилась выйти к Каспию и овладеть стратегически важными центрами Северного Кавказа.

Овладев политической ситуацией на Северном Кавказе, Россия неослабно искала пути проникновения в Закавказье. Проникнуть туда через Дербент было практически невозможно, так как здесь господствовала шахская Персия. Поэтому у России оставался один путь в Закавказье – через горную часть Центрального Кавказа.

Впервые в русских документах наименование Балкария встречается в отписке терского воеводы И.А. Дашкова (1629). Он сообщал в Москву, что в местности, где живут «балкары», имеются залежи серебряной руды. В 1636 году имеретинский царь Леван II посылает в Москву послов, а в ответ в 1639 году из Москвы в Имеретию отправляется посольство с «Царскими Грамотами» для прохождения через земли балкарцев. Наличие таких грамот говорит о том, что балкарские князья вели относительно самостоятельную политику на Северном Кавказе. В противном случае в них не было необходимости. Показав грамоты, послы пробыли 15 дней в средневековом поселении Эль-Журт близ современного города Тырнауза. Отсюда послы отправились в Имеретию.

Следующее посольство русского царя в Имеретию состоялось в 1651 году, путь которого пролегал через Верхнюю Балкарию по реке Сукан-су и одноименному горному массиву Сукан. Послы Н.С. Толочанов и А.И. Иевлев пробыли в Верхней Балкарии около двух недель. Их здесь тепло встречал и снабжал провиантом и проводниками балкарский князь Артутай Айдеболов, имя ко-

того упоминается в русских источниках 1629 года. В документе 1653 года говорится о том, что имеретинский царь Александр приглашал русских послов Жидовинова и Порошина «посмотреть, как он будет крестить Женбулата, сына балкарского владетеля Айдеболова».

Определенную роль в налаживании и дальнейшем развитии русско-кабардинско-балкарского и русско-кавказского военного сотрудничества в XVIII веке сыграли выдающиеся деятели и полководцы Горичи.

1.3.6. Русско-балкарские связи в XVIII веке

Основоположник балкарской историографии Мисост Абаев в конце XIX века писал: «Не подлежит сомнению, что горцы Нальчикского округа (т. е. балкарцы) или скорее высшее сословие – таубии имели понятие о силе Русского государства, называемого горцами «Московию», прежде чем они столкнулись с русскими войсками».

XVIII век является важной вехой в русско-балкарских отношениях. Имеющиеся документы говорят, что в XVIII веке идея присоединения к России находит себе сторонников среди разных слоев балкарского общества. По мере укрепления позиций России на Северном Кавказе балкарские таубии стали настойчиво просить о русском подданстве. Царские власти медлили, так как феодальная знать Кабарды всячески препятствовала процессу вхождения Балкарии в состав России, а с ними Россия стремилась не обострять отношений. В то же время она была заинтересована в принятии балкарскими таубиями подданства, учитывая стратегическое значение Балкарии в отношениях России с Грузией и Карачаем. Владея ущельями Балкарии, царская администрация могла держать под контролем отношения кабардинцев с Грузией и «непокорными» закубанскими народами.

После Кючук-Кайнарджийского мира России с Турцией (1774) резко оживляются взаимоотношения народов Северного Кавказа и России. В подданство России старались перейти балкарские таубии и осетинские алдары. По сведениям П.С. Палласа, балкарцы «ищут способы прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого из них не пропускают на линию. В 1783 году несколько балкарцев, посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к обер-лейтенанту Л.Л. Штедеру, но возвратились они лишь с голыми обещаниями».

В марте 1787 году таубии Балкарии Исса, Мисост и другие подали генералу Потемкину прошение, где просили принять их в подданство России. С такой же просьбой балкарцы обратились и в декабре 1794 года.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

Балкарцы до этого не присягали на верность ни одному из царей и не преклонялись ни перед одним завоевателем. Единожды присягнув России, Балкария никогда не нарушала этой присяги. Она стала отдавать своих аманатов в русские крепости. Многие балкарцы служили в царской армии, участвовали в русско-турецких войнах, русско-японской войне (1904–1905) и Первой мировой войне (1914–1920), становясь кавалерами и полными кавалерами георгиевских крестов, участвовали также в революционных движениях 1905–1907 и 1917–1919 годы.

Акт присоединения к Российской империи явился важным поворотным пунктом в историческом развитии Балкарии, существенно расширил и обогатил ее взаимосвязи с внешним миром. Заметно оживился научный интерес к географии, истории и культуре Балкарии европейских, русских, и иных исследователей и путешественников.

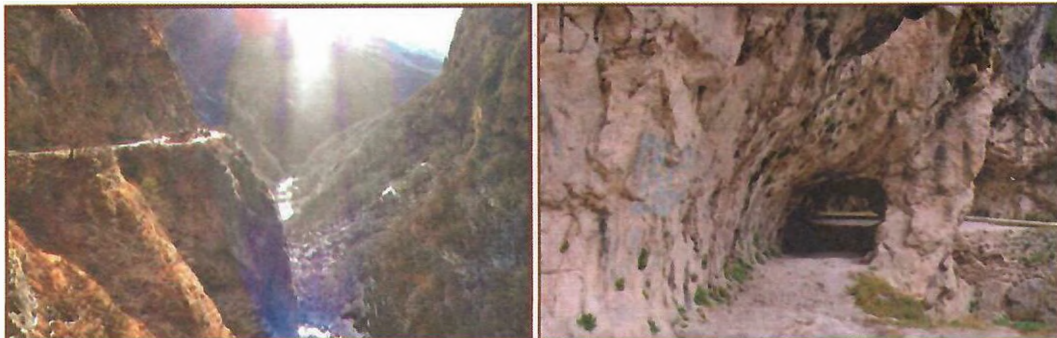
Становление российской системы управления в Балкарии начинается с 30-х годов XIX века. Постепенно вводились специфические политико-административные институты, направленные на ее изучение, полицейский контроль и управление. В середине 1846 года в Балкарии был введен институт приставства, чиновники которого назначались кавказской администрацией. Разбор судебных дел находился в компетенции старшины общества и эфенди. Для исполнения судебных функций они приводились к присяге.

Балкарские общества обнаружили лояльный тип социально-политической адаптации к новым реалиям, а балкарские владельцы изложили свое видение интеграции Балкарии в административно-политическую систему Российской империи. В 1852 году от балкарских обществ была отправлена депутация в Санкт-Петербург «для выражения верноподданнических чувств Государю Императору». Николай I принял депутацию и выслушал просьбы таубиев.

С 1866-го по 1870 год балкарские общества входили в состав Кабардинского округа, делившегося на четыре участка. Балкарское, Холамское и Безенгиевское общества Балкарии вошли в Черекский участок; Чегемское и Урусбиевское – в Баксанский участок. Впоследствии все балкарские общества составили один участок – Горский. В 1871 году введена гражданская система управления национальными окраинами России на Северном Кавказе. Балкарские общества стали частью Нальчикского округа Терской области.

В 1866 году была объявлена отмена крепостного права в Балкарии. От крепостной зависимости было освобождено за выкуп порядка 300 руб. около 5 тысяч человек. В ходе последующих реформ наряду с созданными российской администрацией судебными учреждениями применялись Горский словесный, аульные и посреднические суды.

В ходе аграрной реформы 60-х годов XIX века администрацией Терской области была предпринята попытка объявить балкарские земли общинными.

Фрагменты первой колесной дороги в Верхнюю Балкарию

Однако таубии решительно воспротивились. Результаты земельных преобразований свелись к описанию различных форм землевладения и землепользования; к выделению в предгорьях участков для образования новых балкарских сел (Кёнделен, Кашхатау, Хабаз, Чижок-Кабак и Хасаут), а также к законодательному определению порядка пользования пастбищными землями, находившимися в совместном владении с Кабардой.

Старинный мост через р. Черек в Верхней Балкарии

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

Проекты решения земельного вопроса в Нагорной полосе Терской области, подготовленные комиссией Абрамова в 1908 году, вызвали резкое неприятие со стороны таубиев. Поэтому в 1911 году был выработан новый проект закона о землеустройстве горского населения Нагорной полосы, разработка которого была попыткой применить к местным условиям положения столыпинского аграрного законодательства с учетом специфики землевладения в горах. Однако эти правила в законодательном порядке так и не были утверждены.

С.И. Танеев (впереди), М.М. Ковалевский и К. Михайловский в гостях у князя Исмаила Урусбиева (в центре)

В горах начали строить колесные дороги и новые мосты. Этим занимались всем обществом. Главы семейств собирали деньги, покупали взрывчатые материалы у командования Кавказской линии в Ставрополе, Моздоке и лично со своими сыновьями прокладывали дороги по крутым склонам, зачастую, по отвесным скалам, наводили мосты на многометровой высоте над бурными горными реками, используя свое мастерство обработки подручного камня, дерева и веками выработанное искусство каменной кладки.

В Приэльбрусье князем Исмаилом Урусбиевым был открыт дом для приезжих, в котором часто гостили зарубежные и российские представители науки и культуры, туристы и альпинисты – Миллер, Ковалевский, Танеев, Тульчинский, Мур, Анисимов, Пастухов и др.

В 1860 году в Нальчике открылась начальная Горская школа, преобразованная в 1909 году в общеобразовательное реальное училище, где балкарцы учились вместе с русскими, кабардинцами и др.

Под руководством И. Урусбиева был создан музыкальный кружок, дававший публичные концерты в слободе Нальчик. Он же в 1908 году открыл в Нальчике первую в области типографию.

В 1860 году была открыта Нальчикская горская школа, которая усилиями

**Абай Шаханов – генерал-майор
медицинской службы (XIX в.)**

**Исмаил Мисостович Абаев
(1888–1930) – врач, просветитель**

Б. Шаханова была преобразована в гимназию. Позднее начальные школы открывались и в балкарских селах Кашхатау и Чегеме (1902), Урусбиево и Хасауте (1913). Некоторые балкарцы из привилегированных сословий получали образование в учебных заведениях Владикавказа, Тбилиси, Ставрополя, Москвы, Петербурга.

В Ставропольской гимназии обучались Султан-Бек Абаев и Абай Шаханов. Сафар-Али Урусбиев окончил Петровско-Разумовскую академию в Москве, Абай Шаханов и Измаил Абаев – медико-хирургическую и военно-медицинскую академии в Петербурге, Магомет Муллаев и Таусултан Шакманов – Харьковский технологический институт.

Многие представители княжеских фамилий находились на царской службе, имели офицерские чины. В 1911 году М. Абаев в Парижском журнале «Мусульманин» опубликовал исторический очерк «Балкария» с освещением истории Балкарии с древнейших времен до начала XX века.

Все это способствовало тому, что во второй половине XIX – начале XX века начала формироваться новая национальная интеллигенция, проводившая значительную культурно-просветительскую работу. Яркими представителями карачаево-балкарской интеллигенции являлись: публицист-историк М. Абаев и юрист Б. Шаханов, знатоки и собиратели фольклора Исмаил, Науруз и Сафар Урусбиевы, скрипач Султанбек Абаев, врачи Абай Шаханов и Исмаил Абаев, учителя Ф. Шакманова, Я. Джабоев и Э. Чеченов, общественный деятель Д. Балкаруков, поэт – основоположник современной бал-

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

карской литературы Кязим Мечиев. Постепенно увеличивалось число сельских школ, в которых балкарская словесность изучалась по произведениям Кязима Мечиева, Локмана Асанова, Исмаила Акбаева.

Формирование новой социально-бытовой инфраструктуры Балкарии сопровождалось предпринимательской активностью отдельных лиц. В 70-х годах XIX века Хамзат Урусбиев, изучив швейцарскую технологию производства сыра, открыл в Баксанском ущелье сыроварню. Братья Магомет и Исхак Муллаевы производили разработку киноварной руды в Холаме и разведку горных богатств Безенги.

Вместе с тем часть балкарцев переселилось в Турцию и другие страны – при первой волне (1867–1880) переселилось около 25 тысяч, во второй волне (1900–1905) – около 5 тысяч карачаевцев и балкарцев. В настоящее время самая большая зарубежная диаспора компактно проживает в Турции, где их численность около 100 тысяч.

1.3.8. Балкария в советское время

Коренным перелом в жизни Балкарии, как и всей России, произошел после революции 1917 года и последующей гражданской войны, в которой балкарцы также принимали активное участие. В годы гражданской войны Кязим Мечиев писал *«Я горцев призывал сражаться смело...»*, а получив весть о гибели своего сына в этой войне, продолжил:

*«Воюя трудно жить, – и тем не менее
Должны мы жить и воевать должны.
Ужасна весть, что сын погиб в сражении,
Но ради жизни пал он в дни войны...»*

После Февральской революции 1917 года в состав Временного Центрального комитета объединенных горцев, который поддержал Временное правительство России, вошли таубии И. Урусбиев, Т. Шакманов и Б. Шаханов, избранный председателем ЦК Союза горцев. В Нальчикском округе, куда входила Балкария, 27 марта 1917 года был создан Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, в который вошли представители балкарской интеллигенции И. Урусбиев (товарищ председателя исполкома), Б. Шаханов, Т. Шакманов.

Б. Шаханов выступил одним из инициаторов создания Союза объединенных горцев Кавказа, который был провозглашен на первом съезде горских народов Кавказа в мае 1917 года во Владикавказе под председательством Б. Шаханова. Деятельность Б. Шаханова как организатора и первого председателя Союза объединенных горцев Кавказа свидетельствует о незаурядном

таланте политика. В тяжелейших условиях революционных потрясений он отстаивал идею объединения всех народов Кавказа с новой Россией на федеративных началах при самом широком самоопределении народов.

После Октябрьской революции из среды балкарцев выдвинулись многие лидеры, боровшиеся в Гражданской войне за советскую власть (М. Энеев, С.-Х. Калабеков, Ю. Настуев, А. Гемуев, Х. Асанов, К. Ульбашев и др.). В январе 1918 года в Нальчике была создана окружная организация партии большевиков. Позднее к партийной работе присоединились лидеры революционно настроенного крестьянства – Ахмат Мусукаев, Юсуф Настуев и др. В организации эсеров участие в политической жизни принимал М. Энеев.

На первом съезде народов Терека (Моздок, январь 1918 г.) был создан Временный народный Совет Терской Области. В нем Балкарию представлял М. Хаджиев. Признание Советской власти произошло на втором съезде народов Терека (февраль-март 1918 г.). Съезд избрал Терский народный Совет и Совет Народных Комиссаров (правительство). Участие кавказских народов в управлении республикой выразилось в пропорциональном представительстве в составе высшего органа государственной власти. В Терский народный Совет от балкарцев были избраны М. Энеев и Ю. Настуев (зам. председателя Совета).

Советская власть была провозглашена на первом съезде народов Нальчикского округа (Нальчик, 18–23 марта 1918 г.). На съезде был избран новый орган власти – Нальчикский окружной народный Совет в составе 30 человек. Среди них – А. Гемуев (зам. председателя), К. Эскендеров, Д. Занкишиев, З. Аппаев и Ж. Барасбиев. Представители балкарского народа образовали еще особую фракцию, которая выделила из своей среды Балкарский народный Совет из 12 человек как подотдел Нальчикского окружного народного Совета. Новая власть приступила к преобразованиям в аграрной и социальной сфере, налаживанию культурной жизни. Балкарская элита стремилась к оптимизации взаимоотношений Балкарии с соседними народами.

С началом Гражданской войны в поддержку большевиков М. Энеев и Ю. Настуев формируют Балкарский кавалерийский полк численностью 1500 сабель. Под командованием К. Ульбашева полк вел кровопролитные бои в районе Святого Креста, Георгиевска и Пятигорска.

7 октября 1918 года белогвардейский отряд казачьего ротмистра Даутокова-Серебрякова занял Нальчик и восстановил власть Окружного народного Совета во главе с юристом Т. Шакмановым. Вскоре создается Балкарский национальный Совет, председателем которого был назначен подполковник И. Урусбиев. Пост комиссара Балкарии (2-го участка Нальчикского округа) занял А. Джабоев.

Созданные в балкарских ущельях революционные отряды, возглавляемые К. Батчаевым, Х. Ногеровым, Т. Хуламхановым, М. Жабеловым и др., отчаянно

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

сражались против белогвардейских войск. Их действия координировал участник Первой мировой войны Х. Асанов. В конце марта 1919 года в Балкарии установилась власть деникинцев. Исход гражданской войны в Нальчикском округе определился 24 марта 1920 года, когда красноармейские части заняли Нальчик и установили Советскую власть. Был сформирован Окружной ревком, а в июле 1920 года – Окружной исполком с заместителем председателя А. Гемуевым.

В январе 1921 года Президиум ВЦИК РСФСР узаконил образование Горской АССР. Балкария в числе семи других административных единиц вошла в состав республики на правах национального округа. Балкарский округ был создан на первом съезде Советов 6–8 апреля 1921 года. Председателем исполкома стал видный политический деятель М.А. Энеев. Образование Балкарского округа явилось первым этапом создания национальной государственности балкарского народа. Округ получил от центра денежные ассигнования, сельскохозяйственный инвентарь, семена. В Балкарии были открыты мыловаренный и сыроваренный заводы. Из реквизированного скота была организована молочная ферма, в горных районах организованы медицинские участки.

1 сентября 1921 года из состава Горской АССР вышла Кабарда и образовала Кабардинский АО. 6 января 1922 года коллегия Наркомнаца Российской Федерации приняла постановление о выходе Балкарии из Горской АССР и создании Балкарской автономной области с площадью территории 5146 кв. км.

Однако 16 января 1922 года Президиум ВЦИК принял постановление об объ-

Территория Горской АССР в 1921 году

единении Балкарии и Кабарды и образования единой Кабардино-Балкарской АО. В «Положении по объединению Кабарды и Балкарии» от 17.08.1922 года были зафиксированы основные принципы объединения и действия единого облисполкома, основанные на равенстве политического представительства независимо от численности народа. Процесс образования автономии Кабардино-Балкарии завершил областной съезд Советов 6 декабря 1922 года избранием членов облисполкома. Председателем облисполкома был избран Б. Калмыков, его заместителем – М. Энеев. Балкарский облисполком был преобразован в окружной исполком.

Для поддержания постоянных связей между центром и автономной областью при Наркомнаце РСФСР было создано представительство КБАО. В 1924–1936 годах Кабардино-Балкария входила в состав Северо-Кавказского края. Государство обеспечивало регулируемое представительство народов в органах власти и управления, проявляло внимание к развитию автономной области и национальной культуры.

В 1932 году Кабардинский и Балкарский округа были упразднены и созданы районы. В 1935 году на территории Балкарии были образованы четыре района: Эльбрусский, Чегемский, Хуламо-Безенгиевский и Черекский. Их наличие позволяло учитывать интересы национального, экономического и культурного развития балкарского народа.

Обретение своей государственности послужило толчком для радикальных перемен во всех областях жизни народа. С 1924 году в Нальчике стала выходить на балкарском, кабардинском, русском и татском языках газета «Карахалк».

В 1924 году М.А. Энеев и И.М. Абаев разработали балкарский алфавит. В конце 1925 года грамотность среди балкарцев составила 7,5%. В 1926 году И. Акбаев и И.М. Абаев издали в Москве учебник на карачаево-балкарском языке на латинице. Расширилась сеть школьных учреждений. Неграмотность среди взрослого населения была в основном ликвидирована к 1937 году. В развитие народного просвещения большой вклад внесли Магомет Энеев, Ахия Джабоев, Саид Шахмурзаев, который был награжден орденом Ленина.

В 1924 году в Нальчике был открыт Ленинский учебный городок, который готовил

Историк, этнограф, педагог
и народный поэт
Кабардино-Балкарии
С.О. Шахмурзаев

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

кадры для народного хозяйства и культуры. Заметную роль в подготовке национальных кадров сыграл Коммунистический университет трудящихся Востока, в котором обучались студенты из Кабардино-Балкарии. В 1924 году в вузах Москвы, Ленинграда, Ростова, Краснодара обучалось более 300 студентов из КБАО, а в 1931 году – более 2 тысяч. В 1926 году для изучения истории и культуры КБАО был открыт научно-исследовательский институт (ныне «*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований*»). Зачинателями научной работы были С. Шахмурзаев, С. Отаров, А. Аппаев.

С 1930-го по 1941 год расширялся круг образовательных и культурных учреждений Балкарии:

- для подготовки учителей в 1931 году был открыт педрабфак, в котором подготовкой кадров занимались А.М. Аппаев, У.Б. Алиев и др.;

- увеличивалось число школ, клубов, библиотек, изб-читален, кинопередвижек;

- в 1933 году был создан Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца, энтузиастами и талантливыми артистами которого стали Я. Рахаев, М. Ульбашев, О. Отаров;

- стали выходить книги и газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» на балкарском языке;

- публиковались стихи и поэмы основоположника современной балкарской поэзии Кязима Мечиева и новых поэтов и писателей: Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Берта Гуртуева, Омара Этезова и др.;

- в 1932 году был создан педагогический институт;

- в 1934 году – Союз писателей Кабардино-Балкарии;

- в 1940 году – балкарский драмтеатр.

Сдвиги произошли в жизни балкарских сел, где концентрировалась подавляющая часть народа. Росло количество сел с современной уличной планировкой, с домами нового типа и приусадебными хозяйствами, магазинами, клубами, школами и дошкольными учреждениями. В селлах появились электричество и радио. Началось развитие массового альпинизма в республике.

Патриарх балкарской поэзии,
мудрец и гуманист Кязим Мечиев
(1859–1945)

Первая турбаза была открыта в 1928 году в Тегенекли. Свой вклад в развитие альпинизма и туризма внесли известные горовосходители С. Хаджиев, Ю. Тилов, Дж. Алботов, Х. Залиханов. В 1934 году было массовое восхождение на Эльбрус девушек-балкарок (З. Джуртубаева, Г. Хаджиева, Ж. Хаджиева, Р. Залиханова, Т. Байдаева и др.).

Индустриальное развитие Балкарии осуществлялось на основе использования природных богатств. В 1929–1932 годах вступили в строй известковый завод в селе Белая Речка, Балкарский клепочный завод, два маслосырзавода, 4 электростанции. Стала развиваться дорожно-мостовое строительство, угольная промышленность в Баксанском ущелье. В 1940 году начал работать Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат. Началась подготовка национальных кадров высшей и средней квалификации. Широкое распространение получило социалистическое соревнование (ударничество, стахановское движение).

Важной вехой в жизни балкарских сел являлась коллективизация, начавшаяся летом 1929 года. Крестьян насильно загоняли в колхозы, отнимая скот, ликвидируя лучших крестьян под видом кулаков. В маховик репрессий попала значительная часть среднего крестьянства. Перегибы в коллективизации вызвали сопротивление крестьян. Выступление в Чегемском ущелье в 1930 году было жестоко подавлено.

В то же время формировался слой колхозников-стахановцев. В 1936 году ордена Ленина удостоился А. Настуев. В 1939 году участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве стали около ста представителей Балкарии.

К началу Великой Отечественной войны в Балкарии имелось 33 колхоза, в которых насчитывалось 38 367 голов крупного рогатого скота, в том числе: 12 106 коров, 203 800 овец и коз, 10 662 лошадей. Было много племенного поголовья. Составляя около 10% общей численности населения КБАССР, балкарцы в общественном секторе производили до 40% животноводческой продукции республики.

Конституция СССР 1936 года преобразовала КБАО в КБАССР. Это означало переход к более высокой форме национальной государственности – от административно-политической к государственно-политической. Конституция КБАССР 1937 года закрепила общественное, государственное и политическое устройство республики, определила основные права и обязанности граждан, но декларированные в ней права и свободы граждан на деле зачастую нарушались.

В период сталинско-калмыковских репрессий 1920–1930 годов физическому и моральному уничтожению подверглась лучшая часть кадрового и интеллектуального потенциала Балкарии, которую полностью реабилитировали после 1953 года.

К началу второй мировой войны балкарцы представляли собой один из советских народов с развитой материальной и духовной культурой.

Перед лицом грозной опасности балкарцы продемонстрировали непре-

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

**Герой Советского Союза – летчик
Али Байсултанов (1919–1943)**

**Герой Советского Союза – пехотинец
Мухажир Уммаев (1922–1948)**

клонную верность Отчизне. За годы войны добровольно ушли в армию и были призваны около 14 тысяч человек. На фронтах войны сложили голову, и пропали без вести более 5 тысяч солдат и офицеров. Сыны Балкарии мужественно сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. За мужество и героизм почти все участники войны награждены орденами и медалями, двое – Алим Байсултанов и Мухажир Уммаев – были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Воины из Балкарии сражались также в партизанских отрядах Белоруссии и Украины, в рядах антифашистского сопротивления в Европе, дошли до Берлина, приняв участие в штурме логова германского фашизма и в параде Победы в Москве 24 июня 1945 года.

С первых дней войны балкарцы вносили свой достойный вклад в дело приближения Победы. Трудящиеся Балкарии приняли активное участие в обеспечении фронтовиков теплыми вещами и продовольствием. Красная Армия получила несколько тысяч лошадей. Люди вносили добровольные взносы на создание эскадрилий истребителей, танковых колонн. Тырнаузский комбинат кроме выпуска основной продукции – вольфрама и молибдена, освоил выпуск ручных гранат и мин. Несколько позже здесь стали собирать огнеметы.

Почти поголовно ушедших на войну мужчин заменили на заводах и фабриках, полях и фермах женщины, старики и подростки. На 200 % и более

ежедневную норму выполняли старики и женщины. С удвоенной энергией работали в колхозах комсомольцы и несоюзная молодежь. Активную помощь молодежь оказывала фронтовикам и их семьям.

Несколько тысяч человек вышли на строительство оборонительных сооружений. Из Баксанского ущелья через перевал в Закавказье было перегнано более 70 тысяч голов скота. Бригады артистов выступали перед бойцами Красной Армии. Большой популярностью пользовались патриотические стихи К. Мечиева, К. Кулиева, К. Отарова, С. Шахмурзаева.

Потрепанные в боях подразделения 37-й Красной Армии отходили к естественным рубежам обороны, которыми являлись горы. Горно-лесистые районы Балкарии оказались спасительными для войск. Население оказывало постоянную помощь Красной Армии продуктами питания, фуражом, а также в строительстве дорог для вывода техники.

К ноябрю 1942 года за исключением балкарского села Ташлы-Тала и ряда высокогорных районов вся республика была захвачена врагом. Кабардино-Балкария находилась под немецкой оккупацией с 10 августа 1942 по 11 января 1943 года, а районы преимущественного проживания балкарцев – всего 35 дней. Фашисты установили оккупационный режим, проводили массовое уничтожение населения: в Нижнем Чегеме расстреляли 50 человек, в Кёнделене – 41. В противотанковом рву под Нальчиком было убито и завалено 600 человек, в их числе 103 балкарца.

В дни освобождения Кабардино-Балкарии от оккупантов балкарцы подверглись беспрецедентному террору. В 1942 года частями НКВД под предлогом борьбы с бандитизмом в Черекском ущелье были расстреляны сотни мирных жителей – стариков, женщин, детей, сожжены несколько сёл (Сауту, Глашево и др.).

1.3.9. Балкарцы в депортации

Несмотря на достойный вклад в победу над фашизмом балкарский народ, как и 12 других малых народов, по ложному обвинению в сотрудничестве с оккупантами был поголовно депортирован 8 марта 1944 года в Среднюю Азию и Казахстан, где их расселяли небольшими группами в расчете на быструю ассимиляцию и ликвидацию этноса. Всего было депортировано 37733 человека, а вместе с вернувшимися с фронтов Великой Отечественной войны – 38053 человека.

Эта вопиющая несправедливость была совершена во время, когда более 16000 балкарцев из 52000 сражались на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах КБАССР, Белоруссии и Украины, в рядах антифашистского сопротивления Европы. Почти все они были награждены орденами и медалями, хотя после геноцида балкарского народа в 1944 года их явно ограничивали в получении офицерских званий и наград. В ходе наступательных опе-

22. III. 1944 г.
Л. БЕРИЯ

СПРАВКА

**О ходе перевозок балкарцев по состоянию
на 16 часов 17 марта 1944 года**

Погружено 14 эшелонов, находятся в движении 14 эшелонов (Оренбургская железная дорога - 9 эшелонов, Ташкент - 5 эшелонов). Всего погружено в эшелоны 37 773 человека. Переселенцы направляются во Фрунзенскую область - 5446 человек, Иссык-Кульскую область - 2702 человека, Семипалатинскую - 2742 человека, в Алма-Атинскую - 5541 человек, Южно-Казахстанскую - 5278 человек, Омскую - 5521 человек, Акмолинскую - 5219 человек, Джалал-Абадскую - 2650 человек, Павлодарскую - 2614 человек.

Заместитель начальника 3-го Управления НКГБ СССР
ВОЛКОВ
Начальник отдела перевозок НКВД СССР
АРКАДЬЕВ

раций 1944–1945 годов восемь балкарцев были представлены к званию Героя Советского Союза, но не получили награду по причине принадлежности к репрессированному народу. Многие не получили также заслуженные ордена и медали.

Депортация вычеркнула балкарский народ из общественно-политической и культурной жизни страны. Она отразилась даже на судьбе солдат и офицеров, героически сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, привела к гибели значительной части балкарского народа, прямые и косвенные потери составили 48%. Обезлюдели и были разбазарены 62 поселения, уничтожено их высокопродуктивное животноводческое производство. Одной из тяжелых последствий депортации являлось упразднение национальной автономии балкарского народа – национального статуса.

Невосполнимые потери понесла материальная и духовная культура народа. При выселении были изъяты и разграблены бережно хранимые народом серебряные с позолотой мужские и женские пояса, женские нагрудники, кольца, перстни и браслеты с драгоценными камнями, искусно отделанные серебром и золотом фамильные кинжалы, шашки и сабли. Конфискованные семейные реликвии, передававшиеся веками из поколения в поколение, из рода в род и являвшиеся материальным воплощением национальной духовно-художественной культуры, были утрачены не только каждой отдельной семьей, но и этносом в целом. Часть этих высоко художественных произведений искусства была

укрыта в запасниках Оружейной Палаты Кремля и все эти годы депортации изъята из культурного фонда народа. Народ на 13 лет был лишен предметов и объектов материальной и духовной культуры (культовых сооружений, музеев, театров, учебных заведений), возможности ее воспроизводства.

Тяжелейшие испытания не сломили балкарский народ. Выдержка и мужество, мудрость и трудолюбие помогли ему не просто выстоять, но и сохранить свою культуру, язык и традиции, высокий духовный потенциал.

*Из обращения Главы КБР к балкарскому народу
Ю.А. Кокова к 72-й годовщине депортации*

В целом депортация имела самые трагические последствия в этногосударственном, этнокультурном, национальном и иных аспектах. Практически исчезли структурообразующие и культураносные институты этноса: государственность, национальные школы, периодическая печать, книгоиздание, театр. Была подорвана жизнеспособность народа.

Тем не менее балкарцы и в местах депортации жили успехами и проблемами своей страны, считали себя ее патриотами. За короткий срок они освоили новые производственные процессы, добивались высоких показателей в тру-

Мемориал жертвам репрессий балкарского народа в г. Нальчике.

Создан благодаря усилиям Общественной организации «Алан» под руководством С.У. Беппаева. Рядом с мемориалом расположена могила основоположника современной балкарской литературы Кязима Мечиева, прах которого доставлен авиационным спецрейсом из Казахстана благодаря помощи Президента Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

де и внесли заметный вклад в экономическое освоение восточных регионов страны. Многие из них, несмотря на действовавшие в этом ограничения, были удостоены высоких государственных наград:

- звания Героя Социалистического Труда (Ш. Келеметов, Ш. Тетуев, М. Узденова, И. Жангуразов и З. Ульбашев);
- орденами Ленина (Ч. Созаев, Х. Гуртуев, З. Динаева, Ш. Уянаева, З. Геккиева, О. Токуев и др.);

Сотни балкарцев были отмечены орденами и медалями. Шесть тысяч человек были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Многие балкарцы были участниками ВДНХ СССР, награждены медалями и дипломами ВДНХ за выдающийся вклад в развитие животноводства, полеводства и победы в социалистическом соревновании.

1.3.10. Балкария после возвращения на родину

Я молю тебя, господи, ныне:
Лучше в камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати!

Кязим Мечиев

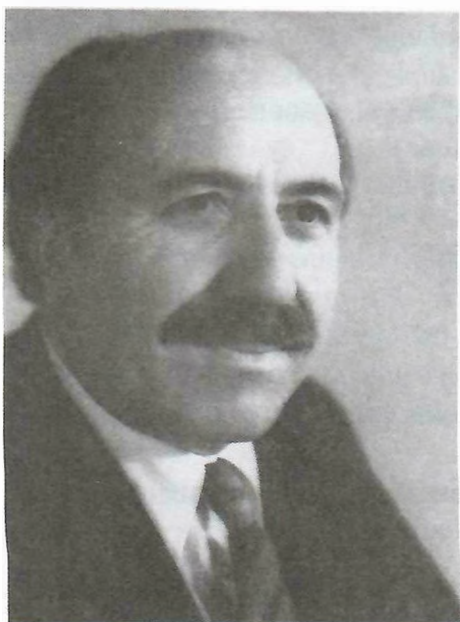
Балкарский народ никогда не покидала надежда возвращения на родину. С просьбой об этом в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР обращались многие заслуженные деятели культуры, офицеры. Указами Верховного Совета СССР от 1956–1957 годов репрессии против балкарцев были признаны ошибочными и противозаконными. Президиум Верховного Совета СССР 9 января 1957 года принял Постановление о восстановлении государственности балкарцев, преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.

Балкарский народ, обреченный на ассимиляцию и ликвидацию, выжил в условиях депортации благодаря самоотверженному труду и стойкости женщин-матерей и вернулся на свою историческую родину.

Балкария!
Я уцелел! Народ не сгинул мой!
Мы столько лет сносили муку злую...
Теперь я радостью твоей живу.
И обратясь к горам твоим, целую
Твой камень, глину, теплую траву!

Кайсын Кулиев

В 1957–1959 годах на родину вернулись 9327 балкарских семей общей численностью в 35274 человек (за 13 лет жизни на чужбине не удалась вос-

Кайсын Кулиев (1917–1985) – лауреат Ленинской и Государственной премии СССР, премии РСФСР им. М. Горького, народный поэт КБАССР

становить даже выселенную численность народа). С первых же дней возвращения на родину балкарцы стали энергично обустраиваться, восстанавливать свои села и включилось в активную политическую, общественную и культурную жизнь республики. По выделенным Правительством РСФСР квотам балкарцы вошли в состав партийных органов и правительства республики, возглавили пять ведомств (МВД, Министерство финансов, Министерство просвещения, Министерство бытового обслуживания и Госплан). В высший орган государственной власти страны и Российской Федерации были избраны К.Ш. Кулиев, Ш.А. Мусукаева и Ч.Б. Уянаев.

Десятки юношей и девушек направлялись на учебу в технические и медицинские вузы страны. Особое внимание было обращено на развитие культуры и искусства балкарцев. Восстановился выход газет и книг на балкарском языке, началось

издание литературно-художественного альманаха. Повести, романы и стихи ведущих писателей и поэтов К. Мечиева, К. Кулиева, С. Шахмурзаева, Б. Гуртуева, К. Отарова, Ж. Залиханова, М. Шаваевой, М. Геттуева, С. Макитова и др. проложили широкую дорогу к всесоюзному читателю. Были изданы «Антология балкарской поэзии», «Очерки истории балкарского народа», работы по грамматике балкарского языка, сборник балкарских сказок и т. д. Начали возрождаться учреждения культуры, здравоохранения.

Одним из крупных в Европе предприятий в своей отрасли стал Тырныаузский горно-металлургический комбинат. Приэльбрусье выходит на мировой уровень как высокогорный курорт, становится крупнейшим центром туризма, альпинизма и горнолыжного спорта. Начавшийся процесс урбанизации привел к тому, что часть балкарцев стала селиться в городах (в основном, в Нальчике и Тырныаузе), работать на заводах и фабриках, в сфере обслуживания, образования и культуры.

В 1970–1980 годы существенно повысился уровень образования балкарского населения, особенно удельный вес лиц с высшим образованием. В 1989 году по числу специалистов с высшим образованием на душу населения балкарцы занимали в СССР одно из первых мест. Те же годы характеризовались ростом

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

количества балкарцев, занятых умственным трудом, которых насчитывалось 31,2%.

Из среды балкарцев выросли замечательные ученые, писатели, артисты, военные, политические и государственные деятели, трудом своим подтвердившие и укрепившие славу и достоинства народа. За выдающиеся достижения в труде были удостоены звания Героя Социалистического Труда Ш. Муллаев, Ш. Чигирова, Ф. Уммаева, С. Аттоев, М. Залиханов. Звания генералов Министерства обороны, МВД, ФСБ, налоговой полиции и юстиции получили двенадцать человек. Среди них С. Беппаев – генерал-лейтенант, заместитель командующего Закавказским военным округом, Х. Деппуев – генерал-майор, заместитель командующего Среднеазиатским военным округом, В. Зокаев – генерал-майор, заместитель командующего войсками МВД Приволжского округа, А. Беккиев – генерал-лейтенант, лауреат Государственной премии РФ.

Лауреатами Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР стали шесть человек. В их числе выдающийся поэт современности Кайсын Кулиев и поэтесса Танзиля Зумакулова.

В историю культуры и искусства народа вписали свои имена народные артисты России: М. Ульбашев, М. Кучуков, Л. Кульбаева, заслуженные артисты России: И. Барасбиев, И. Жанатаев, Г. Таукенова, З. Ахматов, Х. Юсупов, З. Бапинаев.

Более 100 балкарца – доктора наук, около 400 – кандидаты наук, 370 человек удостоены почетных званий СССР, РСФСР, КБАССР, КБР. Из числа балкарских ученых широко известны имена Т.М. Энеева – академика РАН, лауреата Ленинской и других премий, выдающегося ученого в области теоретической и прикладной космонавтики; М.Ч. Залиханова – академика РАН, Героя Социалистического Труда, лауреата премии Правительства РФ и государственной премии КБР, М.Т. Абшаева – академика РАЕН, лауреата Государственных премий СССР и КБР, премии Правительства РФ и международной премии ВМО при ООН, заслуженного деятеля науки РФ.

Около 100 человек стали мастерами спорта СССР и России, семеро – мастерами спорта международного класса. Чемпион мира по тяжелой атлетике Х. Акаев на афинской Олимпиаде стал серебряным призером, а на Олимпийских играх в Пекине завоевал бронзовую медаль. Четырехкратный чемпион России по боксу А. Доттуев дважды становился интерконтинентальным чемпионом мира по профессиональному боксу. Горовосходитель международного класса А. Ольмезов дважды покорила высочайшую вершину мира Эверест.

Огромной популярностью в республике и за ее пределами пользуется Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария». Ансамбль успешно гастролировал в Голландии, Турции, Германии, Франции, Бельгии и удаивался престижных международных наград.

Развал СССР и переход на рыночную экономику явился очередным испы-

танием балкарского народа, как и всех народов, входивших в его состав. Парад суверенитетов привел к преобразованию в 1992 году КБАССР в суверенную Кабардино-Балкарскую Республику в составе России. Был избран Президент республики, двухпалатный парламент, одна из которой формируется на паритетной основе. Государственными языками признавались кабардинский, балкарский и русский.

Смена плановой экономики на рыночную проходила болезненно. От рыночных реформ пострадали все национальные группы КБР, но в самых трудных условиях оказались жители горных балкарских селений. Остановился градообразующий комбинат в Тырнаузе. Практически перестали функционировать колхозы, совхозы, туристические центры, закрылись почти все промышленные предприятия. Все привело к массовой безработице, оттоку молодежи по всем регионам великой России в поисках работы.

Природа щедро одарила Балкарию уникальными природными достопримечательностями: двуглавый Эльбрус, Приэльбрусье, Безенгийская стена, пять из семи пятитысячных горных вершин Кавказа, красочные ущелья, знаменитое Голубое озеро – одно самых глубоководных озер мира, большие и малые Чегемские водопады, водопады Жетмиш-Су, Абай-Су и другие, многочисленные реки и минеральные источники. Поистине горы Балкарии – «жемчужина России». Здесь можно не только любоваться красотой природы и поправить здоровье, но и заниматься горнолыжным спортом, альпинизмом, рафтингом, дайвингом, археологическим и рыболовным туризмом. В Балкарии бывали и воспевали ее исследователи Кавказа М. Ковалевский и В. Миллер. Композиторы С. Танеев, М. Балакирев, А. Алябьев бережно собирали и записывали музыкальный фольклор балкарцев, привнеся кавказский мелос в русскую классическую музыку.

Особое место занимают древние архитектурные памятники (боевые и сторожевые крепости, башни, мавзолеи и некрополи, останки древних поселений с уникальной архитектурой), которыми насыщена Балкария.

Горные ландшафты и памятники древней истории и культуры Балкарии привлекают множество туристов, альпинистов, горнолыжников. При соответствующем развитии инфраструктуры планируемых в Эльбрусском, Чегемском, Черекском и Зольском районах туристических кластеров она может стать туристической Меккой России и мира. Залогом этого является также традиционное кавказское гостеприимство, наличие знатоков достопримечательностей природы и памятников старины, альпинистов и спасателей. Развитие имеющейся и созданию современной инфраструктуры туризма может способствовать государственно-частное партнерство, при котором государство обеспечивает развитие транспортной и инженерной инфраструктуры (строительство автомобильных трасс, отелей, подъемников, канатных дорог, горнолыжных спусков,

линий связи, водо-, газо- и водоснабжения), а средний и малый бизнес берет на себя обеспечение курортно-рекреационных услуг (создание сети кафе, ресторанов, магазинов, кемпингов, обслуживание туристов и т. д.). Это дало бы импульс развитию находящихся в депрессии смежных отраслей промышленности и сельского хозяйства, создало рабочие места.

Список литературы к разделу 1

1. Абаев М.К. Балкария (Ист. очерк). – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 39 с.
2. Аккиева С.И., Сабанчиев Х.-М.А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик, 2014.
3. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. – 2-е изд. – М.: АО «Бриз», 1993. – 85 с.
4. Балкария. Балкарцы // Новый энциклопедический словарь. – СПб.: Брокгауз и Ефрон. Т. 4. – С. 860, 861.
5. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX в. – М., 2006.
6. Зумакулов Б.М. Из новейшей истории балкарского народа... (1944–2003 гг.). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 296 с.
7. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
8. История Кабардино-Балкарии: Учебник / Под ред. проф. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик, 1993.
9. Керефов Б.М. Памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, Эльбрус, 1988 г. – 216 с.
10. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 159–183.
11. Кумыков Т.Х. О происхождении балкарцев и карачаевцев // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1959. – Вып. 8. – С. 167.
12. Кучинаев М.Ю. Карачаевцы и балкарцы – потомки скифов и алан. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 55, [1] с.
13. Лавров Л.И. Происхождение балкарцев и карачаевцев // Краткие сообщения института этнографии. – 1959. – Вып. 22. – С. 3–7.
14. Лайпанов Х.О. К вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1960. – С. 70–80.
15. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск: ПАО «ПУЛ», 1993. – 139 с.
16. Мизиев И.М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. – Нальчик: Эльбрус, 1994.
17. Сабанчиев Х.-М.А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик, 1989.
18. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский вестник. – Владикавказ, 1903. – Вып. 5. – С. 152–216.

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СООРУЖЕНИЙ

Пока нам хватит силы быть людьми,
Мы на земле останемся народом!

Кязим Мечиев

Многочисленные набеги извне, феодальная раздробленность и междоусобица обусловила сооружение в Балкарии многочисленных (более 60) оборонительных и сторожевых сооружений – крепостей, замков, башен и оборонительно-жилых комплексов.

На протяжении всей своей истории народы Кавказа руководствовались принципом добрососедства и взаимного уважения. Однако феодальная экспансия, грабительские набеги, внутри сословные разборки знати средневековья, усугубляемые вторжениями крымцев, обуславливала актуальность проблемы самозащиты. Организация обороны и забота о безопасности этно-территориальных границ предполагала определенное разнообразие средств и подходов.

При малочисленности населения единственно возможным противовесом внешней угрозе могли быть лишь «военизация» жизненного уклада, а также умелая реализация возможностей, связанных с труднодоступностью занимаемой территории. Приобщение к воинскому искусству практиковались уже в детском возрасте, начиная от игровых, и совершенствованием воинского искусства и навыков мужчин на протяжении всей жизни. Это в совокупности с традициями взаимопомощи с ближайшими соседями (карачаевцами, дигорцами) компенсировало малочисленность боеспособного контингента, который состоял обычно из общинников – «*каракиши*», возглавляемых феодалами.

В одном из наиболее ранних документов, относящемся к концу XVII века, речь идет всего о тысячной военной дружине малкарской общины. Даже в наиболее благоприятные периоды численность боеспособных дружин пяти горских обществ едва ли могла превышать 2 тысячи человек. Но их численность при необходимости могла быть увеличена за счет княжеских дружин и народного ополчения, состоящего из всех сословий.

Охрана скота – главного достояния горцев – в период выпаса возлагалась на так называемые «Басиат-коши» – «воинские отряды из молодых таубиев и стрелков, который весной и осенью становились лагерем на плоскости перед входом в ущелье». Лагеря «Басиат-кош» были предназначены не только для охраны общества и стад, но и для подготовки военному искусству молодых таубиев и их стрелков.

Защита от вражеских вторжений была предусмотрена тщательно обдуманная оборонительная система. По мнению различных авторов, башенные сооружения Верхне-Балкарской котловины «представляют собою строго продуманную и завершенную систему укреплений, а не случайно разрозненные башни. Умелое их размещение делало аулы долины хорошо защищенными...». При этом крепость Зылгы-Кала «представлял собой первый оборонительный форпост в общей цепи укреплений» со стороны предгорий, а Болат-Кала «завершает всю оборонительную систему этого района» со стороны перевалов Главного Кавказского хребта. Период создания этой оборонительной системы датируются XII–XVIII веками. То есть на «умелое размещение» крепостей и башен ушло пять-шесть столетий. При этом в первую очередь была возведена крепость Болат-Кала, которая «завершает» всю оборонительную систему Верхней Балкарии.

Однако все жители ближайших поселений не могли укрыться и жить в этих укреплениях. Таких обширных по площади укреплений, рассчитанных на содержание гарнизонов и размещение всех жителей, на Центральном Кавказе вообще не было. Следовательно, укрепления «назначались для привилегированной родовой знати», которая защищала подданных на поле боя во главе ополчения. Чаще всего под крепостями подразумевались укрепленные резиденции князей (Пулада, Кулу, Тауса и др.), которые были непригодны для противостояния регулярным воинским контингентам. Говоря о взятии Тимуром «множества крепостей», летописцы умалчивают вопрос о поселениях горцев, которые были укреплены, как например, типа городища Лыгыт-Кала. Только при взятии этих поселений воины Тимура могли «сжечь дома», «убить без числа людей» и овладеть «несметной добычей».

Кроме того, хорошо отлаженная и базирующаяся на богатом опыте предшествующих эпох система охранно-защитных мероприятий предполагала наличие *постоянной караульной службы* в стратегически важных точках пограничья – перевалах в Закавказье, а также теснинах ущелий близ выходов на равнину. По данным фольклора и Р. Харадзе караулы выставлялись с мая до наступления зимы – на время, когда перевалы и горные дороги были проходимы. Обычно состав каждого караула насчитывал по 12 человек, содержащихся на общественные средства. В их обязанности входила не только военно-пограничная, но и карантинная служба: в каждом карауле имелись опытные знатоки («уста»), проверявших состояние прогонявшегося скота во избежание проникновения эпизоотии.

В мирные времена основная задача состояла в охране территории от «обычных» бытовых набегов соседей с целью похищения скота, а иногда и людей. Разумеется, при всей своей значимости такие караулы не всегда срабатывали безотказно. Условия длительного мира могли несколько притупить

бдительность стражников, и противник мог проникнуть на охраняемую территорию либо хитростью, либо обходными путями, тем более что не во всех ущельях караульная служба была столь эффективна, как в Малкаре. По словам М. Абаева, иногда соседям удавалось «проникнуть в горы и производить грабежи». Более обстоятельно об этом сказано феодалами Атажукиным и Гиляксановым: «Когда Большой Кабарды владельцам случается над ближними им народам чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от 50 до 200 человек, и наперед, тайным образом осмотра, захватят тесные проходы, и для охранения тех проходов оставляют несколько человек пеших с ружьем, и таким образом, учиня поиски, возвращаются с добычею, а ежели при приходе их, кабардинцев, на тесных проходах усмотря горские караулы, они, кабардинцы, возвращаются в дома свои без добычи, напротиву того и с тех горских народов по несколько человек ночным временем приходят и зажигают их кабардинские деревни, от чего им и немалые разорения приключаютца».

В период военного конфликта ответственность караульных возростала настолько, что провинившийся не мог рассчитывать на снисхождение. Олий, возглавлявший общину, принимал дополнительные меры по охране рубежей: наряду с обычными караулами ставились секретные дозоры в укрытиях, снаряжались пикеты, разъезды. Об одном из таких случаев сообщал князь Ураков в 1787 году, когда обострение отношений с некоторыми феодалами Кабарды «вынудило горцев перекрыть входы в свои ущелья, где до этого кабардинские повстанцы всегда находили укрытие и поддержку». Соседям удалось преодолеть изоляцию только путем мирных переговоров.

М. Абаев описывает эпизод, когда, готовясь к войне с горцами, кабардинский князь Аслан-бек Кайтукин подослал к олию Малкара двух лазутчиков. Но разведка существовала и у горцев. Об ее эффективности свидетельствуют, например, события 1828 года, когда царские войска во главе с генералом Эммануэлем решили напасть на Карачай врасплох, но «как ни скрытно делались приготовления к этой экспедиции, в горах узнали о ней прежде, чем собрались войска», и еще до начала похода «где только могла ступить нога человека — везде они стояли наготове».

Связь караулов с поселениями осуществлялась посредством, так называемых «дыфов» (сигнальных костров), размещавшихся в пределах видимости друг от друга. В случае тревоги дыфы загорались один за другим, и зачастую это происходило столь быстро, что в поселениях знали о тревоге еще до прибытия гонца. Гонец же, въехав в одно из наиболее многолюдных поселений, останавливался у «ныгыша» (место общения), и сходил с коня не с левой стороны как обычно, а с правой, и, став на видном месте, оповещал население о причине тревоги.

В подобной ситуации главная задача олия сводилась к отражению агрессии

еще на дальних подступах к поселениям. Во главе спешно мобилизованного ополчения он выезжал на пограничье. Дальнейшие действия ополчения зависели от конкретных обстоятельств. Если позволяло соотношение сил, сражение могло произойти на месте встречи. Когда же приходилось сталкиваться с превосходящими силами противника – старались принять бой в теснинах, и тем самым свести на нет численное превосходство нападавших. Здесь ими возводились различного рода сооружения, преграждающие путь вражеской коннице. «У балкарцев и карачаевцев – писал князь И.В. Шаховский, – защита своих земель состоит в завалах и засеках, которые они весьма искусно располагают». Много позже это отмечал и Л.И. Лавров: – «...в старину, в целях обороны... балкарцы заваливали камнями узкое место Баксанского ущелья... и держали там стражу, и в Чегемском ущелье... держали караул в узком месте ущелья – у водопадов, что между селениями Верхний и Нижний Чегем». Остатки таких завалов Л.И. Лавров видел и в других районах Балкарии.

Такая тактика была рассчитана, прежде всего, на применение оружия дальнего боя – лука со стрелами, а с XVII–XVIII века – огнестрельного оружия. Находившимся в укрытии стрелкам это давало большие преимущества. «Искусное расположение» завалов предполагало сооружение их в таком месте, что неприятель обстреливался и спереди, и с флангов. Преодолеть такое препятствие, находясь под перекрестным огнем защитников, было трудно. Если противнику все же удавалось подойти к линии обороны вплотную, начинался рукопашный бой – в ход шли сабли, кинжалы, дротики и т.п.

Следующий этап боевых действий начинался с преодолением указанных препятствий и продвижением противника в глубь ущелья, в сторону горских поселений. Для наступавшей стороны он оказывался ничуть не легче первого этапа. Завалы и засеки продолжали встречаться вновь и вновь, мосты через бурные реки разрушались отступавшими, с крутых склонов гор обрушивались искусственно вызванные камнепады, на всем пути следования приходилось остерегаться засад. Отдельные подвижные группы ополченцев не выпускали неприятеля из поля зрения, стараясь если не остановить, то измотать его настолько, чтобы свести к минимуму его шансы на успех в заключительной стадии сражения – при штурме поселений, защищавшихся за каждым каменным забором.

Одним из элементов оборонной стратегии являлась локализация поселений. Отчетливо прослеживается единая для всех горских обществ закономерность: во-первых, максимальная удаленность аулов от легкодоступной предгорной зоны; во-вторых, их локализация компактными «гнездами», и надежная взаимосвязь посредством общей коммуникации – проложенной через перевалы (параллельно Кавказскому хребту) горной дороги. Компактность «гнезд» сокращала периметр круговой обороны каждого из обществ, что при

малочисленности населения было весьма существенно. Именно в этом, а не только в «умелом размещении» феодальных замков, состояла «строго продуманная» система защитных мероприятий Балкарии.

Традиция «гнездового» расположения поселений ведет свое происхождение еще с аланской эпохи. А.А. Иессен, а впоследствии В.А. Кузнецов, В.Б. Ковалевская и другие писали: – На равнине перед каждым из таких «гнезд» – в пределах визуальной связи – находилось несколько сторожевых форпостов. Обычно это были крупные курганы более ранних эпох; вершины курганов уплощались, а насыпи ограждались рвами и валами. Эти форпосты, предназначенные для караульной службы и сигнальных костров, имеют аналогии в балкарских *дыфах* и караулах. В.А. Кузнецов акцентирует: – «как правило, к большому и сильно укрепленному городищу тяготеют менее значительные».

Иными словами, в период осады мирное население крайних городищ укрывалось на территории центрального городища, а крайние, в которых оставались только воины, становились первыми бастиянами обороны на подступах к основному городищу. Судя по данным устной традиции, при осаде балкарских аулов: «Из крайних селений люди бегут в центральные... Так бывает, когда начинается война». В особо критических ситуациях в поселениях оставались только мужчины, а женщины и дети эвакуировались в глубь гор и прятались в скрытых пещерах.

При всей компактности «гнезд» расстояние между отдельными поселениями заметно варьировало, и поэтому они делились еще на подгруппы из 2–3 или 4–5 наиболее близких друг к другу поселений. Эти подгруппы, формировавшиеся «на основе искусственно-территориальных объединений» назывались «*аирылгъан*» (отделившиеся), и «система общинной защиты у балкарцев располагалась по *аирылганам*».

В отличие от алан располагавших поселения на поверхности платообразных возвышенностей, склоны которых «подрезались» с целью увеличения их крутизны, а по периметру сооружались рвы и валы, балкарские поселения располагались в нижней части горных склонов, где остатки оборонительных стен зафиксированы лишь в некоторых случаях.

Аланские традиции в тактике защиты, когда крайние поселения могли служить прикрытием для центрального поселения, в условиях Балкарии оказывались даже более эффективным, благодаря горному рельефу местности и применению в строительстве камня. При умело поставленной обороне жители поселений могли успешно противостоять длительной осаде за своими каменными заборами и жилищами.

При всей своей эффективности оборонная стратегия средневековых балкарских обществ была рассчитана на локальные вооруженные конфликты, и, конечно, не могла служить гарантом безопасности перед регулярной армией.

Но она была единственно возможной, и в целом достаточно успешно выдержала испытание на прочность. Опытные кабардинские и кумыкские стратеги, чьи дружины были хорошо знакомы со спецификой войны в горах, отмечали: – «Оные горские народы... ни под чьею протекциею не состоят и никому ими действительно овладеть невозможно затем, что живут в крепких и непроходимых местах, и... оные народы весьма военные...».

В истории балкарских обществ было немало случаев совместного противостояния внешней угрозе. Так было, например, в начале XVIII века, когда не оправдались расчеты кабардинского князя Кайтукина на то, что с покорением Малкара остальные общества «сами сдадутся». Так было и в 1787 году, когда малкарцы, «согласясь с прочими горскими соседними народами, именуемыми чегемы, холамы и безенгы, поставили по всем дорогам, лежащими от кабардинцев, караулы...», а также в 1834 году, когда в назревающий вооруженный конфликт между Урусбиевыми и Дадешкелиани стали втягиваться не только балкарские общества, но и карачаевцы. По словам пристава Тургиева балкарские общества имели «с давнего времени с карачаевцами условие в том, чтобы при могущих случиться опасностях от нападения на кого-либо из них неприятеля, они обязаны подать возможную помощь...»

Тем не менее в начале XIX столетия совокупность исторических обстоятельств подвела горские общества Балкарии к необходимости добровольно войти в состав Российской империи и передать императору свое «благородное ружье», служившее на протяжении ряда столетий своеобразным оберегом в оборонительных войнах. Символический смысл этой акции – отныне гарантом безопасности балкарцев стала Россия, и вручение ружья императору было выражением доверия и залогом мирного будущего.

2.2. РАЗМЕЩЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СООРУЖЕНИЙ

Оборонительные сооружения Балкарии воздвигались на труднодоступных скальных участках и вершинах в верховьях ущелий между Боковым и Скалистым хребтами Кавказа, окаймляющих котловины, в которых находились поселения. Наиболее ранние сооружения (XII–XIV вв.) создавались на вершинах гор и крутых склонах. Позже они строились в долинах и вблизи селений. Там же строились монументальные наземные склепы-мавзолеи (*кешене*) из хорошо обработанных камней – захоронения знати в каменных ящиках. Рядовых общинников хоронили в обычных грунтовых могилах.

Общность интересов при защите аулов, ущелий выразилась в особенностях крепостных и оборонительных сооружений. Защитные функции замков Жабо-Кала и Зылгы-Кала сказались в ключевом расположении их по отношению к Безенгийскому и Черекскому ущельям, в их планировочных и строительных

решениях, а также в умелом использовании рельефа местности, утолщениях стен из плотно пригнанных камней, в устройстве окон-бойниц, развернутых в сторону ожидаемого врага. Совершенно неповторимый облик каждого из крепостных сооружений рождался в основном из особенностей природного окружения. Трудно переоценить творческий опыт народных строителей в деле организации пространственной среды для постройки, использовании при этом самых выгодных природных условий. Даже на высоком уровне современной строительной техники этот опыт может иметь практическое значение в разрешении подобных проблем профессиональным искусством архитектуры.

Земельная теснота, загнанных в ущелья балкарцев, их постоянная готовность к защите, глубокие социальные различия и противоречия отчетливо отразились в особенностях планировки и топографии поселений Балкарии, а также родовых оборонительных и погребальных сооружений феодалов.

По масштабу и назначению оборонительные сооружения Балкарии делятся на крепости (замки), боевые и сторожевые башни. Среди крепостей наиболее известны Жабо-Кала, Курнаят-Кала, Зылгы-Кала, Болат-Кала. Боевых и сторожевых башен было более 50, среди которых наиболее известны и лучше сохранились башни Абай-Кала, Амирхан-Кала, Ак-Кала, Малкар-Кала, Малкарук-Кала, Баксанук-Кала.

По хронологии балкарские замки и башни, согласно В.М. Батчаеву, можно разделить на три основные группы, подтверждаемые результатами раскопок и конкретизацией хронологии:

– *к первой группе* относятся сооружения, воздвигнутые на труднодоступных высотах над поселениями не позже XII–XIV века;

– *ко второй группе* относятся сооружения, воздвигнутые в долинах, в черте поселений или вблизи их в XV–XVI века;

– *к третьей группе* относятся сооружения, построенные в черте поселений с XVI по XVIII век.

Согласно И.М. Мизиеву и В.М. Батчаеву эти три группы сооружений отличаются друг от друга не только по месту локализации и хронологии, но и по архитектуре.

2.3. КРЕПОСТИ И БАШНИ XII–XIV ВЕКОВ

Первая группа наиболее древних оборонительных сооружений относится еще к концу аланской эпохи, но эволюционировала за счет пристроек и в последующем. Особенность их локализации отмечена в хрониках летописцев Тамерлана. «Крепости их были на вершинах гор, а дороги к ним крайне трудны и тяжелы, так что из-за их большой высоты у наблюдающего темнело в глазах, а у смотрящего шапка падала с головы. Крепость же Тауса (Таулас – имя) имела

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

особенно прекрасное высокое строение... стрела не достигала снизу доверху крепости, и без усилия ум не мог представить взятия ее».

К наиболее ранним объектам можно отнести Усхур-Кала, Зылгы-Кала, Малкар-Кала и Болат-Кала. В хозяйственной яме верхней башни замка Усхур-Кала обнаружены обломки глиняных сосудов, сближающихся с аланской керамикой до монгольского времени. Материалы из склепового захоронения у нижней башни позволяют уточнить верхнюю дату памятника – XV век. Приблизительно те же хронологические рамки приемлемы и к укреплению Малкар-Кала. Наряду с фрагментами золотоордынской керамики здесь выявлено и несколько более архаичных маловыразительных обломков. В двух других объектах (Зылгы-Кала и Болат-Кала) превалирует керамика золотоордынской эпохи. Возможно, они возникли в XIII–XIV веках и, судя по размерам бойниц, предназначенных для стрельбы из лука, были заброшены еще до распространения огнестрельного оружия, т. е. до XVII–XVIII веков.

Места для строительства замков выбраны чрезвычайно труднодоступные, на крутых высоких и обрывистых склонах. Особенно удачно расположение замков Зылгы-Кала и Болат-Кала. Проникнуть в них можно с риском для жизни лишь в одной определенной точке их периметров, что значительно облегчало оборону.

Столь тесная связь локализации объектов с рельефом местности не могла не отразиться на особенностях архитектуры. Размеры и конфигурация планировки построек обусловлены величиной и формой скальных выступов, на которых они возводились. Размеры и планировка сооружений варьируют столь значительно, что геометрически правильные формы (квадрат, прямоугольник) встречаются в единичных случаях, когда это допускал рельеф. Каждый объект имеет свою индивидуальность, которую не имеют аналоги за пределами Балкарии, и свидетельствует о самобытности балкарского зодчества.

Особенностью данной группы является и то, что часто фасадные стены построек слегка выгнуты наружу для расширения угла обзора даже вопреки конфигурации строительной площадки, которая расширялась искусственной забутовкой.

Все сооружения возведены на известковом растворе и отштукатурены только снаружи. В качестве строительного материала использованы красный плитняк, гранит, песчаник и др. Явных следов обработки камня кроме небрежно отесанных наличников бойниц, входных проемов и стенных ниш не отмечается. Но камни подобраны с расчетом на устойчивость кладки, производившейся в перевязку.

Толщина стен варьирует от 55 до 80 см. Несколько тоньше стены сооружения 2 замка Болат-Кала (45–50 см), а у сооружения 5 в Усхур-Кала стены

гораздо толще (1,0–1,2 м). Эти объекты по толщине стен и по качеству кладки заметно уступают более поздним сооружениям XVII века. Они не были рассчитаны более чем на 2 этажа. В полу первого этажа имелись колодцы для запасов провизии и воды.

В целях сейсмостойкости корпуса построек сужаются кверху. Все постройки однокамерные, площадью от 20–30 до 100 и более кв. метров. Каждый комплекс состоит из 4–5 отдельных построек, возведенных на некотором расстоянии друг от друга, огражденных общей каменной стеной или неприступной скалой. Позже к отдельно стоящим сооружениям были пристроены по 1–2 небольших помещений. Исключение составляет лишь замок Болат-Кала, расширявшийся не за счет отдельно стоящих построек, а пристроек к корпусу основного сооружения из-за ограниченности скальной площадки.

Необходимо отметить также наличие довольно глубоких, слегка расширяющихся книзу хозяйственных ям для хранения воды и продуктов питания, прямоугольных ниш в стенах и каменных лежанок. Размеры стенных проемов существенно отличаются, наиболее крупные – служили бойницами для стрельбы из лука, а мелкие – световыми и смотровыми отверстиями, используемыми в мирное время, когда бойницы были закрыты деревянными щитами.

2.4. КРЕПОСТИ И БАШНИ XV–XVI ВЕКОВ

Следующая группа памятников – это башни и замки XV–XVI веков. Их нижняя дата определяется отсутствием керамики XIII–XIV веков, а верхняя – размерами бойниц, предназначенных для стрельбы из лука, а не из огнестрельного оружия, получившего распространение с XVII века.

В данную хронологическую группу могут быть включены, прежде всего, замки Жабо-Кала и Курнаят-Кала и первая (полуразрушенная) башня Абаевых в селе Кюнлюм. Сюда же условно можно включить башни в Верхнем Холаме и в верховьях реки Сукан-Су. Степень их сохранности не позволяет судить о размерах бойниц, но керамика XIII–XIV веков в них не обнаружена, а по толщине стен и характеру кладки они почти идентичны с замками Жабо-Кала и Курнаят-Кала.

Памятники этой группы совмещают в себе некоторые особенности памятников как ранней, так и поздней групп. Это и одинокие башни вроде Сукан-Кала, это и грандиозный комплекс Курнаят-Кала, это и локализация их в низинах (башня Абаевых), но и не утративший своего значения расчет на защитные свойства рельефа, когда конфигурация плана постройки все еще обусловлена формой и размерами скальной площадки. Любопытно, что по мере «перемещения» укреплений с высот в низины отсутствие естественной

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

защиты в виде скальных обрывов компенсировалось тем, что башни сооружались на огромных валунах. Например, башня Сукан-Кала построена на огромном валуне, расположенном на островке в центре русла бурной реки. В памятниках поздней группы такие «валуны» начали создавать искусственно путем забутовки первого этажа башни.

Стены и в этих веках были по-прежнему умеренной толщины (50–80 см). Но отмечается тенденция увеличения высоты башен. Например, судя по фотографии 1907 года, одна из боевых башен замка Курнаят-Кала имела не менее 4 этажей, а жилая (или «полубоевая») – не менее трех. Разрастание комплексов происходило не только вширь за счет пристроек, но и ввысь, за счет этажей, надстроенных позже. Судя по строительным швам, замок Жабо-Кала был возведен в несколько этапов, то же можно сказать и о южной группе пристроек замка Курнаят-Кала.

В этот период намечается дифференциация башен на боевые и «полубоевые», имевшие жилые помещения, заметна также тенденция к стандартизации их форм и размеров. Кроме того, впервые появляются элементы архитектурного декора в виде маленьких квадратных выемок, образующих горизонтальный ряд, треугольник и т. д.

К этому времени относится один из самых эффектных архитектурных комплексов средневековой Балкарии – замок Курнаят-Кала. К настоящему времени он разрушен почти до основания, однако зарисовки конца XIX века, почтовые открытки с фотоснимками начала XX столетия, а также полевое археологическое обследование памятника все же дают некоторое представление о его внешнем облике.

2.5. КРЕПОСТИ И БАШНИ XVI–XVIII ВЕКОВ

Третью группу феодальных замков Балкарии по данным В.М. Батчаева составляют более поздние объекты типа оборонно-жилых комплексов князей Абаевых в селениях Кюнлюм и Шканти (последняя известна по зарисовке и описанию XIX века), три башни Верхней Балкарии (известные только по фотоснимкам начала XX века), комплекс Амирхан-Кала в селе Шканти, комплекс Ак-Кала в Безенги, комплекс Малкарук-Кала в Верхнем Чегеме, и также 3–4 памятника, зарисовки, которых приведены в альбоме Д.А. Вырубова. К моменту их первой фиксации в литературе в XIX веке некоторые из них были обитаемы, или заброшены относительно недавно. Поэтому время их строительства можно было определить, хотя и приблизительно, по устному творчеству и генеалогии феодалов-владельцев.

Они относятся к периоду с конца XVI по XVII век, в котором массовое распространение, по крайней мере, в феодальных кругах получило огнестрель-

ное оружие. Однако среди перечисленных памятников нет ни одного такого, который с полной уверенностью можно было бы приурочить именно к этому столетию, так как известны достоверные случаи, когда формирование новой феодальной знати уже не сопровождалось строительством замков и башен (например, их не было у князей Урусбиевых). Это обстоятельство не исключает отдельных случаев башенного строительства и в XVIII веке, хотя К. Фиркович приурочивал верхнюю дату памятников к XVII столетию.

Все укрепления этой группы локализованы в долинах, в черте поселений или поблизости от них. Подступы к ним не защищены препятствиями в виде высоких крутых склонов, отвесных обрывов скальных платформ и т. п. К тому времени социальная структура горских обществ Балкарии стабилизировалась полностью, и феодальная формация утвердилась окончательно, были упорядочены отношения феодалов между собой и с внешним миром, а с инкорпорацией горской знати в феодальную иерархию Центрального Кавказа она обрела и некую поддержку извне. Всеобщего мира и спокойствия, конечно, не было никогда, но будущее стало более предсказуемым, а индивидуальная защита феодалов сменилась сплоченностью отдельных группировок и союзов. В подобных условиях таубиям не было особой необходимости в самоизоляции на неприступных высотах, тем более что большинство ранних укреплений не было рассчитано на длительную осаду, а их комфортабельность была минимальна.

Процесс стабилизации типов сооружений, наметившийся еще в предшествующий период, к XVII столетию был завершен. Правда, это относится главным образом к боевым башням. Сложнее обстоит дело с так называемыми «жилыми» (или «полубоевыми») башнями. По мнению И.М. Мизиева, балкарские башни однозначно дифференцировать на жилые и боевые невозможно – очевидно, что они «одновременно несли функции, как жилых, так и боевых». Некоторые из них больше похожи на жилые башни. Другие сочетают жилищную функцию с оборонительной, что подтверждает наличие бойниц. Это, например, просторное двухэтажное помещение между двумя боевыми башнями замка Жабо-Кала, а также боковые пристройки к боевой башне безымянного замка, известного по рисунку в альбоме Д.А. Вырубова.

Таким образом, относительно некоторых сооружений XVII века уже можно говорить как о боевых башнях в строгом смысле этого слова. Все они (за исключением башни Амирхан-Кала) имеют квадратную форму, с длиной сторон в среднем 5 × 5 м или 6 × 6 м. Стены оштукатурены изнутри и снаружи, с внешней стороны они часто декорированы выемками в виде крестов, полосами из ряда мелких квадратов и т. д. Бойницы имеют небольшие размеры и предназначены для стрельбы из огнестрельного оружия. Корпусы башен плавно сужаются кверху, число этажей варьирует от 4 до 5, а их высота – от 16 до 18 м.

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

В отличие от двух первых хронологических этапов, в рассматриваемое время значительно больше внимания стало уделяться бытовым удобствам. Это выразилось не только в переносе феодальных резиденций с высот в долины, но и в более обширной их площади, повышенном количестве жилых и хозяйственных построек, наличием водопроводов, известных еще по раннесредневековым городищам Лыгыт, Думала и др. На связующем растворе возводились только башни, все остальные постройки сложены сухой, но достаточно прочной кладкой.

В отличие от ранних средневековых сооружений типа Зылгы-Кала или Усхур-Кала, в которых все постройки комплекса имеют оборонительный характер, в каждой из усадеб XVII века башня является только вкраплением в общую массу жилых построек поселения. Такое преобладание обычных неукрепленных сооружений дает основание предполагать, что единственная среди них постройка башенного типа представляла уже не только укрепление, а своего рода символ – знак особого социального статуса владельца, так как княжеские башни располагались в центре села.

В целом памятники третьей и отчасти второй группы воплощают собой более высокую степень фортификационного зодчества и строительной культуры вообще. Это, безусловно, связано с расцветом башенного и склепового зодчества всего горного Кавказа. В этом плане следует отметить некоторые сходства башенной архитектуры Балкарии и других районов Центрального Кавказа:

- наличие бойниц в виде крестообразных проемов в стенах верхних этажей, как в Ингушетии и Осетии;
- межэтажные перекрытия устроены на толстых деревянных балках, а сообщение между этажами предусматривалось с помощью приставных лестниц или бревен с зарубками;
- сужение стен сверху и плоское перекрытие, как у некоторых башен Чечни, Ингушетии, Осетии, Хевсуретии.

Однако в фортификационных сооружениях Балкарии ярко прослеживаются серьезные отличительные особенности в их архитектуре:

- отсутствие четкого разделения башен на боевые и жилые (вероятно, эти функции сочетались одновременно);
 - отсутствие пирамидально-ступенчатых, плоских с барьерами и зубцами по 4 углам перекрытий;
 - отсутствие каменных мешков для пленных и деревянных замков и устройство входов на уровне второго этажа;
 - отсутствие навесных балконов над бойницами;
 - отсутствие опорных столбов, установленных в центре первого этажа для поддержки межэтажных перекрытий.
-

Таким образом, фортификационная архитектура Балкарии опиралась на глубокие местные традиции, имеющие раннесредневековые корни и особенности местного самобытного развития.

2.6. КРЕПОСТИ, ЗАМКИ И БАШНИ ЧЕРЕКСКОГО УЩЕЛЬЯ

История балкарского народа – это история борьбы с суровой природой и с завоевателями. Горцы умело использовали природные условия и нередко создавали оборонительные сооружения, которые делали неприступными их селения и усадьбы.

Г.В. Пионтек

2.6.1. Размещение оборонительных сооружений

Среди всех ущелий Балкарии, от которых «кружится голова» самое восточное и самое грандиозное – Черекское или (Балкарское) ущелье. Начинается оно после слияния Череха Балкарского с Черехом Безенгийским. Сначала оно представляет достаточно широкую долину, где расположены поселок Кашхатау, село Бабугент и знаменитые *голубые озёра*. Нижнее озеро находится у дороги, ведущей в ущелье Балкарского Череха. Оно имеет поперечник около 250 м и глубину 368 м и питается подземными речками.

Выше этого озера дорога проходит в узкой теснине в виде узкой щели между необычайно высокими скалами по карнизу, устроенному в отвесной скале высоко над руслом Балкарского Череха. Слева от дороги стена высотой в несколько сот метров, а справа – пропасть. Впервые так называемая «колесная дорога» над пропастью была построена в конце XIX века главами семейств из всех сел Верхней Балкарии для транспортного сообщения с внешним миром. Эта дорога была устроена в карнизе, выдолбленном в отвесной скале. Высокая опасность проезда была устранена около 35 лет тому назад путем строительства тоннеля, который прорезает Скалистый хребет, за которым начинается широкая долина Верхней Балкарии.

В Верхней Балкарии имеется множество полуразрушенных и разрушенных памятников старины: оборонительные крепости, башни и останки 21 разрушенного села, расположенных вдоль правых и левых притоков реки Черек Балкарский.

Об архитектуре этих поселений речь пойдет в разделе 5, а здесь мы рассмотрим известные крепости, замки и башни Черекского ущелья, которые в основном локализованы на левом, а некоторые на правом берегу реки Черек Балкарский.

В Черекском ущелье из-за нехватки леса они строились из природного

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

**Схема размещения оборонительных сооружений в Верхней Балкарии.
Географические координаты по данным GPS**

камня, которого здесь в избытке. Жители этого ущелья до сих пор являются мастерами каменной кладки. Особенному развитию мастерства каменной кладки в Черекском ущелье способствовало наличие мягкого слоистого камня, который давал возможность соблюдать горизонтальные ряды и делать приблизительную разбивку швов.

В оконных проемах оборонительных сооружений и жилищ довольно часто применялись каменные перемычки. На этой основе черекскими мастерами применялась в практике строительства система «ложного свода». Крупные проемы перекрывались путем наращивания боковых выступов каменных плит, закрепленных в толще стены.

2.6.2. Замок Курнаят-Кала (XV–XVI вв.)

Географические координаты: 43° 6' 55,13" N; 43° 27' 32,36" E

Замок Курнаят-Кала расположен ниже всех по течению реки Черек Балкарский на его левом берегу над развалинами села Курнаят. Его назначение – защита от проникновения противника из предгорий.

Комплекс замка состоял из двух групп сооружений, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Пространство между ними образовало двор, куда можно проехать, по перешейку шириной 10–12 м. По композиционному решению, комплекс Курнаят-Кала представляет собой средневековый феодальный замок, подобный таким памятникам как Зылгы-Кала и Усхур-Кала. Замок позволял контролировать путь в Суканское ущелье. Вся группа строений вместе с оборонительной стеной расположена так, что перекрывает собой единственно возможный доступ на территорию плато с юго-западной стороны.

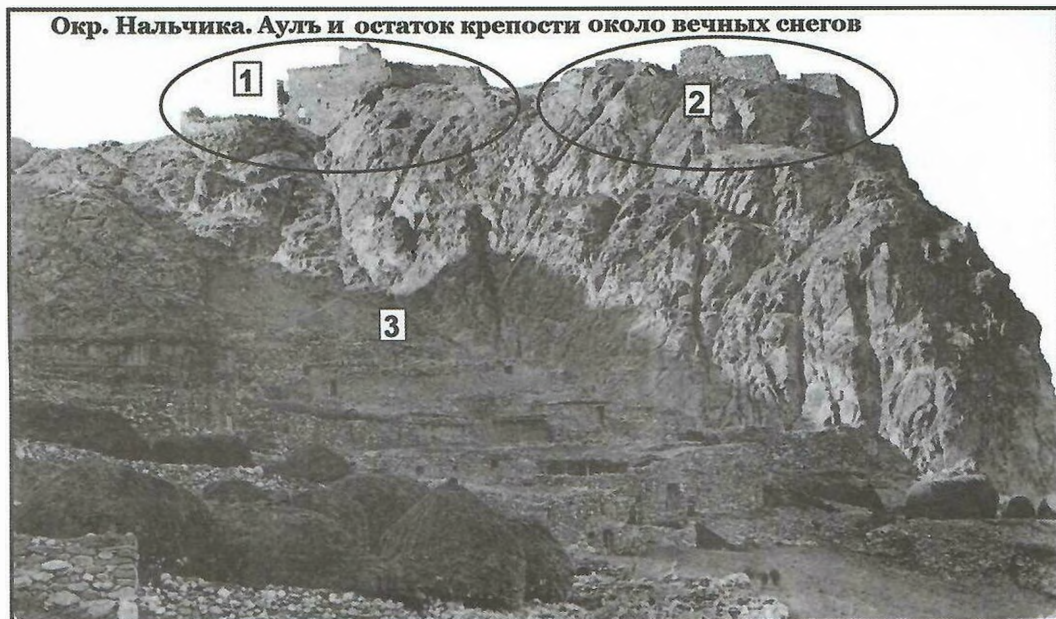
Местоположение замка на редкость удачно. В отличие от большинства ранних укреплений, он расположен на обширном плато с относительно ровной поверхностью размером около 30×80 м. Ввиду значительности такого пространства здесь осталось достаточно много места и для «двора», исключительной по тем временам роскоши. Вместе с тем этот комплекс несколько не уступает по естественной защищенности таким, например, замкам, как Зылгы-Кала или Болат-Кала, так как занимаемое им плато почти по всему периметру оканчивается скальными обрывами. Такое сочетание делало замок Курнаят-Кала не только безопасным, но и удобным.

Первая юго-западная группа состояла из четырех пристроенных друг к другу, а также пятой, пристроенной к оборонительной стене, сооружений. Главным из строений являлась массивная «жилая» башня со сторонами 9×11,3 м и высотой около 8 м.

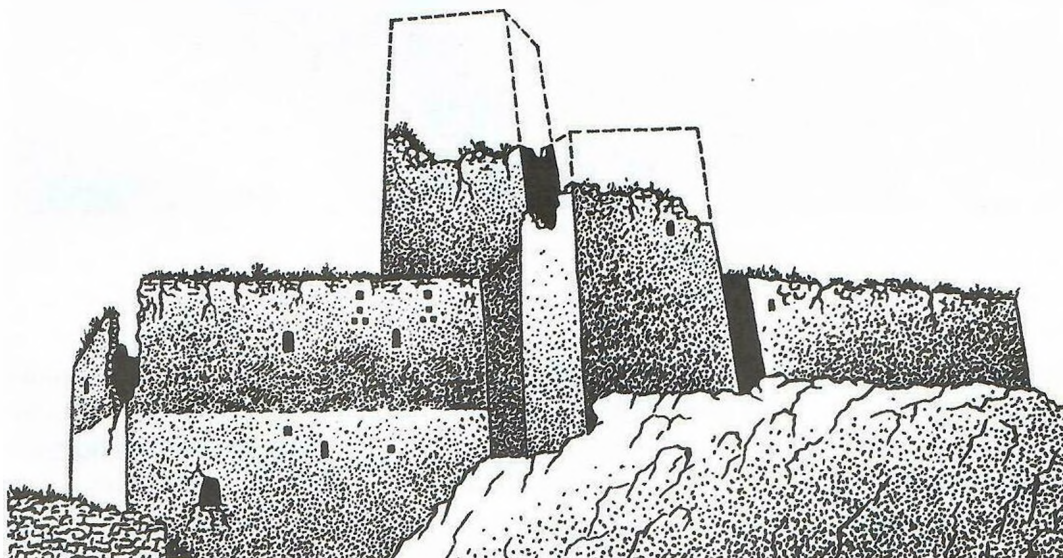
На фотоснимке 1907 года видно различие в тональности штукатурки верхней и нижней части стен. Очевидно, что верхний – третий этаж был надстроен много позже, уже после заселения замка. К ней пристроены еще две боевые башни, со значительно меньшей площадью основания, но более высокие. Одна из них, разрушенная к 1907 году, на треть своей высоты, достигала 9–10 м. К жилой и одной из боевых башен с северо-восточной стороны пристроено двухэтажное, помещение (видимо для прислуги) с трапециевидным основанием длиной 10,3 м. К северному углу оборонительной стены пристроено еще одно сооружение, скорее всего, для стражников. Все стены выложены из местного камня на известковом растворе. Бойницы сверху и с боков окантованы плоскими камнями.

Вторая группа расположена в 20–25 м северо-восточнее и состоит из

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

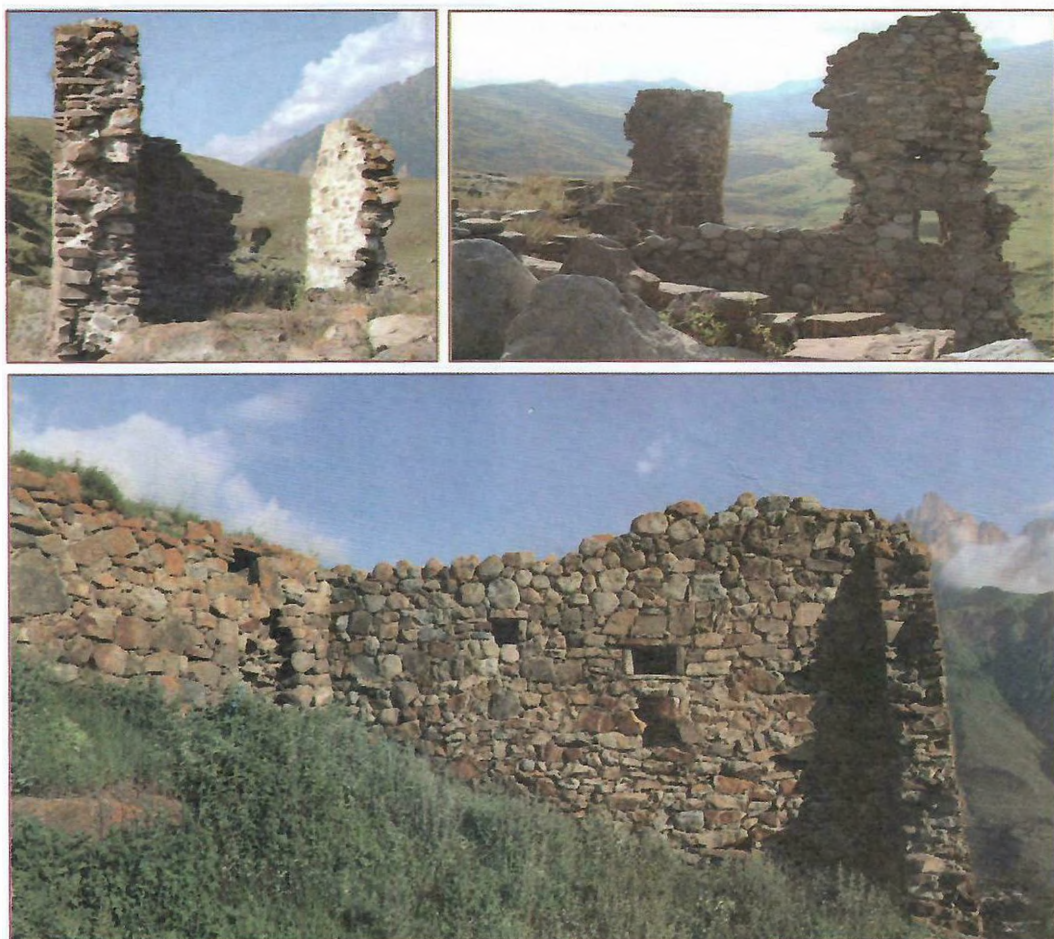

Замок Курнаят-Кала (по фото 1907 г. из альбома Д.А. Вырубова):
1 – юго-западный комплекс; 2 – северо-восточный; 3 – село Курнаят

Замок Курнаят. Юго-западная группа сооружений (частичная реконструкция с фотоснимка 1913 года и рисунка конца XIX века в альбоме Д.А. Вырубова)

четырёх строений. Основным элементом второй группы также являлась «жилая» башня, хотя и не столь большая, как первая, но достаточно вместительная, с длиной сторон 9×9 м. Оборонительной стены здесь нет, поскольку особой

**Современное состояние Курнаят-Кала.
На фрагментах стен видны прямоугольные бойницы,
сужение стен кверху**

необходимости в ней не было. Сохранность строений второй группы значительно хуже, чем у первой.

Между первой и второй группами сооружена отдельная постройка, назначение которой неясно.

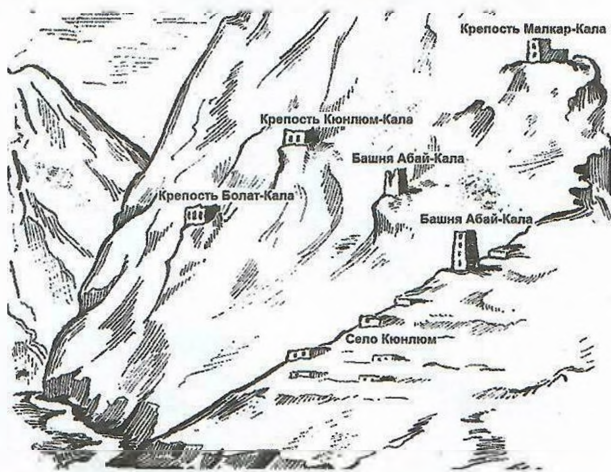
Состояние: Большая часть этого уникального памятника архитектуры разрушена. Однако фрагменты стен, зарисовки Д.А. Вырубова 1913 года, фото конца XIX века, почтовые открытки с фотоснимками начала XX столетия, а также полевые археологические обследования памятника дают достаточно полное представление о внешнем облике замка и могут обеспечить его реставрацию.

2.6.3. Крепость Болат-Кала (XII–XIII вв.)

Географические координаты: 43° 6' 7,21" N; 43° 25' 34,21" E

Крепость Болат-Кала расположена на труднодоступном крутом склоне на высоте около 400 м над уровнем левого берега реки Черек в 2,5 км выше села Верхняя Балкария. Она входит в общую группу оборонительных сооружений Верхней Балкарии вместе с описанными ниже. Она самая дальняя в этой системе, обеспечивая защиту со стороны перевалов Главного Кавказского хребта.

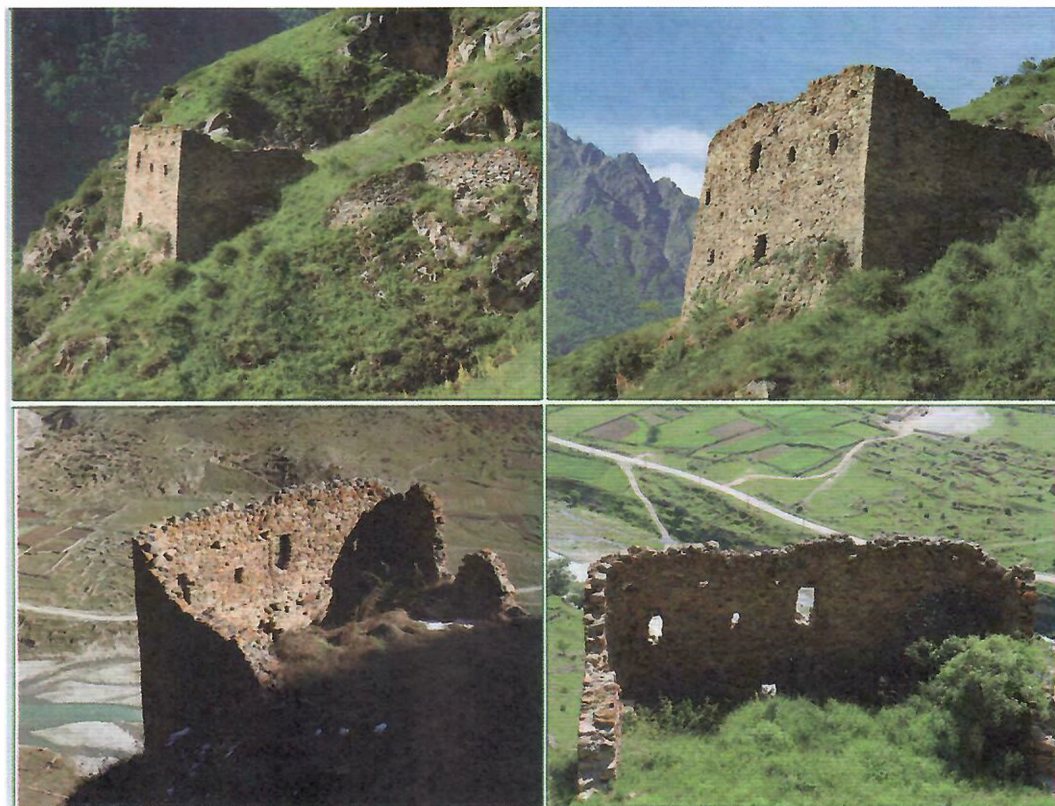
Первоначально крепость была меньших размеров. Потом к ней пристроили со стороны пропасти еще одну более высокую часть. Высота уцелевшей

части передней стены достигает 12 м, а толщина – 0,7 м. В основании предусмотрена кладовая для зерна и воды. В передней стене имеются три окна стрельчатой формы и семь бойниц, расположенных на высоте 8–9 м, из которых отлично просматриваются вся долина реки Черек и села, расположенные в ней.

Состояние памятника критическое. Большая часть его разрушена. Летописцы Тамерлана об этом писали: «Путем невероятных трудностей и больших жертв в рядах своих войск Тимур одолел крепость Тауса, взял в плен и убил Кула и Тауса. Оттуда Тимур двинулся на крепость Пулат, в которой укрылся Утурку – один из старших эмиров Джучиева Улуса. Тимур написал Пулату письмо: «Пришли Утурку, укрывшегося у тебя, если же нет, то я приду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, поражающих врагов». Но Пулат... ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены. Утурку нашел у меня убежище, и пока у меня душа будет в теле, я его не выдам и пока смогу, буду защищать и оберегать его...» Крепость находилась в чрезвычайно труднодоступном месте, и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий победоносное войско одолело их и овладело крепостью. Но Утурку смог убежать в ущелье горы Эльбурз. Войско Тимура разгромило и сожгло дома асов, взяло бесчисленную добычу».

Впоследствии крепость не восстанавливали, но то, что сохранилось до наших дней, свидетельствует о мощи этого сооружения и его защитников. Размеры сохранившейся нижней части основного сооружения достигают 12 м

Фрагменты сохранившейся части основного сооружения Болат-Кала

в высоту и ширину, а длина ограниченная углом скалы, расположенной выше по склону, достигает 20 м. Верхние этажи разрушены.

Крепость Болат-Кала вполне можно реставрировать по сохранившимся фундаментам и фрагментам стен, выложенных на известковом растворе.

2.6.4. Крепость Кюнлюм-Кала (XII–XIII вв.)

Географические координаты: 43° 6' 7,61" N; 43° 25' 33,67" E

Крепость расположена недалеко от крепости Болат-Кала на том же крутом склоне у левого берега реки Черек Балкарский ближе к современному селу Верхняя Балкария.

Название крепости и ближайшего к нему села Кюнлюм происходит от слова «кюн» – солнце. Они расположены на солнечной стороне, поэтому Кюнлюм означает «солнечный».

Состояние крепости – совершенно критическое. Она подверглась основа-

Фрагменты стен Кюнлюм-Кала

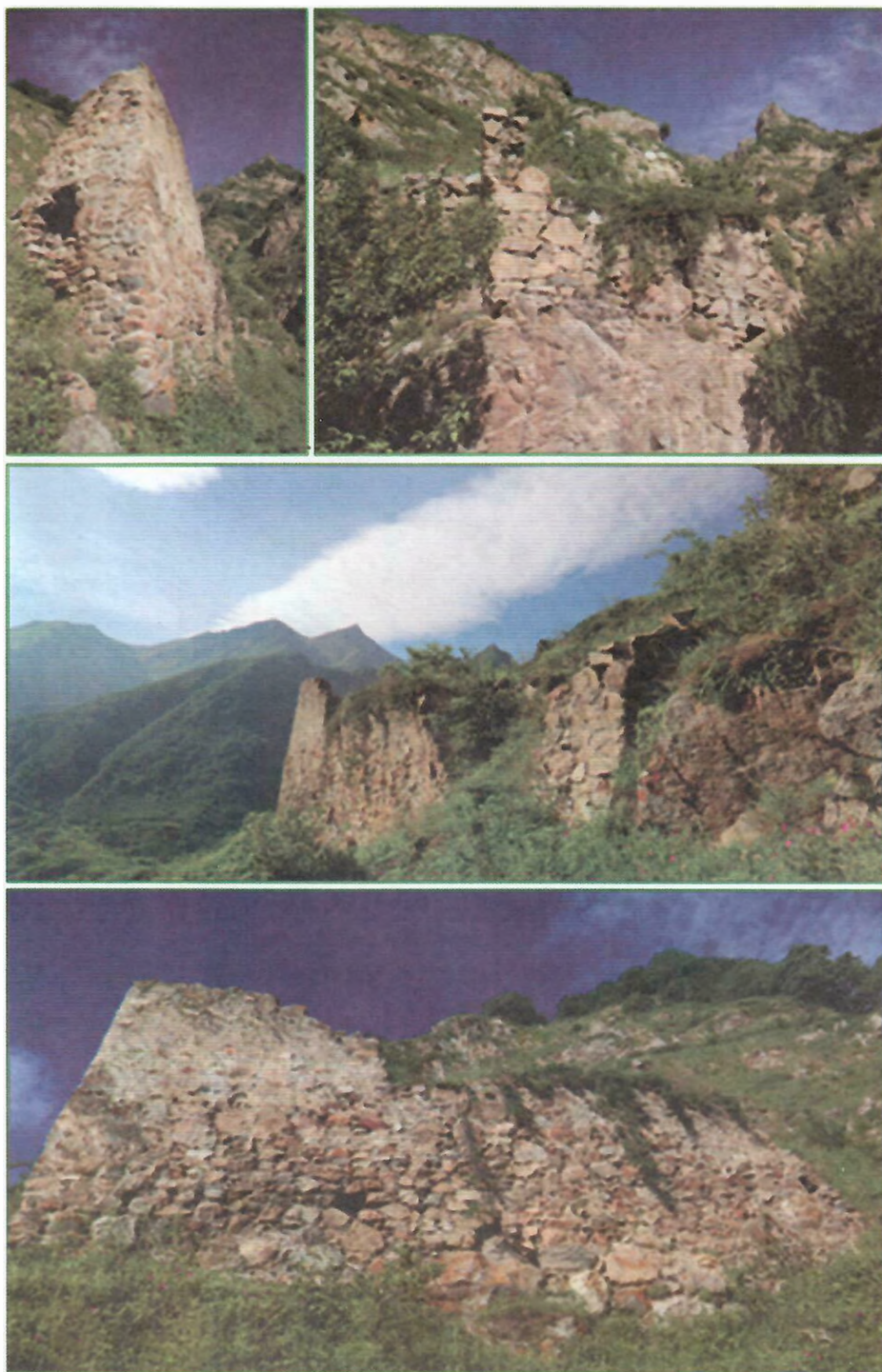
тельному разрушению войсками Тамерлана. Сохранились только фрагменты стен нижних этажей боевых башен. Толщина стен около 0,9 м, высота сохранившихся фрагментов до 5 м. В них имеются трещины, которые при замерзании, попадающей в них воды, будут разрушаться и далее. Памятник может быть восстановлен по сохранившимся фундаментам частично, если не будут найдены зарисовки XIX века.

2.6.5. Крепость Малкар-Кала (XII–XIII вв.)

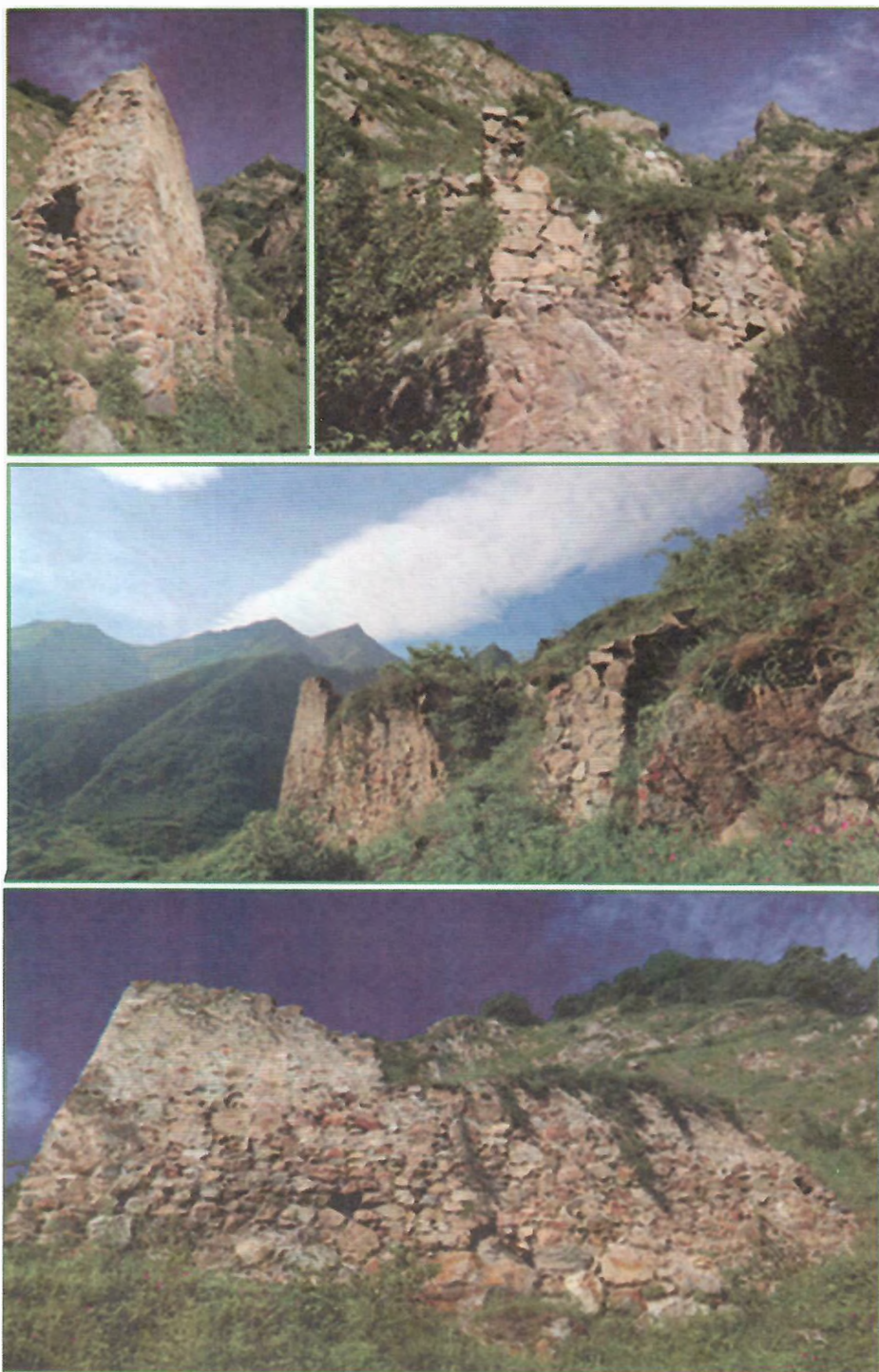
Географические координаты: 43° 6' 25,29" N; E 43° 25' 39,71" E

Крепость Малкар-Кала расположена на труднодоступном участке левобережного хребта реки Черек Балкарский над руинами села Кюнлюм.

Предание гласит, что «в XIII веке после разгрома Чингисханом Аланских войск и столицы Алании города Маджар (вблизи нынешнего Буденновска), оставшиеся в живых аланы бежали в горы, потомками которых являются карачаевцы и балкарцы. Военачальник среднего звена по имени Малкар с небольшим войском остановился на месте, которая стала называться Малкар. В течение года он построил крепость под названием Малкар-Кала. У него был сын Тотуран, от потомков которого пошли все Малкаровы». Судя по останкам крепости, Малкар был богатым и могущественным.

Фрагменты некоторых сооружений крепости Малкар-Кала

Фрагменты некоторых сооружений крепости Малкар-Кала

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Малкар-Кала представляет собой сильно укрепленное и сложное оборонительное сооружение с прилегающими к нему жилыми и фортификационными пристройками, размещенными на скальных площадках. Она является одной из самых труднодоступных крепостей Верхней Балкарии, известная лишь местным жителям, и малоизученная.

Весь комплекс крепостных построек тянется с северо-запада на юго-восток и построен из красноватого камня, кладка выполнена на известковом растворе, стены не оштукатурены.

Основное сооружение – цитадель, которая представляет собой неправильный четырехугольник, передние углы которого (со стороны склона) немного закруглены. Длина цитадели равна 15 м, ширина юго-восточной стороны – 7 м, а ширина северо-западной стороны – 4 м. От западной стены, возведенной в срезе склона, остались лишь нижние два-три ряда кладки. Высота сохранившейся части передней стены равна 5 м, толщина стен – 0,62 м. Цитадель разделена на три камеры шириной 2 м. Северо-западная камера была пристроена позже впритык и не связана гладко с остальной частью стены.

От юго-восточного угла цитадели отходят две оборонительные стены, одна из которых идет полукругом длиной 14,3 м, шириной 1,1 м, другая – по прямой 7,2 м, затем сворачивает к югу и тянется на 4,6 м. Расстояние между ними у угла крепости 0,5 м, а в средней части – 3 м.

Не соприкасаясь с цитаделью, к юго-востоку от нее тянутся жилые постройки. Некоторые из них расположены террасой на скальных выступах и укреплены оградительной стеной от обвалов сверху. Многие жилые сооружения имеют резервуары для воды и хозяйственные ямы-хранилища, облицованные камнем на известковом растворе. Остатков подобных построек насчитывается более десятка, и все они расположены компактно с весьма опасными проходами между ними. Это остатки небольшого родового аула, прижатого к своей оборонительной крепости. При необходимости население могло укрыться в ней и обороняться от неприятеля. Как пример небольшого средневекового родового аула горцев этот комплекс представляет большой этнографический интерес.

Состояние крепости критическое. Все основные сооружения основательно разрушены войсками Тамерлана. Сохранились фундаменты и фрагменты стен, имеющие местами толщину 1,0–1,2 м.

Полное восстановление крепости проблематично из-за многочисленности строений и отсутствия сведений о первоизданном внешнем виде. Но можно восстановить некоторые сооружения по сохранившимся фундаментам и фрагментам стен, а также предотвратить дальнейшее разрушение средневекового памятника.

2.6.6. Крепость Зылгы-Кала (XII–XIII вв.)

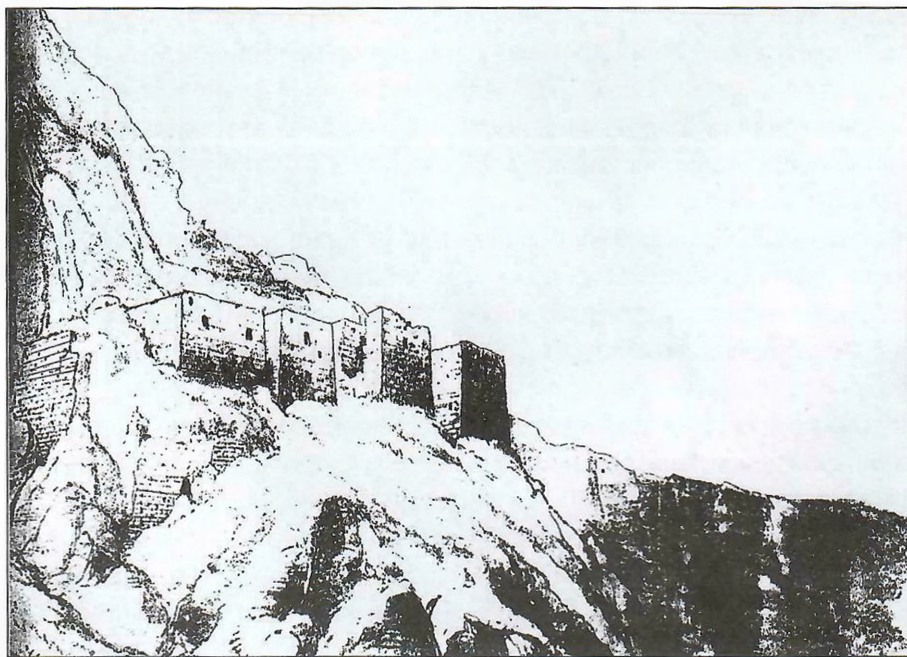
Географические координаты: 43° 9' 33,34" N; 43° 28' 45,73" E

Крепость расположена на крутом склоне с левой стороны реки Черек Балкарский над руинами села Зылгы у самого выхода из глубокой теснины реки и представляет собой первый форпост в общей цепи укреплений Верхней Балкарии со стороны перевалов Главного Кавказского хребта. Согласно преданиям крепость сильно разрушена во время нашествия Тамерлана.

Крепость Зылгы-Кала Бозиевых – одна из грандиозных сооружений оборонительной системы Верхней Балкарии сооружена в три яруса двухэтажных сооружений вдоль крутого склона скального выступа.

Первый ярус (нижний) представляет собой оборонительную стену, с примыкающими подсобными сооружениями. Он состоит из самого крупного сооружения длиной более 11 м и шириной около 8 м. Высота сохранившихся стен достигает 6–8 м. Целиком перегораживая, единственный доступ на территорию укрепления, это сооружение представляло собой передовой рубеж обороны. Передняя стена выгнута дугой, чтобы расширить угол обзора.

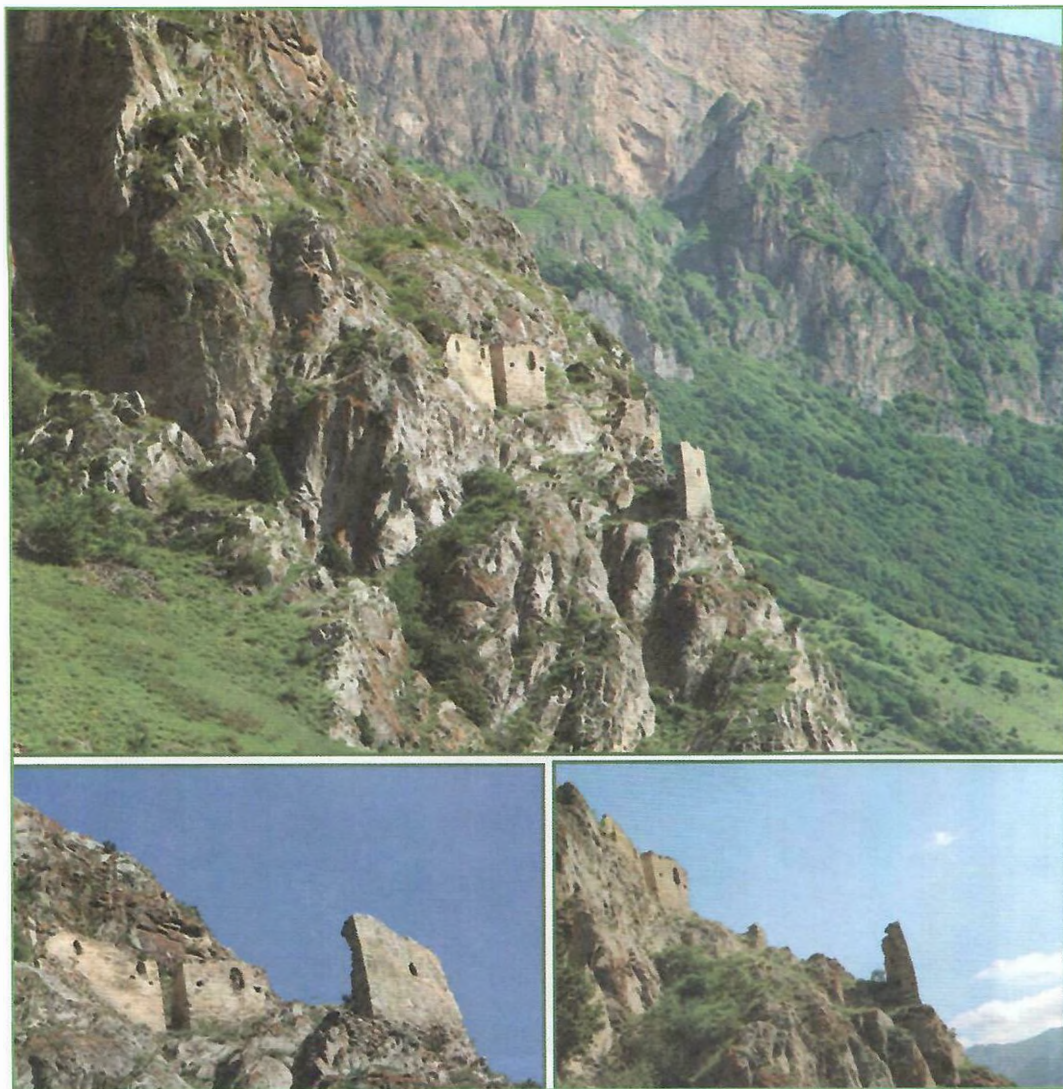
Второй ярус – цитадель укрепления, в которой, видимо, обитали владельцы, расположена выше по склону. Сейчас от нее сохранились остатки двух сооружений с дверными и оконными проемами с хорошо оштукатурен-

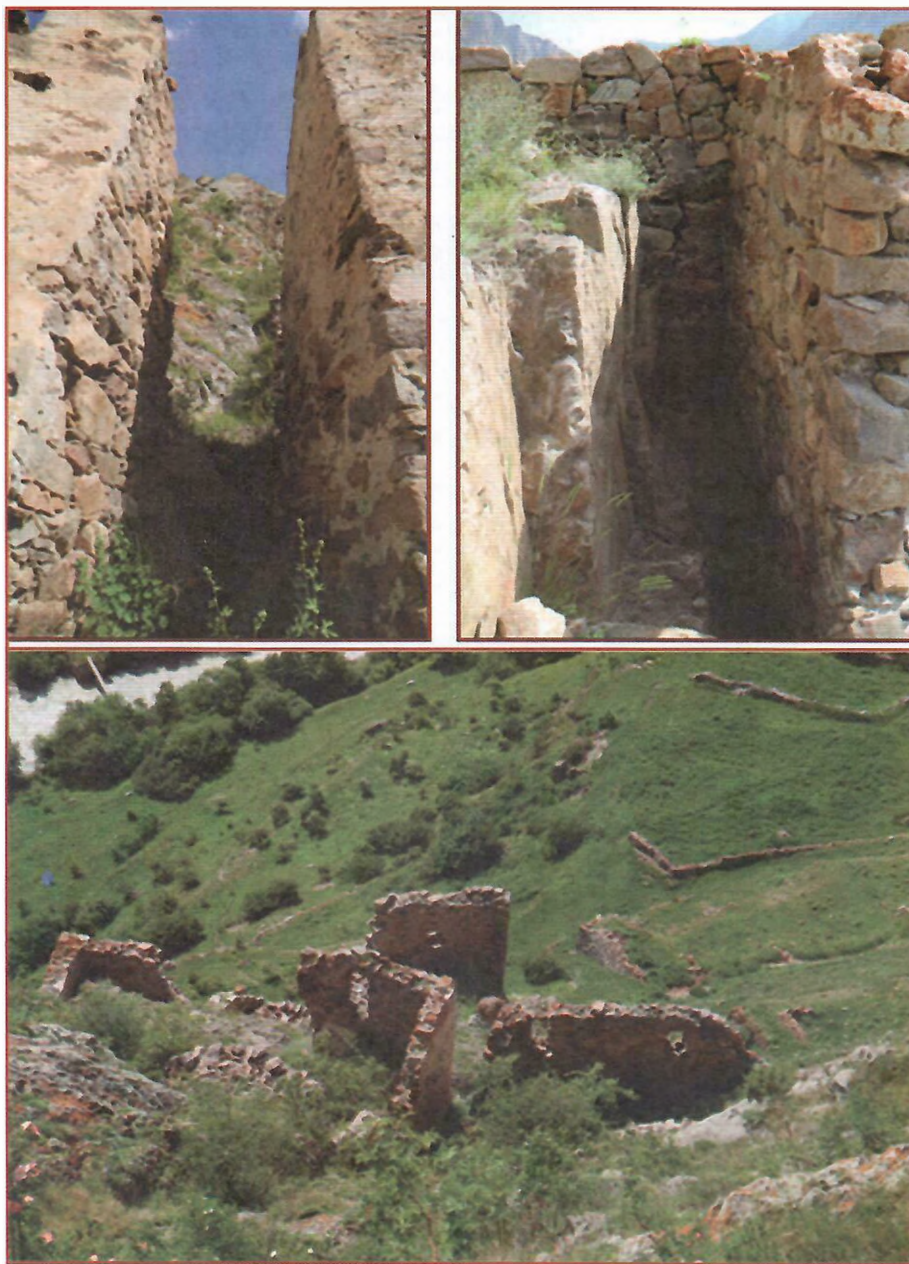
Зылгы-Кала с рисунка из альбома Д.А. Выурбова 1888 года

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

ными стенами. В конце XIX века по рисунку З.П. Тулинцева, опубликованному академиком В.Ф. Миллером, здесь было четыре башни, построенные почти вплотную друг к другу, две из которых уже разрушены. Этот плотный ряд башен целиком перегораживает доступ к последнему очагу обороны – к пятой башне, располагающейся на самом верху склона.

Третий ярус (верхний) представляет отдельную башню, приспособленную к скальной площадке, из которой хорошо видны нижние строения. Одну стену башни заменяет отвесная скала. Вход в башню оставлен между передней стеной и скалой. В плане башня имеет овальную форму в соответствии с формой

Уцелевшие фрагменты крепости Зылгы-Кала

скальной площадки, на которой она воздвигнута. Расстояние между первым и вторым ярусами крепости – 12 м, между вторым и третьим – около 50 м.

Расположение построек тщательно продумано. Обойти нижний ярус с флангов – задача неимоверно сложная. Но если противнику это и удалось бы, то он

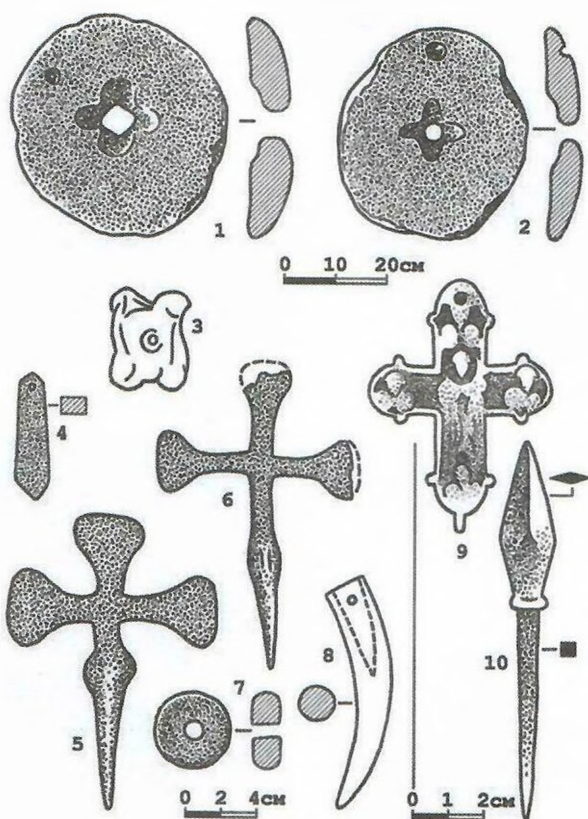
2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

оказывался в ловушке: сзади стена нижнего сооружения (несохранившаяся, но надо полагать – с бойницами), слева – обрыв, справа – скальная стена, спереди – бойницы построек среднего яруса. Причем фасады этих построек ориентированы на перекрестный обстрел, а ограниченность пространства между двумя ярусами предполагает расстрел противника в упор.

Стены замка сложены из местного камня на известковом растворе, снаружи оштукатурены и побелены, так что их видно издалека. Форма башен прямоугольная. Верхние части башен разрушены, а размеры их основания составляют от 8 до 12 м. Толщина стен около одного метра. В основании башен имеются углубления для хранения воды и провизии, необходимой при длительной осаде.

При раскопках на территории крепости были найдены обуглившиеся комья пшеничных зерен, жернова от ручных мельниц (1 и 2), многочисленные пряслица, кости домашних и диких животных, куски железного шлака, принадлежности колыбелей, игральные кости-астрагалы (3), кресты-навершия (5, 6, 9) кавказско-византийского типа, наконечник копья (10) и прочее. Это далеко неполный перечень археологических находок, дающих некоторое представление о вооружении, жизнеобеспечении, быте, занятиях и досуге, а также конфессиональной принадлежности обитателей замка Зылгы-Кала.

Состояние этого удивительного по своему расположению, составу, архитектуре и оборонительной значимости памятника средневековья – критическое. Стены, висящие над обрывом, могут рухнуть при первом же серьезном землетрясении. Крепость Зылгы-Кала вполне может быть реставрирована по рисункам 1888 года и сохранившимся фрагментам и будет представлять большой интерес для любителей старины и туристов.

2.6.7. Роговой комплекс Жангуразовых (XVII в.)

Географические координаты: 43° 9' 23,12" N; 43° 28' 37,44" E

Оборонительно-жилой комплекс рода Жангоразовых расположен на левом берегу Черека Балкарского в центре руин бывшего села Зылгы.

Комплекс воздвигнут на месте, где жил родоначальник фамилии – Жангураз. По мере увеличения численности рода, строений становилось больше. Самая крупная фасадная стена была пристроена в XIX веке. Комплекс был жилым до 1944 года.

Это сложный архитектурный комплекс, включающий жилые и хозяйственные постройки, которые возводились, начиная с XVII века. Особый колорит памятнику придают свойственные балкарской архитектуре арки в фасадной стене, проемы окон, масштабность строения, а также каскадная форма строения, вытянутого по склону горы.

Арки представляют собой округлые своды, выложенные из плоских камней, опирающиеся на каменные стены. Оконные проемы сверху накрыты огромной хорошо обработанной по краям каменной плитой. Удивительно, что эти архитектурные шедевры выдержали вековые испытания на прочность.

Состояние этого оборонительно-жилого в настоящее время комплекса хорошее. Он почти полностью восстановлен активистами рода Жангоразовых. Такое бережное отношение к памяти своих предков является хорошим примером для подражания.

Оборонительно-жилой комплекс рода Жангуразовых
в виде каскада сооружений вдоль склона

Образцы сохранившихся каменных арок ворот и окон

2.6.8. Башня Абай-Кала № 1 (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 6' 6,25" N; 43° 26' 6,87" E

Оборонительная башня Абай-Кала № 1 расположена на крутом склоне недалеко от крепостей Болат-Кала и Малкар-Кала в прямой видимости от них и несколько ниже по течению реки Черек Балкарский.

Предание гласит о принадлежности этой башни Сосрану Абаеву – олию Балкарии. С позиции башни хорошо просматривается все ущелье и почти все бывшие села Верхней Балкарии.

Состояние: этот памятник архитектуры большей частью разрушен, сохранился лишь фундамент размером около 6 x 5 м, а также небольшие фрагменты стен. Представление о башне дает фото конца XIX века, на которой виден стиль строения, нижний этаж, следы разрушения верхних этажей и проломы стен. Башня может быть восстановлена по сохранившемуся фундаменту, фрагментам стен, внешнему виду на фото и разбросанным вокруг башни камням разрушенных стен.

Современное и старое фото оборонительной башни Абай-Кала № 1

2.6.9. Сторожевая башня № 2 – Абай-Кала (XVII в.)

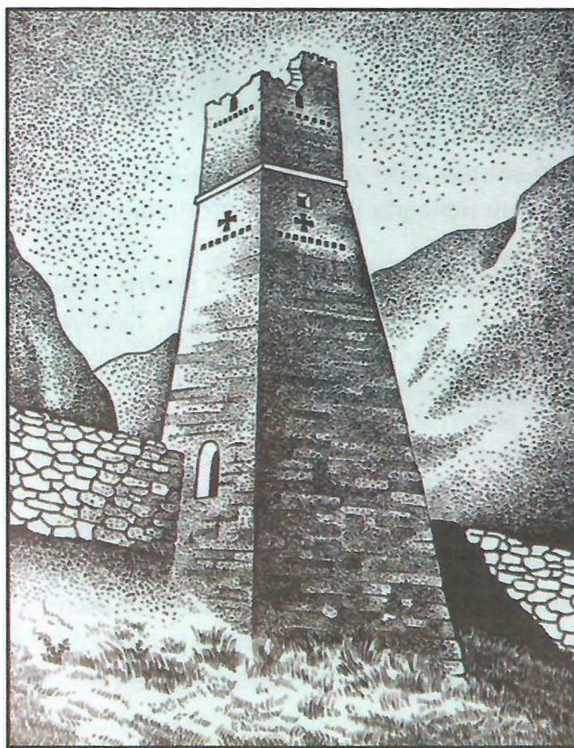
Географические координаты: 43° 6' 21,80" N; 43° 25' 43,08" E

Башня Абай-Кала № 2 расположена на левом берегу реки Черек над руинами бывшего большого села Кюнлюм. Башня принадлежала князьям Абаевым и согласно преданию построена по воле Алимурзы Абаева.

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Вид с позиции Абай-Кала на современное село Верхняя Балкария

Башня Абай-Кала № 2 в селе Кюнлюм:
с л е в а – 1886 год (по рисунку З.П. Тулинцева), с п р а в а – в настоящее время

Монументальность башни – мощные стены толщиной у основания до 1,8 м, высотой 17 м – говорит о силе и влиятельности могущественного рода, возводившего башню, как родовую крепость. Высокая строительная техника здесь отчетливо проявляется в обработке камня, кладке ровных, равномерно утончающихся кверху стен, чуть наклоненных вовнутрь для устойчивости, в приготовлении и умелом использовании известкового раствора, в штукатурке стен, устройстве межэтажных балочных перекрытий. Арочные проемы возведены в принятой в крепостной строительной практике Балкарии. Она отличается не классическими формами сводов с замковым камнем, но их конструкция довольно устойчиво распределяет нагрузку на стены при помощи не балочных прогонов, а системой каменной кладки.

Снаружи и внутри стены оштукатурены и до настоящего времени сохранилась белая известковая штукатурка. Между этажами встроены специальные балочные перекрытия. Окна и двери имеют перекрытия стрельчатой формы. В верхней части стен имеются равносторонние кресты и ряды прямоугольных выемок, выполненные специальной техникой выемки камня. Эти выемки стали первым украшением подобного рода сооружений. В основании башни имеется несколько ям, облицованных камнем, для хранения воды и провизии.

Башня со всех сторон окружена жилыми и хозяйственными строениями, которые могли служить первым форпостом обороны.

До начала XX века башня была жилой, обитатели жили на нижнем этаже. Это связано с тем, что к этому времени исчезла угроза постоянных нападений соседей.

Состояние: к настоящему времени башня Абай-Кала почти полностью сохранилась, но деревянные перекрытия сгнили и обвалились. Требуется замены и временная крыша также. Башня и частично сохранившиеся окружающие сооружения могут быть реставрированы.

2.6.10. Башня Абай-Кала № 3 (XIV–XV вв.)

Географические координаты: 43° 6' 19,33" N; 43° 25' 40,88" E

Боевая башня Абай-Кала тоже расположена на левом берегу реки Черек среди руин села Кюнлюм в 100 метрах от сохранившейся башни Абаевых № 1. От нее сохранилась лишь часть стен. По форме она аналогична первой, но превышала ее по размерам.

Состояние: критическое, башня почти полностью разрушена. Возможно восстановление на основе зарисовок Д.А. Вырубова.

Башня Абай-Кала № 3 (из альбома зарисовок Д.А. Вырубова)

2.6.11. Башня Амирхан-Кала (XVII в.)

Географические координаты: 43° 6' 6,00" N; 43° 26' 20,71" E

Оборонительная башня Амирхан-Кала расположена на правом берегу реки Черек Балкарский над ее притоком Ишкырты на северо-восточной окраине руин бывшего большого села Шканти (Ишканти – «иш» – работа, «кант», кент – город, поселение).

Предание говорит о принадлежности башни роду Амирхановых – ветви таубиев Абаевых из села Кюнлюм.

Отличительной особенностью башни Амирхан-Кала является то, что она построена на огромном валуне высотой более 5 метров. Вокруг башни размещались место заседания тѐре, хозяйственные дворы, окруженные высоким каменным забором. Башня была двухэтажной, о чем свидетельствуют ниши, расположенные на боковых стенах на высоте 1,8 м. В этих нишах укреплялись балки межэтажного перекрытия. Из башни хорошо обозреваются старинные

Башня Амирхан-Кала

села Шканти и Кюнлюм. Попасть в башню можно было только с помощью приставных лестниц под обстрелом ее защитников.

Башня Амирхан-Кала, вырастая как бы из скалы, органично связана с окружающей природой. При высоте 4–6 м мастерам удалось добиться впечатления подлинной монументальности и передать гармонию, заключённую в единстве материала и силуэта. Она грозная и неприступная со стороны реки и открытая с востока – со стороны села.

Состояние: Амирхан-Кала частично была восстановлена в 1959 году. В настоящее время состояние башни и окружающих сооружений можно считать удовлетворительным и вполне реставрируемым. Красота и колорит окружающей местности, возможность проезда и наличие свободных площадей позволяет создать вблизи этого памятника средневековья инфраструктуру туризма и отдыха.

2.6.12. Боевая башня Боташ-Кала (XVII в.)

Географические координаты: 43° 7' 8,28" N; 43° 26' 22,65" E.

Башня Боташ-Кала расположена на левом берегу реки Черек, напротив нынешнего села Верхняя Балкария. Башня была построена по указу князей Боташевых, отделившихся от Абаевых. После конфликта между этими родами началось соперничество и вражда, итогом которой стало изгнание Боташевых с ликвидацией их поселения и разрушением башни.

Состояние башни критическое. От нее остался фрагмент одной стены высотой около 3 м.

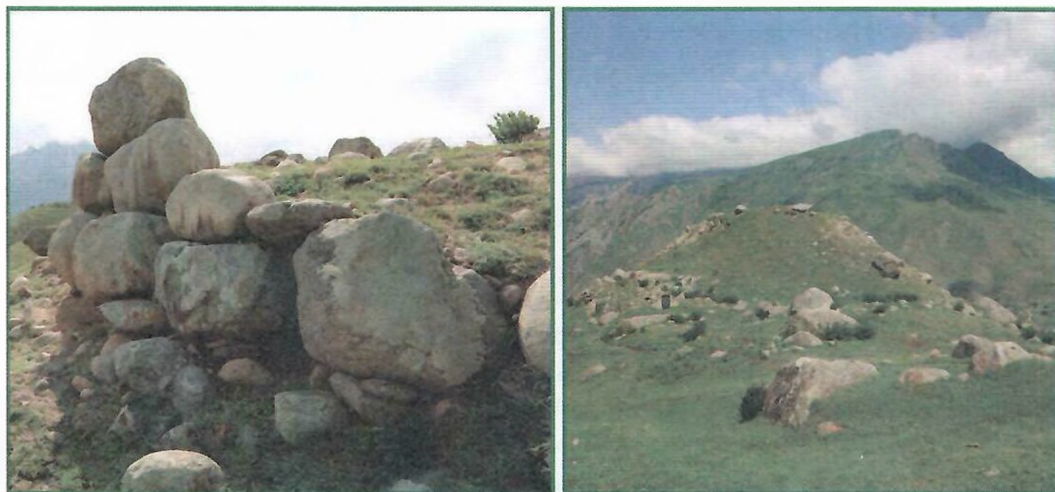
2.6.13. Боевая башня Шахан-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 7' 55,27" N; 43° 26' 55,22" E.

Башня Шахан-Кала расположена (N 43° 7' 55,27", E 43° 26' 55,22") на левом берегу реки Черек в старой части села Мухол.

Предание говорит о том, что башню построили князья Шахановы. Однако расположение и особенности памятника свидетельствуют о том, что он изначально был сложным оборонительным комплексом, служившим форпостом, защищавшим Балкарское общество со стороны ущелья Чайнашки и контролировавшим перевалы в Безенги и Хулам.

Состояние: башня полностью разрушена при непримиримом столкновении феодалов Балкарского общества.

Остатки башни Шахан-Кала

2.6.14. Боевая башня Жанхот-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 8' 17,86" N; 43° 27' 16,82" E.

Башня Жанхот-Кала располагалась на левом берегу реки Черек в бывшем селе Коспарты. Принадлежала балкарским таубиям Жанхотовым.

Состояние: памятник полностью разрушен в конце 1920-х годов.

2.6.15. Боевая башня Бий-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 8' 17,18" N; 43° 27' 17,61" E

Башня Бий-Кала располагалась на левом берегу реки Черек тоже в бывшем селе Коспарты. Она принадлежала балкарским таубиям Биевым.

Состояние: памятник полностью разрушен в конце 1920-х годов.

2.6.16. Боевая башня Айдабол-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 8' 18,50" N; 43° 27' 15,24" E

Башня Айдабол-Кала располагалась на левом берегу реки Черек тоже в бывшем селе Коспарты. Она принадлежала балкарским таубиям Айдаболовым.

Состояние: башня полностью разрушена в конце 1920-х годов.

2.6.17. Боевая башня Бийнёгер-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 7' 24,15" N; 43° 25' 48,63" E

Бийнёгер-Кала располагается на левом берегу реки Черек в бывшем селении Шаурдат.

Предание говорит о принадлежности башни балкарским узденям Биногеровым. Судя по сохранившимся фрагментам, к башне примыкало жилое помещение, с которым они связаны через вход в северной части памятника, сохранившийся до сих пор.

Состояние: в настоящее время от башни сохранилось основание, в самой высокой части высота стены достигает 2 м, а толщина более 1,2 м. Длина основания – 8 м, ширина – 7 м. Есть возможность восстановления башни и прилегающего жилого помещения.

2.6.18. Боевая башня Зок-Кала (XII–XIII вв.)

Географические координаты: 43° 7' 48,66" N; 43° 28' 15,90" E

Башня Зок-Кала располагалась на правом берегу реки Черек, над старинным селением Верхний Чегет.

С позиции башни хорошо просматривается ущелье Чайнашки, а также основная часть Черекского ущелья. Судя по сохранившимся фрагментам, это было большое сооружение, состоявшее из нескольких помещений и служившее дозорной башней, благодаря тому, что отсюда возможно подавать сигналы в трех направлениях: Зылгы, Курнят и Мухол. Зок-Кала был частью системы укреплений Балкарского общества.

Останки башни Бийнёгер-Кала

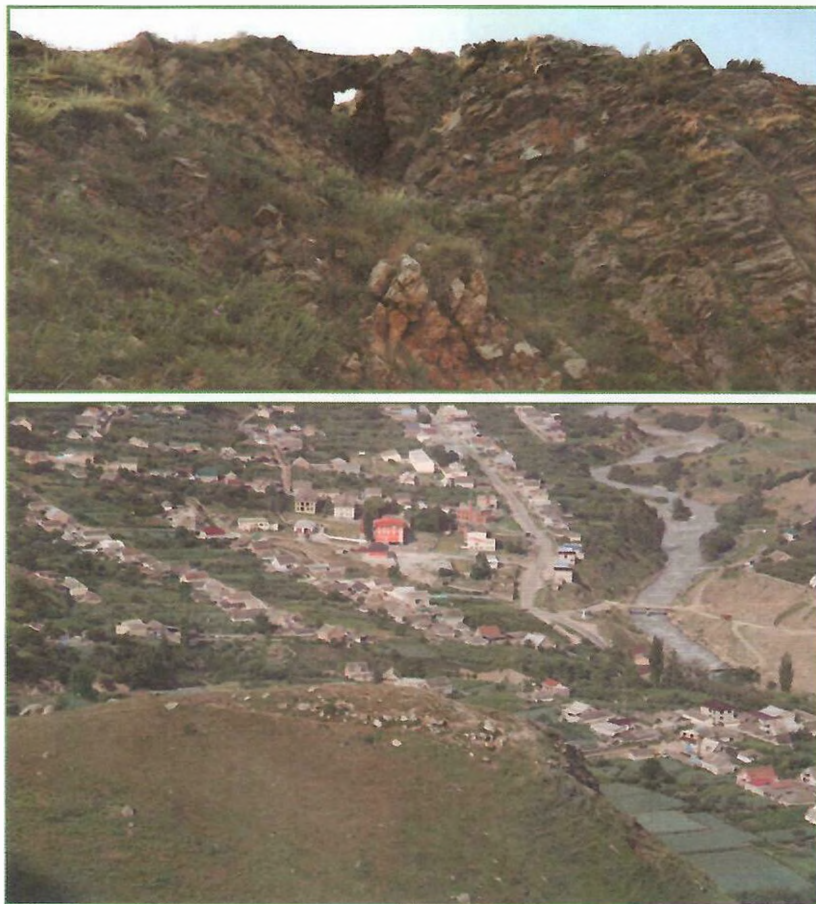
Состояние: в настоящее время от башни Зок-Кала сохранились отдельные фрагменты стен и фундамента. Ее восстановление проблематично, если не удастся найти старые зарисовки внешнего вида.

2.6.19. Башня Сукан-Кала (XIV–XV вв.)

Географические координаты: 43° 6' 35,45" N; 43° 33' 46,57" E

Боевая башня Сукан-Кала располагалась в верховьях ущелья Сукан-Су на правом берегу одноименной реки в 15 км к юго-западу от нынешнего селения Верхняя Жемтала и принадлежала одному из местных феодалов.

Башня построена вплотную к руслу реки, а его часть была сооружена на поверхности прибрежной скалы. Со временем основание скалы было подмыто, и его часть откололась и в виде огромного валуна вместе с частью стен башни

Фрагменты стен и остатки фундамента башни Зок-Кала, засыпанного обломками

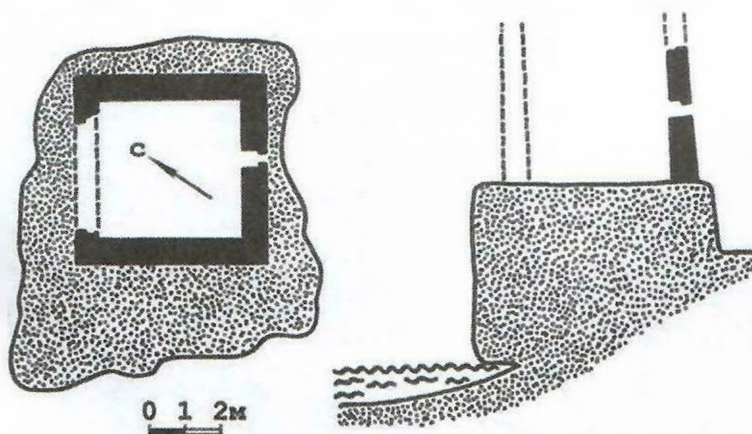
сползла в русло реки (это можно видеть на прилагаемых фотографиях). От остальной части башни остались фрагменты стен высотой до 2,5 м и толщиной около метра.

К башне были пристроены жилые помещения суканского городища и склеп, который почти до фундамента разрушен современными чернокопателями. После них от склепа остались каменный фундамент строения и яма в его середине, разрытая, видимо, в поисках сокровищ и артефактов.

Состояние: башня Сукан-Су и прилегающие строения сильно разрушены. Восстановление башни осложняет то, что ее часть вместе с валуном, на котором она была воздвигнута, сползла в русло реки и накренилась. Их подъем, выпрямление и забутовка основания представляет проблему даже для современной техники.

Фото сохранившихся фрагментов башни Сукан-Су

Башня в верховьях реки Сукан-Су. План и разрез по В.М. Батчаеву

2.7. КРЕПОСТИ И БАШНИ ХУЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОГО УЩЕЛЬЯ

2.7.1. Местоположение оборонительных сооружений ущелья

Хуламо-Безенгийское ущелье является западным отрогом Черекского ущелья и тянется вдоль реки Черек Безенгийский. Это ущелье – одна из непреступных цитаделей Большого Кавказа, которое по своей длине не уступает Черекскому ущелью. Оно прорезает Скалистый и Боковой хребты, упираясь в Главный Кавказский хребет в том месте, где находится знаменитая Безенгийская «ледяная» стена – часть Главного Кавказского хребта протяженностью 13 км. Здесь центр высокогорного Кавказа, его самые экзотические и труднодоступные места.

По гребню Безенгийской стены расположены все, кроме Казбека и Эльбруса, высочайшие вершины Кавказа: Шхара (5201 м), Восточная Джанги-Тау (5049 м), Западная Джанги-Тау (5051 м) и другие. Крутые северные склоны этой стены сверху донизу покрыты льдом и снегом.

Рядом с ледником расположился высокогорный альплагерь «Безенги». У самого входа в теснину сохранились развалины системы укреплений – Тотур-Кала, недалеко от нее виден средневековый замок Жабо-Кала, воздвигнутый на недоступной с трех сторон скале. Выше селения Безенги, высоко в горах, развалины аула Шики – родины основоположника современной балкарской литературы – Кязима Мечиева (1859–1945). Среди развалин аула сохранилась кузница и сакля Кязима, которую посещают почитатели его творчества и туристы.

В Хуламо-Безенгиевском ущелье находятся памятники истории Балкарии крепости Усхур-Кала, Жабо-Кала, крепость Баксанук-Кала, башни Тотур-Кала, Ак-кала, Ак-Куу-Кала и другие.

Оборонительные сооружения Хуламо-Безенгийского ущелья в свое время

Сакля (с л е в а) и кузница (с п р а в а) Кязима Мечиева

Позиции оборонительных сооружений Хуламо-Безенгийского ущелья

были грозными и неприступными. В Безенги было 16 крепостей и башен. Они перекрывали эти ущелья со стороны предгорий и перевалов Главного Кавказского хребта, т.е. с обеих сторон, откуда могла прийти угроза.

В Средние века караваны Великого Шёлкового пути за проход через это ущелье из Закавказья платили крупную дань.

Особо мощными были фортификационные сооружения XII–XIV веков, которые основательно разрушены войсками Тамерлана. Не пощадило время построенные позже оборонительные башни.

В настоящее время эти оборонительные сооружения сохранились в полуразрушенном или разрушенном состоянии и продолжают разрушаться. Виной этому – воздействие природной стихии (дождь, мороз, ветер), чернокопателей и мародёров. В трещины стен попадает влага от естественных осадков, при замерзании которой трещины расширяются, стены разрушаются и обрушиваются в пропасть. Красный гранит строений растаскивается для декора частных заборов и дворов. От некоторых строений остались лишь фрагменты стен и фундаменты.

2.7.2. Хуламская крепость Усхур-Кала (XIII в.)

Географические координаты: 43° 14' 17,36" N; 43° 20' 42,23" E

Крепость Усхур-Кала находится на правом берегу реки Черек Хуламо-Безенгийский на высокой скале, над руинами села Усхур. Она принадлежала Хуламскому обществу.

Усхур-Кала – ближайшая к входу в ущелье крепость возведена еще во времена распространения христианства на Северном Кавказе.

Система оборонительных укреплений Усхур-Кала, состоит из четырех связанных между собой бастионов. Три из них построены на северо-западном скалистом, отвесном склоне горы Усхур-Баши, четвертая – со стороны входа в ущелье. Только отсюда и возможен подход к цитадели. Весь комплекс Усхур-Кала – сложная оборонительная система, практически недоступная для неприятеля.

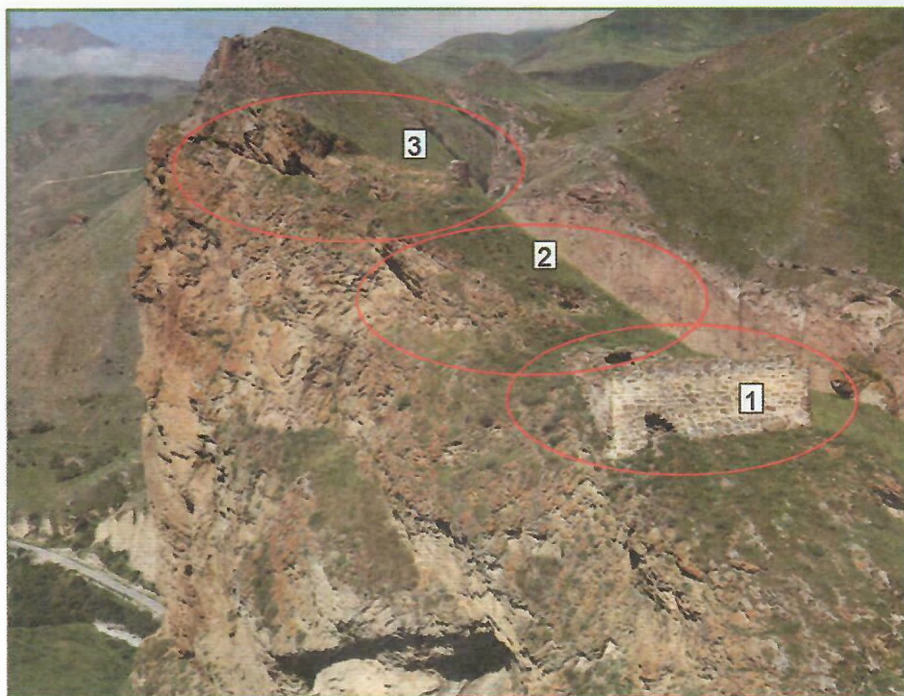
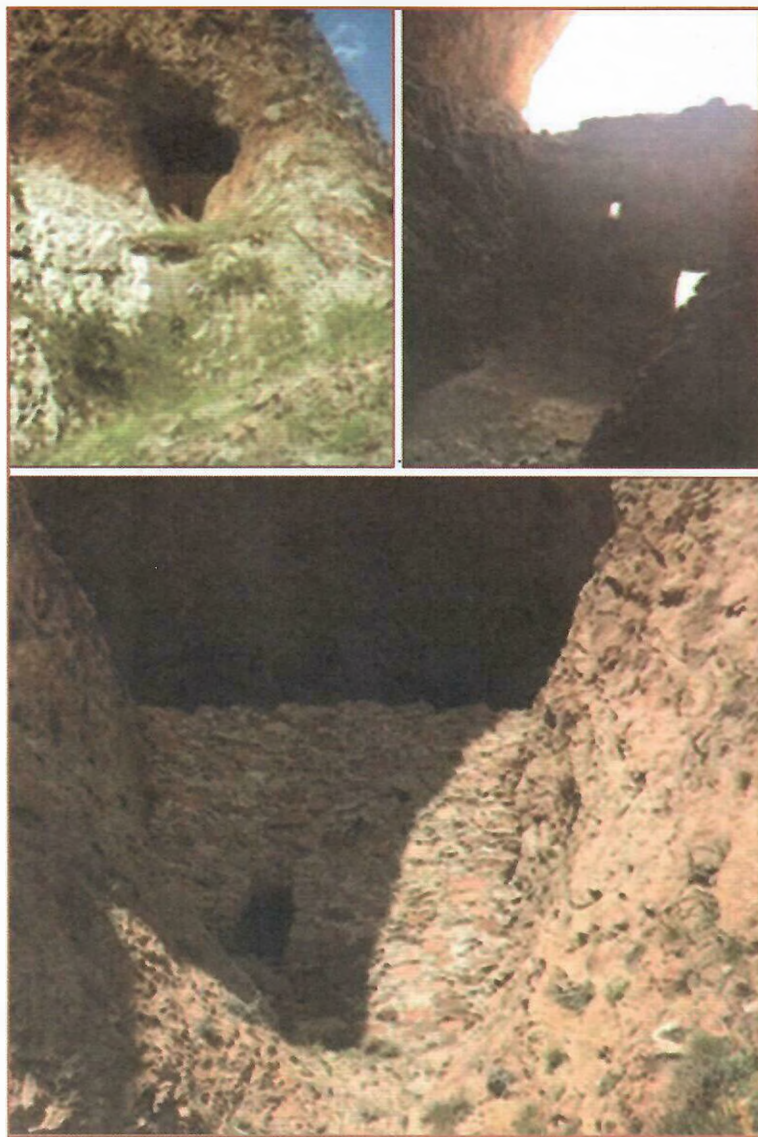

Фото современного вида Усхур-Кала: 1, 2, 3 и 4 номера бастионов

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Впечатление туристов о крепости: «Поднявшись по цветущему горным разнотравьем склону, мы оказались в тени некогда грозных стен, стоящих на каменных глыбах, покрытых оранжевым лишайником. Вид, который открылся, перехватил дыхание. Под ногами был почти вертикальный обрыв, а прямо перед нами, где то в километре, возвышалась другая горная твердыня, замок Жабо-Кала, внизу, на огромной глубине вились голубая ленточка Черека и серая ниточка дороги, а на другой стороне ущелья, над высокими террасами скал, виднелась Хуламская башня. И тут мы заметили, на одном сколе, на небольшом

Вход в пещеру и стены, встроенного в нее, укрепления Абрек-Кала

выступе скалы, на высоте около 200 метров, буквально прилепилась еще одна башня, цитадель крепости. Когда-то к ней вели вырубленные в скале ступени, но теперь добраться до нее невыносимо без альпинистского снаряжения».

Обособлено от этих крепостных сооружений Усхур-Кала выше бастиона 4 в пещере была устроена Абрек-Кала, в которой, по всей видимости, прятали женщин и детей от войск Тимура. Пещера достаточно большая от природы и ее, по-видимому, искусственно еще удлиннили и выровняли пол. В стене сооружения предусмотрены бойницы. Это сооружение крайне трудно найти. К нему можно подняться почти на километр выше Усхур-Кала по очень крутому горному склону.

Состояние: крепость Усхур-Кала почти полностью разрушена войсками Тамерлана. Лучше сохранились укрепления 1 и 4. Укрепления 2 разрушено практически полностью. От укрепления 3 остался только фрагмент одной стены и фундамент.

Полное восстановление крепости Усхур-Кала проблемно, но можно реставрировать бастионы 1, 3 и 4, а также укрепление Абрек-Кала по сохранившимся фрагментам стен, фундаментам и характеру строений.

2.7.3. Замок Жабо-Кала (XI–XIII вв.)

Географические координаты: 43° 13' 44,06" N; 43° 19' 51,81" E

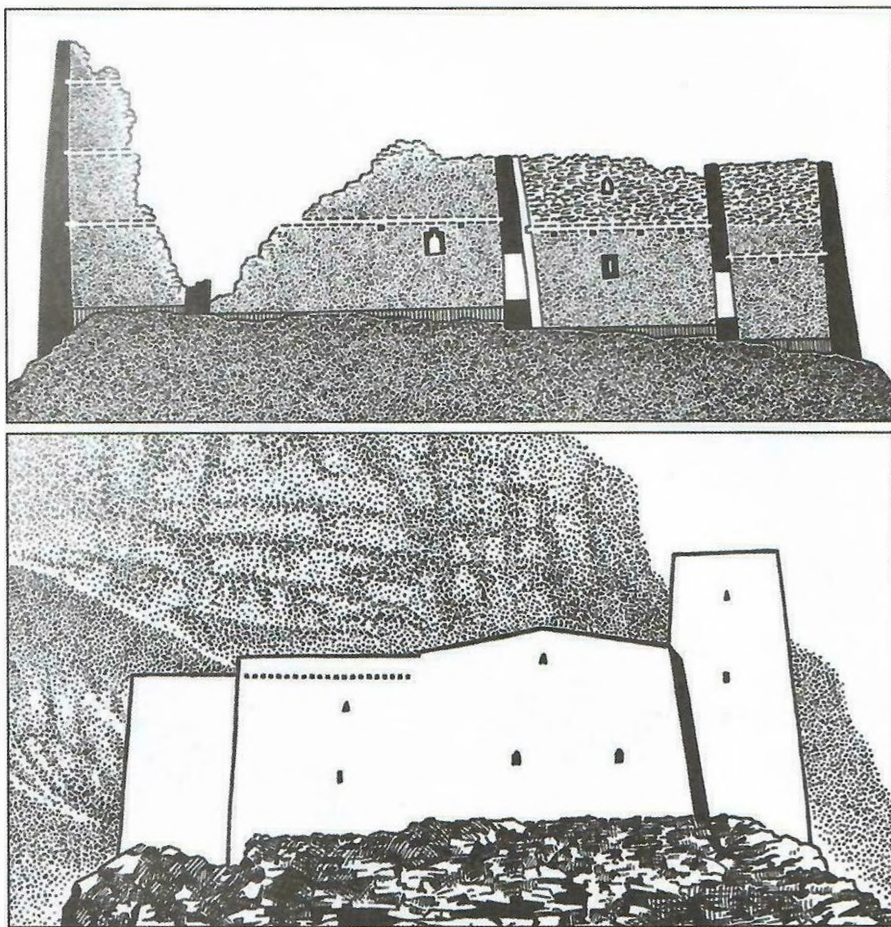
Крепость Жабо-Кала расположена на правом берегу реки Черек Безенгийский над руинами села Жабоево.

Предание говорит о принадлежности крепости балкарскому роду Басият – предкам Жабоевых. Крепость возведена на крутом склоне горного массива, на высоте около 180 м от уровня реки, на поверхности скального выступа, недоступного с трех сторон.

Жабо-Кала – мощный средневековый феодальный замок, состоящий из четырех разноэтажных сооружений, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Сооружения пристроены друг к другу в ряд на верху скального выступа, слоистые сколы которого послужили строительным материалом. Форма и размеры замка подогнаны под конфигурацию скальной платформы, так чтобы первые этажи строений оказались на высоте 6–7 м от скалы. Учитывая отвесные края скального выступа, доступ в замок был невозможен без использования лестницы.

Судя по характеру строительных швов, комплекс был возведен в 5 или 6 этапов. Сначала на восточной половине платформы построили двухэтажный «дом-крепость» со слегка наклонными внутрь стенами и пологим двускатным перекрытием. Затем к его восточному торцу пристроили четырехэтажную боевую башню, к западному торцу – просторное двухэтажное помещение и двухэтажную миниатюрную башенку, замыкающую комплекс с западного торца.

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

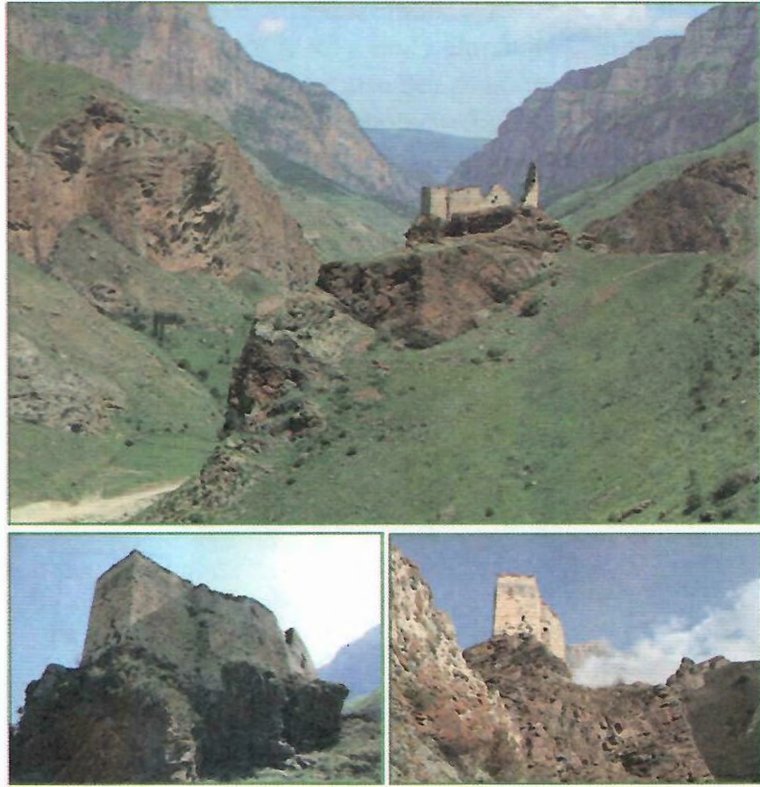
Жабо-Кала по фотоснимку 1959 года (с в е р х у) и реконструкция по нему

Общая длина этих оборонительных сооружений достигает 27 метров. Основание замка близко к прямоугольному с дуговидно выгнутыми наружу продольными сторонами. Максимальная ширина составляет 7 м, высота четырехэтажной полуразрушенной башни – около 9 м, а высота «дома-крепости» – 6 м.

Последний элемент комплекса – остатка какого-то хозяйственного сооружения на нижнем ярусе скальной платформы с западной стороны замка в 24–25 м от него и размером около 15×5 м.

Стены сложены на прочном известковом растворе, помещения изнутри и снаружи оштукатурены (кроме надстроженных этажей двух пристроек). Толщина стен нижних этажей достигает 1,2 м, а верхних – 0,75 м. Снаружи вдоль верхнего края стены одного из помещений нанесен декор в виде «пунктирной» линии из миниатюрных квадратных выемок.

В стенах много бойниц и окон, из которых полностью просматриваются

Современный вид Жабо-Кала с разных сторон

Внутренняя сторона стен Жабо-Кала

окрестности и простреливаются подступы со всех сторон. Внутри здания, в двух больших помещениях, предназначавшихся для жилья, имелись ямы-хранилища, лежанки у стен и различные ниши.

Крепость Жабо-Кала – одна из крупнейших фортификационных сооружений средневековой Балкарии.

Состояние: замок Жабо-Кала сильно разрушен и продолжает разрушаться, так и не раскрыв тайну уникальных строительных приемов балкарцев (например, устройство естественного каменного холодильника, где продукты, якобы, могли храниться десятилетиями).

Замок Жабо-Кала можно и нужно реставрировать по остаткам строений, приведенным выше фото 1959 года, сохранившимся остаткам стен и фундаменту. Это тяжелая работа на грани научных исследований археологов и историков и прикладными работами строителей.

2.7.4. Оборонительная башня Холам-Кала (XIV–XV вв.)

Географические координаты: 43° 14' 24,34" N; 43° 18' 34,05" E.

Башня Холам-Кала расположена на левом берегу реки Хуламо-Безенгийский Черек, над руинами села Хулам. Она принадлежала Хуламскому обществу.

Башня построена на пике горы на крайне труднодоступных террасах, доступ к которым возможен только с западной стороны по очень опасной тропе. Эту тропу преграждает мощная оборонительная стена, замкнутая между скалами. Сложена башня из красноватого и светлого камня на прочном известковом растворе.

Состояние: башня Холам-Кала почти полностью разрушена войсками Тамерлана. Сохранился лишь фрагмент одной стены и часть фундамента. Реставрация башни возможна по аналогам, но крайне затруднительна доставка строительного материала, большей частью сваленного в пропасть.

2.7.5. Безенгийская башня Баксанук-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 12' 4,73" N; 43° 15' 14,72" E

Безенгийская башня № 1 Баксанук-Кала расположена на склоне горы, возвышающейся над левым берегом реки Черек Безенгийский в 3,5 км к юго-западу от селения Безенги вблизи руин села Шики.

Фото сохранившихся фрагментов башни Баксанук-Кала

Согласно преданиям, она принадлежала Баксануку Суюнчеву – князю Безенгийского общества.

Башня Баксанук-Кала построена на плоской вершине небольшого холма из земли, гравия и камней высотой более 5 м, и представляла прямоугольное каменное сооружение с сужающимися вверх стенами.

Состояние: памятник почти полностью разрушен до основания, сохранились лишь часть одной стены, осыпавшийся материал стен, контуры фундамента и три полузасыпанных хозяйственных ям.

Восстановление памятника проблематично.

2.7.6. Безенгийская башня Ак-Куу-Кала (XII–XIII вв.)

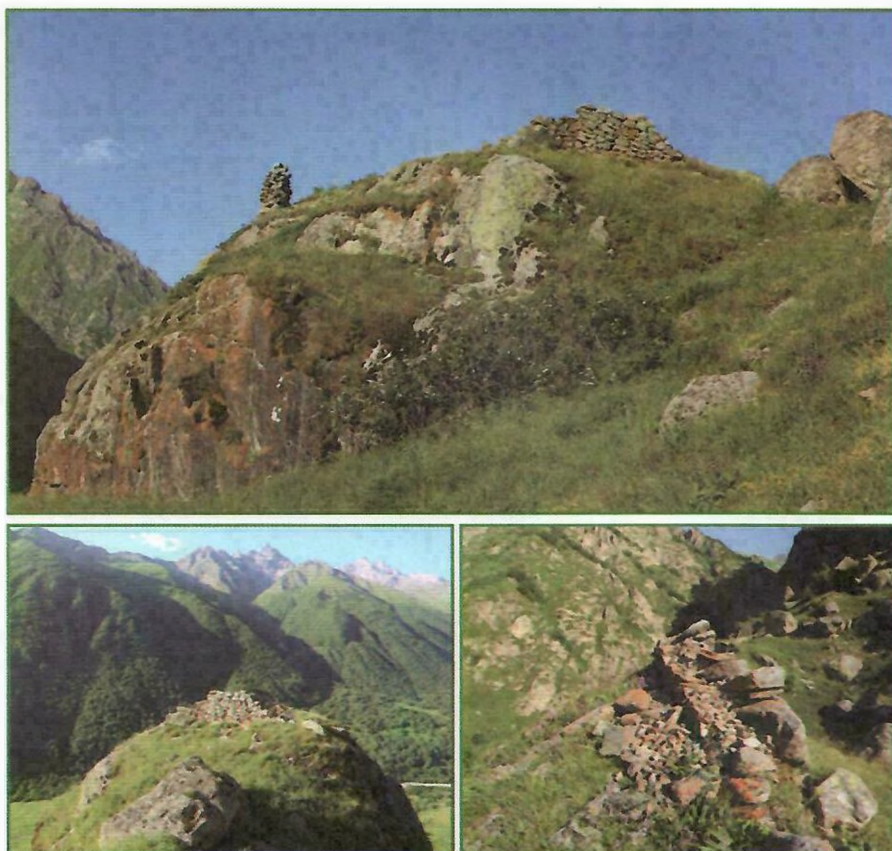
Географические координаты: 43° 9' 9,41" N; 43° 11' 11,66" E

Башня Ак-Куу-Кала расположена на левом берегу реки Черек Безенгийский к юго-западу от села Безенги, в одноименном урочище на труднодоступном выступе скалы.

Башня имела основание квадратной формы с длиной сторон около 4,5 м. С доступной к ней стороны имеется каменная стена. Башня была построена на известковом растворе. Толщина сохранившихся фрагментов стен достигает 1 м.

Состояние: башня основательно разрушена войсками Тамерлана. От нее сохранились только фрагменты двух стен и следы фундамента.

Реставрация башни возможна по этим остаткам по аналогии лучше сохранившихся башен XII–XIII веков.

2.7.7. Безенгийская башня Ак-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 12' 31,74" N; 43° 16' 37,05" E

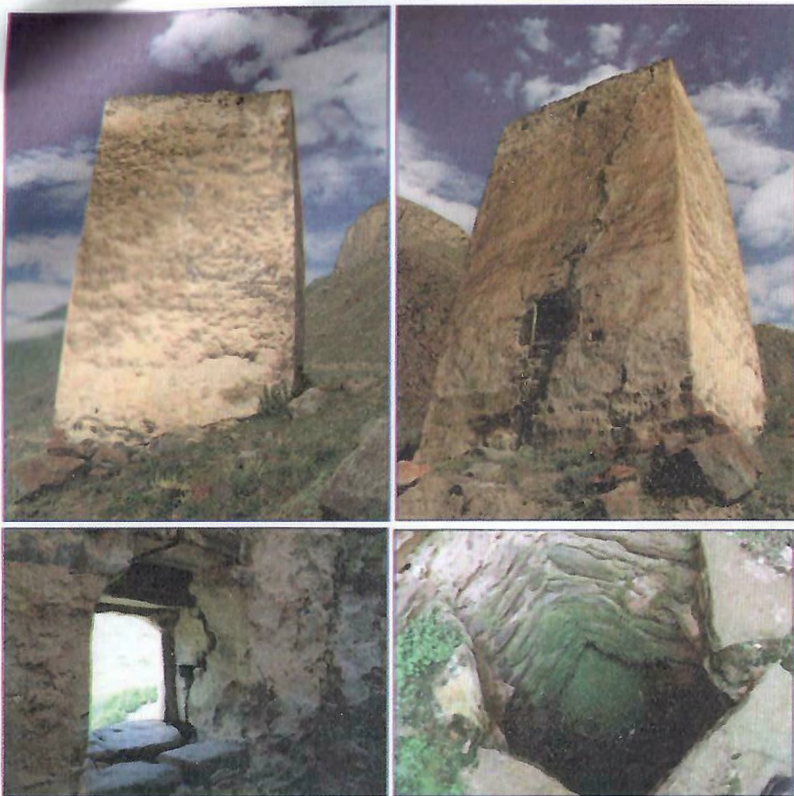
Боевая башня Ак-Кала (Белая Крепость) сооружена на левом берегу реки Черек Безенгийский, на южной окраине села Безенги. По преданию башня принадлежала Суюнчевым – князьям Безенгийского общества.

Башня немного сужается кверху и построена из местного камня на прочном известковом растворе. Судя по нишам для балок перекрытий, башня имела четыре этажа. Внутри башни в ее северо-западном и юго-восточном углах имеется 4 колодца, сужающиеся книзу в виде колокола и тщательно облицованные камнем на известковом растворе.

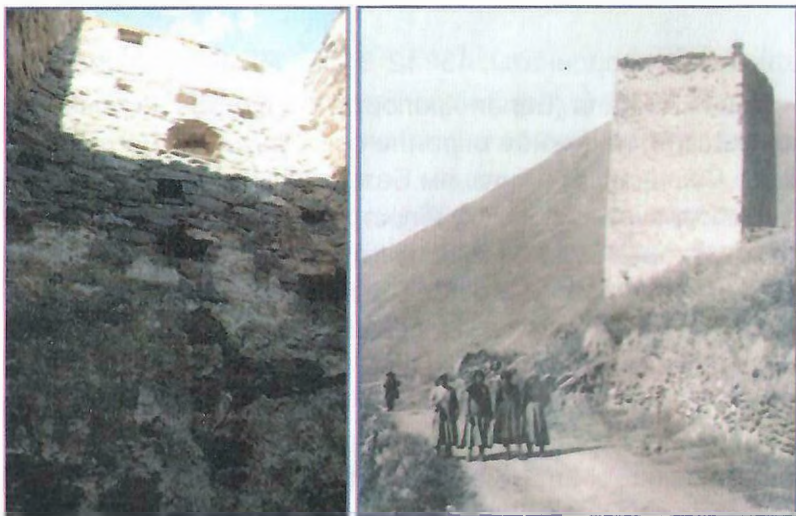
Наличие бойниц на уровне третьего и четвертого этажей свидетельствует о том, что башня была предназначена для обороны.

Состояние башни Ак-Кала можно считать удовлетворительным. Благодаря тому, что она построена на хорошем известковом растворе уже простояла три сотни лет. Но, выдержав не одну осаду врагов, она оказалась бессильной

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

В в е р х у – современный вид башни Ак-Кала с разных сторон.
В н и з у – вид оконного проема изнутри и колодец для воды

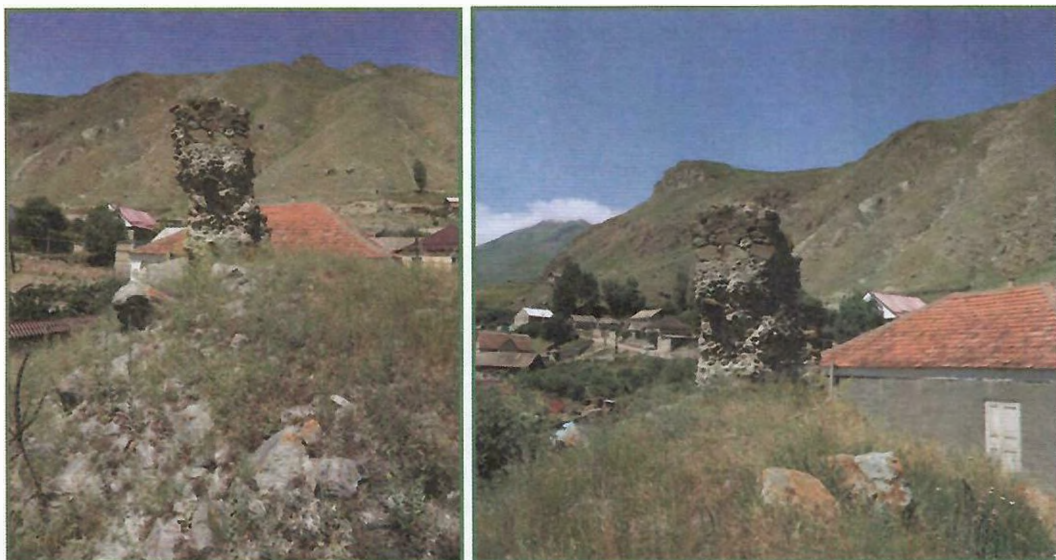
перед самосвалами, вывозившими камень из близлежащего карьера – трещина перечеркнула башню с самого верха до основания. Теперь разработки прекращены и есть шанс полностью восстановить этот уникальный памятник старины.

2.7.8. Безенгийская башня Тотур-Кала (XV–XVI вв.)

Географические координаты: 43° 12' 46,06" N; 43° 16' 55,80" E

Башня Тотур-Кала (Тотур – Федор) расположена на левом берегу реки Черек Безенгийского в центре села Безенги. Она принадлежала Безенгийскому обществу.

Башня сложена из мелких и крупных камней на крепком известковом растворе. Толщина стен около 0,9 м. Она имела размеры около 4 × 5 м. Исходя из местоположения, она могла выполнять сторожевые и оборонительные функции.

Сохранившиеся фрагменты Тотур-Кала с разных сторон

Состояние: сохранился лишь фрагмент одной стены башни и груда ее развалин в виде холма. Восстановление башни Тотур-Кала проблематично из-за отсутствия первоначального вида и тесного окружения современными домами жителей села, но вполне возможно на основе раскопки засыпанного развалинами фундамента, особенностей конструкции сохранившейся части стены по аналогии с недалеко стоящей башней Ак-Кала.

2.8. КРЕПОСТИ И БАШНИ ЧЕГЕМСКОГО УЩЕЛЬЯ

Край водопадов и древних селений

2.8.1. Карта позиций укреплений Чегемского ущелья

Живописное Чегемское ущелье находится в бассейне реки Чегем-Су, что означает «пограничная река», которая, образуется при слиянии рек Башиль-Аузу-Су и Гара-Ауз-Су, берущих начало у ледников Главного Кавказского хребта к востоку от Эльбруса. Ущелье ориентировано с юго-запад на северо-восток и делит горную Балкарию на две части: северную и южную.

Глубокая и извилистая теснина Чегема – одно из красивейших ущелий Северного Кавказа. Бурная река, зажата в тиски скал, с грохотом огибает скалистые утесы. Высокие и величественные, уходящие ввысь стены ущелья, украшенные зеленью деревьев и кустарников, громады гор и скальных вершин создают своеобразный колорит Чегемского ущелья.

Его облюбовали туристы и кинематографисты, которые здесь снимали фильмы: «Земля Санникова», «Всадник с молнией в руке», «Война», эпизоды фильма «Герой нашего времени» и др.

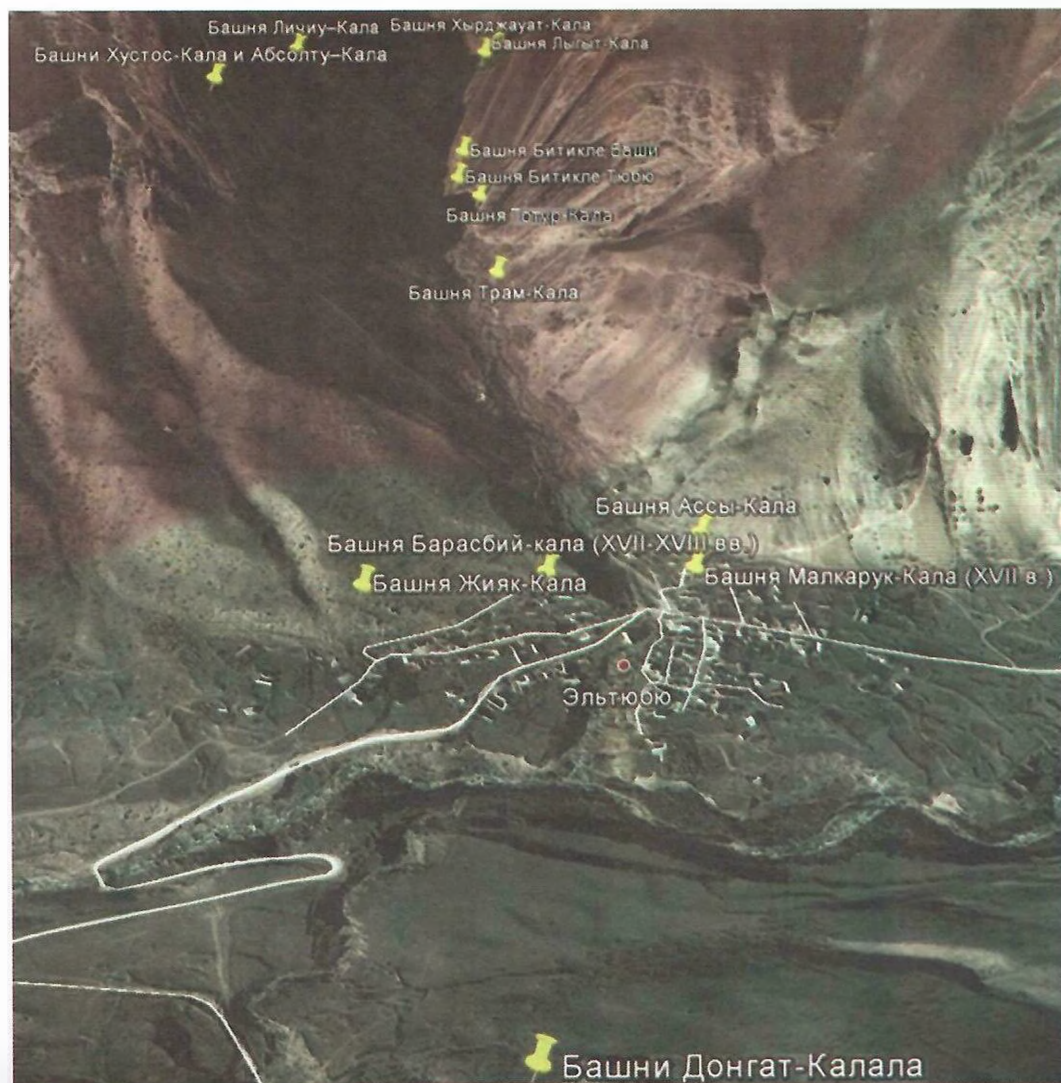
Туристов здесь можно увидеть круглый год, причём зимние путешествия в оздоровительном и эстетическом отношении не хуже летних. В долине Чегема встречается много археологических памятников: курганные могилы, усыпальницы, легендарная скала «Лячинкая» (соколиная скала). От села, имеющего такое же название, начинается само ущелье.

Чегемское ущелье густо покрыто лесом. Его называют «краем водопадов и древних селений». В ущелье действительно много красивых водопадов: большие и малые Чегемские водопады, самый большой водопад – Адай Су (Девичья коса), **стена водопадов Су-Аузу** (Водяное горло), водопад Абай-Су и др.

Помимо природных достопримечательностей в Чегемском ущелье много памятников старины – 16 известных оборонительных сооружений (крепостей, боевых и сторожевых башен), древних мавзолеев, город мертвых и так называемые «греческие лестницы и храмы».

Особый интерес представляет хорошо сохранившаяся башня Малкаруковых, а также оборонительный комплекс Битикле, в системе которых в пещере по сообщению И.А. Гюльденштедта «были найдены остатки книг, лист из Евангелия на древнегреческом языке, другие – из греческих церковных книг». Г.Ю. Клапрот также «во время пребывания на Кавказе имел случай достать себе несколько отрывков: одни принадлежали греческому Евангелию, другие – служебнику и составляли часть службы ноября месяца; у меня хранятся семь

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Карта размещения оборонительных сооружений Чегемского ущелья

листов. По письму рукопись относится ко второй половине XV века и преисполнена ошибок».

Здесь – колыбель Чегемского общества со своим тёре. Здесь родился поэт мировой величины Кайсын Кулиев и многие замечательные сыновья Балкарии – известный политический деятель Магомед Энеев, его сын академик РАН Тимур Энеев, революционеры А. Геммуев и др.

2.8.2. Верхне-Чегемские башни Донгат-Калала

Географические координаты: 43° 15' 49,02" N; 43° 9' 32,86" E

Группа из трех башен Донгат-Кала были сооружены на горе Донгат вблизи села Верхний Чегем. Они принадлежали Чегемскому обществу и, по-видимому, являлись форпостом обороны ущелья со стороны предгорий.

Все три башни располагались в один ряд вблизи друг от друга, и составляли единый оборонительный комплекс. Судя по остаткам фундамента, центральная башня представляла собой прямоугольное сооружение, две другие – округлые, с диаметрами 4 м. Башни были сложены из отесанных известняковых плит без связующего материала, что, скорее всего, послужило причиной их разрушения.

Состояние: все три башни Донгат-Кала разрушены, сохранились только фрагменты фундаментов. Их восстановление проблематично из-за отсутствия сведений о внешнем виде и высоте.

2.8.3. Верхне-Чегемская башня Малкарук-Кала (XVII в.)

Географические координаты: 43° 16' 8,94" N; 43° 9' 2,94" E

Оборонительная башня Малкарук-Кала расположена на левом берегу реки Чегем, в центре села Верхний Чегем.

По архитектуре башня является единственной такого рода на Северном Кавказе и похожа на башни Сванетии. Башня имеет 4 этажа и двускатную крышу. Ее верхняя часть увенчана нависающим парапетом. Перекрытия этажей и лестницы между этажами деревянные. Она была окружена стеной с бойницами. За стеной были жилые помещения.

Башню соорудил князь Актуган Балкаруков (Малкаруков).

Согласно легенде «Молодой Актуган в поисках приключений, совершая «жортууул» (наездничество), попал на праздник у Шамхала – владыки Кумыкии. Дочь Шамхала – красавица Кермахан тоже любовалась конными играми и состязаниями. Актуган, увидев ее, влюбился и, прорвавшись в толпу, схватил и в суматохе ускакал с ней на своем быстром коне в Чегем. Погоня не увенчалась успехом и в течение двух лет поиска не могли найти похитителя.

Актуган, желая помириться, отправился в Шамхальское владение и остановился у аталыка Шамхала – искусного кузнеца Абдул-Ариса, которому раскрыл, что он похитил девушку с целью родства. На сообщение аталыка об этом Шамхал гневно потребовал выдачи Актугана. Аталык сказал своему гостю – «Я должен тебя выдать поневоле». Актуган ответил – «Не беспокойся, веди меня Шамхалу...». Когда они пришли к Шамхалу, Актуган оставил своего товарища недалеко от кунацкой, приказав держать лошадей наготове. Актуган начал объяснять Шамхалу, кто он и откуда, но тот прервал его и

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

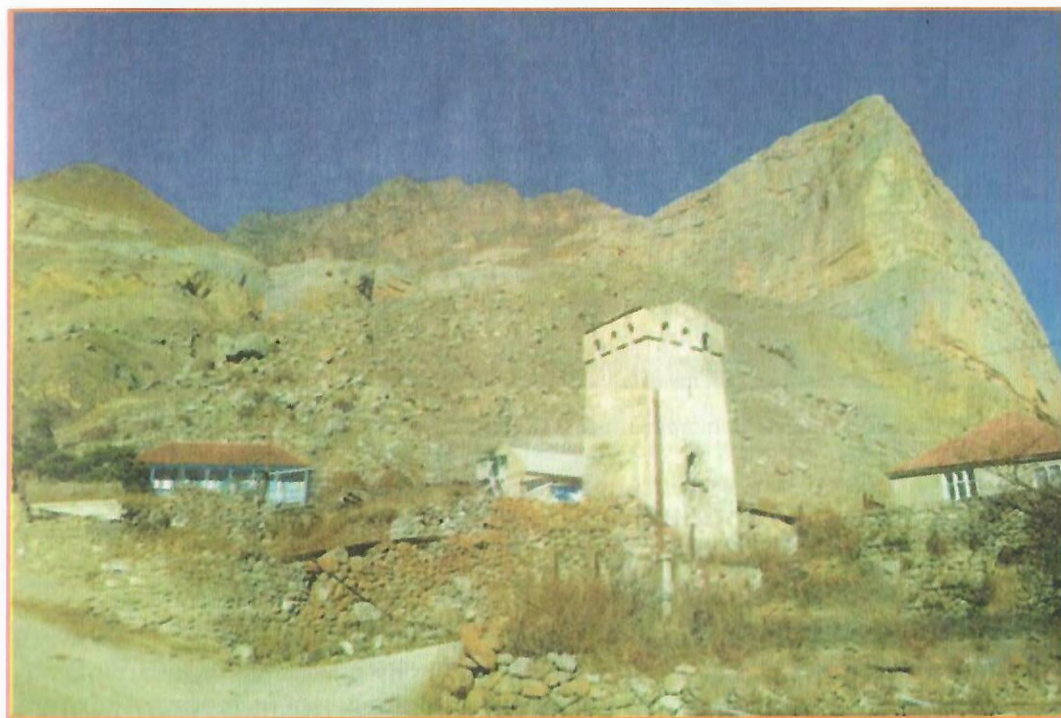
поставил у дверей кунацкой вооруженных людей. Тогда Акуган сказал: «Я искал не вражды, а родства, я не тот человек, который ходит с веревкой на шее», вынул меч, поразил охрану, вырвался из кунацкой и ускакал.

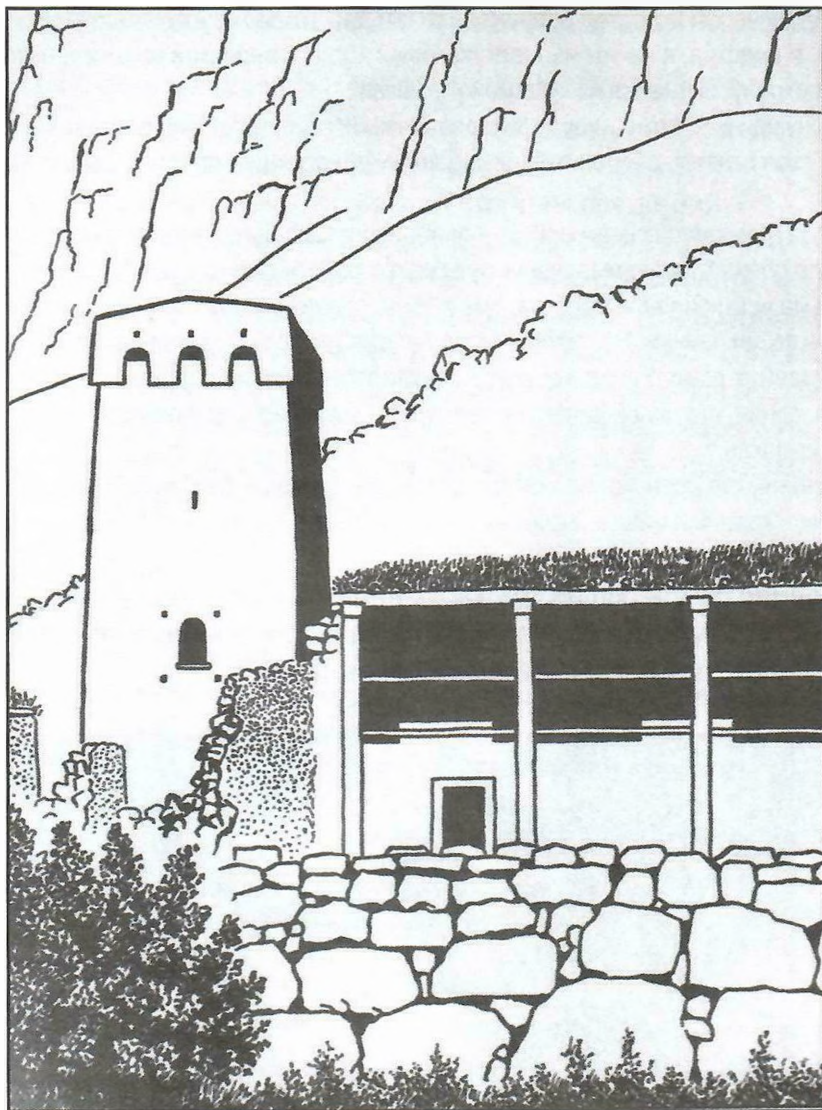
Вернувшись в Чегем, и будучи уверен, что Шамхал теперь не оставит его в покое, Акуган стал строить оборонительную башню, обнесенную кругом большой каменной стеной.

Когда Шамхал со своим войском приблизился к башне, Акуган расставил своих воинов по обеим сторонам теснины, приказал стрелять только в лошадей пришельцев, надеясь на установление родства. «Не хочу проливать кровь своих родственников» – сказал он своим воинам. На противника посыпался град стрел. Войско Шамхала осталось без лошадей. У самого владыки метким выстрелом была прострелена пышная шапка. Шамхал, поняв, что силой ничего не сделаешь, заключил мир и пожелал счастья Акугану и Кермахан.

Теснина, где происходила битва, получила название Капчиккай – мешок из скал («капчик» – кожаный мешок, «кая» – скала), а башня – «Башня любви».

Состояние самой башни Малкарук-Кала хорошее. Требуется относительно небольшой ремонт, побелка и реставрация оборонительной стены вокруг башни по конструкции, приведенной на фотографиях.

Усадьба князей Балкаруковых в Верхнем Чегеме (с фото 1924 года)

2.8.4. Оборонительная башня Жияк-Кала

Географические координаты: 43° 15' 56,64" N; 43° 8' 58,68" E

Башня находилась на северо-восточном склоне Башилик-Кая к юго-западу от села Верхний Чегем севернее «Фардык-Кешене».

Состояние: от башни сохранились лишь незначительные остатки фундамента. Восстановление проблематично.

2.8.5. Сторожевая башня Барасбий-Кала (XVII–XVIII вв.)

Географические координаты: 43° 16' 3,65" N; 43° 9' 0,34" E

Сторожевая башня Барасбий-Кала была построена на левом берегу реки Чегем, в южной части селения Верхний Чегем.

Об этой башне, на развалинах которой был построен большой дом старшины Барасбиева, упоминает английский путешественник Д.Ф. Баддели, побывавший в Балкарии в 1902 году. Он же отметил, что башня разрушилась от старости. По архитектурному стилю она была близка башне Малкаруковых.

Состояние: башня полностью разрушена. На ее месте стоят дома.

2.8.6. Сторожевая башня Асс-Кала (XVII в.)

Географические координаты: 43° 16' 10,12" N; 43° 9' 1,00" E

Сторожевая башня Асс-Кала была построена на левом берегу реки Чегем в центре селения Верхний Чегем выше башни Малкаруковых.

Состояние: башня разрушена практически полностью. Восстановление проблематично, так как нет сведений о ее внешнем виде.

2.8.7. Боевая башня Трам-Кала

Географические координаты: 43° 16' 13,24" N; 43° 8' 32,36" E

Башня Трам-Кала находилась к западу от села Верхний Чегем, на левом берегу речки Жылгы-Су. Она принадлежала роду Трамowych.

Состояние: от башни сохранились лишь следы фундамента. Восстановление проблематично.

2.8.8. Боевая башня Битикле-Тюбю (XII–XIII вв.)

Географические координаты: 43° 16' 17,90" N; 43° 8' 16,56" E

Боевая башня Битикле-Тюбю располагалась на левом берегу реки Жылгы-Су на скальном выступе в самом начале ступеней Кичи Битикле и, видимо, была предназначена для защиты прохода к ступеням Битикле в качестве первого форпоста.

Основание башни имеет форму правильного прямоугольника с длиной стен 6 м и шириной 4 м. Наибольшая высота сохранившейся части стены составляет около 1 м.

Состояние: от памятника сохранилось только фрагменты стен и фундамент. Возможно, что информацию об этой и предыдущей башне, а также об устройстве всего комплекса Битикле можно найти в византийских источ-

Фрагменты стен Верхне-Чегемской боевой башни № 16 (слева) и тропинка в отвесной скале, ведущая к так называемой «греческой лестнице»

никах, оставленных миссионерами и проповедниками христианства в Балкарии (Кавказской епископии), что могло бы способствовать их восстановлению.

2.8.9. Боевая башня Битикле-Баши (XII–XIII вв.)

Географические координаты: 43° 16' 16,67" N; 43° 8' 18,92" E

Боевая башня Битикле-Баши была воздвигнута на левом берегу реки Жылгы-Су. В самом начале ступеней Битикле, и судя по всему, служила первым

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

форпостом, защищавшим каменные ступени Битикле, которые вели к пещере, в которой обнаружены христианские богослужebные книги.

Состояние: от башни сохранилось основание в форме неправильного прямоугольника. Длина западной стены 6 м, северной и южной – 5 м, а восточной – 8,7 м. Наибольшая высота сохранившейся стены составляет 1,2 м. Значительная часть памятника была разрушена и использована при строительстве загонов для скота в гроте Кала-Тюбю.

Восстановить башню сложно, но крайне заманчиво, так как она в комплексе с описанными ниже оборонительными сооружениями представляет огромный интерес для туристов, историков и культурологов.

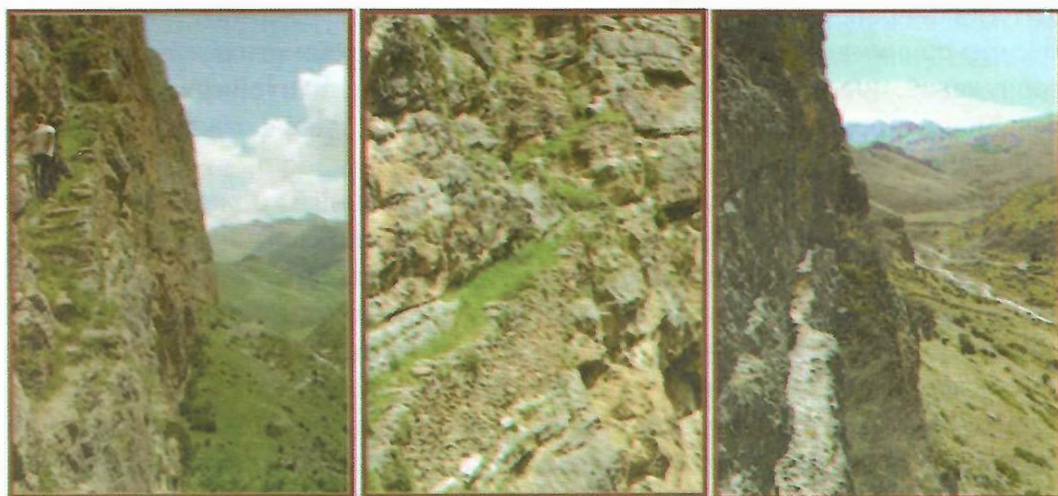
2.8.10. Лестница Битикле (XII–XIII вв.)

Селение Эльтубю как потенциальный музей балкарского народного зодчества на открытом воздухе.

Г.В. Пионтeк

У селения Верхний Чегем в средние века в отвесной скале была построена уникальная лестница, высотой почти 200 м. Ее относят к периоду проникновения в Балкарию христианства из Византии и Грузии (что подтверждает найденная в селе Холам церковь XII века с настенными грузинскими фресками и надписями).

Согласно легенде, лестница ведет к пещере, в которой Кавказская Епископия хранила свои богослужebные книги. Поэтому местные жители ее часто называют «Греческой лестницей», хотя это всего лишь часть древнего обо-

Виды некоторых частей лестницы Битикле

ронительного сооружения, включавшего две вышеописанные боевые башни Битикле-Тюбю и Битикле-Баши, а также крепость на самой вершине скалы.

Тимур Шаханов в «Дневнике археологической экспедиции музея Кабардино-Балкарии и КБНИИ 1958 года» описал это сооружение так: «Лестница сооружена на отвесной скале. Сначала она круто поднимается вверх на 22 м, затем делает пять зигзагов общим протяжением 20 м, которые приводят к площадке, имеющей в длину около 3,5 м, а в ширину 1,5 м. На этой площадке сохранилась стена высотой до 2 м и длиной в 1,2 м. Толщина стены – 0,6 м. И зигзаги, и стена сложены из камня на известковом растворе. От площадки вправо идет узенькая дорожка (0,3 м), которая местами заменяется лестницей. Дорожка приводит к горизонтальной террасе... С площадки на террасе видна небольшая пещера, а на конце террасы из скал вытекает тонкая струя воды, для сбора которой в камне высечены чашеобразные ямы».

Г.В. Пионтек по результатам своих обследований 1961 года о комплексе Битикле писал: «Собственно Битикле представляет собой прилепившийся к отвесной скале наклонный ход – пандус примерно метровой ширины, где еще местами сохранились ступени, переходящий в интересную систему каменных маршей частично с забежными ступенями. Марши соединяют остатки двух боевых башен. Нижняя, полукруглая в плане, имеет диаметр 2,8 м. От нее сохранилась нижняя часть каменной кладки в 14 – 16 слоев общей высотой около 3 м. От верхней дошли до нас только крупные камни основания и следы кладки.

Далее вверх ведет крутой марш с остатками каменного барьера-ограждения. От него берет начало горизонтальный ход, расположенный на узком (минимальная ширина 1 м) уступе отвесной стены скалы. Среди местных жителей бытует поверье, что на естественном карнизе имеются могилы. Очевидно, за могилы принимаются, в силу внешнего сходства, сохранившиеся фрагменты сооружений, по мнению автора, оборонительных. Когда-то горизонтальный ход был благоустроен и соединял воедино всю систему, завершавшуюся глубокой пещерой.

Многочисленные повороты делали горизонтальный ход практически неприступным. К тому же, чтобы попасть на него, нужно было проникнуть через 2 башни, систему маршей и наклонный ход в начале Битикле.

Во время обследования и обмеров Битикле у его подножия автором были обнаружены остатки еще двух крепостных сооружений. Одно из них, от которого сохранилось основание из камней среднего размера (до 1,2×0,8×0,6 м), будучи округлым в плане, примыкало к началу наклонного хода и служило бастионом, прикрывавшим вход на Битикле. Другие камни циклопической кладки (размером до 3,5×2,3×0,7 м) служили основанием прямоугольной в плане башни, еще более усиливавшей неприступность Битикле.

На самом верху скалы, в тылу у всего сооружения находится основание еще одной башни (диаметр 5,4 м), господствовавшей над всем ущельем. Она была связана с верхними боевыми башнями системой наклонных ходов и лестниц, следы которых хорошо прослеживаются в остатках вырубленных ходов.

Вся система тщательно продумана, и даже если бы пало одно из укреплений внизу, взять лестницу было бы невозможно. В случае же блокады защитники могли продержаться длительное время. Имеющиеся выходы водоносного слоя в избытке снабжали осажденных водой. Пещера, башни, природные навесы и широкие площадки (до 8 м шириной) позволяли делать большие запасы провизии».

Перенос книг и священных предметов из церкви, расположенных у подножья, в пещеру, по всей вероятности, произошел, по-видимому, при нашествии Тамерлана, когда не только христианские церкви и оборонительная система Битикле были разрушены.

Состояние: лестница Битикле, как и боевые башни, на подступах к ней сильно разрушены. Восстановление этой оборонительной системы может сделать этот район туристической Меккой и на современном уровне техники строительства (с устройством для безопасности туристов ограждения вдоль лестницы) не представляет архисложным и невозможным.

2.8.11. Верхне-Чегемская крепость Тотур-Кала

Географические координаты: 43° 16' 22,91" N; 43° 8' 9,33" E

Крепость Тотур-Кала находилась к западу от села Верхний Чегем, на второй террасе левого берега реки Жылгы-Су в 300 м восточнее городища Лыгыт. Это крепостное сооружение, по всем признакам, защищало подступы к скальной лестнице Кичи-Битикле, которая начиналась вблизи него и поднималась по скалистому склону горы.

Сравнительно ровная поверхность стены, система кладки из крупного камня, узкое окно-бойница, свидетельствуют о ее оборонительном назначении. Она входила в комплекс правобережных оборонительных сооружений, составлявших с Битикле одно целое, которые закрывали для врагов доступ в ущелье Жылгы-Су. О системе укреплений свидетельствуют и остатки основания крепостной башни, расположенной по соседству на склоне горы.

Состояние: к 1960-м годам от крепости Тотур-Кала сохранились лишь остатки круглого фундамента диаметром около 20 м, сложенного из грубо обработанных камней без связующего материала. Восстановление проблемно, так как не сохранился внешний вид сооружения.

2.8.12. Боевая башня Хустос-Кала

Географические координаты: 43° 16' 2,96" N; 43° 8' 22,31" E

Башня Хустос-Кала располагалась в 1 км к западу от села Верхний Чегем, на склоне Башилик-Кая восточнее башни Личиу-Кала.

Состояние: сохранились незначительные остатки каменных фундаментов. Восстановление маловероятно.

2.8.13. Боевая башня Асболду-Кала

Географические координаты: 43° 16' 2,96" N; 43° 8' 22,31" E

Башня Асболду-Кала («Ас-болду» означает – стал асом) располагались в 1 км к западу от села Верхний Чегем, на склоне Башилик-Кая вблизи башни Хустос-Кала.

Фундамент башни Асболду-Кала, присыпанный ее развалинами

Судя по фундаменту, башня была прямоугольной формы с размерами сторон 3×4 м. Она сложена на известковом растворе, толщина стен 0,8 м, высота неизвестна.

Состояние: башня Асболду-Кала разрушена, сохранился только каменный фундамент. Восстановление возможно путем раскопки фундамента, установления даты постройки по аналогам этого времени.

2.8.14. Боевая башня Лызгит-Кала (XII–XIV вв.)

Географические координаты: 43° 16' 21,76" N; 43° 8' 10,05" E

Башня Лызгит-Кала расположена в 2 км к западу от села Верхний Чегем на левом берегу реки Жылгы-Су, вблизи городища Лызгит.

По преданию башня принадлежала горскому князю Берди-бию, с потомками которого боролся род Балкаруковых (Малкаруковых) и защищала подступы к лестнице Уллу Битикле, которая поднимается по скальной тропе расположенной на высоте около 150 м и ведет к пещере.

Башня входила в состав аланского укрепленного городища Лызгит, которое было практически неприступно, располагаясь на крутом склоне горного массива, оно по всему своему периметру было защищено естественными препятствиями: с юга и юго-запада – глубоким речным каньоном, а с остальных сторон – высокими отвесными скалами. Доступ к городищу имелся только в одной точке с юго-восточной стороны, но здесь оно было укреплено башней Лызгит-Кала и обнесено стенами. Судя по археологическим данным, поселение было покинуто, скорее всего, в XV веке.

Состояние: от башни сохранились остатки прямоугольного каменного фундамента длиной 3 м шириной 2,5 м и высотой 0,2 м. Восстановление маловероятно или требует серьезных исследований по определению времени сооружения и изучения аналогов этого периода.

2.8.15. Боевая башня Личиу-Кала

Географические координаты: 43° 16' 10,49" N; 43° 8' 12,09" E

Остатки Башни Личиу-Кала в нижнем левом углу и под деревьями у стены кошары, построенный из камня разрушенной башни

Башня Личиу-Кала находилась на скале горного массива Башилик-Кая, возвышающегося над правым берегом реки Жылгы-Су.

По сообщению В. Миллера (1883) башня была построена из местного камня на крепком цементе. К ней вела извилистая тропинка, укрепленная каменными перильцами.

Состояние: памятник разрушен, остались лишь фрагменты стен и обломки башни, поросшие бурьяном. Восстановление проблематично или требует более детального обследования.

2.8.16. Боевая башня Хыргжауат-Кала

Географические координаты: 43° 16' 22,36" N; 43° 8' 9,93" E

Башня располагалась к западу от села Верхний Чегем, на левом берегу реки Жылгы-Су с восточной стороны городища Лыгыт.

Башня принадлежала Чегемскому обществу.

Состояние: башня полностью разрушена. От ее сохранились остатки круглого в плане фундамента сложенного из грубо обработанных камней без связующего материала. Восстановление маловероятно.

2.9. КРЕПОСТИ, ЗАМКИ И БАШНИ БАКСАНСКОГО УЩЕЛЬЯ

2.9.1. Размещение оборонительных сооружений

Баксанское ущелье – одно из самых знаменитых на всем Центральном Кавказе. Это изумительное по красоте ущелье, которое ведет к высочайшей вершине Европы – Эльбрусу и горнолыжным курортам с канатными дорогами до высоты 3500 м. Число посещающих это ущелье Балкарии туристов, альпинистов, горнолыжников и горвосходителей многократно превышает число самих местных жителей.

Ущелье имеет протяженность около 100 км и облегает реку Баксан – самую большую реку, которая начинается с ледников Эльбруса и впадает в Малку, приток Терека. Ущелье начинается от горы Кызбурун (Девичья скала), печально известной по легенде, что во избежание гарема Тамерлана с этой скалы прыгнула и разбилась девушка.

В Баксанском ущелье много природных достопримечательностей: боковых ущелий, ледников, ледопадов и ледниковых озер, источников нарзана, красивых горных вершин и, наконец, двуглавый Эльбрус. В сосновых борах ущелья расположены турбазы, альплагеря, дома отдыха, лечебные и научные базы, населенные пункты и «город звездного металла» Тырнауз.

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Карта размещения оборонительных сооружений Баксанского ущелья

В этом ущелье можно видеть памятник депортации балкарского народа «Скорбящий горец» (у поворота в крупное балкарское село Кёндеден), музей В. Высоцкого (в селе Тегенекли), памятники первым покорителям Эльбруса – Киллару Хаширову и Ахие Соттаеву, памятник-барельеф первому русскому альпинисту-исследователю и военному топографу А. Пастухову (вблизи селения Верхний Баксан).

Особый интерес могут вызвать памятники старины, включая:

- грот легендарного нарта Сосруко, расположенный юго-западнее селения Лашкута, на террасе левого берега Баксана, на высоте 60 метров. Археологи по найденным предметам эпохи мезолита (ножевидные пластинки, скребки, костяные нож, дротик, шило, подвески с изображением фантастических птиц, женские фигурки и статуэтки) отнесли его к XII–V веков до новой эры;
- в районе селения Былым находятся подземные могильные склепы VI–VIII веков, сложенные из небольших плит;
- множество пещер со следами очагов, каменными жерновами и человеческими костями (например, на склонах горы Уллу кая;
- средневековые оборонительные сооружения: комплекс Учкум-Кала, две башни Эль-Журт Калала, башня Хазар-Кала, Былымская крепость;
- мавзолеи, усыпальницы, древние захоронения в вертикальной скале (например, в боковом ущелье Тызыл);
- остатки разрушенных сел, каменные и бревенчатые сакли и др.

2.9.2. Оборонительный комплекс Учкун-Кала

Географические координаты: 43° 18' 35,63" N; 42° 44' 46,04" E

Оборонительный комплекс Учкун-Кала располагался на левом берегу реки Баксан на высокой скале к юго-западу от селения Верхний Баксан и принадлежал Баксанскому обществу. По всем признакам комплекс был предназначен для обороны со стороны Сванетии.

Братями Нарышкиными были зарегистрированы остатки круглых башен, находившихся по углам площадки. Центр данной площадки занимали остатки еще более крупного сооружения. Крепость была сложена из хорошо обработанных камней, достаточно мастерской кладки. Она являлась одним из крепостей контролировавших перевалы в Южный Кавказ.

Состояние: комплекс разрушен. Восстановление проблематично.

2.9.3. Баксанские башни Эль-Журт-Калала (XIII–XIV вв.)

Географические координаты: 43° 22' 17,08" N; 43° 53' 40,36" E

Две башни Эль-Журт Калала были сооружены у городища Эль-Журт (выше нынешнего города Тырнауза) на крутом склоне хребта по левому берегу реки Баксан. По преданию башни принадлежали Бёрю-Аслану – народному герою, возглавившему оборону Баксанского ущелья при вторжении хромого Тимура.

Первая башня была построена из камня без связующего раствора, у самого основания вертикального скалистого навеса, служившего четвертой стеной башни. В плане она представляет четырехугольник шириной (внутри) 4,3–5,1 м, длиной 9,2–9,4 м. Толщина стен достигала 1,5 м. В восточном углу башни оставлен вход, у которого лежал массивный обработанный камень прямоугольной формы, служивший порогом. Стены у входа выложены обработанными большими камнями. Слева в стене оставлена четырехугольная ниша высотой 30, глубиной 50 см. В западном углу башни вырыт прямоугольной формы бассейн для сбора воды (глубиной 1,7 м, длиной 3,4 м, шириной 1 м). В некоторых местах стены башни уцелели в высоту до 1,7 м.

Вторая башня, известная как Гошаях-Кала, была сооружена на удалении 22 м к востоку от первой на очень крутом скалистом склоне. Для получения горизонтальной площадки при сооружении башни склон был забутован камнями на высоту в три метра. В кладке камней применялся известковый раствор в качестве связующего материала. Со стороны склона сохранились стены высотой до 3,4 м. По бокам площадки под башню была укреплена каменными стенами.

Башня Гошаях-Кала имела трапециевидное основание длиной 15,4 м, шириной 6,1 м и толщиной стен более 1 м. С юго-западной стороны склона, где стояла башня, укреплен прямой каменной стеной, сооруженной на известко-

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Остатки стен первой башни Эль-Журт-Кала

Фрагменты одной стены второй башни Эль-Журт-Кала.

Три стены разрушены полностью. На фото справа виден вход в башню

вом растворе (ширина ее около 1 м, высота 1 м, длина 9 м). Из башен хорошо просматривалась вся территория поселения Эль-Журт. шириной –10 (7,1 м) и толщиной около 1,5 (1 м) аршина. В этой же стене имелось небольшое окно. Если смотреть сверху, то остатки башни едва только прослеживаются так, как три ее стены были доразрушены в результате обвалов крутого склона.

Состояние: обе башни сильно разрушены войсками Тамерлана, а также под действием природной стихии. Их восстановление возможно по стилю строений, остаткам стен и фундаментов в соответствии с лучше сохранившимися аналогами XII–XIV веков.

2.9.4. Былымская башня Хазар-Кала (XIII–XIV вв.)

Географические координаты: 43° 27' 21,50» N; 43° 1' 50,45» E

Боевая башня Хазар-Кала располагалась на правом берегу реки Баксан на уступе горы над селением Былым ниже города Тырнауза.

Позиция былымской башни Хазар-Кала

Название башни, по-видимому, происходит от сохранившегося у балкарцев названия средневекового городища у селения Былым, исследованного в 1930-х годах. Это городище называлось Хазар-Кала (автор раскопок передает его как Гацар-Кала). Хазарский царь Иосиф в IX веке писал, что на «самом юге Хазарии в смежности с Грузией в высоких горах живут хазарские племена под названием «Баси» или «Бас». От имени этого племени происходит имя легендарного героя балкарцев – Басият, что в свою очередь, дало название социальной, княжеской верхушке Балкарии – «Басиан». Рядом с городищем находилась еще и башня, которая являлась частью оборонительной системы Былыма».

Состояние: башня полностью разрушена, сохранились фрагменты фундамента на скале, где она была воздвигнута. Восстановление проблематично.

2.9.5. Былымская крепость (XIII–XIV вв.)

Географические координаты: 43° 28' 5,15" N; 43° 3' 32,13" E

Былымская оборонительная крепость построена на скальном выступе горы ниже по течению реки Баксан над ее правым берегом примерно на удалении 2 км от селения Былым.

2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ

Это сложное сооружение, состоящее из 6 помещений, которые, скорее всего, были башнями с бойницами для стрельбы из лука. Входом в крепость служило изогнутое вдоль склона удлиненное помещение (№ 1) шириной внутри около 1,8 м, служившее, по-видимому, форпостом обороны. К нему прилегает, расположенное несколько выше по склону, самое большое помещение (№ 2), имеющее форму, близкую к прямоугольнику с размерами около 7×13 м.

Остатки Былымской оборонительной крепости

От этого помещения идет проход (№ 3) к следующему посту обороны расположенной выше башне № 4, а также башне (№ 5), расположенной ниже и, наконец, к главному бастиону обороны – башне № 6. Башни № 4 и № 5 имели почти прямоугольное основание с внутренними размерами около 3×4 м. Башня № 6 имеет основание в виде трапеции, вписанной дугообразно в рельеф. Основание трапеции равно примерно 8 м, вершины около 5 м и высота – 8. Задняя стена выбита из скалы, максимальная высота ее сохранившейся части достигает 4 м.

Стены всех сооружений имеют толщину от 0,7 до 0,9 м. Фундаменты башен № 1 и № 2, по-видимому, сложены без связующего материала, а остальные – на известковом растворе.

Состояние: Былымская крепость, как и предыдущие оборонительные сооружения Баксанского ущелья, разрушена войсками Тамерлана. Сохранились только фундаменты и фрагменты стен. Восстановление проблематично.

Список литературы к разделу 2

1. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. В 3-х т. – Нальчик, Эльбрус, 1984–1987.
2. *Баддели Д.Ф.* Суровые склоны Кавказа. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2014. – 64 с.
3. Балкария страна гор и ущелий. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: В 2-х т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
4. *Батчаев В.М.* Балкария. Историко-культурное наследие народов центрального Кавказа. – Вып. 1. – М., 2006. – 240 с.
5. *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX в. М., 2006.
6. *Вырубов Н.* Отчет о поездке на Кавказ // Дневник антрополог. отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1890. – Вып. 9.
7. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. В 3 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
8. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 216 с.
9. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 159–183.
10. *Мизиев И.М.* История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. – <http://balkaria.narod.ru/istoria/miziev/miziev.html>.
11. *Мизиев И.М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 121 с.
12. *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. – Нальчик, 1970.
13. *Миллер В.Ф.* Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. МАК. – Вып. 1. – М., 1888.
14. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский вестник. – Владикавказ, 1903. – Вып. 5. – С. 152–216.
15. *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. – Нальчик, Эльбрус, 1969.
16. *Шаханов Т.Б.* Записки краеведа. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 140 с.

3. ГОРОДИЩА, МОГИЛЬНИКИ И КУРГАНЫ БАЛКАРИИ

По материалам фонда «Ассия»

3.1. ГОРОДИЩА И МОГИЛЬНИКИ ХАЗНИДОНСКОГО УЩЕЛЯ

3.1.1. Ташлы-Талинский могильник

Ташлы-Талинский могильник с наземным склепом посередине расположен в 9 км от селения Ташлы-Тала на левом берегу реки Хазнидон. Вокруг этого склепа густо расположены могилы, обозначенные на поверхности каменными кладками овальных, круглых и вытянутых форм, забуртованных камнем, щебнем, землей. По этим наземным признакам можно насчитать более 50 могил. Могильник датируется в рамках от XIV–XVI веков до первой половины XVIII века.

3.1.2. Суканское городище

Суканское городище находится в 15 км юго-западнее села Верхняя Жемтала на правом берегу реки Сукан-Су на склонах горного массива и занимает площадь 400 га. Судя по наличию здесь склепового могильника аланской эпохи, поселение было основано в раннем средневековье и существовало вплоть до XVIII века. На поверхности городища сохранились остатки десятков жилищ. Большинство из них пристроено к валунам. Имеющаяся башня одного из феодалов построена не в верхней части села, а внизу в русле реки, на поверхности валуна. Сохранились следы оборонительной стены длиной около 200 м и толщиной от 0,5 до 1,3 м. Она сложена из необработанных камней и местами сохранилась на высоту до 1,3 м.

3.2. ГОРОДИЩА И МОГИЛЬНИКИ ЧЕРЕКСКОГО УЩЕЛЯ

3.2.1. Город мертвых и могильники Верхней Балкарии

В Верхней Балкарии основная часть средневековых поселений были жилищами до недавнего времени. К ним относятся бывшие села Коспарты, Кюнлюм, Курнаят, Шаурдат, Зылгы и др. К этим поселениям примыкают многочисленные могильники и оборонительные сооружения, описанные в трудах В.М. Батчаева, И.М. Мизиева, И.М. Чеченова и др. Эти памятники существовали, начиная с раннего средневековья до 1944 года, не претерпев коренных изменений.

3.2.1.1. Город Мертвых является одним из самых крупных могильников на территории Балкарии, его площадь достигает 10 га. Большинство погребений

ний – полуподземные склепы – коллективные усыпальницы, основная часть камеры которых сооружена под землей. Над поверхностью земли выступают входные отверстия и крыша. Впервые могильник обследован в 1886 году Н. Харузиным и З. Тулинцевым. Склепы представляют собой прямоугольные сооружения из камня со скошенным потолком, покрытым двумя-тремя массивными плитами. Связующий материал – глина или известь. Значительная часть склепов относится к позднему средневековью.

3.2.1.2. Курнаятский могильник расположен на горе Курнаят, в его центре расположен склеп с двускатной крышей. На основании найденного в могилах инвентаря был сделан вывод том, что могильник Курнаят возник в XIII века и функционировал до XVII века. Несмотря на обрядовые различия, погребальным сооружением в течение всего времени служил каменный ящик.

3.2.1.3. Могильник Зылгы расположен на высоком холме и включает каменные ящики и грунтовые погребения. Инвентарь могильника (бронзовые кольца с семью соколиными головками, нашивные бляшки, литые фигурки всадников, мозаичные и глазчатые бусы, серебряные пуговицы и др.) В.А. Кузнецов датирует V–IX веками.

3.2.1.4. Кургань Зылгы с захоронениями расположены на левобережье Черка. В 1899 году во время раскопок одного из них были обнаружены остатки деревянных гробов. Относятся ориентировочно к позднему средневековью

3.2.1.5. Курган Мангыз-Тёбе находится на 2 км севернее селения Верхняя Балкария в местности Саур. Раскопки здесь не проводились. Судя по рассказам старожилов, вблизи кургана имеется могильник.

3.2.2. Могильник и курган села Бабугент

3.2.2.1. Бабугентский грунтовый могильник расположен на юго-западной окраине села Бабугент, на террасе левого берега реки Черек Балкарский в местности «Обала-Тала». Здесь около 100 погребений. Судя по инвентарю погребений, они относятся к XIV–XVI векам.

3.2.2.2. Бабугентские кургань находятся к северо-востоку от села поблизости от места, где стоял склеп Урусбиевых, на левобережье реки кешене Кол-Су. Их относят к XIV–XVI векам.

3.2.3. Кашхатауские кургань и могильники

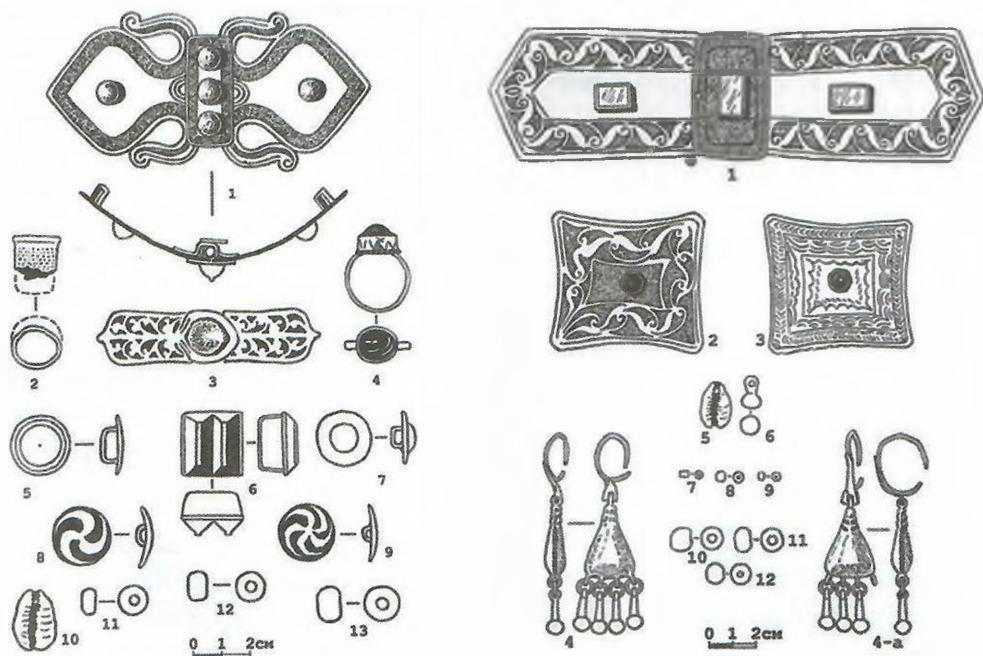
3.2.3.1. Группа курганов № 1 расположены на левом берегу реки Черек в 3 км восточнее поселка Кашхатау. В 1861 году один курган был исследован.

Выразительный и разнообразный инвентарь погребений (бронзовый топор с обухом в виде трубы и шаровидным выступом, листовидным наконечником копья, булавки с дисковидным навершием, браслеты, различные глиняные сосуды и др.) датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.

3.3.3.2. Группа курганов № 2 расположена к северо-востоку от поселка Кашхатау. Эти курганы небольшие (менее 2 м высотой) и расположены компактно. В насыпях содержится много камней. Погребенные обложены большими плоскими камнями и засыпаны древесным углем. Курганы датируются XIV–XVI веками.

3.3.3.3. Кашхатауский грунтовый могильник № 1 расположен в 4 км северо-восточнее от поселка Кашхатау на левом берегу реки Черек в урочище Закута. Площадь могильника 5 га. Наземные признаки могилы почти не прослеживаются. Инвентарь обследованных могил (золотые и серебряные проволочные кольца, бронзовые браслеты, подвески, гривны, цветные пастовые бусы, различные глиняные сосуды и др.) датируется VII–VI веками до н. э..

3.3.3.4. Кашхатауский 2-й грунтовый могильник расположен в 2 км юго-западнее поселка справа от дороги Нальчик – Голубые озера в уро-

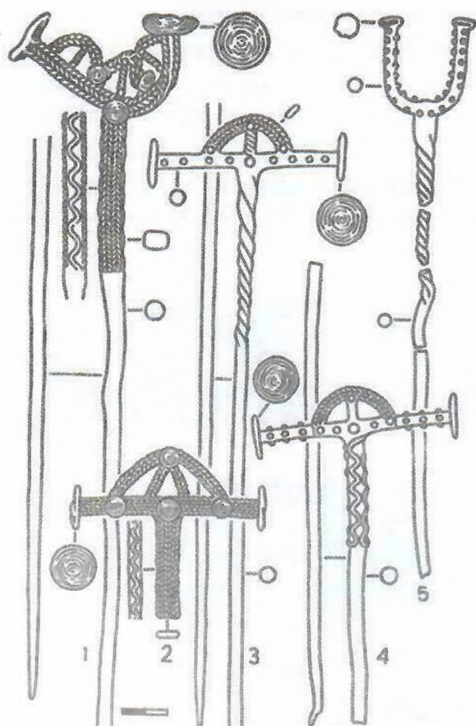
Инвентарь из погребений № 6 и 13 Кашхатауского могильника

чище Кешене-Алы. Инвентарь погребений (небольшой сосуд с двойной ручкой, железные пряжки, ножик, слеска, сабля и втульчатый наконечник копья). Могильник датируется VII–IX веками.

3.3. ДРЕВНИЕ ОБЪЕКТЫ ХУЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОГО УЩЕЛЬЯ

В Холамо-Безенгийском ущелье сосредоточено множество древних могильников, катакомб, в которых найдено большое количество вещей, раскрывающих образ жизни, вооружение, культуру и быт средневековья.

3.3.1. Безенгийские объекты

3.3.1.1. Безенгийский грунтовый могильник расположен напротив села Безенги на правом берегу реки Черек Безенгийский и занимает обширную территорию. Могилы отмечены вертикально врытыми надгробными каменными плитами, высотой 1,5–1,7 м. На двух плитах высечены кресты. Могильник исследован в 1965 г. И.М. Мизиевым и ориентировочно датирован X–XIII веками.

3.3.1.2. Безенгийские каменные ящики № 1 расположены в 3 км западнее села Безенги, на крутом склоне горы. На поверхности могилы отмечены обнаженные оползнями каменные плиты, покрывающие ящики. Инвентарь погребений (железные кольца, бронзовые бубенчики, застёжки, агатовые бусы и др.) датируется X–XIII веками.

3.3.1.3. Безенгийские каменные ящики № 2 расположены на юго-западной окраине села Безенги на территории современного кладбища. На поверхности могилы не прослеживаются. По сообщению местных жителей, здесь часто обнаруживали покойников в каменных гробах, а также бусы, кольца и другие предметы. Условная датировка – раннее средневековье.

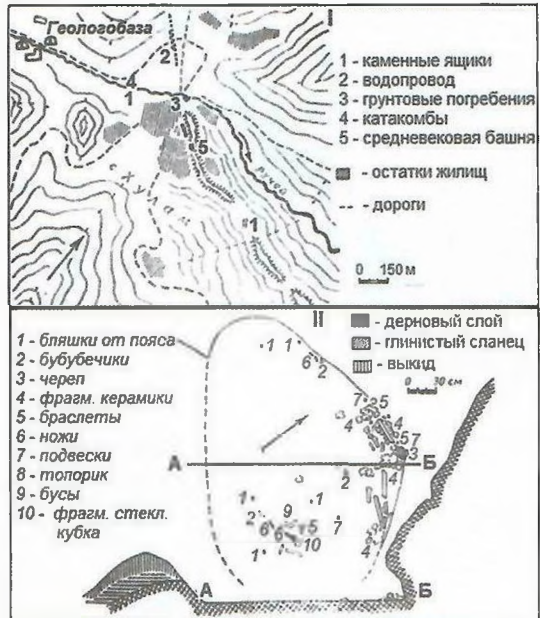
3.3.2. Холамские объекты

В окрестностях бывшего села Холам в 1977 году было обследовано несколько могильников и катакомб, в которых был собран богатый археологический материал на сравнительном анализе, которого была сделана датировка в пределах конца VIII – первой половины X века.

3.3.2.1. Холамский могильник № 1 с каменными ящиками, которые имели широкое распространение в горах Центрального Кавказа, располагается в 600 м к юго-востоку от Холамских катакомб на гребне скального массива. Сохранились надмогильные выкладки из рваных камней. На лицевой стороне плит перекрытий могил выгравированы кресты.

3.3.2.2. Холамский могильник № 2 с захоронениями в каменных ящиках условно датирован XVI–XVIII веками.

3.3.2.3. Водопровод в Холаме раскопан на северо-западной окраине села. Он построен из

Карта раскопок памятников у села Холам:
I – план расположения;
II – план и разрез катакомбы № 1

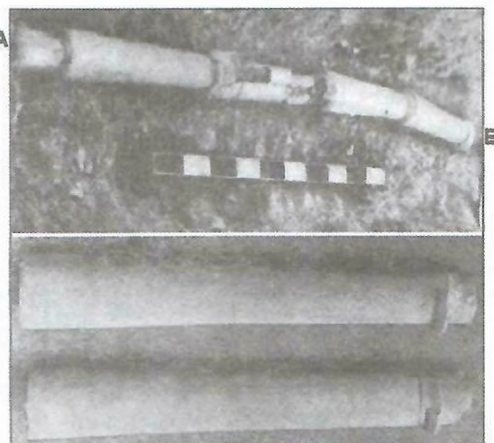
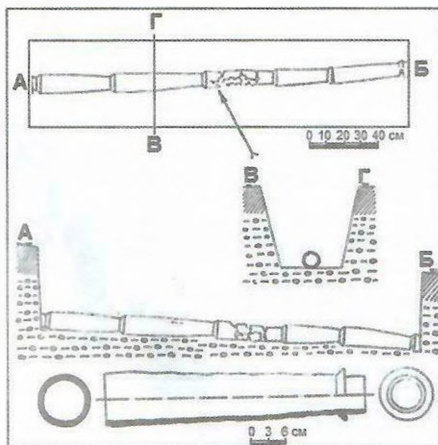

Схема раскопанного водопровода в Холаме и фото его керамических труб

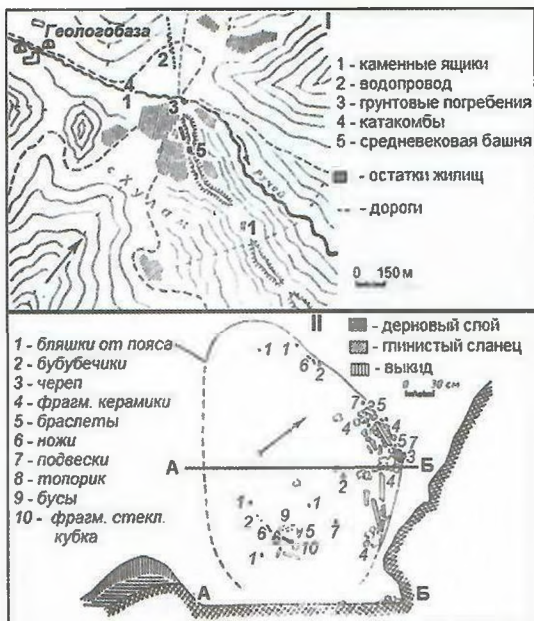
3.3.2. Холамские объекты

В окрестностях бывшего села Холам в 1977 году было обследовано несколько могильников и катакомб, в которых был собран богатый археологический материал на сравнительном анализе, которого была сделана датировка в пределах конца VIII – первой половины X века.

3.3.2.1. Холамский могильник № 1 с каменными ящиками, которые имели широкое распространение в горах Центрального Кавказа, располагается в 600 м к юго-востоку от Холамских катакомб на гребне скального массива. Сохранились надмогильные выкладки из рваных камней. На лицевой стороне плит перекрытий могил выгравированы кресты.

3.3.2.2. Холамский могильник № 2 с захоронениями в каменных ящиках условно датирован XVI–XVIII веками.

3.3.2.3. Водопровод в Холаме раскопан на северо-западной окраине села. Он построен из

Карта раскопок памятников у села Холам:
I – план расположения;
II – план и разрез катакомбы № 1

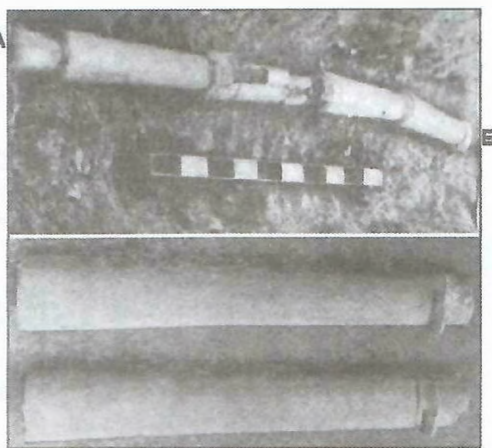
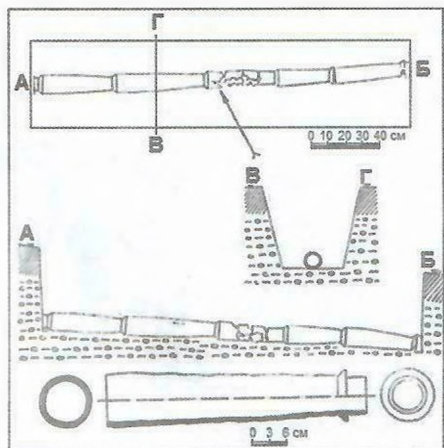

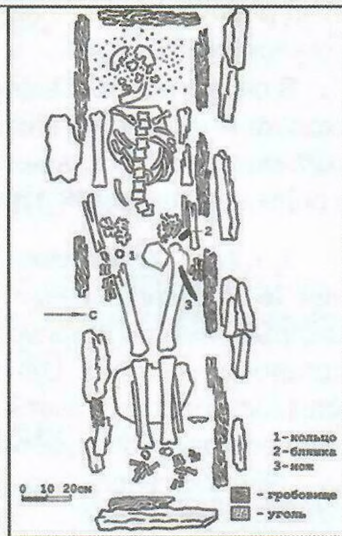
Схема раскопанного водопровода в Холаме и фото его керамических труб

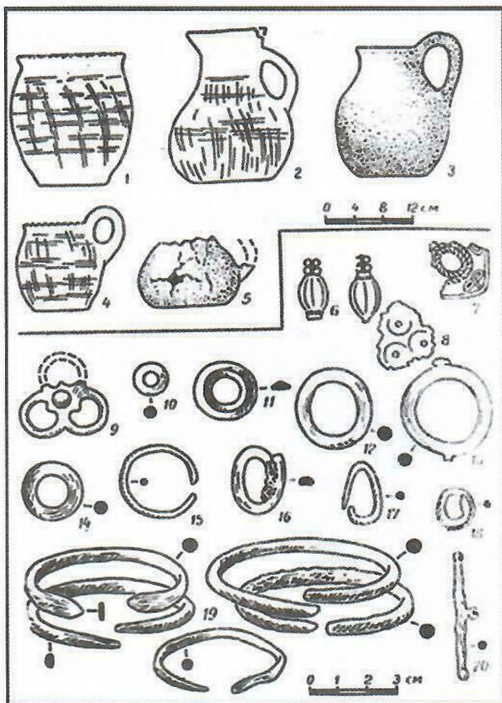
Каменный ящик
Холамского могильника
№ 1

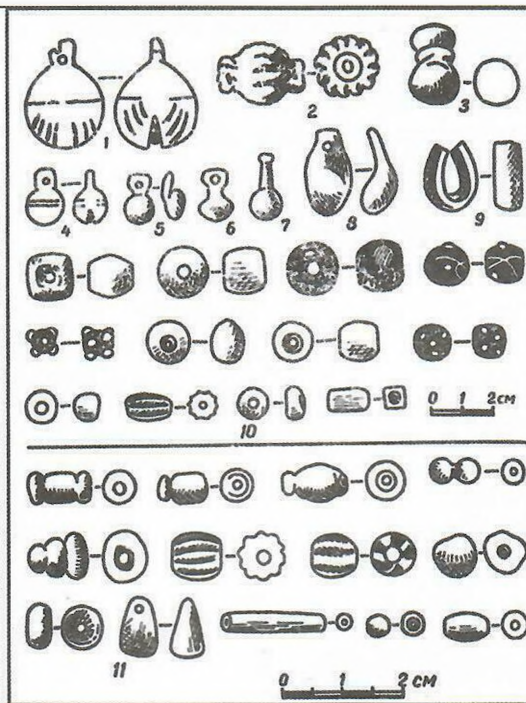
Плита перекрытия
каменного ящика
в могильнике № 1

Размещение скелета
и предметов в каменном
ящике

Погребальный инвентарь из разрушен-
ных катакомб у села Холам: керамика,
украшения из цветных металлов

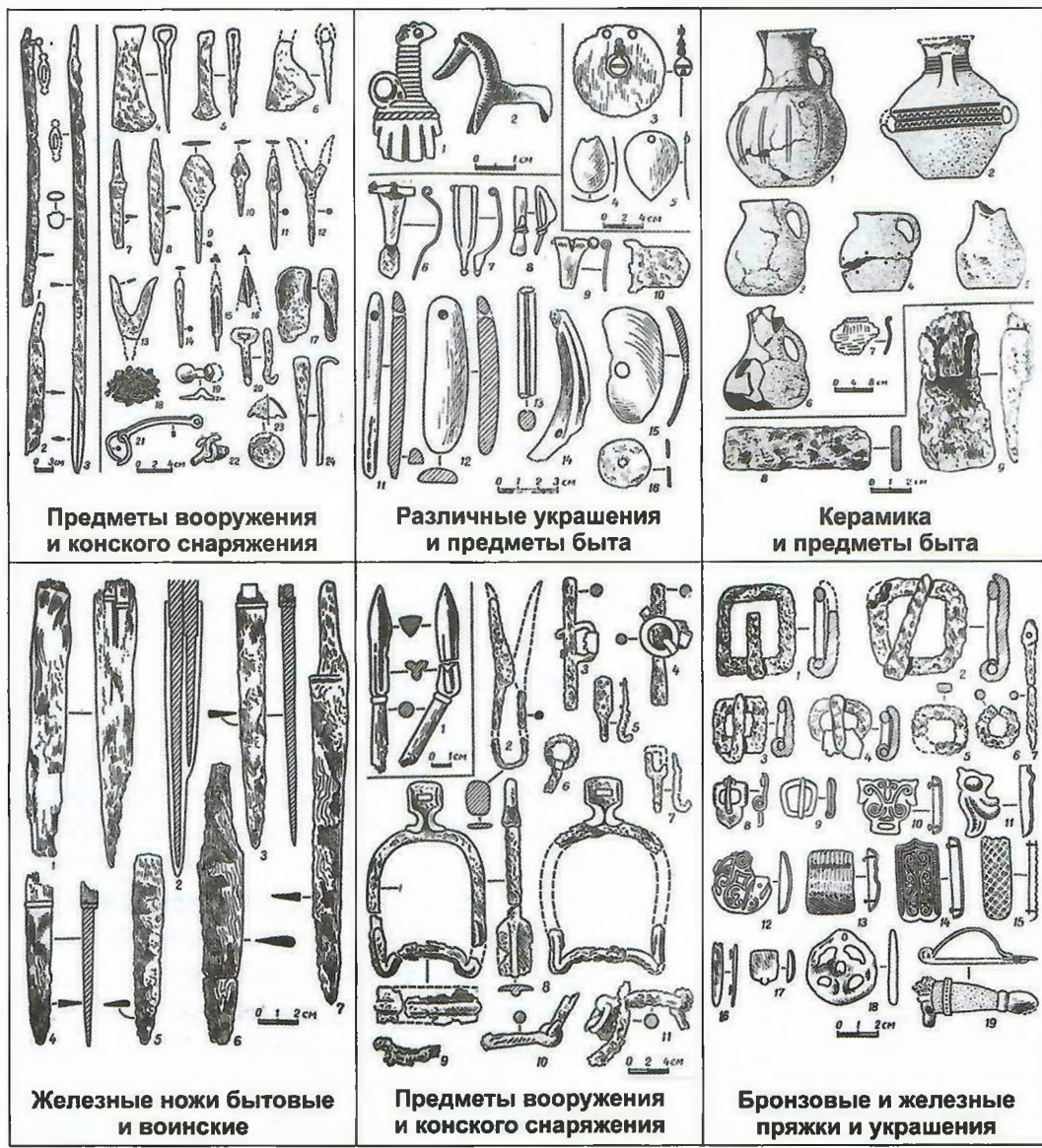

Украшения из разрушенных катакомб
у села Холам: бронзовые бубенчики
и застёжки, бусы и подвески

3. ГОРОДИЩА, КУРГАНЫ И МОГИЛЬНИКИ БАЛКАРИИ

керамических труб, изготовленных в специальных горнах. Трубы имеют форму слабо усеченного конуса. Условная датировка объекта XVII–XVIII века.

Обследование могильников Холама археологами КБНИИ и других исследователей выявили в Холамских могильниках № 1 и № 2 каменные ящики с захоронениями, накрытые плитой с крестом, а также большое количество фрагментов керамических кувшинов, посуды из стекла, женских украшений, вооружения, конского снаряжения и других предметов, приводимых ниже по рисункам их исследователей.

Еще более богатыми и разнообразными оказались вещевые находки в катакомбе № 2 у села Хулам, показанные выше. В их число входят предметы конского снаряжения и вооружения, различные украшения, керамика, воинские и бытовые ножи, предметы быта (стеклянная посуда, всевозможные пряжки и пуговицы, ножницы, щипцы, различные фигурки и оселки), а также каменные гробницы.

3.4. ДРЕВНИЕ ОБЪЕКТЫ ЧЕГЕМСКОГО УЩЕЛЬЯ

3.4.1. Городища и курганы Нижнего Чегема

3.4.1.1. Нижне-Чегемское городище № 1, где находятся и Нижне-Чегемские катакомбы расположено в 3 км западнее села Нижний Чегем. Цитадель городища представляет небольшой холм с крутыми склонами высотой около 12 м. Датируется городище ранним средневековьем.

3.4.1.2. Нижне-Чегемское городище № 2 находится на высоком холме с крутыми склонами, возвышающемся над южной окраиной села Нижний Чегем. Длина городища 1 км, ширина 120 м. В северо-восточной части его прослеживаются остатки рвов, здесь же обнаружены следы металлургического производства. Выявленный на городище материал датируется ранним средневековьем.

3.4.1.3. Нижне-Чегемский грунтовый могильник расположен на южной окраине села в местности Агач-Ара. Памятник открыт и исследован в

1959–1960 годах П. Г. Акритасом. Инвентарь погребения (большое количество железных боевых топоров, мечи-акинаки, железные и бронзовые наконечники стрел, бронзовые фибулы, колокольчики, щипчики и мн. др.) датируется VII–VI веками до новой эры.

3.4.1.4. Два Нижне-Чегемских кургана расположены на хребте Багуул сырт, возвышающемся на юго-востоке от села Нижний Чегем. В одном из них в 1960 году археологом П. А. Акритасом произведена раскопка и обнаружено 21 погребение, в том числе два каменных ящика. Все погребения П. Г. Акритас датирует в пределах I тысячелетия до новой эры. Однако некоторые вещи, найденные в одном из каменных ящиков, типичны для второй половины II тысячелетия.

3.4.2. Древние грот и городища Верхнего Чегема

3.4.2.1. Грот «Кала-Тюбю» расположен на 2 км севернее села Верхний Чегем на второй древней террасе левого берега Жылгы-Су, на высоте 60 м. В гроте обнаружено 16 культурных слоев относящихся к периодам истории от мезолита (XII–V тысячелетие до новой эры) до средневековья. Основные археологические находки: кремниевые орудия, съедобные улитки, неолитический топор с острым обухом и др.

3.4.2.2. Городище Лыгъит – средневековое поселение, известное по сведениям фольклорного и археологического характера. Лыгъит отличается от поздних поселений полным отсутствием хозяйственных помещений и дополнительных пристроек к домам. Поселение было окружено высокими отвесными скалами, а с юго-запада огражденное глубоким речным каньоном. Усиленное искусственными укреплениями, оно было практически неприступно, а единственный узкий проход на его территорию имелся только в одной точке его периметра. На территории городища выявлены остатки водопровода и улицы вымощенной камнями. Керамический материал городища двух типов: фрагменты черных и серых глиняных сосудов позднего аланского времени (X–XII вв.) и более многочисленные золотоордынские сосуды из красной глины, изготовленные из хорошо очищенной глины с отличным обжигом (XIII–XIV вв.). По-видимому, в период позднего средневековья вблизи городища возникла целая оборонительная система из башен, бастионов, лестниц и стен, которые предназначались для защиты с юга.

3.4.2.3. Верхне-Чегемский грунтовоый могильник № 1 находится на 0,5 км юго-западнее села Верхний Чегем. Внешние признаки могил – овалы или прямоугольные в плане каменные выкладки. Во многих случаях прослежены следы деревянных гробов или настилов. Преобладает западная ориентировка

костяков. По инвентарю три раскопанных погребения датируются кобано-скифским периодом, а пять – аланским средневековьем.

3.4.2.4. Верхне-Чегемский грунтовый могильник № 2 находится на 2 км западнее села Верхний Чегем в восточной части городища Лыгыт. Инвентарь погребений – золотые и серебряные серьги в виде вопросительного знака, бусы, кольца, серебряные бляшки, бубенчики, застежки, пряжки – позволяет датировать могильник XIII–XIV веками.

3.4.2.5. Верхне-Чегемские каменные ящики расположены на правом берегу реки Донгат в местности «Бердыбий-Таш». В 1849 году А.С. Фиркович насчитал здесь более 100 надгробных каменных плит с высеченными на них крестами. Инвентарь могильника позволяет отнести их к раннему средневековью.

3.4.2.6. Верхне-Чегемская железоплавильня – ее остатки обнаружены на горе Донгат к востоку от села Верхний Чегем. Вблизи горы Донгат на значительной площади находится большое количество железных шлаков – явных следов металлургического производства, по-видимому, связанного с городищем Лыгыт. Объект датируется X–XII веками.

3.4.2.7. Верхне-Чегемский грунтовый могильник № 3 расположен на левом берегу реки Жылгы-Су восточнее городища Лыгыт. Могильник имеет каменную ограду, но наземными признаками могилы не прослеживаются. Из восьми раскопанных могил в двух случаях отмечены остатки деревянного гроба и один каменный ящик. Инвентарь погребений датируется XIII–XIV веками.

3.4.2.8. Верхне-Чегемский грунтовый могильник № 4 (Байрым) расположен к юго-западу от села Верхний Чегем в местности Байрым. Раскопано более 40 погребений. Инвентарь весьма разнообразный: различные подвески, проволочные серьги, железные ножницы для стрижки овец, ножи, бронзовые бубенчики-застежки, остатки ткани, войлока и др. Могильник относится к XIII–XIV векам.

3.4.3. Древние городище и могильник Булунгу

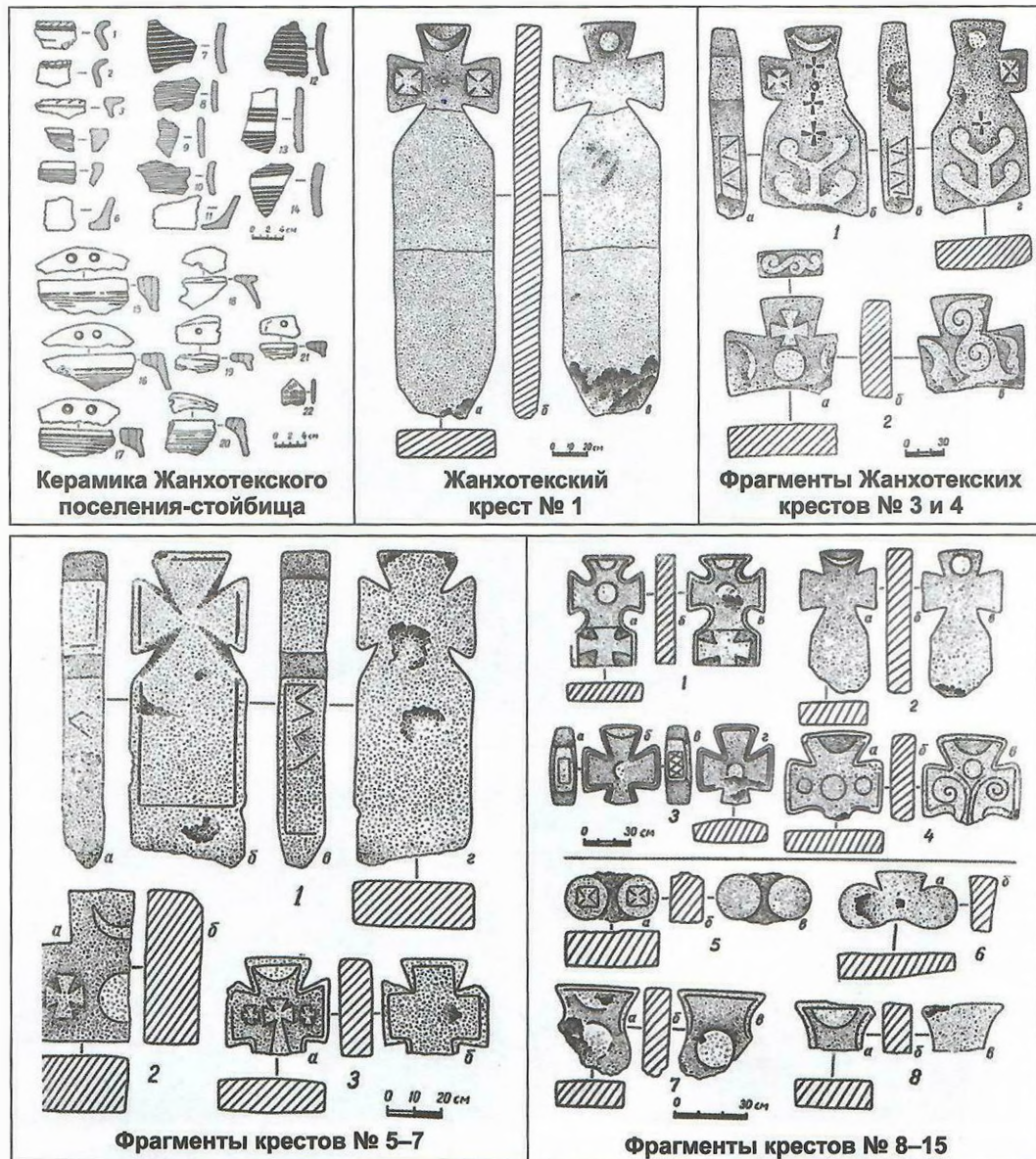
3.4.3.1. Булунгуйское городище расположено на склоне горы Макка-Кая, возвышающейся над южной окраиной Булунгу. Поверхность городища изобилует обломками керамики, относящимися к периодам раннего средневековья и Золотой Орды (X–XIV вв.).

3.4.3.2. Булунгуйский грунтовый могильник с трупосожжением расположен в 2 км восточнее селения на возвышенности Мыжылги. На территории могильника и в разведочном шурфе найдены сильно пережженные кости человека и животных, а также попорченные огнем обломки железных, бронзовых и стеклянных предметов. Могильник датируется VII–IV веками до новой эры.

3.5. ДРЕВНИЕ ОБЪЕКТЫ БАКСАНСКОГО УЩЕЛЬЯ

3.5.1. Жанхотекское поселение-стойбище

Это поселение-стойбище находится на северо-восточной окраине селения Жанхотеко. На территории стойбища были обнаружены следы селища, представленного зольными пятнами, фрагментами керамики костями животных.

Керамика поселения сочетает в себе признаки и хазарского и предмонгольского периодов. На этом основании наиболее приемлемой датировкой для данного памятника представляется XII век. В 1977 году во время планировочных работ недалеко от поселения-стойбища было извлечено более 30 монументальных крестов изготовленных из розового вулканического туфа, однако здесь никаких захоронений не обнаружено. Ученые не смогли прямо связать кресты с поселением-стойбищем, но сделали предположение, что они изготовлены после X–XI веков.

3.5.2. Кёнделенские городища, курганы и катакомбы

3.5.2.1. Кёнделенское городище расположено в 4–5 км восточнее селения Кёнделен на высоком скалистом выступе с ровной поверхностью. Здесь сохранились остатки оборонительного рва и валов. Городище было заселено с эпохи бронзы и до раннего средневековья.

Часть ограждения и оскверненные захоронения Кёнделенского городища

Наземные вскрытые и разграбленные могилы Кёнделенского городища

3. ГОРОДИЩА, КУРГАНЫ И МОГИЛЬНИКИ БАЛКАРИИ

3.5.2.2. Кёнгеленские катакомбы № 1 расположены в урочище Тызыл. Судя по документации Кабардино-Балкарского краеведческого музея, в катакомбах найдено несколько предметов (глиняные кружечки с сосцевидными налестками, серый лощеный кувшинчик с оттянутым венчиком-сливом и др.) характерных для VII–IX веков. Такие могильники из-за своей заметности часто подвергались полному грабительству.

Фото Тызылских пещер Виктора и Марии Котляровых

Большое количество маленьких и очень низких пещер (около 0,5 м) расположены на отвесной скале на правом берегу реки Тызыл одна над другой. По характеру и строению пещер понятно, что могильники вырублены руками человека, потому что соседние скалы, схожие по своей структуре, похожих пещер не имеют.

«Могилы разграблены или, что вернее, уничтожены столетия назад: кладка разобрана, кости выброшены, а впоследствии растащены зверьем. Но вот что интересно: в народной памяти сохранилось поверье, будто обитавшие здесь люди своих соплеменников хоронили дважды: вначале в одном месте, а потом, когда их скелет освобождался от плоти, переносили кости в пещеры. Отчего в каждой из них находилось множество скелетов. Судя по всему, это были родовые захоронения – семейные склепы», – считают известные краеведы В. и М. Котляровы.

Недалеко от могильников находятся естественные пещеры поражающие своими размерами. Они огорожены каменной кладкой толщиной около 1 м и высотой 2–3 м. Раньше пещеры были жилыми. С левой стороны имеется

что-то вроде узкого козырька, не достигающего до самой пещеры: этот проход, вероятно, состоял из выдвигаемых мостков длиной 4–5 м, которые втягивались внутрь в случае необходимости.

Самая большая из пещер площадью около 200 кв. м имеет белый ровный пол, покрытый походящим на бетон слоем толщиной около 0,2 м, состоящим из золы вперемешку с костями, настолько хрупкими, что они рассыпались в руках.

Хотя в пещерах, и в могильниках не обнаружено следов металла, недалеко от них просматриваются две земледельческие террасы, означающие, что жившие здесь люди были знакомы с земледелием. К тому же на уровне верхней пещеры, в нависающей с краю скале, есть два огромных треугольных проема-окна.

3.5.2.3. Кёнгеленские катакомбы № 2 расположены в 4 км восточнее села. Представляют собой пещеры, вырубленные в скале. Их здесь более 200, причем все они ограблены. По всей вероятности, катакомбы связаны со средневековыми слоями Кёндеденского городища.

3.5.2.4. Кёнгеленские катакомбы № 3 расположены в подножье скал напротив селения Кёндеден левобережного хребта реки Кёндеден. В народе их называют «Нарт шыякыла» (Нартские гробницы). В них были найдены изделия из бронзы (шлемы, гребенки и другие предметы быта), большая часть которых была похищена и продавалась в Пятигорске и других рынках. Судя по этим находкам, археологи датируют эти катакомбы от II века до новой эры до IV–VII веков.

3.5.2.5. Кёнгеленские курганы группы № 1 эпохи бронзы (II тысячелетие до новой эры) находятся в 3–4 км восточнее селения Кёндеден. П.Г. Акритас, обследовавший этот район в 1858 году, выделил здесь «Большие курганы бронзовой эпохи».

Склон у селения Кёндеден, у подножья скального обрыва которого расположены средневековые катакомбы с захоронениями

Входы в погребальные камеры

Стены, потолок и пол погребальных камер катакомб у Кёнделена

3.5.2.6. Кёнделенские курганы Группы № 2 расположены по обе стороны дороги Нальчик–Тырныауз. Курганы небольшие. А.А. Иессен датирует их по имеющимся материалам XIV веком.

Ученые Института археологии РАН при раскопках Кёнделенской группы курганов № 1, расположенных на территории Кёнделенского городища, открыли уникальное по богатству захоронение, возраст которого составляет более 4,5 тысяч лет.

Эта курганная группа была обнаружена учеными еще в 1930 годах, при подготовке к строительству Баксанской ГЭС, однако с тех пор практически не исследовалась. В 2014 году Институт археологии РАН в сотрудничестве с Институтом археологии Кавказа исследовал группу из пяти курганов. Ученые обнаружили в них 73 погребения, относящиеся к раннему и среднему бронзовому веку (середина IV – первая половина III тысячелетия до новой эры). В эту эпоху в Междуречье формировалась Шумерская цивилизация, в Египте начиналось строительство первых пирамид, а на Северном Кавказе в это вре-

мя, как свидетельствуют обнаруженные в погребениях артефакты, возникла и стремительно развивалась металлургия и металлообработка. Причем если на ранней стадии бронзового века эти процессы были тесно связаны с ближневосточным влиянием, то с начала III тысячелетия до новой эры северокавказские племена развивались вполне самостоятельно.

В целом раскопки Кёнденских курганов группы № 1 позволили получить полную и непрерывную хронологическую колонку комплексов середины IV – первой половиной III тысячелетия до новой эры. При этом в руках ученых оказались не только находки, но и материалы для междисциплинарных исследований, которые помогут ответить на ряд вопросов, связанных с климатическими, хозяйственными и социальными условиями жизни населения этого времени.

Раскопки позволили обнаружить ряд погребальных комплексов, содержащих уникальные наборы орудий и украшений. Одним из наиболее выдающихся среди них стало погребение № 9 кургана 423. Согласно данным антропологов, здесь была погребена молодая женщина в возрасте от 18 до 30 лет. «Ее костюм состоял из 550 предметов, что само по себе является беспрецедентным случаем для погребальных комплексов эпохи средней бронзы».

Захоронение было совершено в насыпи кургана, а не в материковой яме, как абсолютное большинство погребений. Руководитель экспедиции Александр Клещенко о нем говорит: «Судя по имеющимся в нашем распоряжении фактам, вождей, лиц с высоким социальным статусом чаще хоронили в центре кургана, над ними делали насыпи высотой до 3 м, при этом на значительный статус указывает, в том числе, количество трудозатрат на совершение обряда. В насыпи же обычно хоронили детей, нередко встречаются погребения совсем без артефактов. Здесь же мы имеем дело со своего рода обрядовым нонсенсом!»; «Это погребение по количеству и ассортименту вещей первое в своем роде: стандартные комплексы северокавказской культуры отличаются гораздо меньшим числом и разнообразием находок».

В частности, у головы были обнаружены восемь бронзовых и серебряных височных подвесок, на груди находилось ожерелье, состоящее из семи разновидностей бронзовых и фаянсовых украшений. Общее их число превышает 150 штук. Правое запястье погребенной обвивал браслет из оригинальных бронзовых подвесок, точных аналогий которым пока не известно.

Наиболее выдающимися деталями погребального костюма были два так называемых поясных набора, состоящие из нескольких сотен предметов. Наряду с декоративными функциями они имели, в первую очередь, культовое назначение. На это указывают самые выразительные предметы комплекса: две бронзовых булавки, являвшиеся своего рода амулетами, религиозными фетишами эпохи средней бронзы, две полусферические бляхи с соляренным орнаментом, а также две миниатюрные бронзовые модели сосудов.

3. ГОРОДИЩА, КУРГАНЫ И МОГИЛЬНИКИ БАЛКАРИИ

«Обнаружение такого богатого ассортимента украшений в одном комплексе позволяет снять все вопросы относительно синхронности существования этих типов изделий эпохи средней бронзы на территории Северного Кавказа».

В целом ученым удалось составить полное и не дискретное хронологическое описание древнего могильного комплекса. Значимо, что обнаруженные артефакты представляют не только археологическую ценность, но и помогут составить представление о природных, социальных и хозяйственных условиях жизни на Кавказе в ту эпоху.

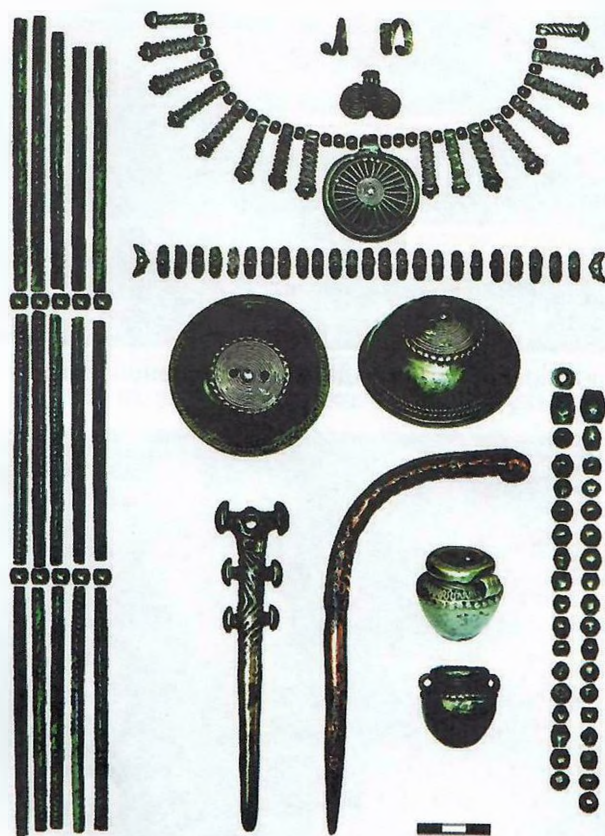
Общий вид раскопок Кенделенских курганов группы № 1

Общий вид кургана 423

Общий вид погребения № 9

Украшения из погребения № 9

3.5.3. Гроты Лашкуты

Вблизи селения Лашкута в ходе археологических исследований обнаружены древние мезолитические стоянки (XII–V века до новой эры).

3.5.3.1. Грот Сосруко открыт и исследован в 1954–1957 годах С.Н. Замятниным и П.Г. Акритасом. Грот находится юго-западнее селения Лашкута, его длина равна 30 м. В мощных культурных напластованиях толщиной 12,5 м обнаружены предметы различных периодов. Но главным итогом исследования грота являются многочисленные находки предметов среднекаменного века – мезолита, включая костяные и каменные орудия и кости животных.

3.5.3.2. Второй грот в Лашкуте открыт и исследован в 1955–1957 годах С.Н. Замятниным и П.Г. Акритасом. Он находится против грота Сосруко на высоте 60 м от уровня реки. Стоянка однослойная мезолитическая. Основным материал из грота составляют сегменты пластинок со стегаными краями и карандашевидные нуклеусы.

3.5.4. Городища и могильники Былым

На протяжении трех полевых сезонов (1976–1978) сектор археологии КБНИИФЭ проводил охранные раскопки в окрестностях селения Былым. За этот период здесь исследовали ряд интересных памятников, связанных с различными периодами истории края – от эпохи бронзы до позднего средневековья.

3.5.4.1. Городище Алмалы расположено вблизи села Былым в местности Алмалы (Яблочный). На поверхности поселения был собран незначительный подъемный материал. На основании найденных находок был сделан вывод о датировке объекта VIII–X веками. По основным признакам Алмалы входит в круг укрепленных поселений западного (асского) локального варианта аланской культуры Центрального Кавказа и болгарского варианта салтово-маяцкой культуры Подонья.

3.5.4.2. Городище Гацар-Кала расположено в 2 км северо-восточнее села Былым. Оно обследовано в 1949 году К. Гриневичем. Подъемный материал городища составляют фрагменты раннесредневековой керамики.

3.5.4.3. Городище Крбискам расположено в 4 км юго-западнее села Былым и занимает площадь около 800 кв. м. С юго-востока территория городища смыкается с весьма пологим основанием скалистого хребта, прослеживаются остатки каменных стен жилищ и оборонительных сооружений башенного типа. Условно городище датируется поздним средневековьем, а в этническом отношении связан с балкарцами.

3.5.4.4. Могильник Айлама размещался на правом берегу реки Баксан в

местности Айлама (Круговорот) примерно на 1,4 км западнее селения Былым. В середине 1970 годов он оказался в зоне разработки крупного гравийно-щебеночного карьера. В связи с опасностью полного уничтожения могильника, в 1976 году начались охранные раскопки. Были сделаны пять раскопов на расстоянии от 5 до 60 м друг от друга и площадью до 70 кв. м. В трех из них удалось обнаружить по одному погребению. В процессе раскопок в верхних слоях спорадически встречались частицы золы, древесного угля, отдельные кости животных и фрагменты сероглиняной керамики эпохи бронзы. В разрушенных земляными работами погребениях этого могильника найдена разнообразная серия древностей – керамика, оружие и орудие труда, украшения.

3.5.4.5. Могильник Шултрак находится приблизительно в 0,7 км к западу от села Былым и на 600 м юго-восточнее могильника Айлама. Здесь, в небольшой и узкой долине, протяженностью около 200 м, окруженной скалистыми высотами, имеется ряд каменных выкладок, расположенных без определенной закономерности на удалении от 1 до 15 м друг от друга. Такие выкладки служат в горах наземными признаками погребений и характерны фактически для всех эпох, вплоть до позднего средневековья.

3.5.4.6. Грунтовое погребение находится западнее села Былым в междуречье Баксана и его притока Гестенти. Одним из основных итогов раскопок погребений явились двухкамерная катакомба и подкурганное захоронение в глубокой яме эпохи средней бронзы (II тысячелетие до новой эры).

3.5.5. Городище и склепы бывшего поселения Гижгит

Поселение Гижгит находилось в верховьях реки Гижгит-Су (левого притока Баксана) вблизи села Былым. Первоначально оно имело название «Къышкет» (Уйди зима), что, видимо, связано с тем, что в этой местности зимы почти не бывает, оно очень солнечное и теплое. Примерно в XVII веке здесь было поселение, в котором жил предок Узденовых, ушедший потом в Карачай. В XVIII веке сюда вернулся Хаджибий Узденов вместе с братом Хасаном. У Хаджибия было 4 сына и 4 дочери. От них произошли гижгитские Узденовы. С 1933 года начинается переселение жителей Гижгита в село Былым. Но часть семей продолжала проживать здесь до депортации балкарцев (до 1944 г.). Потом поселение было разрушено и создана животноводческая ферма.

3.5.5.1. Гижгитское городище с примыкающим к нему могильником обследовано археологом И.М. Чеченовым в ущелье реки Гижгит на естественно укрепленной возвышенности Кыр-Сырт. Поверхность городища изобилует обломками раннесредневековой керамики и костями животных. Городище датируется IV–VI веками.

3.5.5.2. Подземные склепы № 1 расположены в поселении Гижгит на пра-

вом берегу одноименной речки. Инвентарь погребений (различные глиняные и деревянные сосуды, бронзовые браслеты, серьги, зеркала, железные ножи, бусы и др.) датируется VII–VII веками.

3.5.5.3. Подземные склепы № 2 расположены в 3 км от бывшего поселения Гижгит. Склепы представлены прямоугольными сооружениями с суживающимися кверху стенами, сложенными из известковых плит. Почти во всех склепах имеются ниши. Инвентарь погребений датируется IV–VII веками.

3.5.6. Городища Верхнего Баксана

3.5.6.1. Верхне-Баксанское городище находится над селением Верхний Баксан на естественно укрепленной возвышенности. Обследовано в 1949 году. Археологический материал относится преимущественно к раннему средневековью, но К.Э. Гриневич выделяет обломки сосудов конца бронзового века, близкие к скифской керамике.

3.5.6.2. Эль-Джуртское городище располагалось на крутом каменистом склоне хребта вдоль левого берега реки Баксан. Оно занимает площадь 8 га и завалено камнепадом частых здесь горных обвалов. В настоящее время здесь можно насчитать остатки 50 жилищ, которые располагались террасами. К поселению примыкали два башенных комплекса и один наземный склеп карачаевского князя Камгутбиа Крымшамхалова. Исторические песни и предания балкарцев и карачаевцев прочно увязывают городище с карачаевцами. Подкрепляется это историческими сообщениями русских послов 1639 года Федота Елчина и Павла Захарьева, направлявшихся в Грузию, о том, что в верховьях Баксана они застали карачаевцев. Послы гостили у карачаевских мурз Гилястана и Эльбуздука из рода Крымшаухаловых. В результате раскопок получен скудный датирующий материал аналогичный керамике XIII–XIV веков. Склеп Камгутбиа датируется XV веком. Основная часть поселения существовала от XIV до XVIII века.

3.6. Древние объекты Малкинского ущелья

Малкинское ущелье не менее живописно, чем те ущелья, о которых говорилось выше. Оно тянется вдоль реки Малка, изначальное название которой – Балык-Су (от слова «Балык» – рыба). Река Малка самая протяженная река в Кабардино-Балкарии. Ее длина от северных склонов Эльбруса до впадения в реку Терек достигает 210 км, а площадь бассейна – 10 тысяч кв.х км.

С ледников Уллу-чиран (Большой ледник), Кара-чаул (Черное переплетение), Уллу-кол (Большое ущелье), Микель-чиран (Летник Микеля – на русском Михаил), Кынгыр-сырт (Кривой хребет), Чунгур-чат-чиран (ледник Седловины)

стекают небольшие речки Кызыл-кол, Бирджалы-Су, Султан-Тары-Су (от «тар» – узкий), Каракая-Су («Каракая» – Черная скала) и другие безымянные ручьи, которые, сливаясь вместе в районе перевала Кая-эшик (Скальные ворота), образуют реку Малку. На этом участке выходят на поверхность скальные породы, поэтому ложе реки ступенчатое с четырьмя водопадами высотой от 20 до 40 м. В верховьях реки Малка в нее впадает 26 притоков, среди которых наиболее крупными являются левые притоки – Мушта и Кичмалка (Малый балык) и правый приток – Шау-Кол (Бедовое ущелье). К югу от города Прохладного, примерно на расстоянии 20 км до устья, Малка принимает свой главный правый приток – Баксан. Площадь водосбора Баксана достигает более половины площади водосбора Малки, и 85% ее стока.

В Малкинском ущелье много природных достопримечательностей:

- множество минеральных источников, в том числе источник Жылы-Су, комплекс источников в Долине нарзанов и другие;
- водопады Жетмиш-Су (Семьдесят струй), Султан, несколько водопадов в районе Жылы-Су и их множество в верховьях Малки;
- каскад голубых озер над селением Каменноостское;
- сужение реки Малки до ширины, которую можно перешагнуть, над бушующим внизу бурным потоком и т. д.

Помимо природных памятников в Малкинском ущелье много историко-архитектурных памятников, которые слабо изучены. По преданиям долины рек Малка, Кичмалка, Мушта, их боковых ущелий типа Уллу (большой) Лахран, Кичи (малый) Лахран (а точнее «Улак-ран» – место содержания козлят из-за благоприятного климата) и обширные высокогорные плато Ауар-Сырт (Перевальное плато) и Бермамыт в аланскую эпоху были густо заселены (более 100 древних поселений). Это подтверждается массовыми скоплениями могильников и погребальных сооружений, вскрываемых при строительстве дорог и любых экскаваторных работах в ущельях, на склонах ущелий и плато. По свидетельствам местных жителей и очевидцев здесь, зачастую, открываются древние захоронения с останками покойных, их оружия, украшения и предметов быта и при ливневых паводках и размывах.

3.6.1. Селище, склепы и шахты Хабаза

3.6.1.1. Хабазское селище находится в 2 км восточнее селения в урочище Аман-Кол (Плохое ущелье), на левом берегу небольшой речки. Здесь обнаружены керамические обломки, относящиеся к раннежелезному веку и к раннему средневековью, что говорит о длительном существовании в этом месте поселения.

3.6.1.2. Хабазские каменные ящики расположены рядом с селищем. Здесь была вскрыта каменная гробница. Инвентарь (глиняные сосуды, брон-

зовые кроколки, подвески-спирали, киндалы, серьги и др.) относится к VIII–VII векам до новой эры.

3.6.1.3. Хабазские курганы со склепами расположены в окрестностях села Хабаз на левом берегу реки Малка. Найденные бронзовые котлы и инвентарь датируются VII–V веками до новой эры. К такому же времени относится бронзовое зеркало, керамика и посуда.

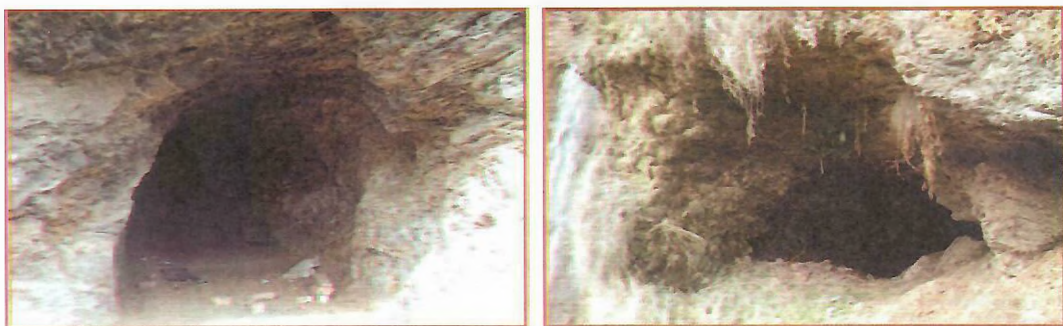

Артефакты из Хабазских склепов в ущелье Аман-кол

3.6.1.4. Комплекс шахт расположен в центре села Хабаз-2 на склонах левого и правого берега реки Малка. Большое их скопление имеет место у устья бокового ущелья Ырхы-кол (Селевое ущелье). На левом берегу Малки известно четыре шахты, а на правом – три.

Эти шахты проходят в скальном грунте почти горизонтально на большую глубину. Дно и стенки шахт практически ровные. Их ширина варьирует в пределах от 1,8 до 2,5 м, высота от 1,5 до 1,9 м. По данным обследования автора этих строк протяженность самой короткой шахты около 16 м, а другие имеют протяженность более 100 м (дальше этого жители этого квартала села, не имея специального снаряжения, не ходили). Одна шахта на расстоянии около 20 м от входа имеет боковые ответвления и через 25–30 м – колодцы с чистой водой.

Наиболее просторная шахта расположена примерно на 25 м выше других в начале спуска к реке, она выглядела наиболее аккуратной. Автор этих строк, будучи жителем этого квартала села, еще в 1960–1961 годах заходил в эту шахту на десятки метров. Она имеет прямоугольное сечение, шириной около 2,6 м и высоту 1,9 м, ровный пол и стены. В настоящее время вход в нее замурован каменной кладкой хозяина дома, под которым проходит эта шахта.

По преданиям эти шахты служили для добычи железной руды, что подтверждается тем, что внутри шахт и перед ними обнаруживалось множество небольших шарообразных камней красного и бурого цвета.

3.6.2. Селище и каменные ящички Кичмалки

3.6.2.1. Кичмалкинское селище расположено на юго-восточной окраине села Кичмалка (название села происходит от названия притока реки Малки «Кичи балык» – малая рыбная река). При проведении земляных работ был потревожен культурный слой поселения, содержащий большое количество фрагментов серо-глиняных, серо- и чернолощенных сосудов с нарезным геометрическим орнаментом, с елочными узорами, штампованными насечками и др.). Это селище датируется археологами VII–V веками до новой эры.

3.6.2.2. Кичмалкинское городище расположено северо-западнее села на склоне хребта Джинал-Сырт. При раскопках здесь обнаружен материал типичный для раннесредневековых городищ Центрального Предкавказья.

3.6.2.3. Кичмалкинские каменные ящички обнаружены на юго-восточной окраине села. Инвентарь погребений (глиняные миски с нарезными узорами, глиняные пряслица, костяные и бронзовые проколки, бусины из гагата, сердолика и прибалтийского янтаря, бывшего в моде у скифов) датируется VIII–V веками до новой эры. На территории Кичмалки обнаружены также стеклянные бусы, черепки, медные и бронзовые вещи, датируемые II тысячелетием до новой эры и X–XI веками новой эры.

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

4.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ

Одними из важных звеньев позднесредневекового комплекса археологических памятников Балкарии являются погребальные комплексы, состоящие из грунтовых могил, каменных ящиков, полуподземных и наземных склепов. Эти памятники относятся к XII–XVIII векам и были распространены по долинам рек Хазнидон, Черек, Безенги, Чегем и Баксан.

Карта размещения мавзолеев, усыпальниц и башен в Балкарии (по И.М. Мизиеву)

Большинство из них не дошло до наших дней, но сохранились в трудах зарубежных и российских исследователей. Наиболее обобщенные исследования этих памятников в свое время провели И.М. Мизиев и В.М. Батчаев, И.М. Чеченов, описавшие их по типологии, хронологии и генезису с исторической интерпретацией и в сравнении с аналогами в соседних районах Северного Кавказа. По их данным и другим данным археологов до недавнего времени в Балкарии было множество погребальных монументов следующих видов:

– курганные и катакомбные захоронения – наиболее древние, начиная с аланского периода (XII–XIV вв.), в которые хоронили знатных людей;

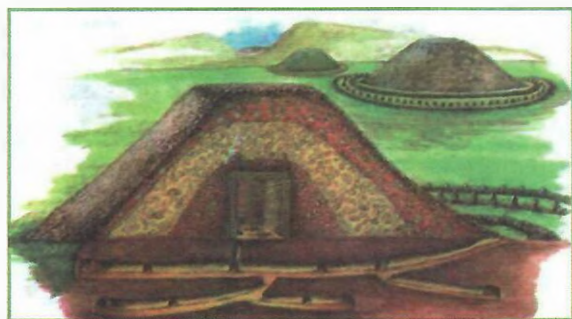
– **мавзолеи (кешенеле)**, которые служили для захоронения знати (князя или члена его семьи, или выдающегося деятеля). Их хоронили в камере (гробнице), где помещались останки умершего, его доспехи, личные вещи и украшения;

– **усыпальницы (склепы)** – для погребения нескольких членов одного рода, одной семьи;

– **некрополи («города мёртвых» – могильники с гробницами и каменными надгробиями)** – для захоронения большого количества людей. Некрополи имеют вид подземных или наскальных галерей и склепов, либо кладбищ на окраинах сел, огороженных каменным забором («хуна»).

Таким образом, сначала практиковались единичные захоронения, потом был переход на коллективные, а затем возврат к одиночным.

4.1.1. Подкурганные захоронения

Подкурганные захоронения – это обычно куполообразные возвышения с овальным или круглым основанием, высотой до 0,4 м и диаметром 3,2–3,4 м. Возвышения состояли из нескольких рядов камней, расположенных концентрически. В центре возвышения был овальный «земляной

бассейн». Эти захоронения согласно И.М. Мизиеву является «индикатором сохранившегося влияния майкопской культуры», включая: облицовку деревом могильных ям; дно, устланное корой, камышом, чистой желтой глиной; сопровождение умерших конечностями, лопатками и астрагалами овец. Позже появляются чисто кавказские черты в виде каменных набросок над могильной ямой, галечная покрытие ее дна и др.

Полуподземные склепы представляют собой коллективные захоронения, основная часть камеры которых расположена под землей. Над поверхностью земли обычно находились входные отверстия и крыша. Подобные склепы преимущественно располагались на склонах гор, но иногда встречаются и в долинах. Подобные захоронения бытовали в Черекском, Баксанском и Малкинском ущельях. Несколько грунтовых и подкурганых захоронений выявлены вблизи села Зылгы (Верхняя Балкария). Склеповый могильник в Верхней Балкарии известен под названием «город мертвых» и занимает площадь около 10 га.

И.М. Мизиев предложил делить полуподземные усыпальницы на следующие основные типы:

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

Первый тип – это склепы неправильной овальной формы с вертикальными стенами из массивных необработанных камней, соединенных умелой подгонкой. Входные отверстия расположены в восточных или юго-восточных сторонах склепа на высоте 0,6–0,85 м от уровня пола. Перекрытия представляют собой массивные плиты. Их длина от 2,5 до 5 м, ширина от 2 до 3,5 м, высота от 1,2 до 1,5 м.

Второй тип – склепы овальной или вытянутой формы со стенами на известковом растворе, скошенными внутрь. Входные отверстия оставлены в западных и юго-западных стенах. Длина составляет от 3 до 3,9 м, ширина – от 1,5 до 2,26 м внизу и от 0,7–1 м сверху и высотой от 1,3 до 1,8 м.

Третий тип – склепы правильной четырехугольной формы. Их длина от 3 до 3,5 м, ширина от 1,6 до 1,9 м, высота от 1,4 до 1,9 м. Входные отверстия располагаются на длинных стенах.

Четвертый тип – склепы, в которых под одной общей каменной кладкой и небольшой земляной насыпью предусмотрены 2–3 камеры, разделенные глухими перегородками, и имеющими собственный вход.

Пятый тип включает полуподземные склепы, сооруженные под естественными навесами скал.

Все эти разновидности позднесредневековых полуподземных склепов Балкарии являются родовыми и семейными погребальными сооружениями и относятся к периоду, когда на территории их распространения в XIV–XV веках достоверно обитали предки современных балкарцев, известных под названием «басиане». Эти могильники, как писали еще дореволюционные исследователи, имеют свои чисто балкарские этнографические особенности и утилизируются ими на протяжении многих поколений. Многие из этих могильников уже разрушены и продолжают разрушаться кладоискателями, а также запахиваются (особенно в равнинных и предгорных районах).

4.1.2. Мавзолеи – кешенеле

Кешенеле Балкарии были родовыми мавзолеями феодалов. Они отличаются друг от друга по типологии, архитектурным и иным особенностям. Одни имеют прямоугольное основание, другие круглое (например, в селениях Мухол и Ташлы Тала). Стены у одних почти вертикальные, а у других сужаются кверху. Некоторые кешене имеют дворики, а другие нет.

К сожалению, многие из них уже разрушены. В последние пятьдесят лет снесены: около двух десятков кешене у въезда в село Кенделен; два кешене Абаевых в Верхней Балкарии; четыре – у села Чегем-2 (вдоль дороги в Чегемское ущелье), три – у поселков Бабугент и Кашхатау, три – у села Хулам, и

по одному у сел Булунгу, Думала, Безенги, Былым и многие другие. От многих остались лишь незначительные руины.

Сохранившиеся мавзолеи И.М. Мизиев и В.М. Батчаев по архитектурным особенностям делят на три основные группы:

- с круглым основанием и куполообразным перекрытием;
- с прямоугольным основанием и двускатным перекрытием;
- с многогранным основанием и пирамидально-шатровым перекрытием.

Примеры типов балкарских мавзолеев:

- 1 – с круглым основанием и куполообразным перекрытием;
- 2 – с квадратным основанием и двускатным перекрытием;
- 3 – с шестигранным основанием и пирамидальным перекрытием

Первый тип представлен двумя усыпальницами: одна из них расположена в верховьях реки Хазнидон, в 9 км от села Ташлы-Тала; другая – в Верхней Балкарии в пределах старого села Мухол.

Второй тип насчитывает ныне 8 кешене: один в Верхней Балкарии, один у замка Жабоевых в Безенгийском ущелье, пять – в некрополе Фардык в Верхнем Чегеме и один – мавзолеем Камгутби на окраине города Тырныауза в Баксанском ущелье. К этому же типу можно отнести по фотоснимкам 1939 года еще три разрушенные гробницы у поселка Кашхатау (кешене Урусбиевых), один на территории замка Усхур-Кала, и один в Холаме.

Третий тип насчитывает девять объектов: три в Верхней Балкарии (два из них разрушены, но в публикациях В.Ф. Миллера и А.А. Миллера содержатся достаточно полные сведения – описание, фотографии, чертежи); четыре в Верхне-Чегемском некрополе Фардык; один в селе Булунгу в Чегемском ущелье и один (кешене Мисаковых) вблизи поселка Кашхатау (известен только по фотоснимку 1939 года).

Кешене всех типов возведены на прочном известковом растворе из необработанных или грубо подтесанных камней. Заметно лучше обработаны

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

камни, предназначавшиеся для возведения входного проема-лаза, а также выступающих наружу козырьков или угловые камни в основании усыпальниц и плоские плиты, представляющие одну из конструктивных деталей перекрытия. В сооружении всех типов кешене применялась техника, так называемого ложного свода – возведение стен методом напуска камней таким образом, что корпус сооружения постепенно сужается кверху, а затем переходит в полусферический, двускатный или пирамидально-шатровый свод. Но поскольку они возводились в разные века и разными мастерами не всегда одинаковы.

При сооружении сводов некоторых кешене использовалась деревянная опалубка, которая, скорее всего, играла роль шаблона, позволявшего контролировать заданные пропорции сооружения, но не могла выдержать нагрузку стен и перекрытий, которые нередко имели толщину более 1 м и высоту 6 м. При этом верхушки сводов закрывались «замковым камнем», который к тому же играл декоративную роль.

Но известны кешене, возведенные без опалубки, например, кешене у замка Жабоевых, относящийся к сооружениям *первого типа*. Не отмечены признаки применения опалубки и у памятников *второго типа* – мавзолеев с круглым основанием в Ташлы-Тале и Верхней Балкарии.

У мавзолеев *первого и третьего типов* верхняя часть сооружения возводилась в технике ложного свода приблизительно на две трети или три четверти общей высоты перекрытия. Затем на нем горизонтально устанавливали несколько (от 2–3 до 9–10) плоских каменных плит, поверх которых устанавливалась глухая кладка, составлявшая верхушку перекрытия. Но вместе с тем, например, в Алту-кешене таких плит нет вообще, а в усыпальницах второго типа они вмонтированы значительно ниже: в кешене у села Ташлы-Тала они находятся ровно посередине между полом и вершиной перекрытия, а в Мухол-кешене – в средней части перекрытия. В двух последних случаях плиты настолько плотно подогнаны друг к другу, что установить наличие или отсутствие предполагаемой глухой кладки, к сожалению, не удалось.

Практически все захоронения, имевшиеся внутри гробницы, давно разграблены, а во многих случаях и разрушены. Поэтому особенности погребального обряда и его эволюции прослеживаются лишь в самых общих чертах. В принципе этот обряд, особенно в доисламский период, ничем не отличался от общеэтнического, обнаруживая четко выраженную связь с традициями аланского прошлого. Заметна тенденция перехода от обычая коллективных погребений к индивидуальным, но, судя по материалам некрополя Фардык, семейные гробницы продолжали встречаться даже в начале XVIII века. Следует отметить также преобладание вытянутого положения трупа с западной ориентировкой.

По способу захоронения прослеживаемый в усыпальницах обряд делится на два варианта: первый, продолжающий традиции алан – укладывание

покойников прямо на полу; второй, связанный с одиночными захоронениями тоже аланской эпохи (и возможно с христианской традицией) – предание останков земле. Самые поздние комплексы соответствуют уже погребальной обрядности ислама.

Первый вариант отмечен лишь в прямоугольных усыпальницах. Так, в усыпальнице владетелей замка Усхур-Кала выявлены перемешанные грабителями останки 20–25 человек. Уцелевшие после ограбления вещи датируются в пределах XV столетия. На полу же были зафиксированы останки двух погребенных в склепе близ замка Жабо-Кала (XV–XVI вв.) и одного в Верхне-Чегемском склепе близ церкви Байрым. Здесь скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Очевидно, что наземные склепы появились в Балкарии только в послемонгольскую эпоху. Поэтому наиболее приемлемой датой памятника представляется XV столетие.

Второй вариант – погребение в земле – характерен для всех трех типов усыпальниц, а могилы внутри них представлены четырьмя основными типами: каменные ящики, грунтовые ямы, подземная сводчатая камера и поздними мусульманскими захоронениями.

Каменные ящики характерны преимущественно для восточной части Балкарии. Здесь они обычны и в некрополях простых общинников, и в рассматриваемых нами наземных усыпальницах, независимо от их форм (возможно,

единственным исключением являлся не сохранившийся кешене Урусбиевых близ села Кашхатау, в котором, по словам В. Миллера, скелет лежал «в земле» головой на запад).

В каждой гробнице имелось по одному, иногда два каменных ящика. Данных о погребальной обрядности практически нет, но в некоторых из них уже само расположение ящиков по линии СЗ–ЮВ (Мухол, Шканти) исключало западную ориентировку костяков. Заметим, что с XV–XVI веков подобные отклонения от традиционных норм становятся явлением хотя и не массовым, но ощутимым также и в «рядовых» языческих захоронениях данного района.

Из-за отсутствия датирующего материала хронология восточно-бал-

карских кешене с каменными ящиками может быть определена сугубо гипотетически – приблизительно в пределах XVI–XVIII веков.

Входные лазы у прямоугольных кешене некрополя Фардык они устроены в восточной стене, а у восьмиугольных – обращены на юг, но такие мусульманские комплексы выявлены и в прямоугольных усыпальницах. Возможно, мавзолеи с лазами на восточной стене стали возводиться в «переходный» период, незадолго до исламизации части местных феодалов, и первые захоронения совершались в них по традиционным (доисламским) обрядам. А несколько позже в них же стали хоронить и родичей, перешедших в мусульманство. Влияние мусульманского духовенства продолжало возрастать, и не исключено, что следствием этого влияния явилась переориентация входных лазов в более поздних мавзолеях некрополя Фардык, которые можно скорее отнести к XVII–XVIII векам.

Вопрос о генезисе архитектурных форм этих мавзолеев остается актуальным. Давнюю историю имеет версия происхождения прямоугольных гробниц от подземных и полуподземных склепов аланской эпохи. Об этом говорят склепы «городка мертвых» у села Верхняя Балкария, которые и по обряду и по архитектуре в пределах одного и того же некрополя отражают линию развития именно аланских традиций. Наземные склепы Верхнего Чегема также по всем признакам (сухая кладка, слегка сужающийся корпус, плоское перекрытие, квадратные и прямоугольные, а не арочные лазы) идентичны с аланскими и отражают процесс «выхода на поверхность» подземных и полуподземных склепов, наметившийся уже в первые столетия послемонгольской эпохи.

Многоугольные (шести- и восьмигранные) мавзолеи в основной своей массе сконцентрированы в Балкарии и имеют сугубо местное происхождение. Судя, например, по усыпальнице Камгутби, они появились уже в начале XVII века, если не раньше. Отмечается постепенная персонификация многогранных монументальных надгробных сооружений (кешене) – их превращение из коллективных усыпальниц в мавзолеи князей.

Главная и, пожалуй, единственная причина строительства мавзолеев в Балкарии не конфессиональная, а социальная. Наряду с такими памятниками средневековья, как замки и боевые башни, они представляли собой компонент феодальной субкультуры. Все типы гробниц характеризуются единством строительного «почерка» и единством архитектурного стиля с оборонительными сооружениями. И те и другие сложены на известковом растворе, оштукатурены, и появились в Балкарии никак не позже XIV столетия.

Зародившись на территории Балкарии, формы многоугольных усыпальниц оказали некоторое влияние также на зодчество соседних районов (кроме Верхней Сванетии, где мавзолеи не строились вообще).

В Балкарии доисламское прошлое ассоциировалось не с курганами, а с

прямоугольными наземными гробницами, имевшими сходство с христианскими церквушками и часовнями. Судя по материалам некрополя Фардык, первых неофитов из числа таубиев, принимавших ислам пока еще формально, из конъюнктурных соображений, это сходство не очень беспокоило. Их хоронили рядом с сородичами в выстроенных ранее прямоугольных кешене. Но со временем намечается тенденция к более широкому, чем в XVII веке, распространению восьмиугольных усыпальниц. За исключением одной все восьмиугольные кешене некрополя Фардык локализованы обособленно от прямоугольных, и, судя по эпитафии у гробницы № 9, построены позже остальных.

Формы многих мавзолеев связаны с разновидностями кочевнического и посткочевнического жилища. В том числе и с многоугольными срубами, единичные образцы которых фиксировались в Балкарии и Карачае еще в XX столетии. Являются ли граненые мавзолеи типа дериватами таких жилищ, или они восходят еще к тем «остроконечным домикам», о которых в начале XIII века писал Рубрук, трудно сказать. Совершенно бесспорно только то, что в народном зодчестве Балкарии они глубоко самобытны, и никоим образом не обязаны своим происхождением влияниям извне.

4.1.3. Усыпальницы

Усыпальницы предназначались для погребения членов одного рода или семьи. Наиболее показательны в этом плане три усыпальницы – кешене князей Абаевых в селе Шканти (одна прямоугольная в плане, две другие – многогранные) и некрополя Фардык в Верхнем Чегеме. Некоторые из них разрушены, но приведены в альбоме начальника Нальчикского округа полковника Д.А. Вырубова (1887–1898) и других источниках.

4.1.4. Некрополи – «горога мертвых»

Некрополи предназначались для простого населения. Они имеют грунтовые погребения, в том числе и многоуровневые. Их условно можно разделить на три группы:

а) древние некрополи с грунтовыми захоронениями, расположенные вокруг или рядом с оборонительными сооружениями и мавзолеями;

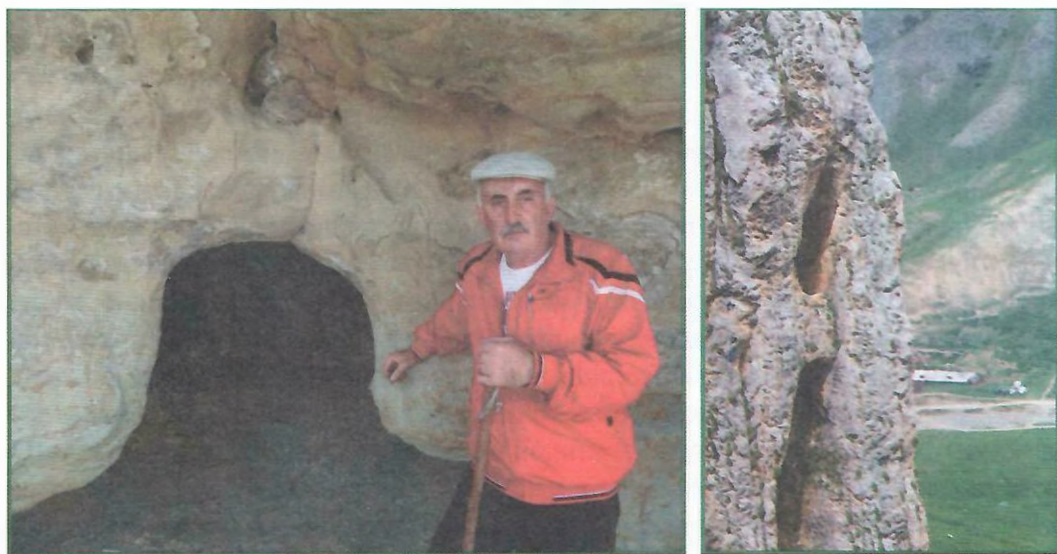
б) древние некрополи, размещенные в труднодоступных скальных гrotах, пещерах и нишах в вертикальной скале (например, напротив села Кенделен, в ущелье Тызыл и др.);

в) древние захоронения (кладбища) вблизи населенных пунктов.

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

Грунтовые захоронения (некрополи) вблизи мавзолеев села Эльтубю, огороженные полуразрушенным каменным забором

Некрополи в пещерных гrotтах

Фамильные, но с одиночными захоронениями, некрополи типа а) и в) обычно огораживались мастерски сложенным из местного камня забором (*хуна*) высотой 1,5–2 м и более, которые в настоящее время сохранились в полуразрушенном состоянии. Они строились из крупных камней, промежутков между которыми вместо связующего раствора заполнялся «улхузу» – гравием, песком, землей.

Кладбища, огороженные каменным забором (хуна)

Подобных уникальных захоронений в Балкарии множество, но они слабо изучены и большинство не известны. Открытие каждого из них объявляется сенсационным. Например, в 2012 году был найден в горах Баксанского ущелья некрополь, представляющий собой «многоуровневое кладбище, в котором захоронения продолжались в течение многих столетий – в нижнем ряду погребены киммерийцы, приблизительно в VIII–VII веках до нашей эры, следом – скифы, далее – аланы. Могильник поистине позволяет восстановить подлинную историю Кавказа» – сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС известный этнограф В.Н. Котляров. Он также сообщил – «По найденному некрополю видно, сколь многообразным и многопредметным был этот погребальный инвентарь». Значительная часть погребения разграблена чернокопателями кладоискателями, но остались и нетронутые могилы. «Повсюду лежат извлеченные из могил предметы, покрывшиеся зеленой патиной медные пуговицы, булавки, браслеты, остатки шлемов, изъеденные ржавчиной железные наконечники пик, множество сосудов-чашек, кувшинов, мисок, поврежденных при вскрытии могил, видны человеческие останки».

Археолог из Санкт-Петербурга Е. Васильева – руководитель раскопок на территории Кабардино-Балкарии уточнила, что этот некрополь относится к «Памятникам кобанской культуры, которой присущи изящные шедевры прикладного искусства». Она же сообщает, что с деятельностью «черных археологов» ей приходится сталкиваться постоянно: – «...хотя значительная часть местного населения проявляет интерес к работе археологов, оказывая посильную помощь», но «...есть личности, которые, раскапывают древние могильники в

целях личного обогащения», и потом находки из разграбленных могильников, можно найти на рынке в Пятигорске и Москве в «Вернисаже Измайлово».

Скальных захоронений также много – только в районе Кёнделена их – не менее пяти. В ущелье реки Тызыл, как было сказано выше, они устроены прямо в стене отвесной скалы и имеют несколько этажей. Такие многоэтажные некрополи в естественной скале или искусственной стене, построенной на склоне горы, принято устраивать в Каталонии.

Для скальных захоронений выбирались труднодоступные скальные пещеры с узким входом и расширением внутри (обычно естественным, а иногда искусственным). Входные отверстия, через которые заносились и укладывались покойники, обычно закрывались каменной плитой, но обвалы и разрушения скальных некрополей иногда вскрывают останки скелетов, как это случилось с многоэтажным некрополем в отвесной скале по левому берегу реки Тызыл. По преданиям некоторые из таких пещер служили укрытием для детей, женщин и их защитников в период нашествия Тамерлана.

4.1.5. Хронология мавзолеев

Время сооружения балкарских кешене Л.П. Семенов и А.А. Иессен датировали XIV–XV веками. К этому мнению присоединилась и Е.П. Алексеева, уточняя, что прямоугольные склепы с двускатной крышей могли появиться в XII–XIII веках. Многогранные склепы Балкарии, как продукт проникновения ислама, относятся к XVII–XVIII векам. Возникнув в это время, они использовались в XVIII и в отдельных случаях в XIX веке почти по всей горной полосе Северного Кавказа. Поскольку почти все склепы-мавзолеи на территории Балкарии и Карачая, как и в других районах Северного Кавказа, находятся в окружении старых могильников и датировка мавзолеев, имеющих могилы внутри самих склепов и в окружении, может осуществляться по сохранившимся могилам, вплотную примыкающие к склепам.

В горах одни и те же участки, издревле отведенные для погребения, служили кладбищем для десятков поколений. Здесь же воздвигались и мавзолеи. На примере исследования могильников, окружающих кругло-плановые склепы, можно вполне определенно говорить, что они появились не позднее XV века (например, мавзолеев в селе Мухол).

Несколько сложнее обстоит дело с прямоугольными склепами. Подобные склепы в Осетии Г. Кокиев датировал XII–XIII веками, ссылаясь на то, что они очень схожи с древнехристианскими часовнями и церквями. Такого же мнения придерживается Е.П. Алексеева, а А.А. Иессен писал, что «...наиболее древними склеповыми сооружениями являются, очевидно, прямоугольные,

первоначально воспроизводившие тип христианской часовни, но соорудившиеся вплоть до начала XVIII века».

Примерно к XV–XVI векам относится круглоплановый кешене у замка Курнаят-Кала. Прямоугольные кешене построены позже одновременно с шести- и восьмигранными кешене, относящимся к XVII–XVIII векам. Это подтверждает одинаковая с рядом стоящими башнями техника строительства, обработки камней, одинаковый известковый раствор кладки и штукатурки стен. Оба типа склепов – прямоугольные и граненые, располагаются рядом на одном и том же кладбище.

Обзор и анализ наземных склепов Балкарии позволяют сделать заключение о том, что наиболее древние круглоплановые склепы появились не позднее XV века, прямоугольные – в XV–XVI веках (например, является Курнаят-Кешене), а граненые с двускатными перекрытиями, законченными архитектурными формами и более тщательной архитектурой сооружены позже – в XVII–XVIII веках (с расцветом склеповой культуры). Таким образом, все кешене Балкарии можно разделить на две хронологические группы: первая относится к XV–XVI векам; вторая – к XVI–XVIII векам. Такое разделение оправдано тем, что обе группы можно связать с одновременным строительством соседних оборонительных сооружений и башен, техникой их сооружения и тем, что более древние склепы и башни в большинстве случаев не приписываются отдельному лицу, тогда как более поздние определенно принадлежат отдельным князьям (Абаевым, Малкаруковым и др.)

4.2. КЕШЕНЕ ХАЗНИДОНСКОГО УЩЕЛЬЯ

В Хазнидонском ущелье в верховьях реки Хазнидон, в 9 км от села Ташлы-Тала расположены наиболее древние кешене, построенные не позднее XV века. Они имеют круглое основание и колоколообразное перекрытие. Их нижняя часть сооружена на известковом растворе и оштукатурена, а верхняя часть выложена без связующего материала, но настолько искусно, что они выдержали века. Кешене не имеет окон и лазов, и внутри он засыпан землей, что, видимо, способствовало сохранению одного из них до настоящего времени.

Состояние: Ташлы-Талинский кешене, сохранившийся до наших дней, находится в удовлетворительном состоянии, хотя, как видно из приводимого фото требует некоторого ремонта (установки верхнего связующего камня и выпавших элементов кладки).

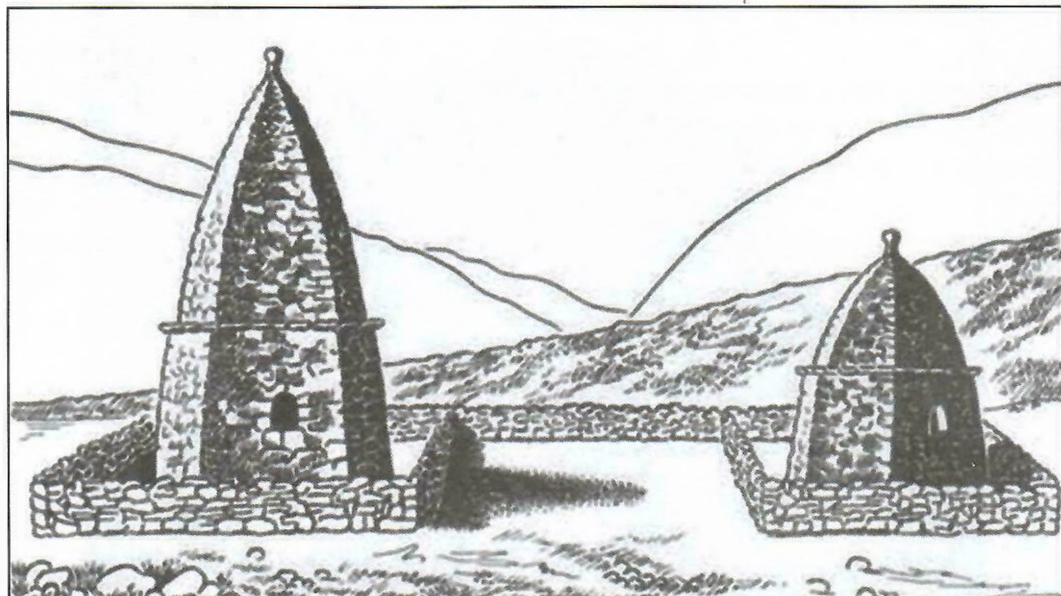
*Фото Ташны Талинского кешене на горе Кызыл-Баши
с группой экспедиции по сбору материалов*

4.3. МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ ЧЕРЕКСКОГО УЩЕЛЬЯ

Судя по литературным данным и сохранившимся объектам, самое большое скопление средневековых кешене было в Верхней Балкарии и Верхнем Чегеме. В Черекском ущелье находились кешене – захоронения Алимурзы и Сосрана Абаевых в селе Шканти, а также кешене в селах Мухол, Курная, Коспарты, вблизи Кашхатау и др. Они располагались вблизи сел или непосредственно в них (например, в селе Мухол). Каждый из этих кешене имеет входное отверстие – окно, которое почти всегда устроено полукруглой аркой и реже представляет прямоугольник. Внутри склепов нет никаких ниш, полок и других элементов.

4.3.1. Абай-кешенеле в селе Шканти

Обследованный В.Ф. Миллером комплекс в селе Шканти, состоял из двух шестигранных кешене, в которых захоронены Алимурза и Сосран Абаевы, и дворики прямоугольной формы с каменным ограждением.

Усыпальница Абаевых в селе Шканти
(с фото 1913 года и рисунка З.П. Тулинцева, 1886 года)

Эти кешене, как и все другие сохранившиеся склепы третьего типа, имеющих шести- или восьмиугольное основание, отличались тщательностью исполнения. Были строго выдержаны архитектурные линии. Размеры граней, высота стен и крыш были выполнены в достаточно эстетичных пропорциональных соотношениях. В этих кешене отлично сохранялась штукатурка из известкового раствора, который, по-видимому, готовился особенно тщательно. Крыши кешене представляют собой вытянутые шестигранные пирамиды, завершающиеся замковыми камнями-шишаками, высота которых достигает 0,4–0,5 м.

В южных гранях каждого склепа устроены окна-лазы арочной формы, шириной и высотой 0,5–0,55 м. Могилы представляли собой вырытые в полу каменные ящики, сооруженные из плоских плит.

К сожалению, это замечательный памятник архитектуры сильно разрушен, но может быть восстановлен по остаткам фундаментов и внешнему виду, приведенному на рисунке З.П. Тулинцева.

4.3.2. Алту-кешене в Тура-Хабла

Алту-кешене в селе Шканти имеет прямоугольное основание (со сторонами 2,6 × 4,2 м) и двускатное перекрытие. Алту-кешене и прилегающие к нему, по-видимому, жилые помещения имеют двор, огороженный высоким каменным забором (хуна).

Толщина стен Алту-кешене равна 0,6 м. В юго-западной стене на высоте 1,3 м имеется вход стрельчатой формы высотой 0,85 м и шириной 0,45 м. В противоположной стене на высоте 2 м имеется окно шириной 0,3 м и высотой 0,45 м. Высота вертикальных боковых стен равна 2,2 м, высота крыши 2 м, а общая высота кешене достигает 4,2 м.

Внутри кешене, в полу, вырыта могила, обставленная по бокам массивными каменными плитами. Длина могилы равна 2,1 м, ширина – 0,6 м, глубина – 0,6 м. Могила была покрыта цельной массивной плитой толщиной 7 см. Могила в настоящее время разрушена и об обряде захоронения, трудно сказать что-либо определенное. Кешене окружен тщательно сложенной каменной стеной, образующей дворик шириной 5,7 м, длиной 10 м; толщина стены 0,8 м. Дворик огражден таким образом, что склеп находится в его углу. В ней захоронена красавица Сютюхан Алтуева, умершая в юном возрасте, якобы от сглаза.

Алту-кешене в селе Тура-Хабла Верхней Балкарии

Состояние Алту-кешене удовлетворительное, требуется небольшой ремонт и восстановление полуразрушенного ограждения двора.

4.3.3. Коспарты-кешене

Коспарты-кешене расположен в заброшенном селе Коспарты Черекского ущелья. Он имеет шестигранное основание и крышу в виде шестигранной пирамиды, завершенную большим замковым камнем – шишаком, означающим, что его владельцы еще живы.

Коспарты-кешене находится в окружении могил, представляющих каменные ящики XVI–XVIII веков. С восточной стороны имеется входное отверстие арочной формы. Линия стыка стен и крыши выделяется нешироким карнизом. Сооружен он из обработанных камней на известковом растворе и оштукатурен.

Этот мавзолей был обследован в 1958 году П.Г. Акритасом, а в 1959 году – В.А. Кузнецовым.

4.3.4. Атаби-кешене в Верхней Балкарии

Атаби-кешене расположен в селе Мухол Верхней Балкарии. Он имеет круглое основание с внутренним диаметром 2,9 м, куполообразное перекрытие, с толщиной стен 0,6 м и высотой 6,05 м.

Атаби-кешене выстроен из хорошо обработанных камней, на прочном известковом растворе. Стены покрыты хорошей известковой штукатуркой, которая в верхней части не сохранилась. На высоте 0,8 м от уровня пола, с восточной стороны, имеется окно арочной формы, ширина входа в основании 0,6 м, вы-

Круглоплановый кешене в селе Мухол

сота такая же. При круглом основании стены не плавно переходят к вершине, а до высоты 2,15 м возвышаются почти вертикально. На этом уровне имеется перекрытие из плоских плит, а снаружи неширокий выступающий карниз.

Крыша высотой 3,9 м устроена в виде высокой конусообразной шапки. Такая разница высоты вертикальных частей стен и крыши придает ему несколько приземистую форму. Этот кешене вплотную окружен могилами XVIII века, которые до сих пор приписываются старожилками определенным балкарским фамилиям.

Состояние: Атаби-кешене имеет удовлетворительное состояние, но требуется восстановление каменного ограждения двора.

4.3.5. Ай Солтан-кешене

Ай Солтан-кешене располагался почти в центре могильника Курнаят в Верхней Балкарии. Он имеет прямоугольное основание, ориентированное с северо-востока на юго-запад, длиной 3,4 м, шириной – 1,9 м, толщина стен – 0,6 м. Кешене был сооружен из обработанных камней, сложенных на прочном известковом растворе. Боковые, передняя и задняя стены кешене были оштукатурены.

Высота строения с северо-западной стороны составляет 3,8 м, а с юго-восточной – 4,2 м из-за покатости склона, на котором он сооружен. Стены до 1,8 м с северо-восточной и до 2,2 м с юго-восточной стороны идут вертикально. На

Кешене Ай Салтана Сараккуева

этом уровне выступает по длинным сторонам небольшой карниз. Примерно на уровне карниза, около 2 м от вершины, в задней (северо-восточной) стене оставлено окно трапециевидной формы. Высота его 2,23 м, ширина в основании – 0,2 м и вверху – 0,15 м. Высота Курнаят-кешене внутри – 2,9 м, стены постепенно переходят в ложный свод.

Вход, вероятно, был в юго-западной стене, которая, к сожалению, почти целиком разрушена. С северо-западной стороны к нему примыкала ограда из массивных камней. Она замыкала площадку с поперечными размерами 2,15×2,3×3,3 м. Кешене был сооружен над каменным ящиком, который был устроен поперек его основания и ориентирован на северо-запад. Ящик выступал из-под склепа на 0,35 м, и ограда служила стеной для этой части могилы. Противоположная, юго-восточная, сторона могилы целиком охвачена кладкой стены.

Ящик для захоронения был сооружен из плоских каменных плит. К сожалению, плита, накрывающая ящик, была расколота, а сама могила хищнически ограблена. Длина ящика равна 1,8 м, ширина в изголовье, направленном на С-СЗ, – 0,48 м, в ногах – 0,3 м, глубина – 0,45 м. Кости погребенного были обнаружены в полном беспорядке, вперемешку с перегнившими кусками дерева (видимо, погребенный покоился на досках).

Кешене был сооружен над могилой XIV–XV веков. Плиты, образующие ящик, были скреплены таким же известковым раствором, на котором произведена кладка стен. Стены сооружены непосредственно на верхней плите могилы. Все это говорит в пользу одновременности построения и о том, что кешене является лишь надмогильным сооружением – мавзолеем. Он возник не ранее, чем сама могила. Курнаят-кешене стоит лишь над одной из могил, совершенно одинаковой с окружающими.

4.3.6. Несохранившиеся кешенеле Черекского ущелья

В Черекском ущелье были также четыре уже разрушенных мавзолея: два вблизи поселка Кашхатау (кешене Урусбиевых и кешене Мисаковых), один в Верхней Балкарии (кешене Ай Солтана Суюнчева) и один на территории замка Усхур-Кала. Об этих кешене содержатся достаточно полные сведения (описание, фотографии, чертежи) в публикациях В.Ф. Миллера и А.А. Миллера 1939 года.

К числу разрушенных относятся также более двух десятков кешене у въезда в село Кёнделен, два описанных выше кешене Абаевых в Верхней Балкарии, три – у поселков Бабугент и Кашхатау, три у села Холам, по одному – у сел Булунгу, Думала, Безенги, Былым и многие другие. От некоторых из них остались лишь незначительные руины.

4.3.6.1. Кешене Мисаковых стояло на левом берегу Черека рядом с поселком Кашхатау. Он имел восьмигранное основание, слегка наклоненные внутрь стены и перекрытие в виде восьмигранной пирамиды. Он был сооружен на известковом растворе и снаружи слегка оштукатурен. Здесь был захоронен предок таубиев Мисаковых.

Разрушенный кешене Мисаковых у поселка Кашхатау

4.3.6.2. Кешене Урусбиевых располагался на окраине села Бабугент, в районе здания интерната, на левом берегу Черека. Он обследован в 1883 году В. Миллером. В настоящее время за местом сохранилось название «кешене-къол», что значит «ущелье склепа».

4.4. МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ ХОЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОГО УЩЕЛЬЯ

4.4.1. Безенгийский кешене

Безенгийский кешене располагался юго-западнее села Безенги. Его в 1849 году обследовал А.С. Фиркович. К настоящему времени он полностью разрушен.

Безенгийский кешене представлял собой типичное для средневековья куполообразное сооружение, окруженное синхронным могильником. Вершина кешене была увенчана шишаком.

4.4.2. Жабо-кешене

Жабо-кешене расположен на правом берегу Черека Безенгийского вблизи покинутого селения Жабоево у замка Жабо-Кала.

Жабо-кешене имеет прямоугольное основание длиной 4,2 м и шириной 3,3 м, двускатное колоколообразное перекрытие и каменное ограждение. Высо-

та стен достигает 1,6 м, а толщина – 0,9 м. Имеется входное отверстие арочной формы. Потолок покрыт четырьмя массивными плитами. Склеп сооружен на известковом растворе и оштукатурен с внутренней стороны. Внутри склепа находится разрушенная могила, в которой были в беспорядке разбросаны человеческие кости. Вокруг склепа расположен могильник.

4.5. МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ ЧЕГЕМСКОГО УЩЕЛЬЯ

4.5.1. Некрополь Фардык

Некрополь Фардык расположен на юго-западе селения Верхний Чегем в местности Фардык и включает группу мавзолеев и родовых кладбищ с каменными ограждениями.

Некрополь Фардык «городок мертвых» – это своего рода «музей под открытым небом» – уникальный памятник истории и культуры Балкарии. Здесь сохранились 7 кешене эпохи раннего средневековья (X–XII вв.) и более поздние – мусульманские мавзолеи конца XVII – начала XVIII века. Древние кешене называют христианскими, хотя они, несомненно, представляют собой результат наслоения различных культурных влияний. Мусульманские мавзолеи, в отличие от более старых кешене, увенчивались куполом и имели по 6 или 8 граней. В этих поздних сооружениях захоронены далекие предки нынешних жителей селения. На одном из мавзолеев у села Эльтюбю сохранилась каменная шишечка, которая говорит о том, что мужчины рода, которому принадлежит данный мавзолей, еще живы, хотя в этом мавзолее уже давно никого не хоронят.

Археолог Л.И. Лавров писал: «Внешний осмотр Верхнечегемского могильника дает возможность различить в нем семь типов могил:

- 1) земляная насыпь, обложенная по краям камнями;
- 2) каменная насыпь;
- 3) каменный ящик, сложенный из гладко пригнанных камней и внутри засыпанный камнями. То есть та же каменная насыпь, но с укрепленными стенками;
- 4) каменный сцементированный ящик с крутой двускатной крышей; внутренность ящика заполнена камнями. Эта могила отличается от предыдущей лишь тем, что она лучше предохранена от разрушения;
- 5) могила с таким же ящиком, как и у предыдущей, отличающимся от него тем, что, во-первых, внутри он пустой и, во-вторых – имеет маленькое квадратное окошечко с восточной стороны. То есть это маленький склеп, как бы повторяющий собою внешние формы каменной зацементированной насыпи;
- 6) большой четырехугольный склеп (кешене) с высокой двускатной крышей и окном с восточной стороны;
- 7) большой восьмиугольный склеп с пирамидальной (так же – восьмигранной) высокой крышей, переходящей вверху в конус). «Уже один простой перечень семи встречающихся типов наводит на мысль, что склепы Северного Кавказа не повторяют архитектурную традицию тех или иных, в прошлом более культурных народов, оказывавших влияние на горцев. Склепы органически

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

увязаны с местной «архитектурой» горских могил. Мы видим, как каждый тип является лишь усложнением предыдущего».

Ученый Лавров побывал здесь летом 1936 года, а спустя 20 лет Тимур Шаханов застал только восемь из одиннадцати склепов. А вот что пишет он о склепе, расположенном за селением: «...на расстоянии км, в местности Сюгюлчюичи, на склоне горы имеется одинокий склеп... имеющий не восемь, а шесть граней. Возможно, что это случайная ошибка строителя. Высота этого склепа 4,5 м, внутри размеры – 2,4 × 1,1 м, имеет вид неправильного овала, кверху суживается окно 0,5 × 0,4 м, ориентировано на северо-запад, толщина стены 0,65 м. Рядом со склепом могильник». Ученые

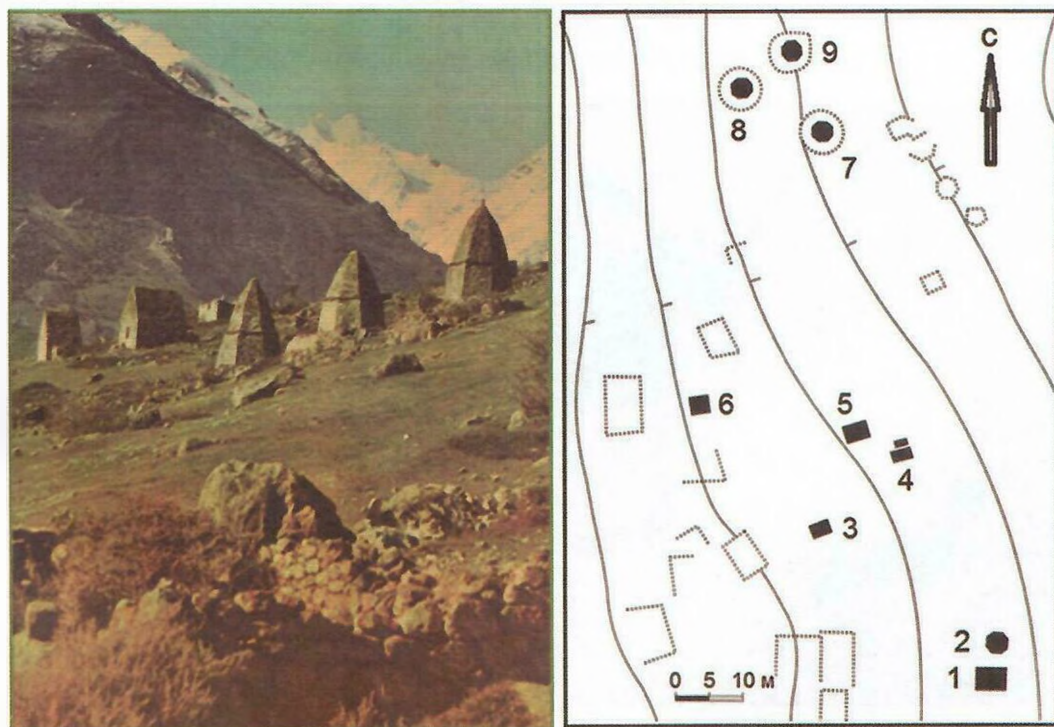

Фото и схема размещения объектов некрополя Фардык в Верхнем Чегеме

считают, что сооружать их начали не ранее XIII века и возводили вплоть до XVIII века.

Таким образом, все мавзолеи некрополя Фардык, кроме одного шестигранного имеют четырёхугольную и восьмиугольную формы. Они расположены по склону горы среди неисследованных могил (возможно, синхронных с ними).

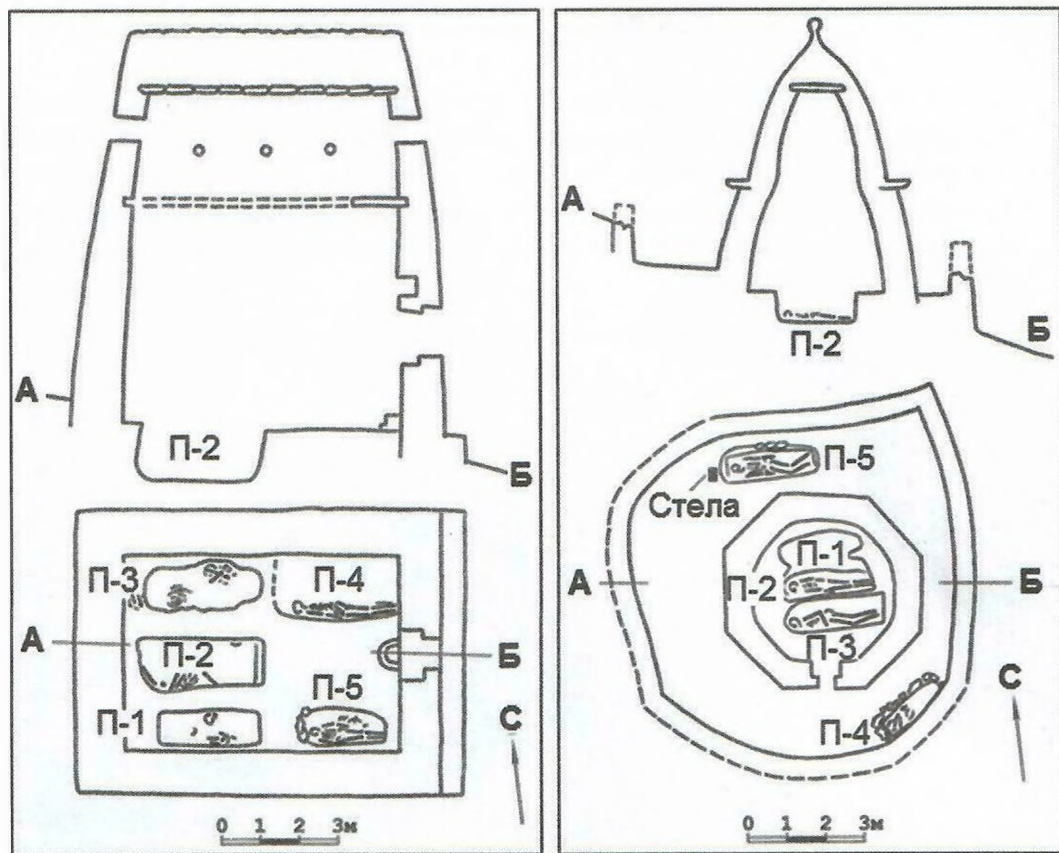
В 1959 году Е.П. Алексеевой было исследовано два разрушенных и ограбленных захоронения – одно в прямоугольном кешене, другое – в восьмиугольном. В 2003 году В.М. Батчаевым обследовано 8 кешене: четыре прямоугольных (№ 1, № 3, № 5, № 6) и четыре восьмигранных (№ 2, № 7, № 8, № 9). В кешене № 1 и № 7 оказалось по пять погребений, в кешене № 6 – одно, а в четырех остальных – по два. Кроме того, еще по два погребения вскрыто у стен кешене № 7 и № 9, и три погребения у кешене № 8 на участках между этими строениями и окружающими их каменными оградами. Таким образом, общее число обследованных погребений составляет 29.

За исключением двух могил, представлявших разновидность каменных ящиков, все захоронения выявлены в грунтовых ямах, из которых некоторые были обложены и завалены камнями. Погребения индивидуальные, положение костяков прослеживается в 14 случаях. Независимо от конфессиональной атрибуции комплексов останки фиксируются вытянуто на спине, головой на запад.

Черты мусульманской обрядности не отмечены только в кешене № 6. В кешене № 2 и № 3 захоронения только мусульманские, в остальных они

Вид на село Верхний Чегем от некрополя Фардык.
На переднем плане сохранившиеся и полуразрушенные прямоугольные мавзолеи

Усыпальницы некрополя Фардык: слева № 1, справа № 9 (по В.М. Батчаеву)

встречаются вместе с захоронениями, конфессиональная атрибуция которых не поддается уверенной идентификации.

Особенностью мусульманских захоронений являются короткие поперечные горбыли или доски, перекрывавшие могильные ямы сверху, либо наискось от верхнего края продольной стенки к нижнему краю противоположной. Такие погребения составляют примерно половину от общего количества обследованных. То немногое из атрибутов, что уцелело после многократных ограблений могил, не дает возможности датировать их с точностью до одного столетия. Над погребением № 5, выявленном в ограде кешене № 9, была вкопана стела с эпитафией. Верхняя часть стелы отбита, в нижней же части надписи сохранилось имя «Мусса» и дата – 1140 год Хиджры (1719). Если учесть, что на участках между гробницами и их оградками захоронения совершались после того, что внутри усыпальниц уже не оставалось места, то ясно, что сама гробница № 9 была возведена раньше указанной даты – на рубеже XVII–XVIII столетий или в начале XVIII века.

4.5.2. Кач-кешене в селе Булунгу

Кач-кешене расположен на правом берегу реки Чегем на южной окраине села Булунгу. Вокруг кешене располагается неисследованный могильник. Склеп и могильник окружены каменной оградой.

Кач-кешене шестигранного типа, построенный на прочном известковом растворе, и полностью оштукатуренный. Благодаря этому он хорошо сохранился.

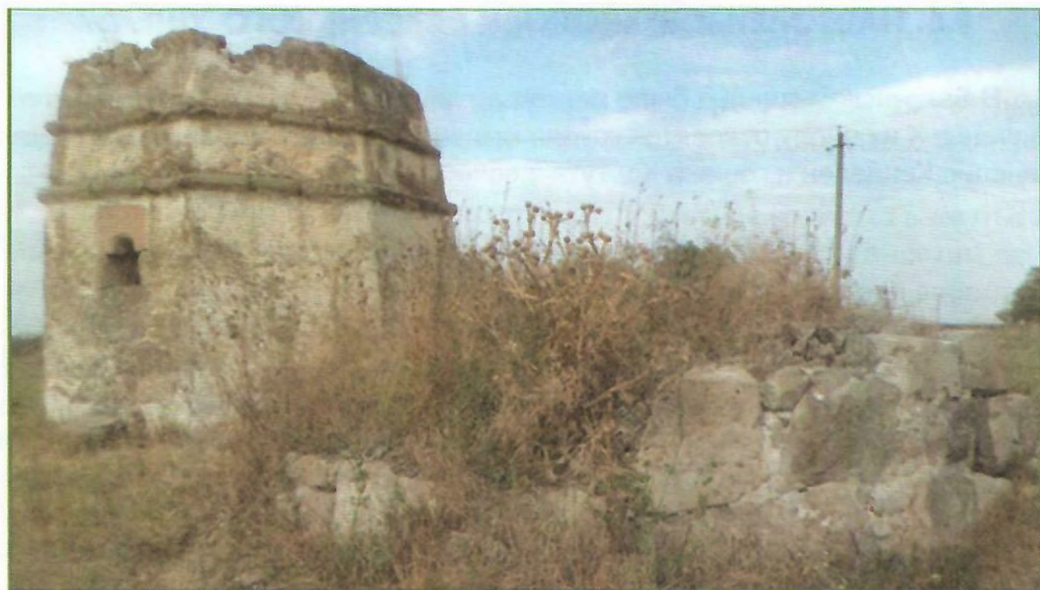
Кач-кешене на окраине села Булунгу

4.5.3. Лячинкайский некрополь

Вдоль левого берега реки Чегем между селами Чегем-2 и Лячинкая (Соколиная скала) расположен «городок мертвых», в состав которого до 2000 года было 6 кешене в окружении грунтовых могил.

В настоящее время сохранился лишь один шестигранный кешене с обвалившимся внутрь пирамидальным перекрытием. Этот кешене имеет слегка наклоненные внутрь стены, выложенные на известковом растворе, два параллельных карниза, нижний из которых расположен на высоте около 2,5 м. Под нижним карнизом имеется прямоугольное окно с полукруглым навершием. Над окном надпись арабской вязью гласит: «Сын Батырбека Хажибекир мученически умер, став шиитом. 1801 год»). Видимо он погиб в боях балкарцев с войсками генерала Глазенапа.

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

Последний полуразрушенный кешене Лячинкайского некрополя

Территория размещения остальных кешене этого некрополя разделена на участки, выделенные для современной застройки. Они попали на эти загороженные участки и безжалостно разрушены совсем недавно (в последние 10–15 лет), сохранились лишь фундаменты.

4.6. МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ БАКСАНСКОГО УЩЕЛЬЯ

В Баксанском ущелье было несколько кешене, которые в основном разрушены. К их числу относятся группа кешене, располагавшаяся у въезда в селение Кёнденен и кешене Камгута в селе Эль-Журт.

4.6.1. Кёндененский некрополь

Восьмигранные мавзолеи
Балкарии

У селения Кёнденен был обширный некрополь – «город мертвых», где среди многочисленных каменных надгробий возвышалось более 20 кешене. Это средоточие мавзолеев было более представительным, чем сохранившийся в Чегемском ущелье некрополь Фардык. Этот некрополь был обследован в 1887 году братьями Нарышкиными и отнесен к наиболее ранним склепам Балкарии XIV–XV веков. Как видно из рисунка, некоторые имели круглое основание и куполообразное перекрытие, но большинство были многогранными (шести- и восьмигранные) пирамидальным многогранным перекрытием.

Все они были построены на связующем растворе и оштукатурены со всех сторон и сверху.

К сожалению, все наземные сооружения (кешенеле, надгробные памятники) к 1920 годам были варварски разрушены и разобраны в строительных целях.

4.6.2. Камгутби-кешене

Камгутби-кешене располагался на правом берегу реки Баксан близ средневекового поселения Эль-Журт, принадлежал князю Камгутби Крымшамхалову и датируется XVII веком.

Мавзолеем Камгутби имеет прямоугольное основание со слегка выгнутыми наружу длинными сторонами и размерами сторон 5,8 × 4 м и высоким двускатным перекрытием. До его разрушения общая высота у фасада достигала более 6 м. Несмотря на сравнительно большие размеры, он изначально был рассчитан только на одно захоронение. Находившаяся внутри него могила представляла собой нечто вроде саркофага, вытянутого с востока на запад, и частично углубленного в пол. Его продольные стенки плавно переходят в стрельчатый свод. Внутренние размеры: длина 2,7 м, ширина в средней части 1,1 м, ширина в торцах по 0,9 м, высота 1,4 м. В восточном торце «саркофага» устроено небольшое окошко.

Судя по рисунку в альбоме Д.А. Вырубова, останки покойного были помещены в мавзолеем в гробе. При некоторой необычности «саркофага» все же не является чем-то новым в кругу погребальных памятников Балкарии. Близкие или даже идентичные конструкции, восходящие еще к прототипам аланской эпохи, неоднократно фиксировались в местных некрополях позднего средневековья. С другой стороны, в позднеаланский период в горах Центрального Кавказа нередко практиковалось захоронение отдельных знатных лиц в так называемых криптах – подземных сводчатых склепах, устроенных внутри небольших церквушек или часовен. Одна такая крипта выявлена, например, в церкви Байрым в Верхнем Чегеме.

Как известно, Камгутби являлся одним из четырех братьев Крымшамхаловых, упоминаемых в документах российского посольства, направлявшихся в Мингрелию в 1639–1640 годах. Но умер он задолго до переселения карачаевцев на Кубань, имевшего место в те годы. Таким образом, рассмотренный памятник можно датировать приблизительно 20-ми годами XVII века.

4.6.3. Гошяк-кешене

Гошяк-кешене расположен выше города Тырнауза в бывшем селе Эльтюбю у подножия правобережного хребта вдоль реки Баксан.

Он имеет прямоугольное основание (размерами около 6 × 4 м) и двускатное перекрытие, выстроенное из гранитного камня разного цвета на прочном связующем растворе. Общая высота кешене от основания до вершины достигает 4,5 м. На высоте более 2 м с двух сторон имеются окна. Одно имеет

стрельчатую форму, накрытую сверху двумя каменными плитами под углом около 80 градусов, а второе – с противоположной стороны имеет форму колокола, выложенную в виде свода из довольно крупных каменных блоков. Вся конструкция кешене и его окон создает впечатление массивности и прочности.

Согласно народному фольклору, Карча, еще ребенком угнанный Тамерланом в Самарканд, где из таких как он, воспитывали воинов без родства, сумел бежать и вернулся на родину. Выше современного Тырныауза он со своей дружиной обосновал селение Эльтюбю в необжитом, лесистом месте. Однако мощный сель в ущелье Баксана затопил и разрушил это селение и привел к множеству жертв. После этого реку стали называть «Басхан-Су» (от слова затопить, наступить). Так ее называют балкарцы и карачаевцы до сих пор (а жителей ущелья – басханчы), хотя в русской транскрипции, она известна, как река Баксан. Уцелевшие жители селения во главе с Карчой, объединителем Карачая, переехали в место, которое стало называться Карачай. А героиня старинного балкарского народного эпоса Гошаяк-бийче, известная крутым нравом, со своими людьми переехала в селение Гяпчи-окъя (кукла, ряженая люрексом) или «Гепчокъя» (на кабардинском – Экипцока), расположенное в 10 км северо-западнее от селения Кёнденен.

С тех времен недалеко от снесенного селения Эльтюбю сохранился склеп Гошаяк-бийче.

Форма второго окна, из которого просматривается и первое окно

Состояние: один разрушенный угол кешене был восстановлен работниками Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината. Ими же для обеспечения сохранности слегка оштукатурена наружная поверхность кешене. В настоящее время он имеет удовлетворительное состояние, требуется лишь небольшой ремонт и очистка от окружающего кустарника.

4.7. ПРЕДМЕТЫ ИЗ МАВЗОЛЕЕВ, НЕКРОПОЛЕЙ И УСЫПАЛЬНИЦ

По данным В.А. Кузнецова в аланскую эпоху в Балкарии были более характерны коллективные захоронения в подземных склепах, в которых скелеты фиксировались в вытянутом положении на спине, головой на запад, а индивидуальные захоронения в грунтовых ямах и каменных ящиках встречаются изредка.

По мнению И.М. Мизиева на рубеже XIV–XV веков произошел переход от коллективных захоронений к одиночным в связи с феодализацией и имущественным расслоением общества. Стремление знати уберечь свои могилы от ограбления и осквернения побуждало князей хоронить не на общем кладбище, а на территории замков, которые чаще всего сооружались на скальных платформах, в которых невозможно вырубить десятки ям для одиночных по-

гребений. По данным В.М. Батчаева древний обряд коллективных захоронений продолжался. Например, в усыпальнице владетелей Усхур-Кала зафиксированы останки более 20 человек. Обширные некрополи с коллективными захоронениями в подземных склепах выявлены в Суканском, Безенгийском и Хазнидонском ущельях.

Основная масса населения хоронилась в грунтовых могилах (с каменным ограждением) и каменных

ящиках. Такие захоронения обнаружены в могильниках следующих сел:

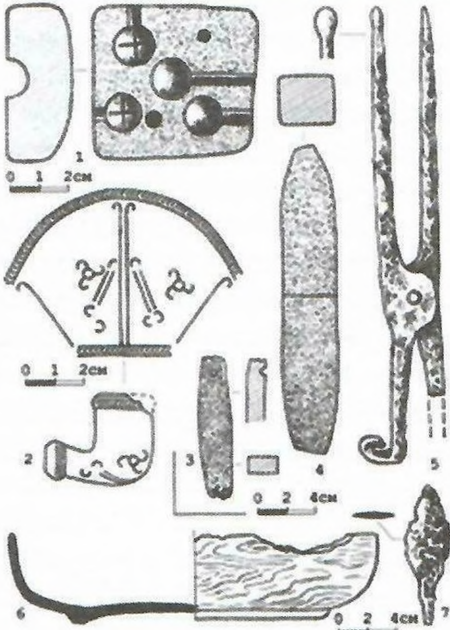
- Ташлы-Тала (по Мизиеву XIV–XVIII вв., по Даутовой XVI–XVIII вв.);
- Верхняя Балкария («городок мертвых»), где часть каменных ящиков датируется поздним средневековьем;
- Коспарты (XIV–XVI вв.);
- Курнаят (XIII–XVII вв.);
- Бабугент (XIV–XVI вв.);
- Холам (первый могильник XV–XVI, а второй XVI–XVIII вв.);
- Кашхатау (XVII–XVIII вв.);
- Верхний Чегем (три могильника XIII–XIV вв.).

К сожалению, инвентарь большинства могильных комплексов разграблен – в одном лишь Былымском некрополе ограблено более 900 склепов, что осложняет их датировку.

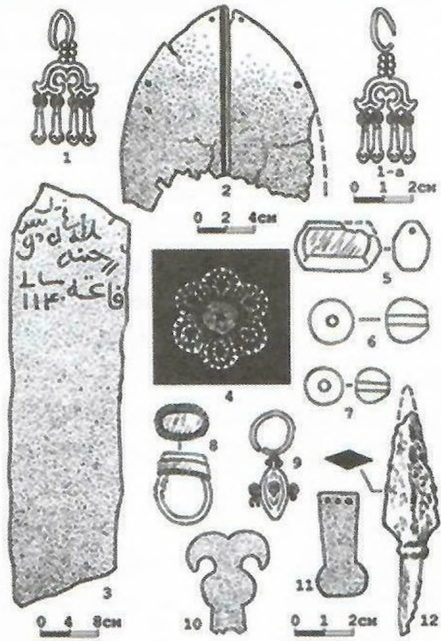
Более или менее датировка захоронений поддается по наиболее представительной категории вещевых находок – женским украшениям. Достоверно установлено, что серьги в виде вопросительного знака, найденные в третьем могильнике у села Верхний Чегем относятся к XIII–XIV векам. Особенностью погребального инвентаря могильников является отсутствие оружия, керамики и ордынских монет, что присуще для послемонгольской эпохи.

Одной из наиболее характерных для археологических комплексов категорий инвентаря является керамика – фрагменты глиняных сосудов, обнаруженные в бытовых и фортификационных памятниках в слоях XIII–XIV веков. Такими являются артефакты, найденные на территории крепостей Зылгы-Кала, Малкар-Кала, Болат-Кала и Усхур-Кала. Наряду с традиционными для аланских памятников образцами бурого, серо-охристого, темно-серого (иногда черного) цвета, умеренного обжига, с шероховатой или умеренно лощеной поверхностью, они содержат характерные для золотоордынских слоев черепки из прекрасно

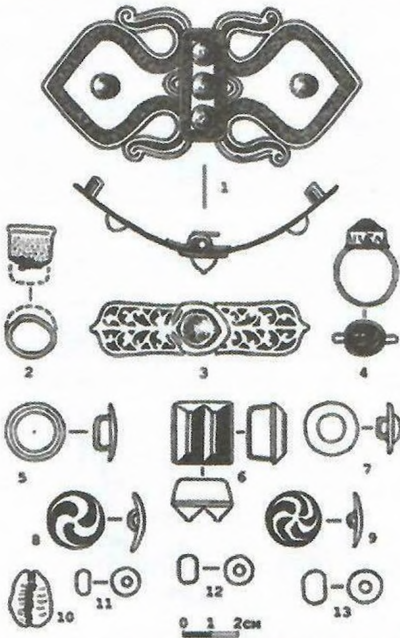
4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

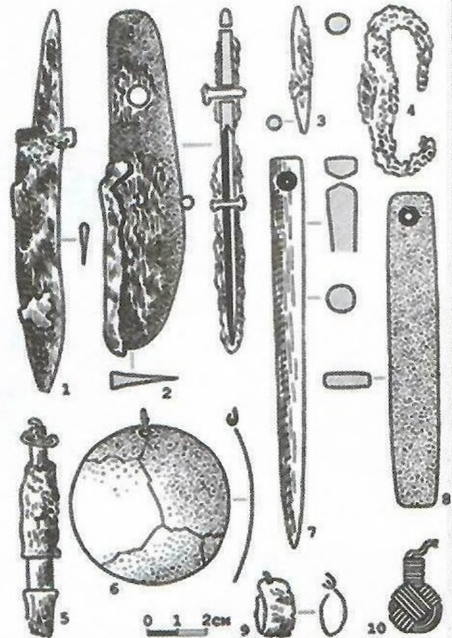
Вещи из башни Абай-Кала № 2 (1, 5);
из Курнаят-Кала (2);
из Жабо-Кала (3, 4, 6, 7)

Из усыпальниц некрополя Фардык

Из могильника у поселка Кашхатау

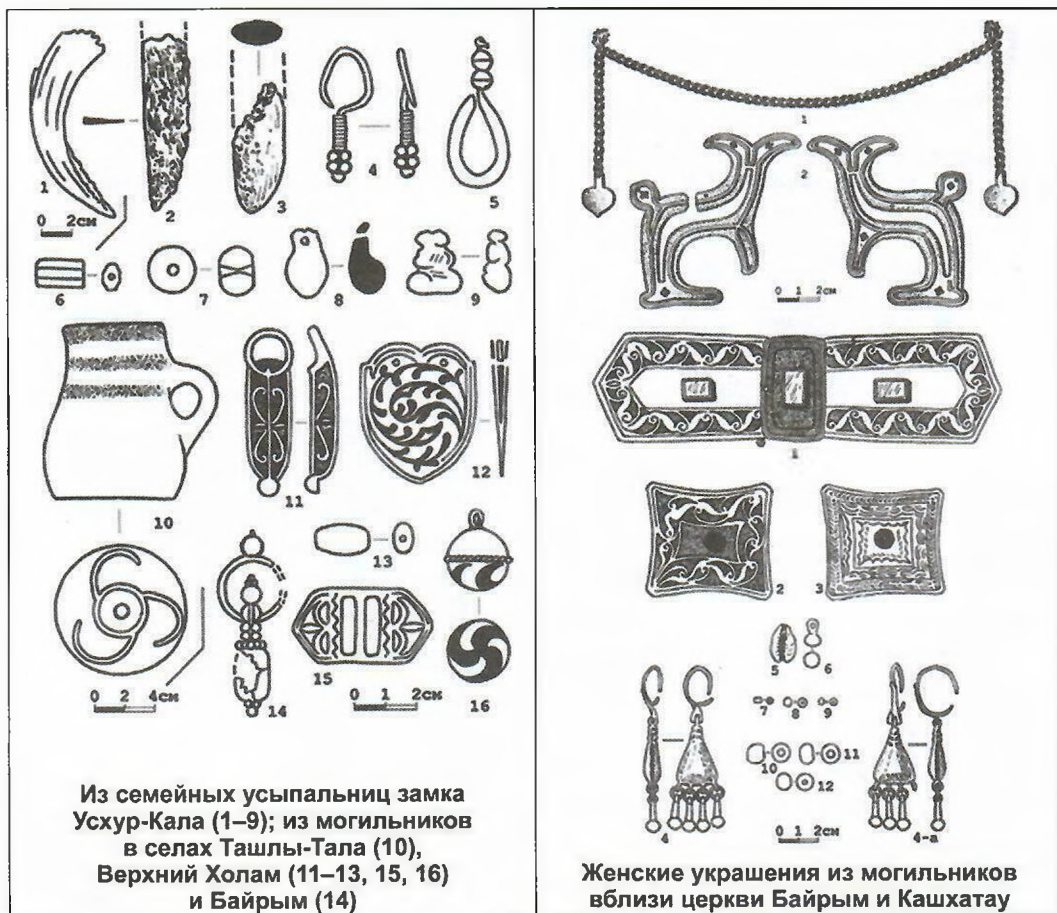
Из могильника в селе Ташлы-Тала

Артефакты из могильников (заимствовано из монографии В.М. Батчаева)

отмученной глины, довольно крепкого обжига, с красной умеренно лощеной поверхностью, орнаментированной волнистыми и параллельными горизонтальными линиями, разнообразными фигурными вдавлениями, насечками и т. д.

Для материальной культуры послемонгольского времени керамика уже не характерна. Единственным исключением является маленький одноручный кувшинчик, найденный в одном из погребений могильника в Ташлы-Тала. Донышко сосуда довольно широкое, почти равное диаметру тулова, снаружи оно украшено рельефным триквестром. Шейка опоясана тремя полосами, нанесенными красной краской. Высота сосуда 11,5 см. Еще одно изделие из глины – головка курительной трубки из замка Курнаят, также орнаментированная триквестрами.

Отсутствие в погребальных комплексах XV–XVIII веков оружия, предметов конского снаряжения, мужских наборных поясов, некоторых типов украшений

Артефакты из могильников (из монографии В.М. Батчаева)

связано не с прекращением их производства, а с изменением погребального обряда.

Средневековые женские украшения – различные типы серег и височных подвесок, фигурные пластинчатые нашивки на платье, серебряные диадемы на шапочках, кольца, перстни и прочее довольно близки по форме с синхронными древностями соседних народов.

Прототипы застежек известны еще в погребениях аланской эпохи, но тогда они были еще редки и встречались в количестве не более одной пары на одном платье. В послемонгольскую эпоху они получают более широкое распространение, а их количество на платье возрастает уже до 5–6 и более пар. Выполненные в технике литья и гравировки, в XV–XVIII веках они не отличались особой изысканностью форм и были популярны преимущественно у балкарок и осетинок. Но с середины XIX века ювелиры из Дагестана сумели придать им такой внешний блеск, что мода на застежки охватила почти весь регион, и они стали едва ли не самой яркой особенностью национального костюма горянок.

В художественной обработке металла в XV–XVIII веков наблюдается некоторая деградация, обусловленная невосполнимыми потерями материальной культуры, понесенными в период нашествий Чингисхана и Тамерлана. Но обработка металла продолжала сохраняться в виде чеканки, гравировки, серебрения, иногда вставки из цветного стекла и полудрагоценных камней. Ряд женских украшений выполнен в традиционном для Алании «ажурном» стиле, но более небрежно.

Другие категории вещей в погребениях представлены маленькими железными ножами, бронзовыми и железными пряжками от поясов, пуговицами из бронзы, кости, плетенных золотых и серебряных нитей, бусами, костяными шильями, ножницами, иногда круглыми нагрудными подвесками из листового серебра, кресалами, бритвами и игольницами.

Следует отметить, что число изученных погребальных памятников, прямо или косвенно связанных с балкарской историей, продолжает пополняться за счет новых полевых археологических изысканий (например, в 2003 году в районе поселка Кашхатау обнаружены захоронения XVII–XVIII веков, в инвентаре которых наиболее примечательны ранние образцы женских «национальных» поясов). Этому способствует также анализ и переосмысление этнокультурной атрибуции ряда известных ранее могильников.

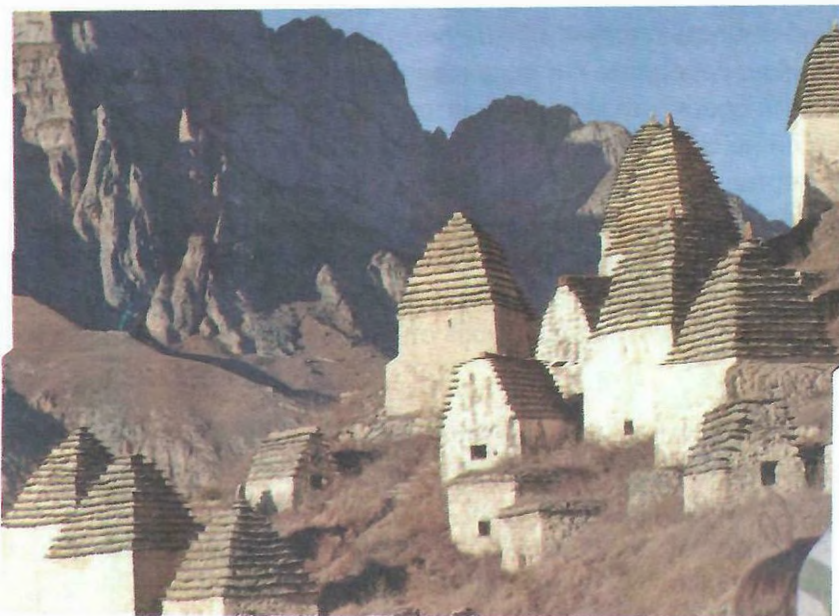
4.8. О ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СОСЕДНИХ НАРОДОВ

В Северной Осетии, Ингушетии и Чечне памятники средневековья (склепы и оборонительные сооружения) сохранились в лучшем состоянии, чем в Балкарии. Это, возможно, связано с высоким мастерством их сооруже-

ния, бережным отношением к памяти своих предков и мерами по их реставрации.

Мавзолеи и оборонительные сооружения этих соседей сильно отличаются по архитектуре от подобных сооружений Балкарии. Мавзолеи у них в основном имеют прямоугольное основание, двускатное или пирамидальное перекрытие, стены и перекрытия полностью оштукатурены и побелены. Перекрытия мавзолеев с основания до вершины имеют карнизы, которые в Балкарии имеют только стены некоторых мавзолеев.

Особо следует отметить уникальный комплекс таких мавзолеев в «городе мертвых» в долине реки Мидаграбиндон в Северной Осетии.

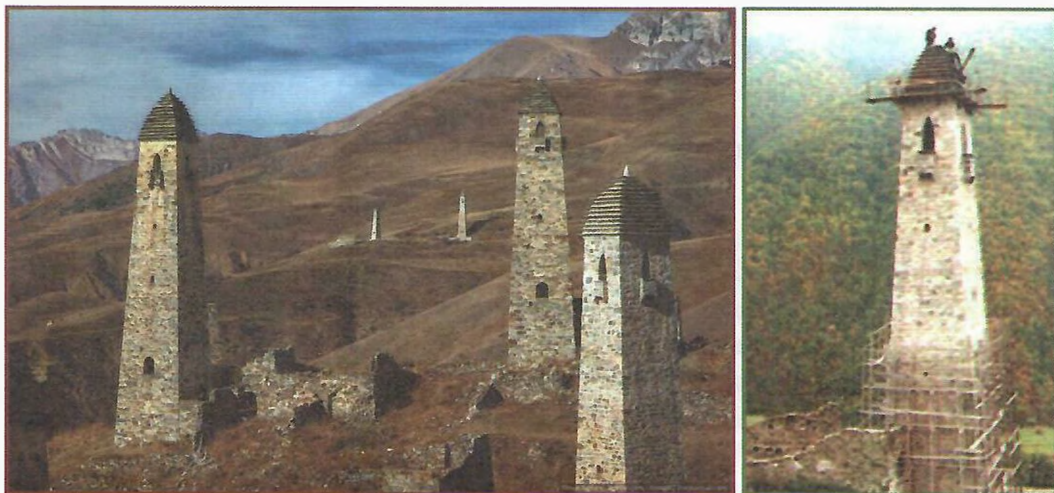
Средневековый некрополь в ущелье Мидаграбиндон в Северной Осетии

Оборонительные сооружения Северной Осетии, Ингушетии и Чечни поражают монументальностью и большой высотой. Они, как правило, имеют 5–6 этажей.

Военный разведчик Штедер в конце XVIII века, исследуя памятники Ингушетии, писал: «Повсюду, на скалах и холмах, стоят древние замки и конические, как пирамиды, башни; ...они строят свои деревни пофамильно и обносят их стенами и коническими башнями высотой в 10–15 футов». В Ингушетии было свыше 2 тысяч объектов такого культурного наследия.

Эти памятники архитектуры средневековья Северного Кавказа разрушались и от времени и целенаправленных действий на протяжении веков. В период

4. БАЛКАРСКИЕ МАВЗОЛЕИ И НЕКРОПОЛИ

Аргунские башни в Чеченской Республике (с л е в а).
Реставрация башни (с п р а в а)

Кавказской войны подрывались боевые башни, выкорчевывались комплексы замков. В 1944 году при депортации ингушей объявили войну и их культурному наследию. Были подорваны десятки боевых башен и свыше сотни храмов, склепов, жилых башен, заградительных стен. Многие из них сохранились только на довоенных фотографиях и на рисунках исследователей.

Эпизод обстрела боевых башен ингушей из артиллерийских орудий

Отрадно отметить то, что в настоящее время руководство Ингушской и Чеченской республик и Северной Осетии уделяет большое внимание восстановительным работам, в особенности тех объектов, которые лучше сохранились. Можно надеяться, что и руководство Кабардино-Балкарии последует их примеру.

5. БАЛКАРСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

5.1. Общая характеристика надгробных памятников Балкарии

Факт увековечивание памяти умершего ритуально-вещественными и изобразительными знаками содержит идейную первооснову надгробного памятника. В сложившемся наборе обрядовых элементов захоронений находят отражение религиозные убеждения, черты народного мировоззрения, эстетические принципы народного творчества. Поэтому древние надгробия представляют большой исторический интерес.

Надгробные памятники средневековой Балкарии в основном создавались из местного камня, а иногда их прочного дерева. Они были разной формы, украшены резьбой с различными орнаментами. Памятники эпохи бронзы рассказывают об истоках орнаментального искусства. Ранние этапы его развития во многом определялись древними языческими верованиями. Заметный след в оформлении надгробных памятников средневековой Балкарии оставило христианство, особенно в аланской эпохе, а в последние века – ислам. Строго установленный ритуал мусульманского захоронения способствовал выработке единого стиля, особенно на предметах, связанных с религиозными обрядами – культовой архитектуре, надгробных памятниках.

Создались предпосылки для развития камнерезного искусства, впитавшего в себя местные художественные традиции – формы надгробных памятников, древние приемы украшения.

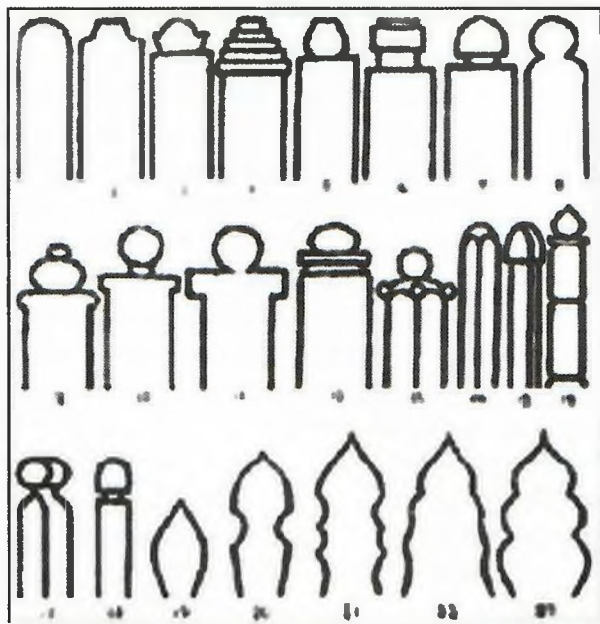
По своей сути и свойствам материала камнерезное искусство балкарцев тяготеет к обобщенно-монументальным формам. На резьбу по камню важное воздействие оказали и генетические связи с древнетюркскими культурами. В антропоморфных (человекоподобных) стелах даже мусульманских надгробий далекими отголосками угадываются формы половецких каменных баб.

Классификацию характерных, наиболее устоявшихся форм, резных надгробных камней Балкарии и Карачая А.Я. Кузнецова в своем замечательном исследовании народного искусства карачаевцев и балкарцев представила следующим образом:

- стеловидная форма с резным фигурным или овальным тимпаном – как результат развития древнего менгира;
- антропоморфная форма, сохранившая в общем силуэте отдаленное сходство с древними каменными изваяниями, особенно в разработке верхней закругленной части стелы;

5. БАЛКАРСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

- брусковая форма, которая развивалась в непосредственной связи с антропоморфной. Ее шаровидное навершие позволяет думать о том, что прообразом здесь также могли быть каменные изваяния;
- крестообразная форма, на которую оказала влияние христианская эмблематика – в чистом виде она не сохранилась, но отдельные ее элементы слились с антропоморфной;

Виды резных надгробий Карачая и Балкарии

- промежуточные формы – плоские плиты разной конфигурации: от трапециевидной до овальной. В них соблюдаются традиционные мусульманские принципы, но некоторые типы надгробий свидетельствуют об определенной творческой свободе балкарских мастеров камнерезного дела.

В развитии камнерезного искусства сыграли социально-экономические факторы и наличие в горах необходимого камня. После принятия исламства неотъемлемой частью памятников Балкарии являлись тексты из Корана и надписи на арабском языке. Поэтому мастер-камнерезчик должен был быть достаточно образованным человеком. На формирование своего стиля мусульманских надгробий оказывали сильное влияние местные художественные традиции.

В развитии камнерезного искусства сыграли социально-экономические факторы и наличие в горах необходимого камня. После принятия исламства неотъемлемой частью памятников Балкарии являлись тексты из Корана и надписи на арабском языке. Поэтому мастер-камнерезчик должен был быть достаточно образованным человеком. На формирование своего стиля мусульманских надгробий оказывали сильное влияние местные художественные традиции.

Готовый орнамент, вырезанный на лицевой поверхности надгробной плиты, окрашивался масляными красками, которые не отличаются большой прочностью. Несмотря на определенное единство рассматриваемых памятников, изготовлявшихся из камня, а иногда и из дерева, надгробия Балкарии были весьма разнообразны. В зависимости от материального достатка заказчика камень, поставленный в изголовье, мог быть разной величины и конфигурации, в пределах требований веры и национальных традиций. Разной степени сложности украшения помещались на его гранях. Камень в изголовье могилы («*баш таш*») чаще всего принимает форму декоративной стелы. На нем концентрируется художественная информация надгробия. Воспринимается он уже

самостоятельно, как специально обработанная стела, имеющая название с определенным значением – «сын таш» (намогильный камень). Это название известно всем тюркским народам с небольшими диалектными отклонениями.

Сын таш не всегда устанавливался на место захоронения. У балкарцев и карачаевцев устанавливались отдельные камни в честь погибших на чужбине на видных возвышенных местах, у перекрестков дорог, где их могут видеть все путники. Кстати, на вершинах древних курганов или же на перекрестках дорог ставили статуи и половцы.

В основном же надгробные резные камни находятся на кладбищах, где ухода за ними практически нет. Тем не менее вид мусульманского кладбища – неухоженного, заросшего кустарниками, дикими цветами и травами, сквозь которые пробиваются мощные каменные монолиты надгробий, обращенные резной, с раскрашенной поверхностью на юго-восток, являют собой зрелище, не лишенное поэтичности. Органично вписанные в природное окружение, многие кладбища могут даже восприниматься своеобразными музеями под открытым небом.

Происхождение резных каменных надгробий в виде стел некоторые исследователи выводят из древних склеповых захоронений. Переходные формы фамильных склепов – мавзолеев сохранились на старинных балкарских и карачаевских кладбищах Зылги, Карт-Журт, Верхняя Мара и др. Можно проследить, как постепенно камни в изголовье «баш таш» превращаются со временем в стелу – самую распространенную форму мусульманских надгробий «сын таш». Правда, предлагается и другая, обратная линия развития средневековых форм надгробий – от простой стелы к увеличению ее объема и превращению потом в мавзолей.

Форма статуй и место их размещения, свидетельствуют о тюркском происхождении. Половецкие каменные бабы были разбросаны в большом количестве в местах кочевий тюркоязычных племен на территории всего степного Предкавказья. В 1253 году В. Рубрук, посланник французского короля Людовика IX к татарам, писал: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу». Величавые каменные монолитные изваяния, возвышавшиеся на курганах, веками царили над бескрайними степями и привлекали внимание путешественников.

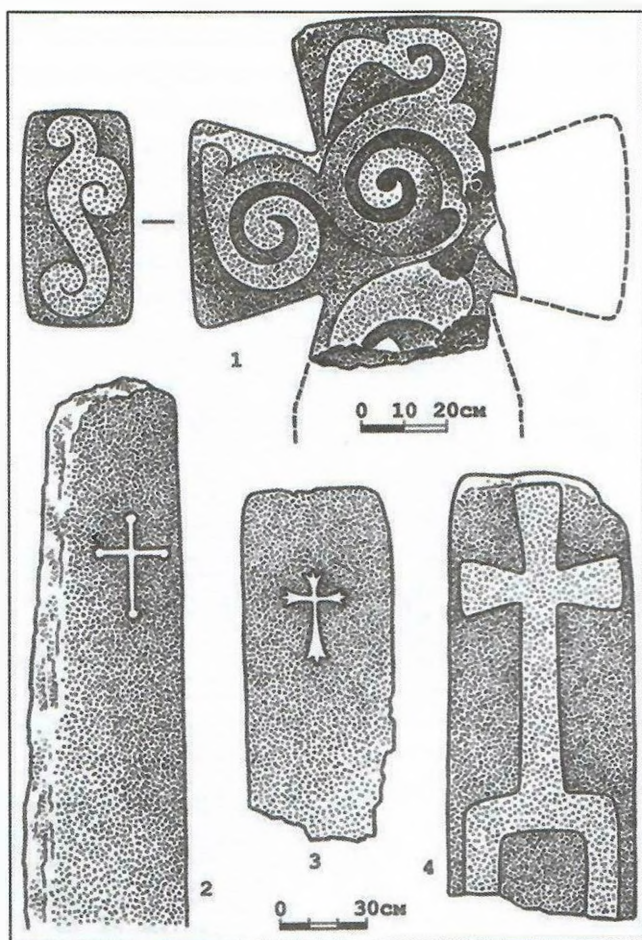
Н. Веселовский в своем исследовании высказывает мнение о преемственности тюркских каменных баб с мусульманскими антропоморфными надгробиями: «...головной камень очень часто имеет форму столба, венчаемого человеческой головою в чалме. Думаю, что так видоизменился балбал под влиянием ислама».

Каменные статуи воинов, найденные на Северном Кавказе, относятся

5. БАЛКАРСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

к примерно к X–XII векам. Судя по изображениям креста, их можно связать с кругом христианских древностей.

На территории Балкарии и Карачая обнаружены в большом количестве крестообразные плиты. На них так же, как и на каменных изваяниях, помещались изображения, иногда целые сюжетные сцены. Многие из них В.Ф. Миллер связывает с древними языческими верованиями. Вера в загробную жизнь, выраженная в обычаях укладывать в могилу при захоронении покойника его любимые вещи, нашла отражение не только в сценах заупокойного культа, но и изображениях различных бытовых вещей, необходимых покойнику. Запрещение ислама изображать живые существа приостановило развитие сюжетных композиций, но изобразительные элементы так и не были окончательно вытеснены с надгробных стел.

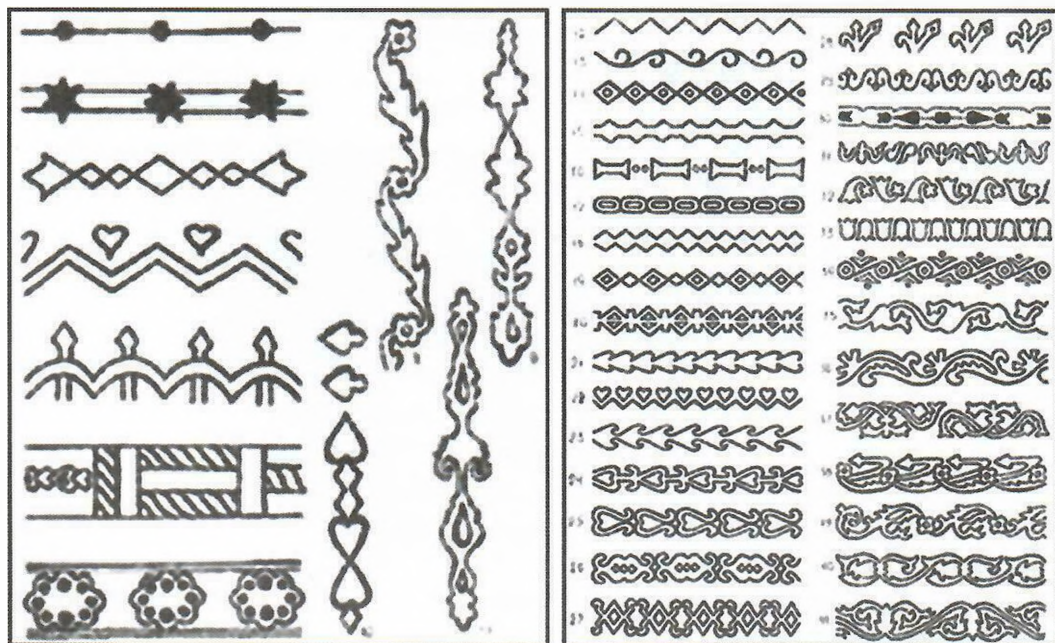

Некоторые разновидности средневековых каменных надгробий по В.М. Батчаеву:
1 – Жанхотеко; 2 – Безенги; 3 – Верхний Холам; 4 – Хабаз

Развитие форм резьбы по камню в каждом ущелье шло своим собственным путем, отражая в стилистических особенностях надгробий местные художественные традиции. Определенная замедленность социально-экономического развития, которая объясняется территориальной изолированностью горных ущелий, способствовала сохранению в них многих архаических форм надгробий. В первую очередь это можно отнести к труднодоступному Черекскому ущелью, где отмечаются ярко выраженные черты консервативности некоторых композиционных приемов, архаичность орнаментальных мотивов.

Наиболее простой и древней из сохранившихся форм орнамента является круг, расчерченный сегментами. Размещенные симметрично на поверхности стелы круги стали одним из характерных мотивов в оформлении надгробных камней Верхней Балкарии. Самые архаичные из них встречаются в ауле Курнаят. Постепенно, с улучшением художественных качеств камнерезного искусства, мотив круга стал употребляться уже в более сложных ритмических чередованиях. Появляются простейшие композиции из них. Заглубленный фон окружностей заполняется умело вписанными в них арабскими текстами. Интересно отметить, что это выполняется уже не врезными линиями, а ленточным рельефом.

В верхнюю, закругленную часть стелы теперь часто вписывается многолепестковая розетка, похожая на цветок. На более продвинутых надгробиях мусульманского стиля розетка заменяется символическим полумесяцем со

Орнаменты бордюров надгробных резных стел Карачая и Балкарии

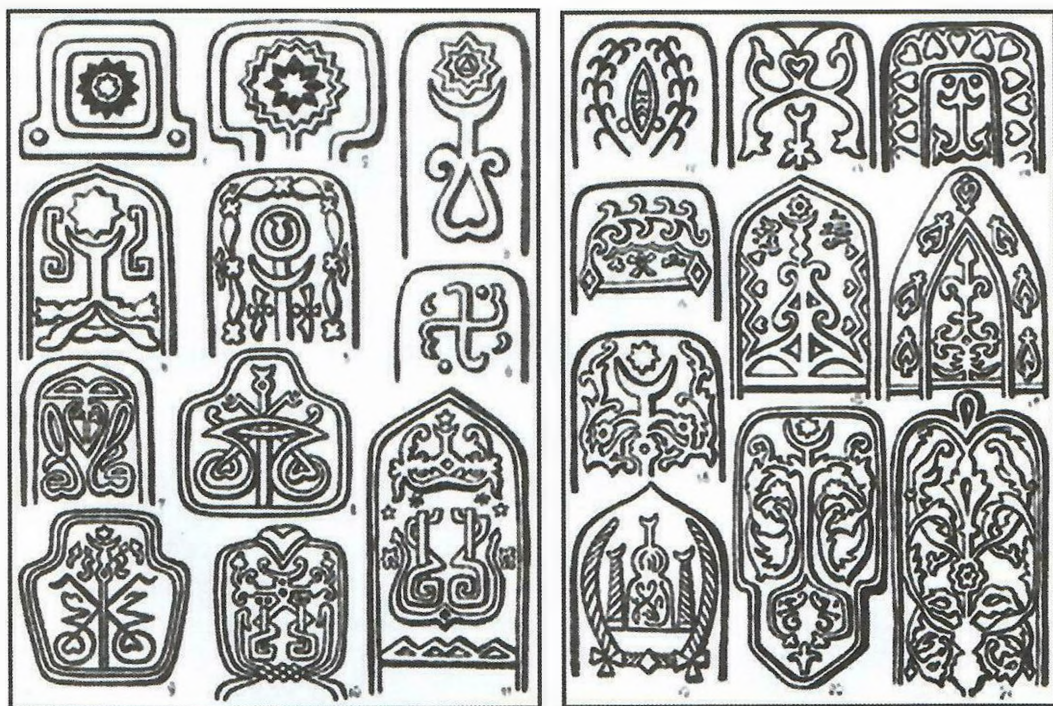
5. БАЛКАРСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

звездой. Здесь уже и техника резьбы более тонкая, рельефная. Построения композиций черекских надгробий отличаются строгой симметричностью. Арабские письмена вписываются в сложные фигурные медальоны, объединенные на стеле общей рамкой-бордюром.

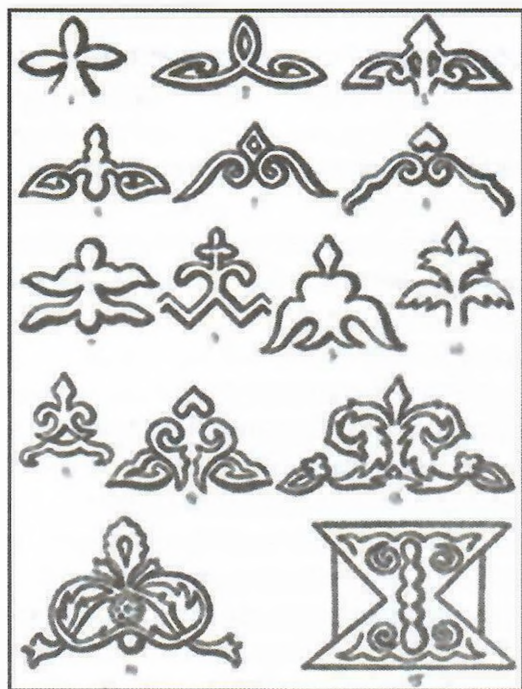
Появившийся в надгробных стелах орнаментированный бордюро составляет из простейших геометрических элементов, например, цепочки из сомкнутых кружков. Этот мотив перекликается с известным в ковроделии орнаментальным мотивом «сынжир» «очажная цепь», который издавна считается эмблемой домашнего очага и счастья семьи.

В украшении тимпана (верхней закругленной части стелы) черекскими камнерезами часто применяется узор, известный под названием «ислими». Это скругляющиеся навстречу друг другу две ветки, обрамляющие плоскость камня наподобие венка. Своими концами они могут быть «связаны» то в верхней части, то внизу. Листья-отростки, симметрично отходящие от стебля, тоже могут быть то прямыми, то удлинненными и с закругляющимися концами. На стелах Верхней Балкарии это самый характерный декоративный мотив.

Антропоморфные резные камни Черекского ущелья, особенно самые архаичные из них, повторяют древние деревянные формы. Встречаются среди них и «брусковые» надгробия. Это небольшие, до метра высоты, столбообразные

Изображения на тимпанах резных каменных надгробий Карачая и Балкарии

Угловые мотивы
на резных каменных надгробиях

строгой симметрии сочетаются полукружия обрамления с рядами внутренних геометризованных элементов – газырей, текстовых строк. Мотивы бордюрной ленты, представляющие собой ряд сомкнутых 5-образных фигур, тоже прочно связаны с местным ковровым орнаментом. Но вся поверхность плиты декорируется еще недостаточно пластично.

5.2. НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕРЕКСКОГО УЩЕЛЬЯ

Самые древние резные камни Черекского ущелья можно датировать периодом не ранее XVII–XVIII веков, когда здесь уже прочно укрепилось мусульманство. Основной его цитаделью была мечеть, обслуживавшая все небольшие поселения, расположенные в пределах видимости. Это обстоятельство, вероятно, наложило определенный отпечаток на сложение форм надгробий. Мастера камнерезного дела должны были подчиняться мусульманским требованиям украшения намогильных стел.

В Черекском ущелье развитие камнерезных форм, очевидно, шло сразу двумя линиями: стеловидные камни и антропоморфные. Их отличает само-

камни, которые оканчиваются в верхней части небольшим утолщением в виде цилиндра, изображающего чалму. На подобных сын таш можно встретить и один из мотивов древнетюркского орнамента – два встречных роговых завитка, применяемой и в ковровых орнаментах.

Более развитая форма антропоморфных надгробий Черека часто уплощается в своей нижней части, превращаясь в стелу. При помощи «шейки» округлая часть камня – «голова» – приподнимается из общей массы камня. Округлый верх камня в виде «чалмы» заполняется орнаментом, напоминающим цепочку из плотно соединенных между собой сквозных ромбиков.

Общая орнаментальная композиция стелы строится очень четко. В ее

5. БАЛКАРСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ

стоятельность форм, некоторая примитивность каменных надгробий, иногда просто повторяющих деревянные образцы. Об этом свидетельствуют и некоторые способы оформления могил, их каменная выкладка, еще полностью не оторвавшаяся от склеповых форм и грубая обработка камня. Антропоморфные формы черекских надгробий более близко связаны с древнетюркскими прообразами.

В наиболее архаических надгробиях здесь можно видеть один из простейших приемов заполнения их плоскости – бессистемное расположение арабских

Резные надгробные стелы в селе Шканти

Каменное (с л е в а) и деревянное (с п р а в а) надгробия в селе Кашатау

Резные надгробные стелы в селах Курнаят (с л е в а) и Кашхатау (с п р а в а)

Каменная резная (с л е в а) и антропоморфные каменные резные надгробные стелы в селе Верхняя Балкария

текстов. В этом случае мастер словно выполняет обязательное требование их присутствия в украшении надгробия. Встречаются здесь и языческие символы, смутно доносящие из глубин времени какие-то давние, почти забытые магические представления. Так, симметрично расположенные на стеловидной поверхности камня изображения небольших окружностей могли быть связаны с очень древним кавказским культом плодородия.

Чрезмерная жесткость в передаче отдельных мотивов орнамента может быть объяснена твердостью применяемого камня. Но надгробия Верхней

Балкарии отличаются еще слаборазвитой техникой резьбы, хотя большое оживление в их вид вносила цветная роспись рельефных узоров. Колорит строился на сочетании белых, салатных, черных и желтых красок, которые связываются в единую сумрачно теплую и довольно приятную цветовую гамму.

5.3. НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ХУЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОГО УЩЕЛЬЯ

Резные камни Хуламо-Безенгийского ущелья отличаются довольно интересными переплетениями древнехристианских и тюркских традиций. Многие из памятников очень архаичны по своему художественному решению. В них встречаются древние тюркские черты, чем-то похожие на древнеболгарские, отголоски которых сохранились и на Волге в деревянных надгробиях чувашей, а также башкир. Вместе с тем эти формы перекликаются и с традициями местных деревянных памятников, и продолжают в вертикально-брусовых формах каменных надгробий. Другую линию развития представляют крестообразные надгробия. Они сохранились только в Хуламо-Безенгийском ущелье. Распространенность крестообразной формы в этом ущелье можно объяснить наличием очагов христианства, не так давно действовавших здесь церквей и часовен. Остатком христианской формы надгробия является высеченный в камне крест, на верхнем конце которого изображена объемная голова воина.

Хуламо-Безенгийские надгробия, как правило, вырезались из камня небольшой высоты до 0,6–0,7 м. Утолщение в верхней части (иногда с округлым завершением) получало по центру еще выступ с небольшим углублением. Можно предположить, что эти углубления, наподобие чаши, предназначались для каких-то ритуальных возлияний. Надгробие с утолщением в верхней части напоминает человеческую фигуру.

На стелах Хуламо-Безенгийского ущелья почти нет изображений. Художественное оформление надгробия сводится в основном к обработке его силуэта. Только на отдельных камнях графически прорисовываются примитивные изображения полумесяца и розетки-звезды. Арабский текст, который процарапывался острым предметом, заполняет плоскость камня очень свободно.

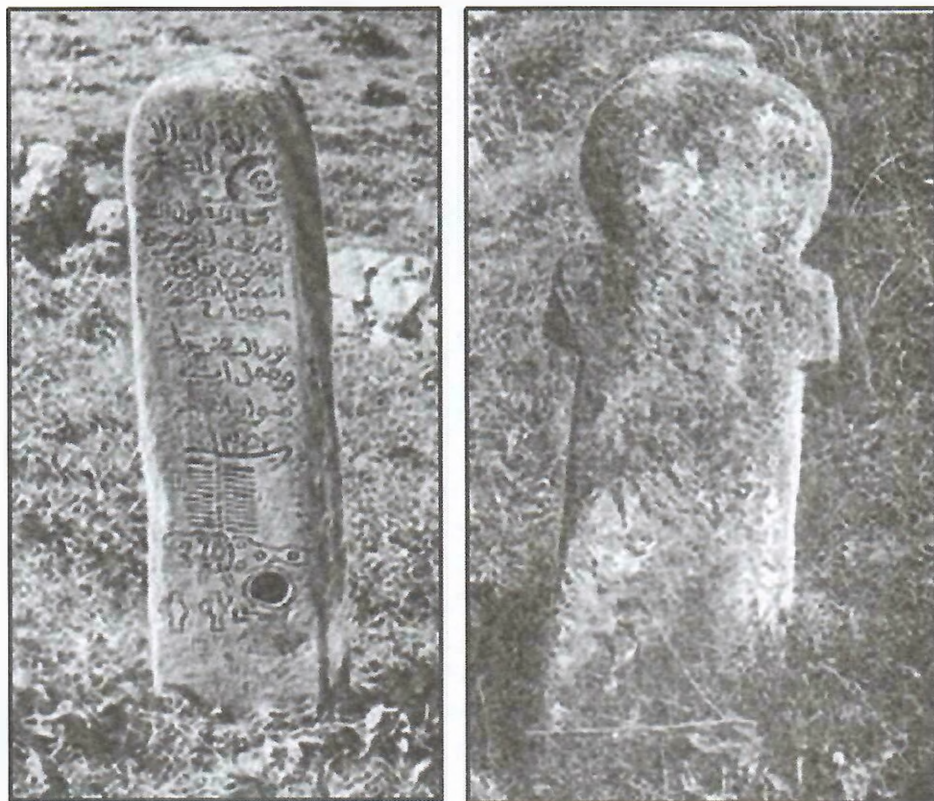
Кроме каменных изваяний устанавливались

Резная стела в Шики

надгробия из дерева. В надгробиях из дерева воспроизводились наиболее простые геометрические формы, о чем можно предположительно судить по сохранившимся на кладбищах Хуламо-Безенгийского ущелья деревянным надгробиям с утолщением наверху, отдаленно напоминающим человеческую фигуру. Эта форма впоследствии стала постепенно усложняться. Так, памятники этого ущелья иногда представляют собой прямоугольный деревянный столбик с цилиндром, положенным по горизонтали, напоминающим двуликую голову. Своеобразная «шейка» биконической формы связывает столбик и цилиндр в одно целое. Одно из каменных надгробий в ауле Шики повторяет более древний деревянный оригинал. Камень грубо обработан, навершие его воспроизводит цилиндр, расплюснутый в верхней части и с углублением в середине.

По технике обработки и орнаментике резных надгробий Хуламо-Безенгийского ущелья можно довольно отчетливо проследить наслоения различных форм – крестообразных, антропоморфных, брусковых. В позднейшем слое декора этих надгробий ощущается и влияние соседних черекских форм, например, в сегментовидных элементах орнамента, в жесткости техники его процарапывания.

Резная надгробная стела в селах Хулам и Шики

Резные надгробные стелы в Верхнем Холаме

Наибольшей завершенностью, художественной выразительностью в Хуламо-Безенгийском ущелье выделяется парное надгробие – женское и мужское. Это две фигуры высотой около полутора метров с округлыми плоскими наверхиями в виде голов и боковыми горизонтальными отростками на уровне плеч.

Четырехугольник мужского надгробия делится поясом на две части. В верхней части расположена горизонтальная полоса из ряда газырей, обрамленных двумя полукружиями. Оружие (два ножа, кинжал и ружье) помещены у пояса. В пропорциональных соотношениях с остальными деталями их размеры очень малы. Видимо, мастер был озабочен передачей самих предметов больше, чем их реальным соотношением с фигурой. Арабские письмена заполняют плоскость в нижней части стелы.

По этой композиционной схеме оформлено и женское надгробие. Только в верхней части здесь располагаются горизонтальные ряды нагрудных украшений – «тюйме».

Орнаментальное обрамление как женского, так и мужского надгробий состоит из простых элементов – треугольных углублений. Этот зубчатый бордюру повторяет бордюрные мотивы местных узорных войлоков. Большой интерес

представляет решение закруглений в форме головы. Верхняя часть камня действительно осмысливается мастером как человеческое лицо. Сегментами очерчены области щек, лба. Это сходство усиливается и строго соблюденной вертикальной симметрией, и подцветкой камня, и совпадением границ лица; красный цвет «рта», «щеки» оживляет камень, создает еще более жизненное впечатление.

В технике резьбы рассматриваемых надгробий сочетаются графическая врезка линий (розетки в середине лица) с трехгранно-выемчатой (бордюрная полоса и отдельные геометрические детали), а также плоскорельефная резьба (арабские письмена, пояс, оружие, газыри). Вынесенные за ограду кладбища на перекресток дорог камни весьма органично вписываются в пейзаж. Впечатление их одухотворенности, связанной с легендой о гибели двух влюбленных, достигается и особой архитектурной камней, четкостью силуэта, логической взаимосвязанностью декоративных элементов, расцвеченной поверхностью. Камень, раскрашенный черной, красной, белой, розовой и синей красками, удачно объединяется основным терракотовым тоном в единое целое. В резных камнях Хуламо-Безенгийского ущелья орнаментальные построения, созданные из небольшого количества геометрических мотивов, вероятно, еще не полностью оторвались от своего символично-смыслового значения, но организованные ритмические ряды и четкие осевые линии симметрии говорят уже об эстетическом освоении этих древних образов.

5.4. НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕГЕМСКОГО УЩЕЛЬЯ

Камнерезное искусство мастеров этого ущелья характеризует то, что в совокупности выработанных приемов обработки камня здесь объединены традиционные формы стел и человекоподобные надгробия. В верхних селах камни обработаны неуверенной рукой. В стелах почти не применяется бордюрное обрамление. Чаще всего их плоскость просто разбивается выпуклыми перегородками на ряд горизонтальных ярусов, заполненных ленточным арабским текстом.

Человекоподобные памятники с их более выразительным силуэтом, воспринимаются намного живее. Мусульманский полумесяц и звезда в навершии камня или обрамление его верхнего объема подобием чалмы, – пожалуй, единственные декоративные детали, которыми мастера Верхнего Чегема оживляли свои надгробия. Наиболее интересные памятники сохранились в селении Нижний Чегем. Здесь довольно отчетливо из монолита выделяется «голова» и тщательно прорабатывается головной убор.

Особенно любопытно в художественном отношении надгробная стела

в селе Булунгу, высотой 2,5 м. Ее плита из охристого песчаника выделяется своей массивностью и особой тщательностью отделки. Поверхность делится на три традиционные части: закругленный тимпан с орнаментальным заполнением, узкая бордюрная полоса, обрамляющая всю стелу целиком, и вся средняя часть с размещенными на ней фигурными медальонами.

Сложная резьба с глубоко врезанным фоном создает впечатление ажурности стелы. Чередующиеся по центральной оси овальные и прямоугольные медальоны заполнены витиевато вычерченным рельефным текстом, вызывая в памяти арабский шрифт (почерка «наسخ») с его красивыми криволинейными силуэтами. Посередине верхней части стелы помещена фигура сокола. Она очерчена глубоко врезанной в плоскость камня энергичной линией. Прорисовка же глаз и оперения дана более топкой штриховой линией.

На этой стеле в селе Булунгу имеется множество орнаментальных мотивов – розетки, звезды с особой четкостью и симметричностью заполняют свободные промежутки между медальонами. Глубокий рельеф бордюра с его упрощенными растительно-геометрическими элементами увязан со всей узорной поверхностью. Графичность моделирования орнаментальных деталей несколько смягчается за счет техники глубокой резьбы, создающей сочную светотень. Почти кружевная поверхность камня была расцвечена. Даже сохранившиеся остатки краски (гамма черной, желтой и зеленой) оживляют игру орнаментальных форм.

Следует отметить и довольно прочные связи декора этого памятника с местными художественными традициями. Расположенные в полукруглом тимпане симметричные парные роговые завитки и сердцевидные фигуры, явно заимствованы из местных узорных сюжетов, бытующих в балкарском ковроделии и золотом шитье.

Совершенно другую форму и резьбу имеет надгробный памятник в бывшем селе Думала. Эта стела имеет расширяющуюся кверху форму с округлым навершием. На передней его части в семи секциях вырезаны разные фигуры. В верхней секции нанесено изображение в виде

цветка ромашки, расположенное над полумесяцем, обрамленным аланским сакральным знаком, а на шести нижних секциях надписи арабской вязью.

В Чегемском ущелье в основном применялась техника каменной резьбы, создающая низкий плоский рельеф, и различные способы перехода от общего прямоугольника к округлости «головы» в виде конического среза (подчеркивающего форму папахи) или непосредственно из общего блока, подчеркивая монолитность объема. Это свойственно всем чегемским надгробиям с их несколько суровым и мужественным стилем.

5.5. НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ БАКСАНСКОГО УЩЕЛЬЯ

Надгробия Баксанского ущелья очень близки по оформлению к Чегемским. Здесь превалируют три разновидности: плиты прямоугольной формы, антропоморфные и стелы с закругленным тимпаном.

Формы антропоморфных надгробных памятников этого ущелья имеют свои варианты. Иногда округлые навершия насаживаются на прямоугольную или

Резные надгробные стелы в селах Верхний Баксан и Карт-Журт

плавно закругленную основную плиту. При этом обе части имеют самостоятельные, несвязанные между собой декоративные оформления. В других случаях округлая верхняя часть памятника имеет наверху выступ, который вызывает в памяти антропоморфные и крестообразные камни Холама с подобным же утолщением. Но баксанские надгробия отличаются более вытянутыми, утонченными и более детально проработанными формами.

Другая группа Баксанских антропоморфных памятников приближается к чегемскому типу резных камней, верхняя часть которых напоминает голову в папaxe. Они принадлежат мужским погребениям, что подтверждается и изображениями на лицевой стороне или боковых гранях оружия, деталей мужской одежды.

Употребляемый в Баксанском ущелье мягкий серый песчаник дает возможность усложнять форму резных камней. Боковые грани в этих памятниках, как правило, мастер стесывает, придавая им сложную конфигурацию за счет резных выступов, объемных газырей и т.д. Сама же техника орнаментальной резьбы на передней части плиты остается примитивной. Она делается или углубленной, или, наоборот, объемно выпуклой, путем выбора фона.

В круглые их навершия антропоморфных надгробий Баксанского ущелья вписывается полумесяц или розетка. В других навершия имеют скошенно-коническую форму, где намечаются складки чалмы, лицевая часть камня оставляется гладкой, а мусульманские символы помещаются ниже – на самой стеле. В этом типе надгробий изображения человека, еще не были утрачены. Баксанским надгробьям свойствен скупой декор, ограниченный лишь простейшими геометрическими орнаментами – розетками и эмблемами ислама. Традиционное место в их оформлении занимают эпиграфические вставки.

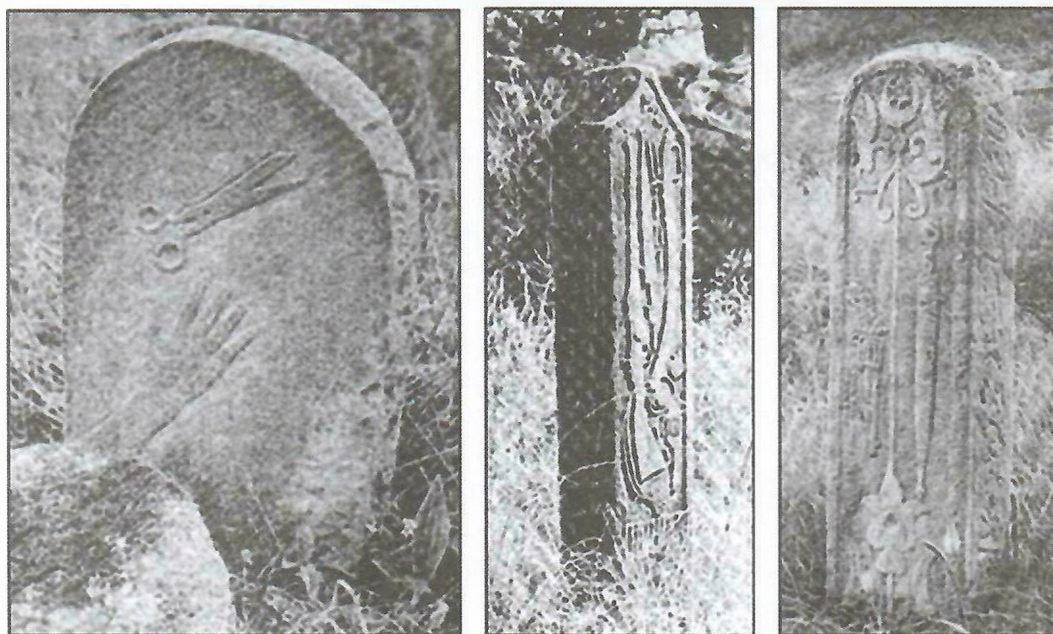
Надгробья в виде стел в Балкарии обычно связаны с женскими захоронениями, а человекоподобные – к мужским. Для большей части памятников обычно характерен сдержанно-скупой стиль декорирования. Композиционная схема антропоморфных стел остается предельно простой и сводится к делению всей плоскости на отдельные горизонтальные участки для арабских текстов.

Камнерезное искусство в балкарских ущельях в целом характеризуется той архаичностью форм и примитивностью способов обработки камня, которые позволяют проследить его развитие на более ранних стадиях. Наглядным свидетельством являются изображения, врезанные в плоскость камня графическим способом. Сначала это были простейшие геометрические мотивы, на более высокой ступени развития форм появляется ленточный орнамент выпуклой рельефной резьбы.

В самых архаичных по форме балкарских надгробьях для обработки камня применялись, видимо, не специально изготовленные инструменты, а предметы повседневного хозяйственного назначения, приспособленные для резьбы –

Резные надгробные стелы в селе Карт-Журт

Резные надгробные стелы в селе Карт-Журт с изображениями руки, ножниц и оружия на обратной стороне стелы

топор, нож, обрубленная лопата. Инструментарий мастера усложняется позже при выполнении более сложных работ для получения многообразной моделированной рельефной поверхности. В этих случаях используются такие инструменты, как молоток, зубило, плоские и желобчатые долота для получения фигурных профилей.

Особенно широко применялись они мастерами Карачая, искусство которых отличалось совершенством и богатством форм. Основой для интенсивного развития камнерезного искусства в Карачае, наряду с устойчивостью старых традиций, могло послужить и наличие здесь прекрасного материала, легко поддающегося обработке, а также более широкие торговые и культурные связи с основными центрами камнерезного искусства, в частности, с Дагестаном.

Список литературы к разделам 3–5

1. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. В 3 т. – Нальчик: Эльбрус, 1984–1987.
2. *Акритас П.Г., Медведева О.П., Шаханов Т.Б.* Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. Т. XVII. – Нальчик, 1960. – 71 с.
3. *Батчаев В.М.* Отчет об археологических работах 1977 года в районе сел. Былым и Холам // Архив КБНИИ, инв. № 2275. – С. 25–39.
4. *Батчаев В.М.* Былымский оборонительно-жилой комплекс эпохи бронзы // Сб. «Новое в археологии Северного Кавказа». – М., 1986. – С. 57–65.
5. *Даутова Р.А.* К вопросу о датировке горно-кавказских мавзолеев Северного Кавказа // Сб. «Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа». – Орджоникидзе, 1985. – С. 129.
6. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. Вып. 3. – М.; Л., 1941. – С. 24, 25.
7. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. В 3 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
8. *Кузнецов В.А.* Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Сб. «Сев. Кавказ в древние и средние века». – М., 1980. – С. 174.
9. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962.
10. *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.
11. *Мизиев И.М.* Средневековый могильник Байрым у сел. Верхний Чегем // ССНР КБГУ. – Вып. 3. – Нальчик, 1964. – С. 15–22.
12. *Мизиев И.М.* Позднесредневековые каменные ящики в Кабардино-Балкарии // СА. – Вып. 4. – Нальчик, 1971. – С. 242–250.
13. *Мизиев И.М.* Могильник у Ташлы-Тала // АЭС. – Вып. 1. – Нальчик, 1974. – 120 с.
14. *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. – Нальчик, 1970.
15. *Лавров Л.И.* Из поездки в Балкарию // СЭ. – Вып. 2. – М.; Л., 1939. – С. 176, 177.
16. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // КЭС. – Вып. IV. – М., 1969. – С. 113.

17. Миллер В.Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. – Вып. 3. – М., 1893. – С. 128.
18. Миллер В.Ф., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // ВЕ. – Т. 2. – Кн. 4. – СПб., 1884. – 570 с.
19. Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // СМАЭ. – Т. XXXIV. – Л., 1978. – 112 с.
20. Опрышко О.Л. Раннехристианский могильник в с. Верхний Чегем КБАССР // ССИКБ. – Т. IX. – Нальчик, 1961. – С. 217–221.
21. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 80.
22. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. – Нальчик, Эльбрус, 1969.
23. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Сб. «Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.». – Т. 3. – Нальчик, 1987. – С. 77–99.
24. Фиркович А.С. Археологические разведки на Кавказе // ТВОАО. – Ч. 3. – СПб., 1858. – С. 132.

6. МЕНГИРЫ И ДОЛЬМЭНЫ БАЛКАРИИ

6.1. МЕНГИРЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Одним из интересных памятников старины являются менгиры – древние обелиски, представляющие собой рукотворные истуканы из камня. Их назначение является загадкой. Предполагается, что они служили ориентирами, отметками границ либо имели мемориальное (как памятники современности), культовое или солярное назначение.

Высота менгиров многократно превышает горизонтальные размеры и варьирует в пределах от 1,5 до 5 м, а вес может достигать несколько сот килограмм. Их основания вкопаны в землю на глубину от 0,5 до 0,8 м.

На территории России много менгиров на Кавказе, в Южном Зауралье, на Алтае, в Хакасии, Саянах, Прибайкалье и Туве. В горах Балкарии сохранились несколько типов менгиров:

- наиболее древние менгиры, представляющие собой грубо обработанную каменную плиту без каких-либо рисунков;
- древние каменные скифские изваяния (стелы), содержащие очертания фигуры, головы и черты лица человека;
- более поздние менгиры с резными орнаментами, барельефами, изображениями предметов и обязательно головы.

По мнению археологов, менгиры первого типа имеют возраст около пяти-шести тысячелетий, менгиры второго типа – скифские скульптуры датируются VI–III веками до новой эры. Менгиры третьего типа, часто называемые «половецкие бабы» (от слова «баба» – праотец) вероятно, были установлены уже в новую эру.

Половецкие каменные бабы, встречающиеся на огромных пространствах от юго-западной Азии до юго-восточной Европы, являются памятниками сакрального искусства половцев (кипчаков) IX–XIII века. Эти статуи символизировали предков и ставились на наивысших участках степи, водоразделах, курганных могильниках в специально сооруженных для них святилищах, которые иногда ограждались камнями. В центре святилища, ставили одну или несколько мужских или женских статуй с лицами, обращенными на восток. Святилища с истуканами были местом осуществления поминального культа предков, не связанного непосредственно с погребениями. Со временем этот обряд трансформировался в культ вождей-покровителей орды. Женские статуи символизировали непобедимость и бессмертие воинов, давали им силу и оберегали. Многие из этих памятников половецкой культуры были уничтожены мусульманами, боровшимися с язычеством. Однако оно так и не было полностью искоренено.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

В последующие столетия в некоторых славянских поселениях жила традиция отдавать почёт половецким идолам, которые наделялись силой, способной влиять на возрождение природы, плодородность земли, успех общины. Всего до наших дней дошло свыше двух тысяч каменных баб.

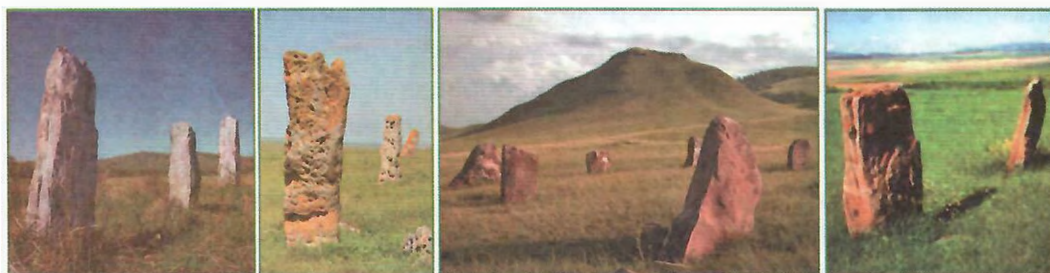
В Балкарии менгиры размещены, как правило, на высокогорных плато. Возможно, они обозначали места кочевья (стоянки), хотя многие говорят о том, что места их размещения отличаются энергетической активностью и навевают бодрость и хорошее настроение.

Менгиры первого типа представляют собой типа каменную глыбу (плиту) из гранита или застывшей магмы вулкана Эльбрус. Любопытно, что на плато вблизи их места размещения нет таких камней. Стало быть, их вырубали на скалистых склонах плато (или выбирали подходящие глыбы) на достаточно большом удалении от места установки. Но как поднимались со скалистых склонов и транспортировались такие тяжеловесные объекты (весом несколько сот килограмм), остается загадкой.

Многие менгиры размещены поодиночно, а другие – группами в один строгий ряд или по кругу.

Одиночные менгиры первого типа на плато севернее Эльбруса

Группы менгиров первого типа (плато Бермамыт, Чабак-Кель – Рыбное озеро)

6. МЕНГИРЫ И ДОЛЬМЭНЫ БАЛКАРИИ

Отдельно стоящие менгиры второго типа в районе Жылы-Су и др.

Менгиры третьего типа вблизи Жылы-Су у горы-пирамиды Тузлук

Внимательное рассмотрение менгиров первого типа показывает их постепенную трансформацию из простой каменной глыбы (плиты) в некую фигуру с углублениями для глаз и очертаниями человеческой головы. В дальнейшем они уступают место антрополоподобным (человекоподобным) изваяниям – менгирам второго типа.

Менгиры третьего типа отличаются тщательной обработкой камня и изображением головы и, по-видимому, появились с развитием камнерезного искусства. К ним можно отнести несколько менгиров, расположенных на плато Бермамыт (Севернее Эльбруса), которые, по мнению археологов, являются стелами скифов. Эти менгиры представляют собой выточенные из камня, слегка сужающиеся с высотой и примитивным изображением головы и лица. Глаза изображены в виде выемок, губы дуговидным выступом, а вместо шеи также два валика.

Другим рукотворным памятником древности являются наскальные рисунки в районе города Тырнауза на горе Касбот-кая (скала Касбота), обследованные и описанные Х.Л. Османовым.

6.2. ДРЕВНИЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ

Х.Л. Османов

Горы Балкарии – неприступные крепости. Пронзая острыми вершинами облака, они стоят, опираясь друг на друга, подобно старцам на Тёре. Как сказал поэт: «лучше гор могут быть только горы». Свидетели древних времен, ровесники Земли и самой жизни, они заставляют себя полюбить. Увидев их лишь раз, даже если ты житель бескрайних равнин и любитель океанских просторов, рано или поздно вернётся, чтобы поприветствовать и увидеть их красоту.

А среди них, обязательно встретятся удивительные места и загадочные артефакты, которые поражают воображение и не оставляют покоя в душе. Кто, когда, зачем это создал и сохранил для потомков?

В один из дней из Тырнауза позвонил мой старинный друг Назир Хапаев – знаток горных мест, любящий горы как отчий дом, и сам как будто созданный из камня, шестидесятилетний мужчина, который исходил пешком все тропинки Баксанского, Чегемского ущелий. Рассказывая о всевозможных увиденных чудесах, он пригласил меня на очередную экскурсию, обещая показать нечто замечательное.

И вот на рассвете мы с Жабоевым Ж.С. трогаемся в путь. К семи часам оказываемся возле заброшенного аула Шошбауат на окраине Былыма. Точнее он назывался Кюнлюм Шошбауат (Солнечное Спокойное место) и был родовым

6. МЕНГИРЫ И ДОЛЬМЭНЫ БАЛКАРИИ

аулом Ахматовых. Русские авторы, которые фиксировали местные названия, в свое время записали название с ошибкой.

На месте развалин бывшего аула сейчас дачи. На розданных когда-то работникам Тырнаузского комбината участках шумят листвою яблони, сливовые и абрикосовые деревья. Навстречу нам выходит наш проводник Назир, вместе с учителем местной школы Заурбеком Ахматовым, его учеником Исмаилом Ахматовым и другом Керимом Хацуковым из Тырнауза. Когда Назир, повернувшись к скалам, показал нам примерное место – цель нашего путешествия, я сначала усомнился в том, что смогу туда подняться. Однако вспоминая, как говорят в Верхней Балкарии, что «дорогу осилит идущий», я не оставляю надежды не отстать от друзей.

Чуть выше по склону находится кошара, там мы оставляем свои автомобили и, взяв с собой провизию, выстраиваемся в колонну и трогаемся в путь. Направление – Касботкая. По преданию, названа она так по имени одного из местных жителей Касбота Джуртубаева, который пас свой скот на пастбище на вершине этой горы. Мы идем по тропинке, протоптанной скотом. Постепенно мы входим в небольшое ущелье, слева от нас течет ручей, берега которого заросли дикими яблонями, сосной и ивой. Мы идем через колючие заросли барбариса, оставляя на них частицы одежды и плоти.

Однако самая трудная часть пути впереди. Поднимаясь в гору, не следует торопиться. Под ногами песчаный осыпавшийся грунт и каждый шаг таит в себе опасность. Дорогу, по которой мы идем, скорее можно назвать звериной

Наскальные рисунки на горе Касботкая вблизи села Былым

тропой. Чем ближе мы к цели, тем сложнее подъем. После двухчасового пути мы оказываемся на головокружительной высоте перед гладкой скалой. Она похожа на лист бумаги, на котором охрой нанесены рисунки, похожие на те, которые все мы видели в учебниках. Сцены охоты и быта много тысячелетий тому назад были созданы рукой первобытного человека. Это и есть цель нашего путешествия.

Отправляясь в путь, мы обратили внимание на то, что Заурбек взял с собой емкость с водой, но не поняли для чего. Заурбек побрызгал водой на стену, освежив краску, и мы увидели рисунки во всей красе.

Всего на стене более тридцати примитивных рисунков, разбросанных по высоте от одного до трех метров. Среди них фигурки людей, животных, различные знаки.

Первым делом взгляд падает на кресты в круге – это древнейший солярный знак – всего их пять. Справа, на высоте трех метров фигурка женщины, стреляющей из лука в оленя. Мы про себя даем рисункам названия – эта стала «амазонкой на охоте». Рядом мальчик, оседлавший волка. Таких сцен две. Возле одной из них какое-то животное, судя по свернутому хвосту горный барс. Немного ближе к нам явно виден всадник на коне, рядом – большая ящерица, которую мы про себя назвали «крокодилком». По краю картины идут пирамидки, некоторые направлены вверх, две – вниз, причем одна из них упирается в шар. Возле них – еще один всадник. Кто знает, что хотел этим сказать древний художник? Когда были созданы эти фигурки? Вопросы пока без ответов.

Укрупненные фрагменты наскальных рисунков

Использование охры сохранило творение древнего художника до наших дней. Лучше всего сохранились соляренные знаки и отпечаток ладони художника. Судя по высоте рисунков, автор был весьма высокого роста. Очевидно, он вкладывал в изображения некий смысл, но мы поняли их по-своему. Когда Назир попал сюда в первый раз, он нашёл на камне под рисунками четырнадцать железных наконечников от стрел и датировал их примерно VIII веком. Видимо, предки балкарцев, аланы, перед охотой обращались к богу охоты Апсаты и оставляли здесь стрелы. А сами рисунки, скорее всего, были созданы значительно раньше. Метрах в тридцати выше рисунков в скале есть пещера. Внутренние размеры примерно четыре на пять метров, абсолютно ровный пол и явные следы того, что здесь жили люди. Может быть, автор рисунков жил здесь? Мы про себя назвали её «пещерой художника».

6.3. ДОЛЬМЭНЫ

6.3.1. Дольмен Илькер-Ташла

На территории Кабардино-Балкарии имеются множество дольменов – древних культовых, погребальных и астрологических искусственных сооружений из больших каменных глыб, поражающих воображение.

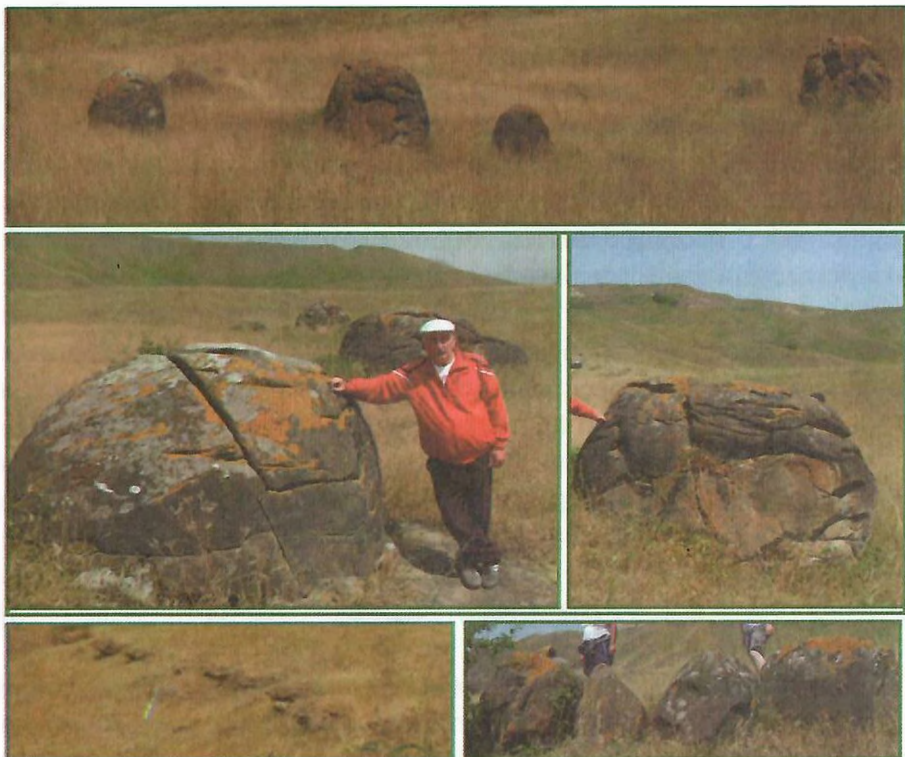
Одним из интересных дольменов является дольмен Илькер-Ташла со многими явно рукотворными элементами, расположенный на плато Сары-Кая баши у селения Кёндеден, который обследован нашей экспедицией по сбору материалов для данной книги.

В состав комплекса Илькер-Ташла входит:

- цирк из крупных округлых камней (диаметром около 1,5 м);
- ограждение, сохранившееся с одной стороны цирка;
- земляного рва вокруг ограждения;
- пещеры с аланскими солянными знаками;
- каменного ограждения перед входом в пещеру;
- городища с наземными и катакомбными захоронениями.

Цирк из крупных шарообразных камней находится на травянистом плато, на котором других камней нет. Самый большой камень расположен в центре круга, а остальные вокруг него по кругу правильной формы на одинаковом удалении друг от друга были расположены 12, а сейчас сохранилось 8 (камни, расположенные ближе к склону, были столкнуты трактором вниз). Один из камней похож на глобус с разрезом, направленным на юг.

Ограждения цирка камней и пещеры состоят также из достаточно крупных камней, расположенных строго по линии.

Размещение, общий вид и ограждения Илькер-Ташла на плато Сары-Кая

Заурбек Ахматов (слева) и знаток достопримечательностей Назир Хапаев (справа) перед входом в пещеру Сары-Кая

Аланские солярные знаки на скале у входа в пещеру Сары-Кая

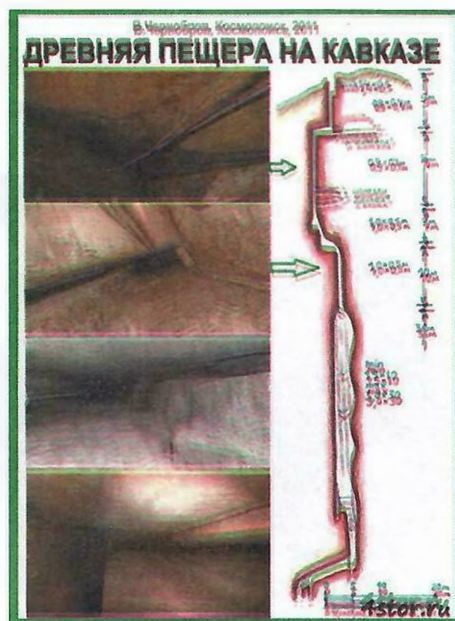
Ров перед ограждением цирка камней, охватывает его с трех сторон. С четвертой стороны крутой склон, на котором расположена пещера с входом шириной и высотой около 0,8 м и расширением внутри.

На скале у входа в пещеру Сары-Кая вырезаны изображения аланских солярных знаков солнца и равносторонний крест внутри круга, которые балкарцы называют «текмет».

6.3.2. Мегалитическая шахта Баксанского ущелья

В горах Кабардино-Балкарии имеются уникальные шахты в Малкинском ущелье, Баксанском и других ущельях. Например, в селе Хабаз горизонтальная прямоугольная шахта имеет протяженность более 50 м и около 2 м в высоту и 3 м в ширину (в ней якобы добывали медную руду).

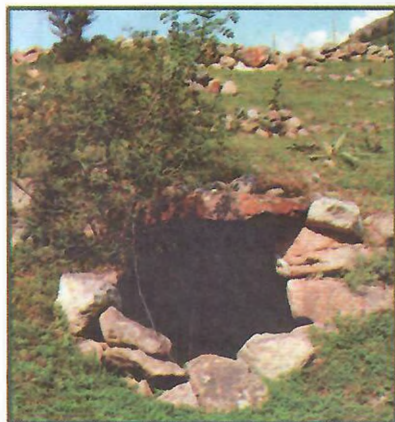
Но более изученной является шахта в районе Кенделена и Заюково, состоящая из нескольких колен с камерами-переходами из одной в другую. Ее протяженность составляет около 80 м. По данным обследовавшего его Артура Жемухова «она состоит из двух параллельных каменных плит размеры 134×43 см. По мере продвижения вниз имеется искусственный уступ, за которым следует другая

квадратная шахта уже большей протяженности. Далее еще два перехода и следующий уровень шахты, заканчивается огромным (36 м) залом. Одна из стен зала выложена из каменных блоков. Каменные блоки подогнаны друг к другу столь плотно, что зазоры практически не видны. При этом отчетливо видны следы блочной шлифовки. Отшлифована не только стена, но и свод, внешне напоминающий огромную нависающую параболу. Противоположная стена зала естественная: ширина его невелика – от 3,5 до 4 м. И еще – шахта вовсе не заканчивается залом: и в одну и другую его стороны есть проходы, доступ в которые преграждают каменные осыпи. О том, что шахта имеет продолжение, свидетельствует и приток свежего воздуха... Особый интерес представляет собой тот факт, что гора, в которой находятся шахты представляет своего рода пирамиду, которая составлена из огромных туфовых блоков с кое-где абсолютно ровными, словно отрезанными, краями. Исследователи говорят, что создается впечатление, что ее сложили из больших каменных кубиков, а штольни не пробивали в скале, а выкладывали. Видимо, шахта служила воздуховодом, и древние строители использовали созданный природой скальный массив в каких-то целях, соорудив воздуховоды, обладая неизвестными нам технологиями обработки камня и механизмами доставки и установки каменных блоков.

6.3.3. Катакомбный и полупогребные захоронения

Зачастую погребения осуществлялись в подземных катакомбах, обложенных камнями, а также наземные погребения с оригинальным оформлением в виде концентрических колец, выложенных из камней.

Катакомба и рукотворные круги вокруг захоронения в Верхней Балкарии

6.3.4. Молитвенные камни

В горах Балкарии обнаружены любопытные камни, которые местные жители называют «намаз таш» (молитвенный камень). Их находят на горных плато (пастбищах). «Намаз ташла» имеют плоскую горизонтальную поверхность с чашеобразными и цилиндрическими выемками, в которых собирается дождевая вода, которая служит для омовения перед совершением намаза (молитвы). Это предположение подтверждает правильность форм поверхности камней и их выемок.

Намаз ташла (молитвенные камни) у сел Хабаз и Верхний Чегем

С большой долей вероятности можно утверждать, что поверхность этих камней обработана людьми и действительно удобна для совершения намаза группой до 3–5 человек.

6.3.5. Гробница в Лячинкая

Гробница в Лячинкая представляет по существу разрушенный наземный каменный ящик для наземного захоронения в отличие от описанных выше подземных каменных ящиков.

Можно привести и другие примеры дольменов Балкарии, но здесь они встречаются гораздо реже и более примитивны, чем в Адыгее, на Черноморском побережье и в Крыму.

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

Может показаться странным и невероятным, что маленькая, занесенная на кручи высокогорий Кавказа Балкария, вдруг оказалась источником для заполнения недостающих страниц истории всей мировой архитектуры.

Э.Б. Бернштейн

7.1. ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Древние поселения Балкарии локализованы в Хазнидонском, Черекском, Хуламо-Безенгийском, Чегемском и Баксанском ущельях.

Особенностью их размещения по данным картографических исследований Йессена, является то, что, начиная с аланской эпохи, они располагались компактными группами из нескольких поселений (от 5–7 до 12–15), находившихся в визуальной видимости. Вблизи крупных и лучше укрепленных поселений создавались более мелкие. Каждая группа имела свои наблюдательные пункты на вершинах гор или насыпных курганов, предупреждавшие об опасности с помощью системы костров (*дыф*). При этом боеспособное население каждой группы поселений представляло собой отдельное воинское подразделение. Первыми форпостами обороны были малые поселения с числом жителей до нескольких сот человек, которые могли отступить при необходимости в крупное поселение, а последним рубежом служили оборонительные сооружения на труднодоступных склонах. Ранние поселения носили характер родовых поселений, защищенных оборонительными комплексами, башнями и пр.

По мере стабилизации обстановки стали возобладать поселения, лишенные искусственной защиты или естественных преград типа крутых склонов, отвесных обрывов. Непрístupные городища-крепости типа Лыгыт (XIII–XIV вв.), который был окружен высокими отвесными скалами, а с юго-запада огражден глубоким речным каньоном, усиленным искусственными укреплениями, стали отходить в прошлое. Типичными становятся поселения, локализованные на пологих склонах. Наиболее показательны в этом плане старые поселения типа Курнаят, Коспарты, Зылгы и т. д. Они не претерпели коренных изменений в принципах использования пространства, морфологии и жилищной архитектуре вплоть до начала XX столетия. Поэтому остатки этих поселений, изученные Э.Б. Бернштейном, А.И. Робакидзе, Ю.Н. Асановым, В.П. Кобычевым и другими, дают относительно полное представление о некоторых особенностях данного компонента материальной культуры балкарцев.

Почти все поселения возникли на более или менее доступных склонах горного массива неподалеку от рек или родников. Несмотря на неудобные условия их планировки, археологи отмечают хорошо продуманные и вымощенные улочки уже в XIV–XVII веках. Жилища располагались довольно компактно, но без чрезмер-

ной скученности, с проходами и извилистыми переулками, которые выравняли по мере возможности, трамбовали, обкладывали булыжником. Срезы горных склонов вдоль дорог и тропинок в черте села предохраняли от оползней и обвалов каменными стенами циклопической кладки.

Применялось искусственное террасирование склонов для земледелия, хотя получавшиеся участки были не велики. Следы террасирования совершенно отчетливо прослеживаются, например, в поселении Кюнлюм, а в селе Шыкы срез террасы был укреплен мощной каменной стеной, сужавшейся кверху не плавно, а уступами. Иногда террасирование применялось и на территории сельских кладбищ. В случаях, когда поблизости не было пригодной для питья воды, к селу проводили водопровод и примитивные подобия акведуков.

Среди средневековых поселений балкарцев были многофамильные и монофамильные поселения, в которых наблюдается переход от родственного к сельским, соседским принципам расселения.

Заметной особенностью облика поселений являлось сочетание множества одноэтажных крестьянских жилищ с высокими боевыми башнями феодалов. Довольно аскетичные лачуги крестьян резко контрастировали с высокими белоснежными княжескими башнями. Скромные жилища простых общинников были несопоставимы с просторными помещениями феодальных замков, владельцы которых могли «с честью» принимать у себя и грузинских царей, и послов Российской империи. Несравнимы также с монументальными каменными мавзолеями таубиев и грунтовые погребения простых горцев, в которых обнаруживались две-три дешевые вещицы (ножи, кресала и оселки), в то время как богатство инвентаря княжеских усыпальниц стало объектом разграбления еще в средние века.

Следует отметить, что в поселениях Балкарии преобладали христианские церкви, а позже мусульманские мечети и практически не было языческих святилищ, что говорит о склонности к монотеизму.

7.2. ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ БАЛКАРСКИХ ЖИЛИЩ

Балкарские жилища (*сакли*) строились в соответствии с древними местными традициями жилищного зодчества. Основным строительным материалом для возведения жилищ, как и оборонительных сооружений, в Балкарии был камень. В Баксанском и редко в Чегемском ущелье строили также дома-срубы из бревен. Нередко здесь встречались крытые дворы и даже улочки, покрытые одной кровлей.

Некоторые дома в Верхней Балкарии, Верхнем Чегеме и других селениях по архитектурным деталям перекрытия, опорных столбов и дверных проемов напоминают архитектурные мотивы всемирно известных памятников древнего Египта и Малой Азии, сооруженных за 3000 лет до указанных жилищ балкарцев. Архитекторы отмечали, что знакомство с элементами архитектуры балкарских жилищ, «дает возможность реально и ясно представить, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические отрасли, а действующие элементы еще обитаемых построек».

Величина жилища зависела от материальных возможностей хозяина и варьировала от крохотных лачуг бедноты до крупных многокомнатных жилищ князей. Со временем отмечается тенденция увеличения площади горского жилища и толщины его стен по сравнению с жилищами средневековых поселений, которые в большинстве были полигенными (т. е. многофамильными). В постройках и планировке жилищ одновременно наблюдается переход от одноэтажных, малых жилищ небольших семей к двухэтажным, большим домам, где проживали несколько отдельных кровнородственных семейных ячеек.

Жилища сооружались на склонах, когда строители врубались в скальный грунт или создавали подпорные стенки (иногда комбинировалось и то, и другое). Получались интересные многоярусные террасообразные селения, в которых крыша нижнего жилища служила двором, покрытым травой, или даже огородом для верхнего жилища. Это очень рациональный способ строительства с максимальным использованием территории в присущей Балкарии ограниченности пригодных для хозяйственной деятельности участков земли.

Каждый дом имел впереди или с боков навесы, опирающиеся на деревянные стойки – колонны, где можно укрыться от дождя и солнца. В интерьере важную роль играл очаг, который располагался у боковых стен или в центре комнаты. Вокруг очага проходила жизнь дома: здесь варилась и жарилась еда, здесь грелись, мужчины мастерили свои поделки, а старики вечерами вели свои мудрые беседы. Очаги встречаются самых разнообразных форм и конструкций, консольные, покоящиеся на балках и т. д., но всегда они забот-

ливо декорированы. Очаг у стены – прототип современного камина. Сквозь вытяжной дымоход ночью видно звездное небо, а днем льется солнечный свет. Огонь в очаге то мерцающий, то ярко вспыхивающий, играет на кладке стены, сложенной из камня или мелких валунов на растворе, а иногда и без него. Могучая кладка стен зданий прекрасно сочетается с деревянными деталями: колоннами, балками, тёсаными панелями дверей.

Эстетические качества естественно проистекают из конструктивных приемов, применяемых при строительстве. Мастера прекрасно изучили материал, с которым им приходилось иметь дело. Это являлось одним из условий успеха. Например, в комплексе домов Кулиевых в Эльтютюбе имеется старый дом с размерами помещения 8,5×7,5 м. Это помещение перекрывается деревянными балками с настилом из досок, поверх которых уложен камень (*шифер*), засыпанный землей, поросшей травой.

Громадная тяжесть кровли (около 60 тонн) воспринимается продуманной системой балок, поддерживаемой внутри помещения только одной опорой – деревянной колонной диаметром около 60 см. Стены дома достигают толщины 1,1–1,3 м, верху они увенчаны бревенчатым срубом, в который врезаны балки. Так как стены иногда выкладывались без раствора или на глиняном растворе, то для большей прочности и устойчивости стены домов кверху, как правило, утончались. Большая часть нагрузки от кровли передавалась от поперечных и продольных балок на деревянные стойки, установленные вдоль стен и в пролетах. Эти стойки-колонны, большей частью восьмигранные, опирались на каменные подставки с выемкой наверху.

Интересно отметить пример конструктивного решения, неизвестный истории мировой архитектуры, но довольно часто встречающийся в Чегеме и некоторых других смежных районах. Например, в доме Газаевых и в ряде других домов есть арочные балки. Строители не имели технологий механического изгиба толстых балок, поэтому выбирали арочные балки из деревьев, могучие стволы которых были изогнуты под действием природных сил (ветра, снега, оползней и других причин). Большую ценность представляют весьма старые дома, имеющие декор в виде «тамга» – фамильного знака различных фамилий.

Исследователи балкарских поселений и жилищ отмечают наличие древних открытых и грунтовых трубных водопроводов, которые снабжали водой круглый год все дома или их часть (например, водозабор из Жылгы-Су проходит выше поселка и обеспечивает водой только самые высоко расположенные дома).

По количеству помещений балкарские жилища Э.Б. Бернштейн, тщательно изучивший архитектуру балкарских поселений и жилищ, делит на три основных типа:

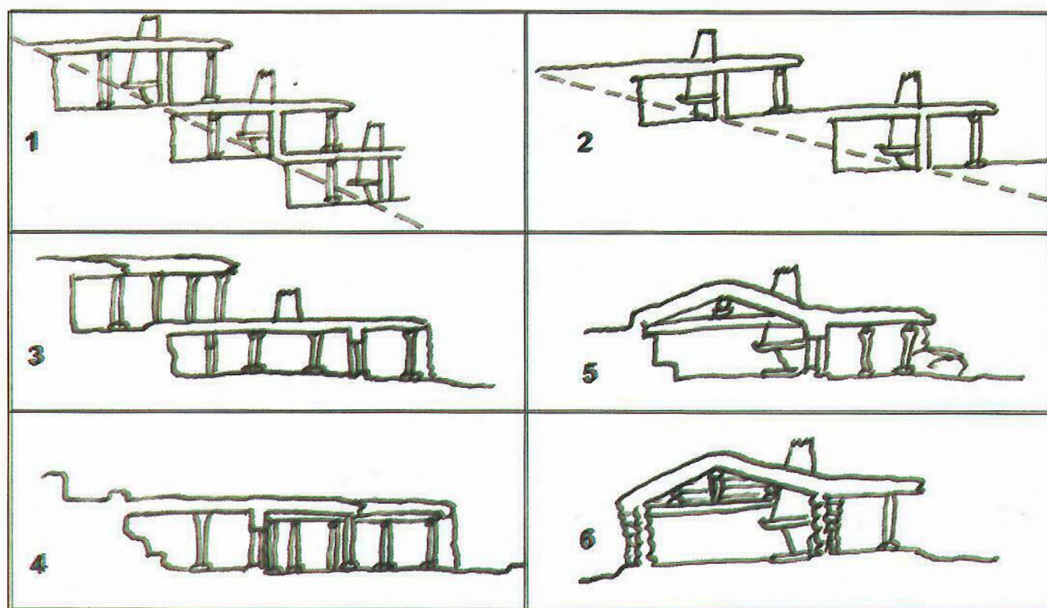
– однокамерное жилище «Уллу юй» (большой дом) со срединным очагом,

- одним центральным или несколькими опорными столбами, несущими плоскую крышу;
- многокамерное жилище большой отцовской семьи, группирующееся вокруг большого дома;
- однокамерное жилище малой семьи с двускатной кровлей без промежуточных опор с пристенным очагом.

По привязке к рельефу, строительному материалу и характеру природы отмечается три разновидности жилищ:

А) Первый вид – это каменные террасные жилища на крутом склоне с плоской крышей. Для их сооружения приходилось врезаться в массив скалы, которая служила задней стеной жилища. В ней устраивался «тырхык» (углубление) для дров. Скальный пол выравнивался, и в нем устраивались ямы для хранения зерна и других продуктов. Камень, вынутый при врезке в скалу, использовался для кладки лицевой и боковых стен. Ступенчатое расположение жилищ на крутом склоне позволяло использовать крышу нижерасположенного жилища в качестве двора или основания для навеса расположенного над ним жилища. Подобные жилища строились и на склоне с мягким грунтом, где задняя стена укреплялась подпорной каменной кладкой (например, в селах Былым и Нижний Баксан).

Б) Срубные жилища с двускатной кровлей строились на горизонтальной поверхности высокогорных плато или в долинах. Стены таких жилищ возво-

Разновидность жилищ в зависимости от рельефа местности
(рисунок Э.Б. Бернштейна)

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

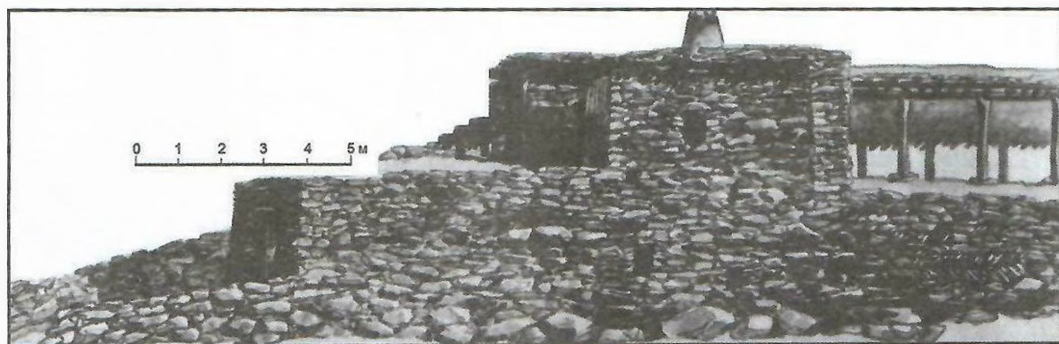
дились на всю высоту и по всему периметру на неглубоком фундаменте. В местах с изобилием леса все строение сооружалось из толстых стволов деревьев, а там где их не хватало – из камня, лишь потолок выкладывался из слоя бревен. Редко, но строились и турлучные дома из саманного кирпича (например, в селе Бабугент).

В) Промежуточный или смешанный вид жилищ строился на покатых скалистых склонах. В них сочеталась каменная кладка со срубом и двускатной крышей с незначительным уклоном. Для их построения также делалась относительно небольшая врезка в скалу для выравнивания пола или вместо рытья котлована площадь под жилище выравнивалась путем возведения подпорных стенок-цоколей. В качестве задней стены использовался вертикальный срез склона, наращенный каменной кладкой до требуемой высоты, а три стены полностью выкладывались из камня. При этом жилища в зависимости от направления склона (в отличие от террасных сел) могли быть ориентированы в разные стороны. Отмечаются случаи сооружения жилища, когда в качестве его четвертой стены служил скальный обломок или валун.

По этажности древние жилища большинства жителей представляли собой прямоугольные одноэтажные постройки, но отмечались и двухэтажные, число которых росло со временем за счет строительства новых и достраивания второго этажа старых жилищ. Сплошная компактная застройка

Пример деревянной лестницы на второй этаж

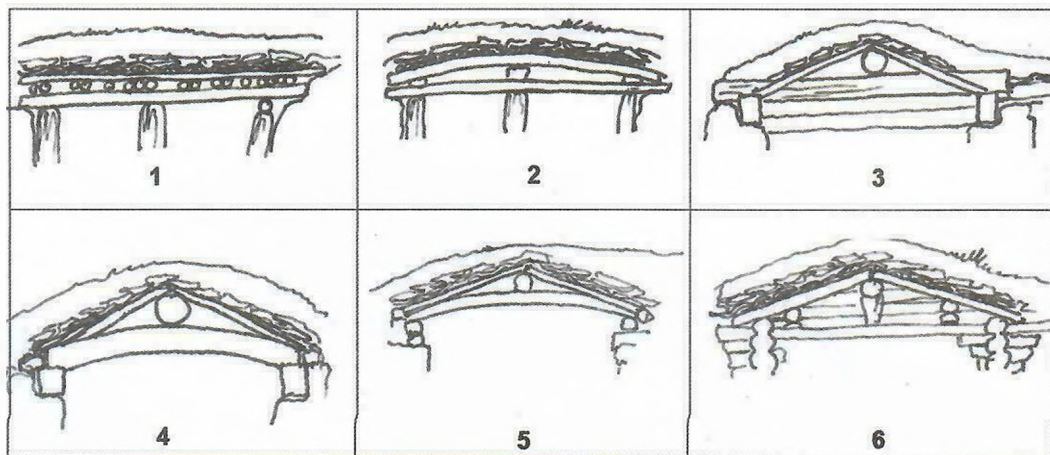
Двухэтажный дом Таукаша Хочуева (рисунки Э.Б. Бернштейна)

ка жилищ, группировавшихся вдоль крытых коридоров и образующих целые кварталы под одной крышей, вынуждали возводить над основным домом второй этаж в виде деревянной надстройки. Лестницы к ним делались из толстой деревянной плахи с поперечными ступенями в виде насечек.

Фундаменты жилищ до начала IX века практически не устраивали. Их роль выполняла в одних случаях каменистая почва, в других – специально подбираемые твердые и водостойкие материалы. В нижних рядах кладки камни, как правило, были крупнее и прочнее остальных.

Стены жилищ, зачастую, сооружались из необработанных или слегка подтесанных камней на связующем растворе или сухой кладкой. Нижние ряды кладки выполнялись из крупных камней. В качестве связующего раствора использовалась глина или известковый раствор, которым делалась и обмазка снаружи, штукатурка и побелка внутри. Качество каменной кладки было высокое, но она заметно уступает кладке подземных склепов аланской эпохи. Это связано с тем, что для аланских склепов применялись слоистые породы камня, поддающиеся ровному сколу и плотной кладке, но непригодные для жилищного строительства ввиду их хрупкости и неустойчивости к воздействиям атмосферных явлений. В стенах обычно устраивались квадратные, прямоугольные или трапециевидные ниши для мелких вещей, а вдоль одной или двух стен располагались лежанки, применяемые еще с аланского времени.

Кровля жилищ устраивалась во всех ущельях Балкарии почти одинаковых видов. Поперек помещения укладывались деревянные балки диаметром 25–35 см и более, подпираемые в полетах и на концах стойками. По ним перпендикулярно укладывался сплошно накат из жердей диаметром 10–15 см. Накат покрывался плетнем или хворостом, прижимаемым камнями, покрытыми соломой или мхом. Сверху кровля засыпалась толстым слоем плотно

Основные виды кровли балкарских жилищ (по зарисовкам Э.Б. Бернштейна)

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

утрамбованной глины, перемешанной с соломой. Со временем слой земли, смываемый дождями и выветриваемый, наращивался.

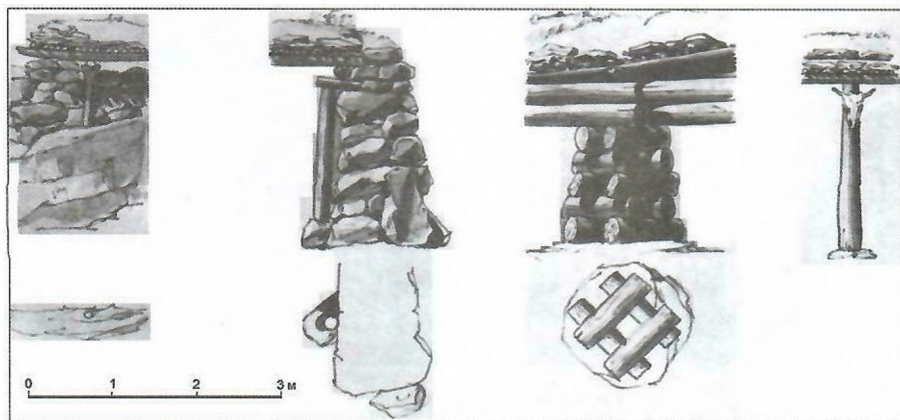
Чтобы выдержать массивную нагрузку от тяжелой кровли стены жилища доходились до толщины 1,0–1,2 м. Помимо этого устанавливались опорные стойки для поддержания кровли.

Опорные стойки, устанавливаемые в жилищах со значительной площадью, воспринимали основную нагрузку от толстого земляного перекрытия жилища. Они изготавливались из толстых бревен крепких пород дерева в виде цилиндра, с сужением книзу или кверху, либо в обе стороны, а иногда в виде многогранника. Их высота варьировала в зависимости от высоты потолка от 2,5 до 4 м. Опорные стойки упирались внизу на каменные плиты с выемкой для устойчивости, а сверху – на толстые несущие бревна, на которые на «сынжыре» (железной цепи) вешался медный котел для приготовления пищи.

Полы жилищ, устроенных на скальном или земляном грунте выравнивались

Виды деревянных стоек – колон для поддержания кровли жилищ, навесов, веранд и корридоров (по зарисовкам Э.Б. Бернштейна)

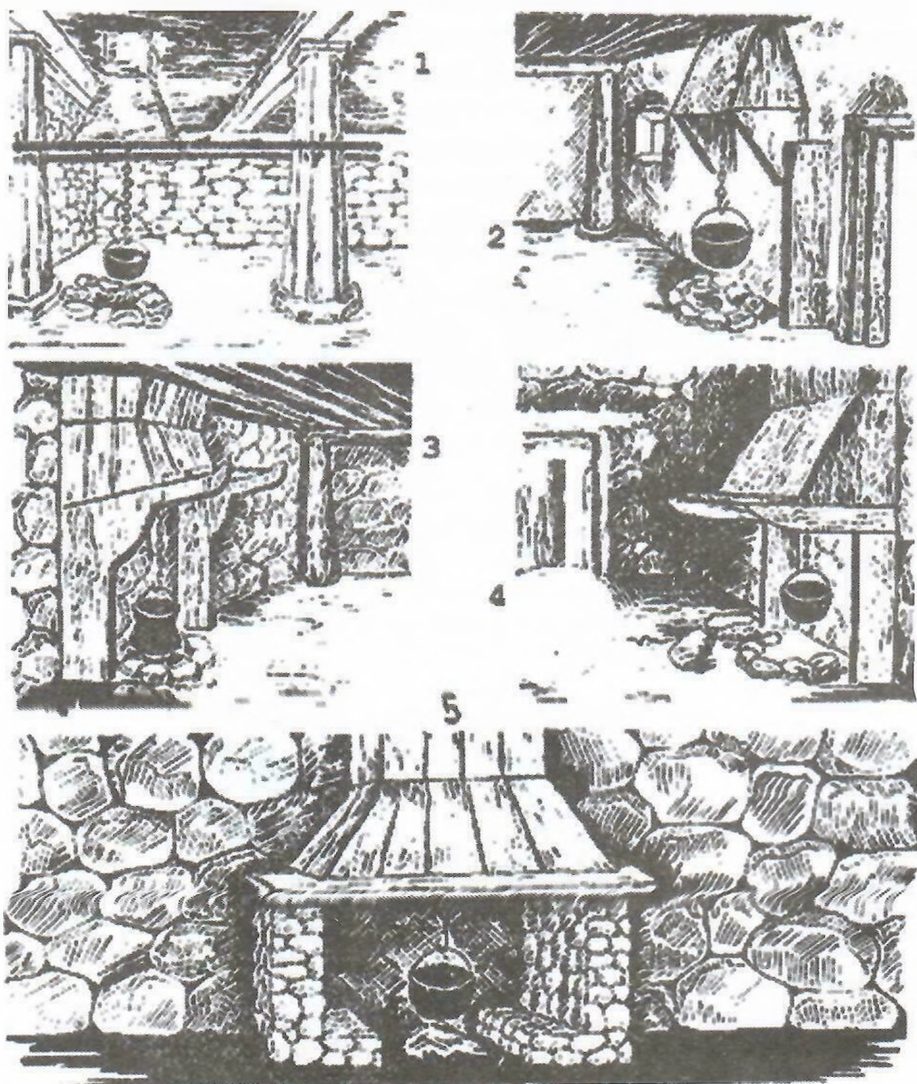

Виды крепления опорных столбов (по зарисовкам Э.Б. Бернштейна)

и покрывались слоем желтой глины. В полу жилища устраивались глубокие, часто облицованные камнем, ямы для хранения продуктов.

Наиболее распространенным *типом очага* было квадратное углубление в полу в виде открытого каменного ящика, над которым устраивался *вертикальный дымоход, поднимающийся над кровлей на 2–3 м. Иногда вместе с таким же очагом устраивали и другой – из горизонтально установленной тонкой каменной плиты для выпечки хлеба и сушки зерна.*

Все типы очагов относятся к числу древнейших, известных еще с эпохи

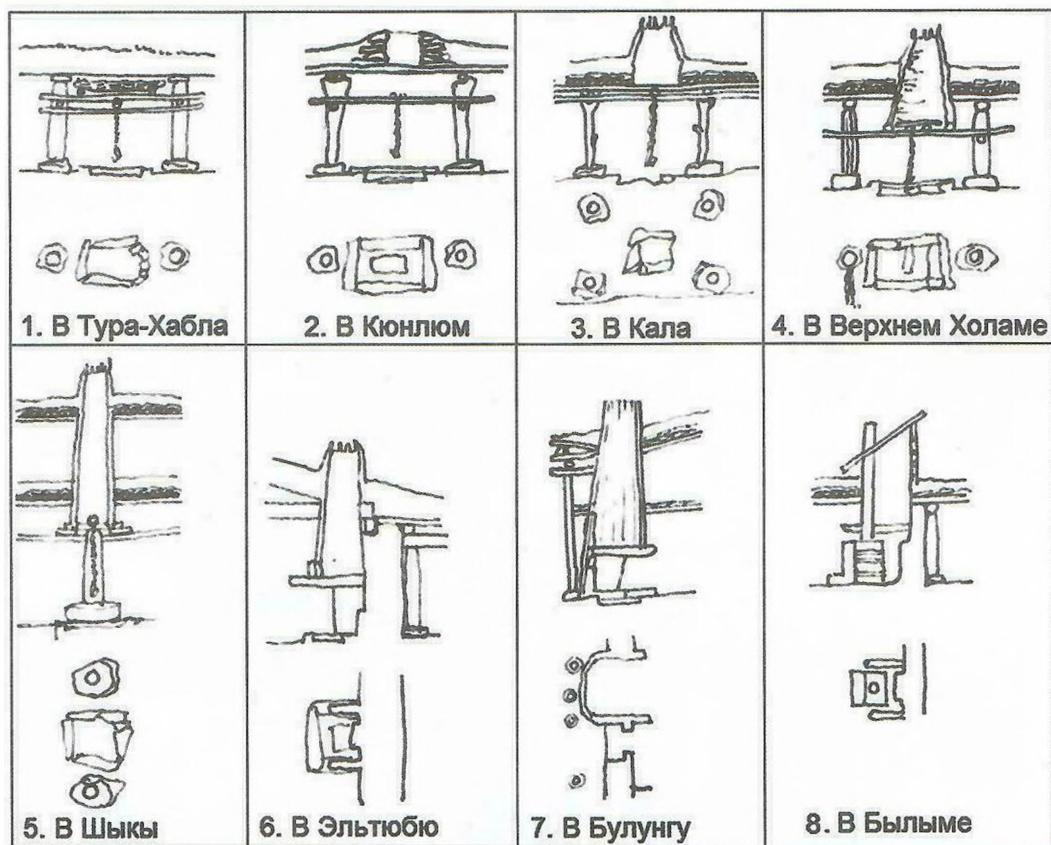

Типы традиционных очагов:

1 – в доме Чочаевых в Хурзукe; 2 – в доме Али Аппаева в Булунгу; 3 – в доме Кулиевых в Эльтьюю; 4 – в доме Тюбеевых в Дауте; 5 – в доме Достахановых в Булунгу

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

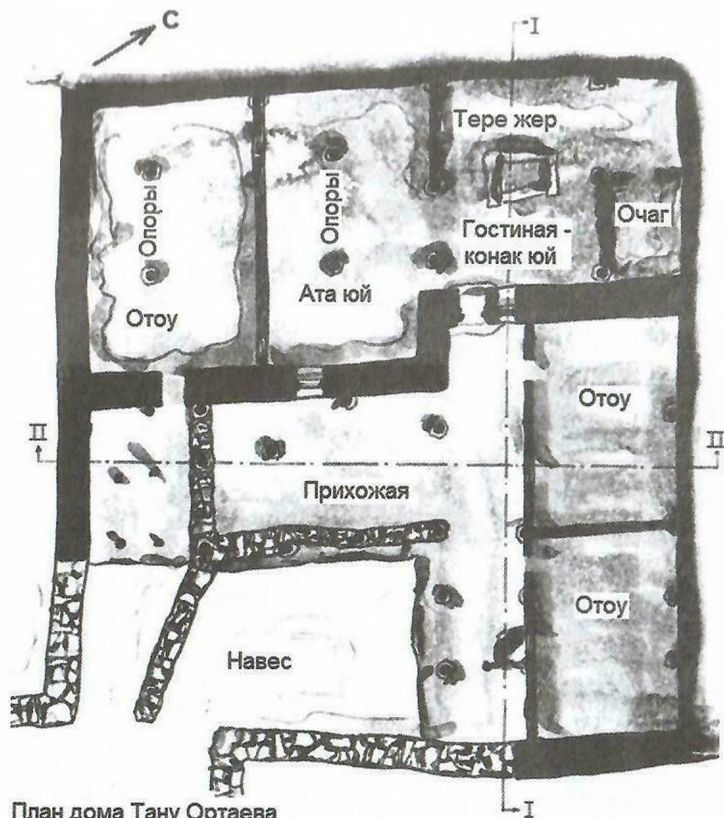
бронзы, когда практиковались малые жилища с одним очагом, который сменялся большими многоочажными фамильными жилищами, а позднее наметился обратный переход от многокомнатных больших домов к малым жилищам обособленных малых семейных ячеек.

Формы очага, дымохода и подвески котла в разных селах

Окна жилищ представляли собой узкие щели-бойницы. В одной из стен устраивали проем для двери, запиравшийся на ночь изнутри на деревянный засов. Обнаружены и так называемые «пяточные камни» от дверей. Оконные и дверные проемы сверху перекрывались большой каменной плитой или деревянным брусом из толстого прочного дерева. Двери княжеских дверей были фигурными с элементами декора.

Размер жилища варьировал в зависимости от состоятельности хозяина и эпохи. Однако простые сельчане (даже состоятельные) не имели права строить дом больше и лучше местного князя. Подавляющее большинство жилищ были однокомнатными, но в последующем, по мере разрастания семьи к ним пристраивали помещения для молодоженов, а весь усадебный

План дома Тану Ортаева
в селении Безенги

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 м
Обмер и рисунок с натуры Э.Б. Бернштейна

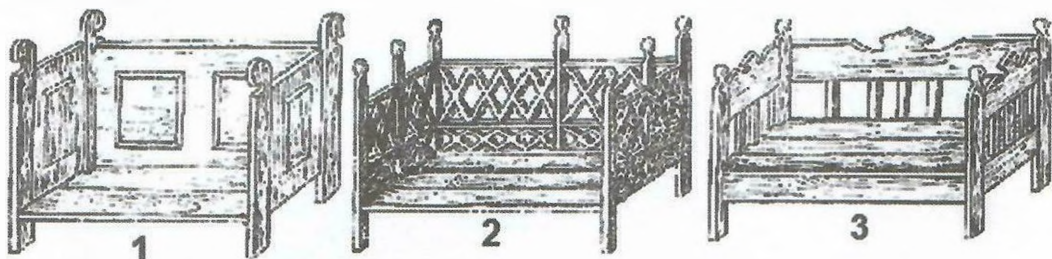
Пример крытой длицы в сел. Будуну (рисунок Э.Б. Бернштейна)

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

комплекс довершали хозяйственные постройки (загоны для скота, летняя кухня).

Весь такой комплекс каменных строений, огражденных высоким каменным забором, представлял собой оборонительное сооружение, типичное для беспокойного средневековья. Пристроенные вплотную друг к другу усадьбы образовывали кварталы поселений, между которыми оставлялись узкие улицы и проезды. Иногда эти улицы накрывались сплошным навесом.

Мебелировка жилищ была достаточно примитивной. Мебель изготавливалась из дерева, кроме сидений, зачастую выполненных из крупного камня, в том числе, на месте его естественного нахождения.

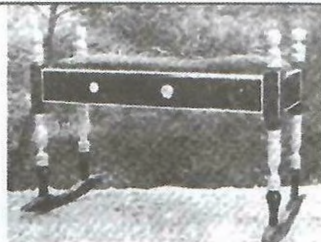

Деревянные кровати:

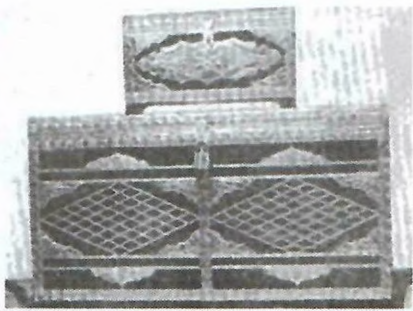
1-2 – в доме Кулиевых в Эльтьюбе; 3 – в доме Жабеловых в Думала

Древние кресла в доме Кулиевых в Верхнем Чегеме
и в доме Геттуевых в Булунгу

Детская люлька в доме
Каркаевых в Бабугенте

Сундуки в доме Кулиевых в Верхнем Чегеме и в доме Сарбашевых
в Верхней Балкарии (по фотографиям А.Я. Кузнецовой)

Водоснабжение поселений, обычно располагавшихся на безводных и крутых склонах, обеспечивалось водопроводами, проложенными по склонам от высокогорных притоков рек и родников.

Водопровод – оросительный канал по склону горы

Водопровод по склону горы в Эльтубю (рисунок Э.Б. Бернштейна)

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

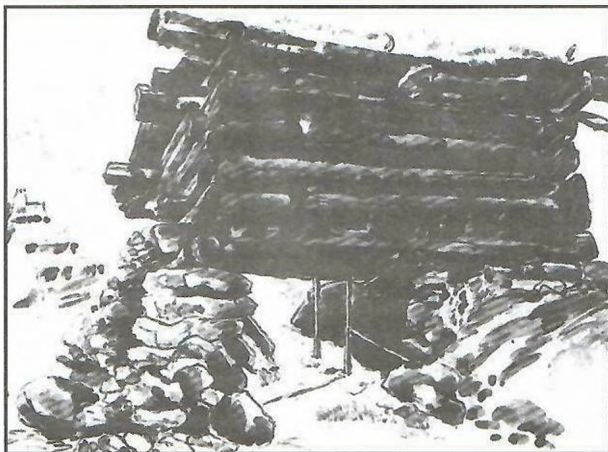
К селам и орошаемым участкам воду подводили издалека (порой за 10–12 км) с помощью водопроводов из керамических труб и желобов, либо в виде небольшого канала, обложенного камнем, местами используя для этого опорные столбы (Малкар, Холам, Чегем).

Согласно письменным источникам и устной традиции водопроводы имелись почти в каждом балкарском поселении, но раскопками они выявлены далеко не все. Холамский водопровод, часть которого в 1977 году обследовал В.М. Батчаев, состоит из керамических труб длиной от 35 до 60 см, проложенных на глубине 45–50 см. Описание этого водопровода приведено в публикациях И.М. Чеченова, который их датировал

XVII–XVIII веками, а В.М. Батчаев считает, что его строительство было начато не позже XVI или XVII века. Отрезок этого водопровода функционировал до 1920 года, когда жители Холама озаботились строительством нового водопровода.

В каждом поселении имелись одна или несколько кузниц и мельниц с водяным колесом, устроенных на притоках рек.

Одной из достопримечательностей балкарских поселений являлся «ны-

Водяная мельница в Быллыме
(рисунок Э.Б. Бернштейна)

гыш» (площадь в центре села), где обсуждались повседневные бытовые проблемы (начало посевной, заготовки сена, уборки урожая, орошения посевов, оказания помощи инвалидам и бедным), нарушения принятых правил, осуществлялся обмен опытом, новостями и шутками.

Здесь рассказывали обычаи и традиции предков, народные сказки, поговорки, нартские эпосы, былицы и небылицы, слушали песни и т.п. Ныгыш посещали в основном старики и взрослые мужчины в свободное от работы время. Женщины собирались со своим рукоделием отдельно.

Важным элементом жизнедеятельности балкарских поселений был **выборный орган народного управления – Тёре**, который состоял из 5 или 7 членов, которое обновлялось один раз в семь лет. Тёре поселения заседало один раз в 2–3 месяца при накоплении значимых вопросов. Заседания могли приурочиваться и к общественным праздникам. Например, на празднике, посвященном божеству Голлу, решались вопросы дорожного строительства, пограничной службы, пахоты, осуществлялся разбор судебных дел. Заседания проходили вне поселения, так как ход обсуждения, особенно по судебным делам, не подлежал гласности до вынесения окончательного решения.

7.3. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ВЕРХНЕЙ БАЛКАРИИ

Верхняя Балкария располагалась в Черекском ущелье и вплоть до 1920 года была центром Балкарского общества, известного в народе как *Уллу Малкар*, (Большая Балкария). Ее территория граничила на востоке с Дигорией, на западе – с Холамом, с юга – со Сванетией, с севера – с Кабардой. По данным П. Буткова и Г. Кокиева, балкарцы здесь жили еще до X века. По сведениям Гюльденштедта (1772 г.), «...округ Малкар... содержит в себе около 1000 семейств», через 30 лет Клапрот насчитал 1200 семей. М.З. Кипиани, побывавший здесь в 1884 году, назвал 18 населенных пунктов, расположенных вдоль Череха и его притоков.

До насильственной депортации балкарского народа в 1944 году в Черекском ущелье, не считая сел Бабугент, Кашхатау и Ташлы-Тала было 24 поселения: Верхний Шканти и Нижний Шканти; Сауту; Тура-Хабла; Верхний Кюнлюм и Нижний Кюнлюм; Курнаят; Фардык; Чегет-Эль; Шаурдат; Верхний и Нижний Чегет; Мухол; Глашево; Азаматовский; Тебен-Эль; Мукуш; Коспарты; Эль-тюбю; Темукуево; Зарашкы; Зылгы; Догуат; Жанхотовский. Большинство это были небольшие поселения с числом жителей несколько сот человек.

Каждое поселение имело своего таубия: Абаевы господствовали в Кюнлюм, Амирхановы и Кучуковы в Шканти, Айдаболовы, Биевы и Жанхотовы в Коспарты и Зылгы (удельные владения Жанхотовы имели и в Псыгансу),

и их пособниками, уничтожать их на месте, сжигать полностью постройки и имущество... Ни в коем случае не проявлять жалости...». С ночи 27 ноября по 30 ноября сводный отряд 11-й стрелковой дивизии НКВД под командованием капитана Н.Ф. Накина провел кровавую карательную операцию по отношению к мирным жителям, в результате которой в селениях Сауту, Глашево, Кюнлюм и Верхний Чегет погибло более 1500 женщин, стариков и детей. В это время все боеспособные мужчины этих сел сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

7.3.1. Поселение Кюнлюм (Солнечное)

Поселение Кюнлюм (Солнечное), как и следует из названия, расположено на солнечном склоне левого берега реки Черек. В верхней части поселения Кюнлюм располагались резиденция и боевые башни князей Абаевых, а жилища простолюдин ниже по склону.

Основным строительным материалом жилищ (кроме кровельных балок) в Кюнлюм, как и во всей Верхней Балкарии, был камень, обилие которого обусловило мастерство обращения с ним. Это мастерство сохранилось до сих пор, и является предметом шуток типа «Наверное, мои руки потеряли о камень, как только я родился». Из камня возводились стены жилищ, ограждения усадеб и земельных участков, предохранявших посевы от домашних и диких животных. Камнем придавливали плетни, уложенные на накат из жердей кровли жилищ, перед тем как ее засыпать землей.

Формы и размеры усадеб сильно отличались в зависимости от состояния жителей, рельефа местности и от того – фамильная усадьба или усадьба отделившихся молодых семей. Проезды к одним усадьбам были вполне приемлемые, а к другим – по узким кривым переулкам, которые кругом натываются на высокие каменные заборы.

Примеры каменных заборов в Кюнлюм и других балкарских поселениях

Схема размещения поселений Черекского ущелья в конце XIX – начале XX века

Схема размещения древних поселений в Холамо-Безенгийском ущелье

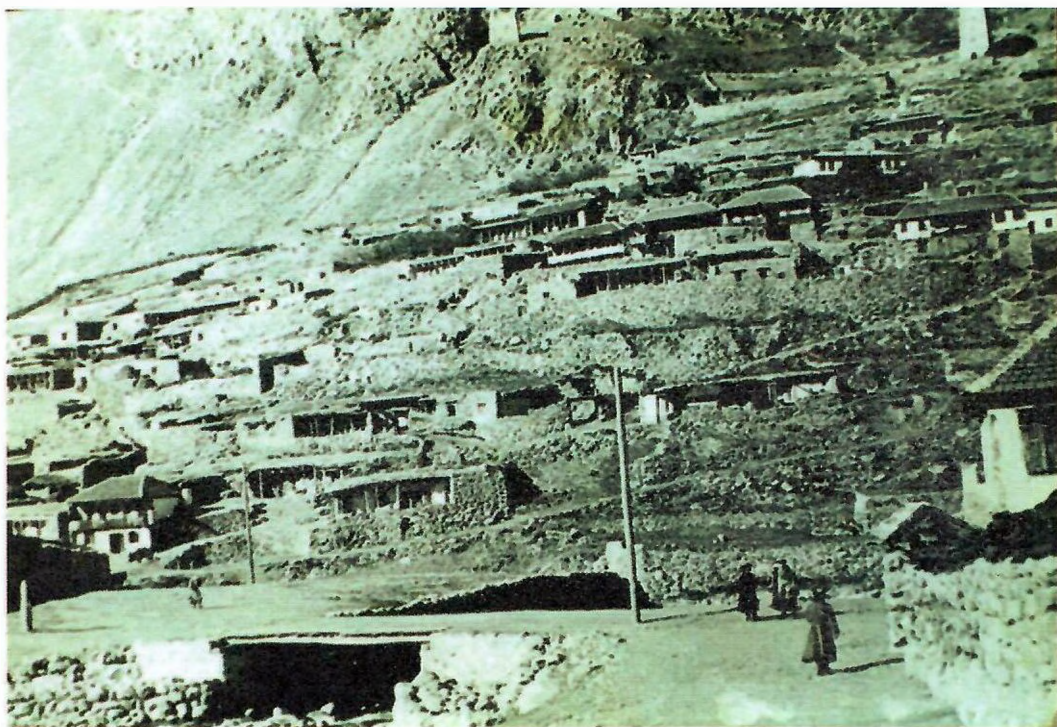

Схема размещения поселения Чегемского общества в конце XIX – начале XX века

Схема размещения основных поселений Урусбиевского общества в XIX – начале XX века

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

Вид старинного поселения Кюнлюм зимой 1936 года

Современный вид селения Кюнлюм

Вид сверху на руины старинного поселения Кюнлюм, на котором видно разнообразие форм и размеров усадеб и проездов к ним

В поселении Кюнлюм жили князья Абаевы, Мисаковы, Темиркановы, дворяне (*чанка*) Бикановы и Боташевы, а также десятки других родов. В середине – конце XIX века десятки семей переселились в Жемталу, Лескен, Докшукино, а позднее в Хабаз, Кёнделен и Лашкуту. В 1944 году здесь проживало 755 человек, представителей 37 фамилий (Баккиевы, Боттаевы, Болатовы, Буштоковы, Габоевы, Гериевы, Дадуевы, Жагноразовы, Забаковы, Занибековы, Занкишиевы, Казиевы, Кагермазовы, Мечукаевы, Моттаевы, Муртазовы, Настуевы, Сабанчиевы, Суммаевы, Табаксоевы, Токуевы, Уянаевы, Чубаковы и др.). Здесь следует отметить, что в период строительства Кавказской линии по указу генерала Ермолова кабардинцев вынуждали переселиться на Малку. При этом местные жители оттеснялись в горы или ассимилировались, о чем свидетельствуют множество общих фамилий. Спустя десятилетия некоторые балкарцы стали возвращаться на места жительства предков.

На сбор, организованный фондом «Ассия», 5 сентября 2015 года в Кюнлюм съехались представители 33 родов, живших здесь до 1944 года, а также потомки покинувших село в конце XIX – начале XX века, представителей репрессированных князей, духовенства и раскулаченных. Участники сбора устроили театрализованные и концертные представления, приняли решение

возродить поселение из руин во имя грядущих поколений. Провели расчистку от камней территории и тропы, ведущей к башне Абаевых, и приняли обращение к руководству Кабардино-Балкарии о содействии в возрождении уникального архитектурного комплекса «Кюнлюм», как исторического памятника.

7.3.2. Поселение Ишканты

Поселение Ишканты (*иш* – труд, *кант* – город) расположено на правом берегу реки Черек на относительно небольшом возвышении.

Ишканты являлось местом, куда собиралась знать Балкарии и на Тёре обсуждались политические вопросы и решались проблемы округа. Это было достаточно крупное поселение, которое делилось на Нижний и Верхний Ишканты. Здесь жили представители одной княжеской фамилии – Амирхановы, являвшиеся ветвью Абаевых и, соответственно, потомками Басията. Уроженцем Ишканты был известный балкарский просветитель, публицист, благотворитель и этнограф Мисост Абаев.

Согласно архивным данным в Верхнем и Нижнем Ишканты было:

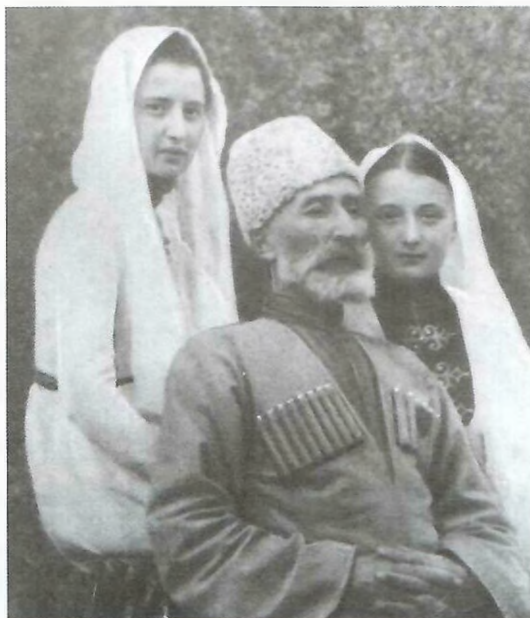
– в 1890 году – 54 двора, 463 жителя, 567 голов крупного рогатого скота, 95 лошадей, 4330 овец и коз, 2 кузницы, 7 мельниц;

– в 1910 году – 119 семей, 736 жителей;

– в 1942 году – 113 семей, 478 жителей;

– в 1944 году – 120 семей, 470 жителей (вместе с воинами, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны), из которых 185 погибло на фронтах и в депортации. Большинство жителей представляли Газаевы, Иттиевы, Койбаевы, Мамаевы, Моллаевы, Мусуковы, Озуковы, Тетуевы, Уммаевы, Хубиевы, Цикановы, Цраевы, Чочаевы и Этчевы. К 1957 году кроме 5–6 домов все строения были разрушены и сожжены.

После 1910 года произошло ощутимое сокращение населения Ишканты, связанное с тем, что многие рода полностью или частично переселились в

Мисост Абаев с дочерьми

Вид сверху на руины Ишканти (рисунок с сайта фонда «Ассия»)

Развалины поселения Ишканти (фото с сайта <http://assia.info/>)

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

Вид стен в поселении Ишканти

Вид улиц в поселении Ишканти

Большое помещение одного из бывших домов и старое кладбище Верхнего Ишканти
(все фото из архива фонда «Ассия»)

другие села (Абшаевы, Бегиевы, Газаевы, Дугоевы, Мамаевы, Мусуковы, Таумурзаевы, Тетуевы, Чочаевы и др.). Например, большинство потомков аталыка Таумурзаева Бекмурзы из Нижнего Ишканти переселились в Хабаз, Нижний Чегем, Хасанью. Семьи аталыка Абшаева Бекту из Верхнего Ишканти переселились в Хабаз, Кенделен, Верхнюю Жемталу и Хасанью, а семьи Абшаева Геурги, Геука, Ахмата, Жарашти, Карабатыра, Сулеймана, Иналука и Чукунай – в Баксан и Кызбурун-3, где они остались жить среди кабардинцев. Ныне их потомки представляют большую и славную фамилию Апшевых, с которыми старшие рода Абшаевых долго поддерживали родственные отношения.

Остальные поселения Верхней Балкарии в настоящее время находятся примерно в таком же состоянии. Более подробную информацию о них можно найти на сайте <http://assia.info/> Фонд поддержки частных и муниципальных инициатив в сфере сохранения исторического наследия «АССИЯ», на котором приводятся более подробные архивные и исторические данные о каждом поселении, фото, видеосюжеты и ссылки на литературные источники.

7.4. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ХОЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОГО УЩЕЛЬЯ

Схема размещения древних поселений в Холамо-Безенгийском ущелье

Хуламо-Безенгийское ущелье занимали Безенгийское и Холамское общества Балкарии. Их соседями были: с севера – Кабарда, с юга – Сванетия, с востока – Балкарское общество, с запада – Чегемское общество.

Безенгийское общество было представлено одним селом Безенги, а в состав Холамского общества входили села Шыкы, Жабоево, Усхур, Озен, Биттировский, Верхний и Нижний Холам, Тотур, Карасу, Аксу и ряд хуторов.

Безенгийское и Холамские общества в 1921 году вошли в Балкарский округ, а позже в состав Хуламо-Безенгийского района в составе Кашхатау, Бабугент, Безенги, Белая Речка, Верхняя Жемтала, Верхний и Нижний Холам, Хасанья, Шыкы и Герпегеж, просуществовавшего до 1944 года.

Холамо-Безенгийское общество, как и другие балкарские общества, активно участвовали в Русско-японской и Первой миро-

вой войне. Более 30 из них были награждены Георгиевскими крестами разной степени, орденами и медалями «За храбрость».

7.4.1. Поселение Безенги

Поселение Безенги имеет древнюю историю. На его территории и окрестностях имеется множество погребений (каменных ящиков, кешене, склепов), инвентарь которых датируется X–XIII веками.

В Безенги и обратно были миграции из Малкара и Чегема, но больше безенгийцы мигрировали в Баксанское ущелье в связи с отселением одной ветви князей Суюнчевых во главе с Чепеллеу Орусбиевичем, положившим в Баксанском ущелье начало патронимии Урусбиевых. В XIX веке имели место миграции в Аргудан, Шалушку и другие кабардинские села, а в первой половине XX века – в Хасанью, Кашхатау и Кичмалку.

По архивным данным в Безенги в 1890 год было 93 двора, 723 жителя, 1749 голов крупного и 10 750 мелкого рогатого скота, две кузницы и семь мельниц; в 1910 году – 125 дворов, около 900 жителей, 2 мечети, 13 мануфактурных лавок, 13 водяных мельниц; в 1944 году – 240 дворов и 820 жителей (Аттоевы, Ахкубековы, Боттаевы, Деппуевы, Жабоевы, Жубоевы, Рахаевы, Холаевы, Хуламхановы, Чочаевы, Шаваевы и др.)

В Безенгийском обществе правили таубии Суюнчевы потомки Барак-хана, прибывшего якобы из Крыма.

В 1939 году усадьба князя Тенгиза Суюнчева по данным Э.Б. Бернштейна

Южный фасад

0 1 2 3 4 5 м

Разрез I-I

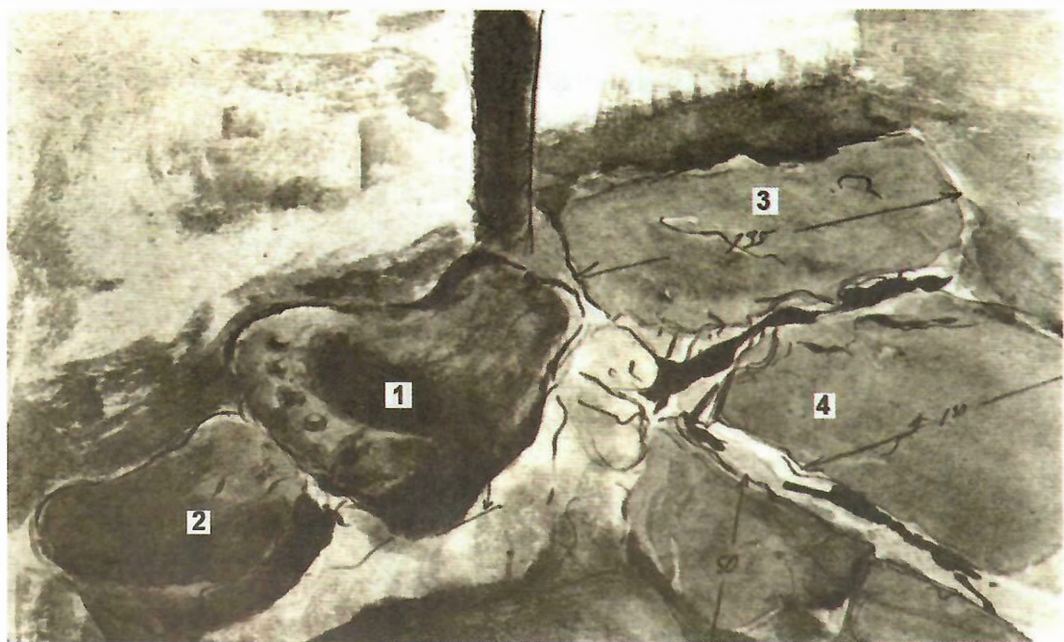
Обмер и рис. с натурры Э.Бернштейна 1939.

Дом князя Тенгиза Суюнчева в Безенги

представляла собой жилые и хозяйственные постройки с навесами вокруг открытой площади размером 17×15 м.

Стены дома были сложены из камней, размеры которых в основании достигают 2,5×2×1,5 м. Восточная стена дома примыкает к скале. В южной стороне имеется окно с наличником. Перекрытие дома плоское, а главного навеса двускатное с открытым фронтоном. Коньковый брус этого навеса диаметром 30 см опирается на поперечные балки – брусья квадратного сечения размером 27×20 см. Земляную насыпь кровли несет наклонный настил из сплошного ряда жердей диаметром 10 см, опирающихся одним концом на коньковый брус, а другим – на боковые прогоны. В передней части навесов основную тяжесть кровли несут вертикальные стойки. Навес перед основным помещением представлял собой открытый аванзал для приемов гостей. В глубине навеса была расположена лежанка с приподнятым изголовьем, сложенная из крупных каменных плит. Вдоль перпендикулярной стены размещены сиденья, одно из которых представляет собой каменный диван. Высота других каменных сидений тем больше, чем они ближе к изголовью дивана. Для сидений использованы крупные камни с выдолбленными углублениями.

О местоположении Безенги дает представление современное село, которое расположено на том же склоне горы на правом берегу реки Черек Безенгийский

Каменный диван (1) и почетные места (2, 3, 4) в кунацкой Тенгиза Суюнчева
(по рисунку Э.Б. Бернштейна)

Современный вид села Безенги

у реки Шыкы-Су, которое в 1936 году из-за дождей превратилось в селевой поток и уничтожило большую часть Безенги, вынудив жителей переселиться на более безопасное место.

7.4.2. Поселение Холам

История Холама уходит корнями в глубь столетий. Еще в XVII веке известный путешественник Эвлия Челеби, описывая Балкарию, указал, что господ этого селения (Таулистана) зовут Кючюкбий Шакман и Джауханбий Шакман. До XVIII века Малкар и Хулам составляли одно общество, но и после разделения всегда мирно соседствовали. С Безенги же у Холама всегда были земельные и водные споры.

В Холаме правили князья Шакмановы, между двумя ветвями которых были кровавые раздоры за владение землями и крепостными сословиями. Холамское общество под этим названием вошло в 1921 году в Балкарский округ в составе сел Карасу, Биттировский, Усхур, Жабоево, Тотур, Озен, Холам, Шыкы, а остальные села – в другие общества.

Холам является одним из древнейших поселений на территории Балкарии. Он был административным центром Холамской общины.

В 1890 году в Холаме было 113 дворов, 1053 жителя, 2159 голов крупного рогатого скота, 468 лошадей, 10370 овец и коз, две кузницы и пять мельниц, в 1906 году – 1341 житель, 3473 голов крупного рогатого скота, 529 лошадей,

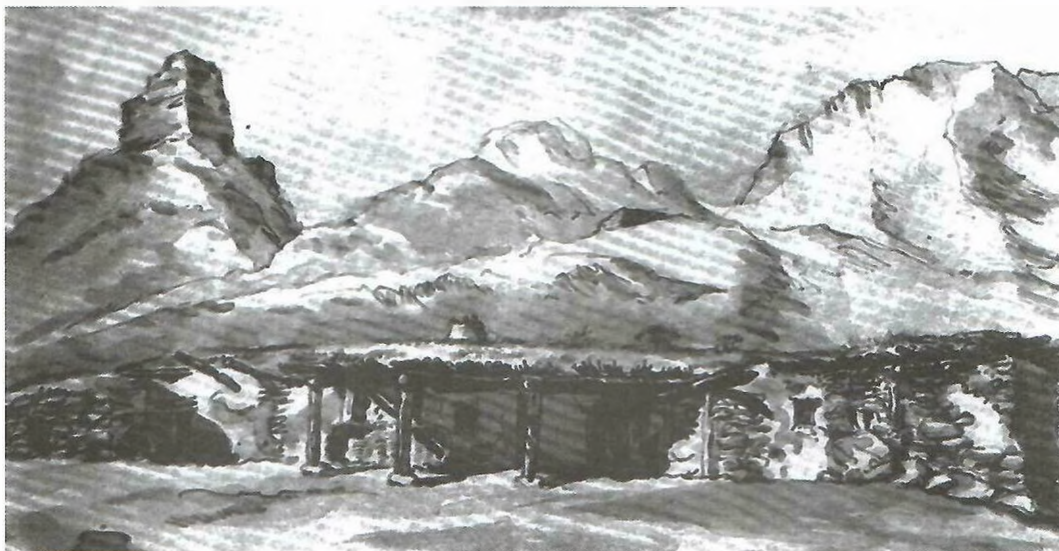

Древнее поселение Верхний Холам в 1939 году
(по зарисовке Э.Б. Бернштейна)

9308 овец и коз, 213 ослов и мул. То есть на одного человека приходилось по 2–3 головы крупного рогатого скота, почти 10 овец и коз и 0,5 лошади, что свидетельствует о безбедности жителей Холама. В 1906 году здесь жили Алиевы, Баззоевы, Бачиевы, Биттировы, Бозиевы, Бичекуевы, Габоевы, Геляховы, Гергоковы, Гошаевы, Даутовы, Довлетхановы, Жабоевы, Кучмезовы, Муллаевы, Созаевы, Тюбеевы, Хочуевы, Чабдаровы, Чеченовы, Шакмановы и др. На 1 января 1929 года числилось 152 двора, имеющих право на землю, в том числе 107 дворов бедняков с 443 едоками, 44 дворов середняков с 317 едоками и один двор зажиточный с 12 едоками.

В конце 20-х годов XX века Холам разделился на Нижний и Верхний с центром в Верхнем Холаме, включающим оба Холама, а также поселения Биттировский и Тотур.

В 1930 годы многие семьи переселились в Герпегеж и Белую Речку. Оставшиеся 114 семей (434 человек) в 1944 году были поголовно депортированы в Среднюю Азию. К моменту возвращения из депортации Холам более или менее сохранился, но многие дома были разрушены для использования деревянных конструкций для нового строительства. В настоящее время остались лишь развалины жилищ, полуразрушенные здания мечети, сельсовета, правления колхоза и средневековая башня. Но по-прежнему действует древний водопро-

Дом Каплана Гергокова в Верхнем Холаме (рисунок Э.Б. Бернштейна)

вод из керамических труб, которым пользуются животноводческие хозяйства современного Безенги.

Одним из характерных для Верхнего Холама был дом Каплана Гергокова, который по описанию Э.Б. Бернштейна «...расположен в уступе скалы, образующей заднюю продольную стену жилища. В основном жилом помещении размером 11×5,4 м и высотой 2,3 м в глубине перегородкой отделено пространство, называемое «гумму». Справа от входа с лицевой стороны имеется пристройка «отоу» с отдельным входом. Очаг расположен в середине между двумя несущими стойками, а над ним дымоход из плетня с глиняной обмазкой. Перед очагом был высечен в массиве скалы «тырхык» (скамья) для почетного места. Стены возведены из камня на глиняном растворе и с глиняной обмазкой. Снаружи и изнутри стены усилены деревянными стойками, несущими нагрузку от кровли. Внутренние перегородки плетеные с обмазкой. Кровля плоская. Основные поперечные балки – «хрык», опирающиеся в пролете на мощную колонну, называемую «шигинжи», несут на себе уложенные поперек жерди – «тахта», по которым проложен сплошной настил более легких жердей «илькич», а по нему слой плотно утрамбованной земли.

7.4.3. Поселение Шыкы

Древнее поселение Шыкы на левом берегу Черка Безенгийского, к югу от селения Безенги у речки Шыкы-Су.

В 1890 году в Шыкы было 72 двора, 587 жителей, 1300 голов крупного

Селение Шыкы в Холамском ущелье (рисунок Э.Б. Бернштейна)

рогатого скота, 126 лошадей, 7559 овец и коз, одна кузница и четыре мельницы, в 1910 году – 103 двора и 730 жителей, а в 1944 году – 215 дворов и 818 жителей. Исторически в Шыкы жили Айшаевы, Анаевы, Бичекуевы, Гаевы, Додуевы, Казиевы, Кучменовы, Мечиевы, Сюдумовы, Султановы, Толгуровы, Уяновы, Хочуевы, Шаваевы, Хусаиновы.

Сакля и кузница Кязима Мечиева в селении Шыкы

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

Дореволюционный период истории селения связан с семьей Бекки Мечиева, в которой родился поэт, философ, кузнец и основоположник современной балкарской литературы Кязим Мечиев, у которого было три брата и 5 сестер. Отец научил Кязима кузнечному делу.

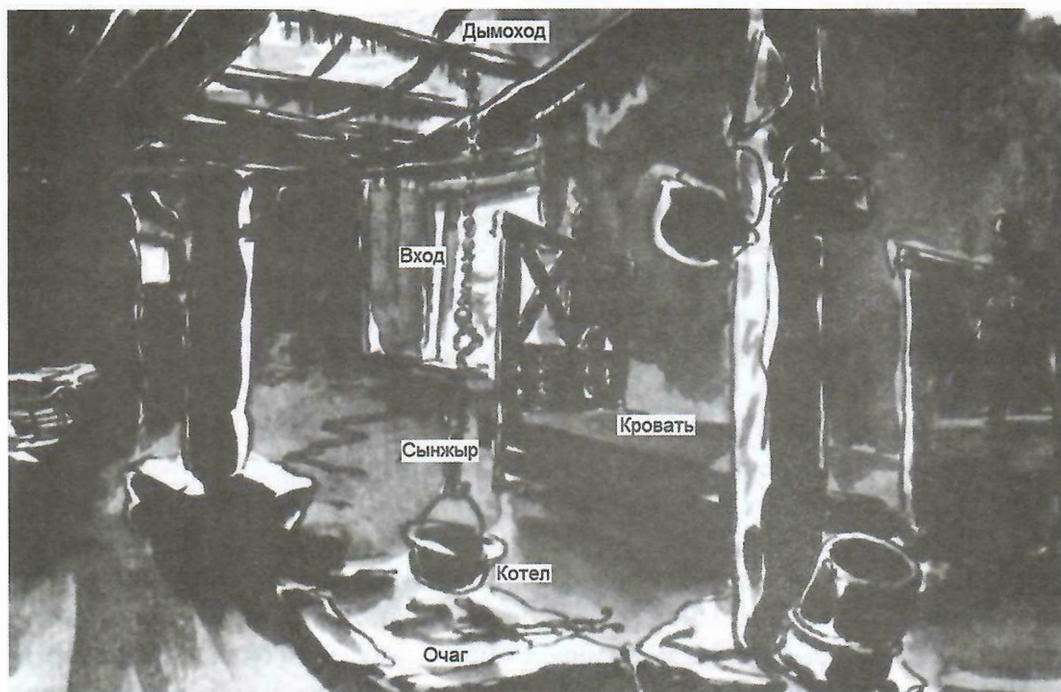
Кязим не брал плату за свой труд у бедных. Когда выдавался свободный день, он сам обращался к ним: «Не стесняйтесь, приносите железо, смастерю вам, что нужно». У Кязима было восемь сыновей и 6 дочерей. В 1939 году по настоянию Бетала Калмыкова он с односельчанами, составившими около 1/3 части населения Шыкы, переселился в Кичмалку, образовав квартал Шыкы.

Одним из типичных для Шыкы того времени являлся дом Таукаша Хочуева, который был глубоко врезан в уступ горы, так что две стены жилого помещения представляют срез скалы. Первый этаж имел площадь 150 квадратных метров. По описанию Э.Б. Бернштейна «под одной кровлей с жилыми помещениями расположено зимнее помещение для скота. Перед очагом в скале, образующей стену, высечена скамья. В углу жилья находилась яма для хранения ячменя, высевавшегося здесь до того как его вытеснили посевы кукурузы. Дымоход очага проходил через верхнее летнее помещение. Жилое помещение имело размеры 5×8 м и высоту 2,8 м. Зимнее помещение было почти лишено света, так как единственное отверстие в восточной стене по своим размерам скорее напоминает бойницу, нежели оконный проем. Вообще по замкнутости и компактности планировки и по своему расположению относительно всего аула сооружение производит впечатление дома-крепости или замка, что усиливается некоторой скошенностью вертикальной поверхности стен, придающей особую монументальность всему сооружению. Из крытого двора наверх ведет крутая лестница, сложенная из камня. Две стены сложены из естественного камня с грубой обработкой лицевой стороны без раствора. Толщина стен составляет 1,0–1,2 м.

Камни в их основании достигали размера 2×1,2×1 м с постепенным уменьшением кверху. Пустоты между камнями заполнены мелкими осколками и

Двухэтажный каменный дом Таукаша Хочуева (рисунок Э.Б. Бернштейна)

Интерьер дома Таукаша Хочуева в Шыки (рисунок Э.Б. Бернштейна)

землей. Кровля устроена из сплошного настила жердей, по которым уложен плетень, засыпанный землей. Колонны, несущие балки перекрытия первого этажа, расположены вдоль стен и посередине пролета. Они выполнены из бревен диаметром до 35 см и гладко обтесаны. Входные двери выполнены в виде одностворчатых ворот в деревянной колоде. Дымоход очага – плетенный с глиняной обмазкой и побелкой». Несущие нагрузку от кровли колонны из гладко обработанных стволов из прочных пород дерева опираются на подставки из крупных камней с углублениями.

Над очагом на железной цепи, подвязанной к балке под дымоходом, был подвешен один медный котел, а другие котлы подвешены к одной из стоек. Рядом с очагом располагалась деревянная кровать с высокими спинками из деревянных досок. В стене слева устроена ниша для размещения мелких предметов и посуды.

7.5. ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕГЕМСКОГО ОБЩЕСТВА

Чегемское ущелье занимало Чегемское общество Балкарии, в котором конце XIX – начале XX века было 24 поселения (не считая Хушто-Сырт и Яникой) и 9 фамильных хуторов (Ахматовский, Анаевский, Мамашевский, Элекуевский

и др.), расположенные по обоим берегам реки Чегем и ее притоков. Каждое из них имеет свою древнюю и уникальную историю и архитектуру, которую можно представить на следующих примерах.

7.5.1. Поселение Думала

Думала расположено на перевале хребта, отделяющего Чегемское и Холамское ущелья, на южном крутом склоне ущелья Кардан-Су – правого притока верховий реки Чегем. Название поселения происходит от имени фольклорного героя Думала (или Нумала). У балкарцев есть песня, в которой фигурирует Нумала (Уллу Нумала, «Великий Нумала»).

Думала упоминается во многих народных сказаниях и песнях, например, в исторической песне об истреблении Рачыкаовых во вторую половину XVII века. К началу XVIII века относится и возвращение из Дигории в Думалу Туудуевых – ветви выживших Рачыкаовых. В XVIII веке из-за эпидемии чумы было массовое переселение в Думалу многих родов, проживавших ранее в районе Хушто-Сырт и ниже по течению реки Чегем и многих родов и из соседних ущелий. Так, из Верхней Балкарии (из села Шаурдат) сюда переехали Ульбашевы, которые позже переселились в Нижний Чегем. В конце XIX – начале XX века наблюдался сильный отток населения в Нижний Чегем, Хабаз и Кёнделен. В 1930 годы многие семьи были раскулачены и высланы в Узбекистан. На этот же период приходится Чегемское антисоветское выступление, закончившееся карательными мерами, в результате которых пострадали и жители Думалы. К 1957 году большая часть построек были сожжены. Возродить поселение не разрешили, и бывшие жители заселились в других местах.

Схема размещения поселения Чегемского общества в конце XIX – начале XX века

Старинное поселение Думала в Чегемском ущелье

Жилища в поселении Думала расположены террасой вдоль склона. Каждое жилище врезано в скалистый массив склона, так что их задняя стена представляет срез скалы, а передняя и боковые выложены из камня. Перед домами устроена горизонтальная площадка на скале или на крыше нижестоящего дома. Внизу села над речкой Кардан-Су расположены ряж водяных мельниц, сложенных из камня.

7.5.2. Поселение Булунгу

Это поселение ранее было расположено вдоль левого берега реки Чегем под отвесной скалой высотой около 400 м. По рассказам, передающимся из поколения в поколение, в начале XIX века произошло обрушение части этой скалы, и поселение было погребено толстым слоем каменных завалов. Погибло большинство жителей (в основном из рода Байсултановых). Уцелели только те, кто в момент обрушения были вне села (пастухи, табунщики, уехавшие). После этого село было построено на правом берегу реки Чегем на обширной низине при впадении в нее реки Булунгу.

В 1890 году в Булунгу было 85 дворов, 747 жителей, 1500 голов крупного и 18 500 мелкого рогатого скота, 300 лошадей, две кузницы и семь мельниц, а в 1942 году – 175 семей (Акаевы, Аппаевы, Байсултановы, Жабеловы, Жарашуевы, Кулиевы, Макитовы, Мизиевы, Мусукаевы, Сарбашевы, Этезовы и др.) с числом жителей 681 человек.

Одним из примеров жилищ Булунгу является дом Тамука Кулиева и его соседа Кауала Этезова. Дом Тамука Кулиева состоит из первоначальной одноэтажной каменной постройки, над которой позже надстроен второй этаж. Нижний этаж состоит из двух смежных комнат, имеющих размеры 5,2×5,6 и 5,2×3,7 м.

Дом Тамука Кулиева и Кауала Этезова

План и разрез второго этажа дома Кулиева (по зарисовкам Э.Б. Бернштейна)

Очаг расположен в первой комнате рядом с центральной стойкой. Над ним на деревянных брусках устроен дымоход на высоте 1,6 м над полом. По сторонам очага уложен настил из деревянных полос, образующий антресоли высотой 0,7 м и приставной лестницей. Стены дом толщиной 1,1 м сложены из камня с грубой обработкой и глиняной обмазкой. В пролетах между стен имелись деревянные колонны квадратного сечения, несущие вместе с колоннами у наружных стен основную нагрузку от толстой кровли. Второй этаж полностью построен из деревянных брусков поперечником 15×25 см.

Навесы первого и второго этажа держатся на сквозных столбах диаметром 18–20 см. Крыша первого этажа плоская, а второго – двускатная деревянная. Во всех помещениях имеется по одному окну.

7.5.3. Поселение Эльтюбю

Поселение Эльтюбю расположено в верховьях Чегемского ущелья. Это родина выдающегося поэта Кайсына Кулиева. В Эльтюбю и его окрестностях имеется множество памятников средневековья (боевые башни, лестница Битikle, мавзолеи, городища с древними захоронениями). Здесь фондом «Сто шагов к Кайсыну» во главе с Х.И. Тетуевым построен уникальный мемориальный комплекс, содержащий галерею из 100 мраморных плит со стихами великого поэта.

Благодаря концентрации большого количества исторических и архитектурных памятников и их разнообразию, Эльтюбю по существу является историко-архитектурным и этнографическим музеем, который вполне готов для организации этнографического и архитектурного музея на открытом воздухе – этнопарка на базе исторически сложившегося комплекса, имеющего большую

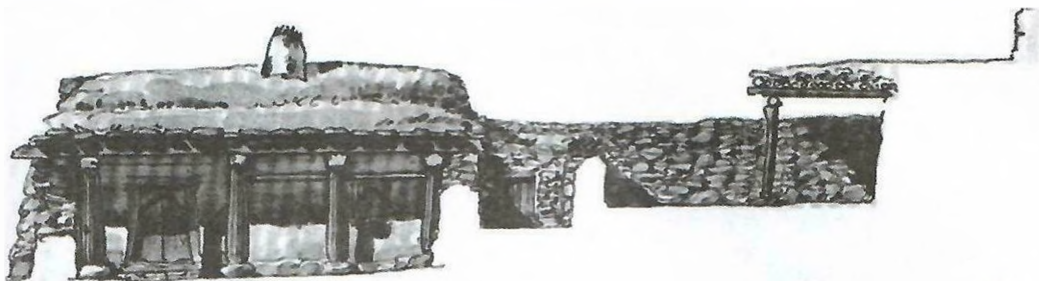
Мемориальный комплекс «100 шагов к Кайсыну»

архитектурную и художественную ценность. Официальное объявление его музеем не требует больших материальных затрат на содержание и строительство. Многие дома поселения представляют этнографическую ценность и их также можно превратить в музейную экспозицию, разместив в них различные предметы быта глубокой старины, найденные здесь же. При этом можно сохранить уклад жизни современного села, как это имеет место в одном из эстонских хуторов на острове Сааремаа, объявленном музеем на открытом воздухе (Mihklitalu museum).

Жилища в Эльтюбю, как и в описанных выше поселениях, сооружались на склонах, где строители врубались в скальный грунт или создавали подпорные стенки (в Эльтюбю чаще всего комбинировалось и то, и другое). Строительство жилищ в виде террасы вдоль склона обеспечивало рациональное использование территории застройки.

В Эльтюбю много интересных домов и усадеб, в том числе и ансамбль зданий Кулиевых на правом берегу Жылгы-Су рядом с башней Малкарук-Кала.

В комплексе домов Кулиевых имеется старый дом Хаджимурата Кулиева размерами помещения 8,5×7,5 м. Это помещение перекрыто деревянными балками с настилом из досок, поверх которых уложен камень, засыпанный землей, поросшей травой. Громадная тяжесть кровли (около 60 тонн) воспри-

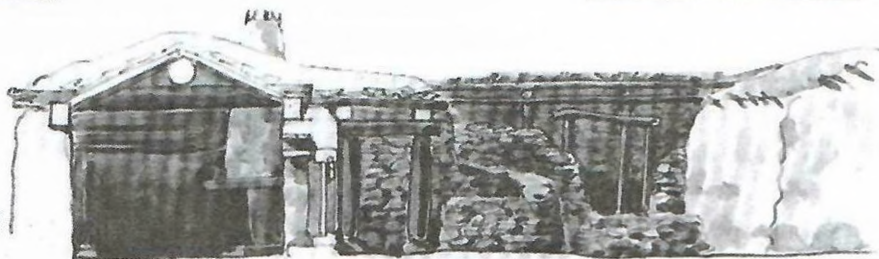
Восточный фасад

Южный фасад

0 1 2 3 4 5 м

Разрез II-II

Дом Хаджимурата Кулиева в Эльтубю (рисунок Э.Б. Бернштейна)

нимается остроумной системой балок, а внутри помещения поддерживается только одной деревянной колонной диаметром 60 см.

Стены дома достигают толщины 1,1–1,3 м. Кверху они несколько утончены и увенчаны бревенчатым срубом, в который врезаны балки. Постройка комплекса домов Кулиевых, по-видимому, была выполнена задолго до возведения башни Малкаруковых. Об этом говорит как место расположения дома, так и характер конструкций. Это уникальное сооружение является одним из старейших жилых домов в Балкарии.

Рядом с Малкарук-Кала расположен и дом князей Малкаруковых, в кото-

Фрагмент навеса дома князя Малкарукова в Эльтубю.
Фигурные дверные проемы накрыты каменной плитой (рисунки Э.Б. Бернштейна)

ром привлекает внимание тщательная обработка колон навеса и фигурные проемы дверей.

На левом берегу Жылгы-Су имеется также ряд интересных по конструкции сооружений. Особый интерес представляет дом Газаевых. Многие поражают здесь: мауэрлат (бревно по периметру наружной стены для опоры стропил) толщиной 70 см, окно со старинными деревянными створками и засовом и т. д. Здесь же имеется пример конструктивного решения, неизвестный истории мировой архитектуры, но довольно часто встречающийся в Чегеме и некоторых других смежных районах. В доме Газаевых и ряде других есть арочные деревянные балки. Они интересны тем, что в то время не было технологий такого изгиба дерева, поэтому они устроены из стволов деревьев, изогнутых под действием природных сил (ветра, снега, оползней и снежных лавин). Исходя из родословной семьи и особенностей конструкции, можно сказать, что такие здания были построены не позднее XVIII века.

В строениях Эльтубю большой интерес представляют и старинные дома Эдокова, Келеметова и Аппаева, имеющие декор в виде «тамга» – фамильных знаков фамилий, а также древний водопровод по склону горы (стр. 234), который подходит ко всем домам и снабжает водой круглый год. Без него пришлось бы брать воду из Чегема, спускаясь на 30–40 м.

7.5.4. Поселение Кала

Древнее поселение Кала (в переводе «Крепость») расположено на левом берегу реки Кёкташ-Су, в 15 км к юго-востоку от селения Хушто-Сырт, на вершине небольшой горы, похожей на крепость.

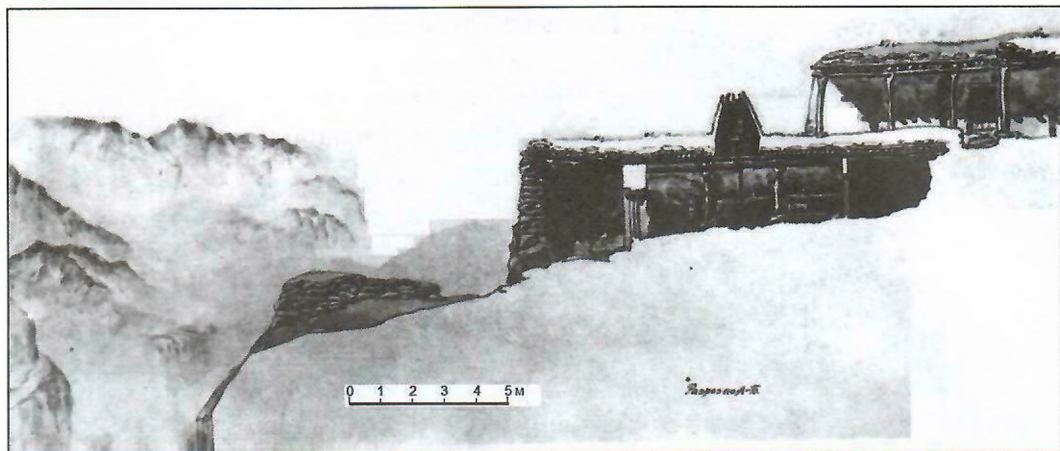

Поселение Кала в Чегемском ущелье (рисунок Э.Б. Бернштейна)

Кала – пример одного из малочисленных балкарских поселений (хуторов), которые были во всех ущельях. По архивным данным в 1884 году в Кале было 4 двора, 39 жителей; в 1890 году – 5 дворов, 37 жителей, 259 голов крупного и более 1000 мелкого рогатого скота, 38 лошадей; в 1908 году – 13 дворов, 60 человек жителей; в 1910 году – 12 дворов и 45 жителей, а в 1944 году – 9 дворов, 34 жителя, из которых на фронтах ВОВ погибли пятеро. Из этих данных следует, что с демографией таких поселений было не благополучно, хотя по поголовью скота жители Кала, как и других балкарских поселений, не бедствовали.

В Кале жили Бауаевы и Биязыровы и несколько семей из других родов. В период коллективизации Кала был в общем колхозе с селом Актопрак. В этот период сюда переселилась семья Беккиева Жакая, которую раскулачили, а позже приехали Кулиевы из Верхнего Чегема. В 1944 году жителей поселка выслали в Среднюю Азию. К их возвращению (1957) поселение было разрушено и его не стали возрождать.

Жилища поселения располагались по террасе и ориентировались на

Дом Ачи Биязырова в 1938 году (рисунок Э.Б. Бернштейна)

юго-восток. Например, усадьба Ачи Биязырова была врезана в уступ скалы, составляющей две стены дома. Площадь усадьбы составляла 400 кв. м, а дома – 100 кв. м. Основное помещение размером 6×9 м имело высоту 2,2 м. Вход был устроен в виде лоджии (тамбура), из которой дверь ведет в основное помещение, а из него в отдельную пристройку.

Дом возведен на скалистом грунте из камня. В основании стен толщиной 1,2–1,5 м уложены крупные камни размером 2,0×1,0×0,8 м, а выше – более мелкие. Стены обмазаны глиной и побелены известью. Кровля плоская и устроена на балках-бревнах диаметром 20 см, по которым уложен накат из жердей, накрытый каменными плитами и землей. Толщина кровли достигает 1 м. Балки кровли опираются на стены, а в пролете через каждые 3 м – на деревянные стойки диаметром 25 см. Дымоход изготовлен из плетня с глиняной обмазкой и побелен.

7.6. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАКСАНСКОГО УЩЕЛЬЯ

В Баксанском ущелье располагалось Урусбиевское общество Балкарии. Вдоль реки Баксан и его притоков было 33 крупных и мелких поселений и около 40 хуторов. Центр общества располагался в поселении Учкум-Кала.

В Баксанском ущелье есть много оборонительных сооружений, мавзолеев, древних городищ с грунтовыми и склеповыми захоронениями (VII–VI века до новой эры и V–VI века), выработками медной руды (датируются IV–XII веками), расположенными западнее города Тырныауза на горе Тешик-Таш (Дырявая гора, камень).

7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРИИ

Планировка селений в Баксанском ущелье была более свободной, чем в Верхней Балкарии. Обилие леса здесь позволяло помимо каменных жилищ строить деревянные срубные жилища. При строительстве срубного жилища под нижние венцы выбирали наиболее прочные смолистые и водостойкие породы – дуб, сосну, подкладывая под углы, где почва была мягкой, валуны. При этом стены сруба для прочности заваливали иногда камнями почти под самую крышу. Когда появились каркасные дома, валуны стали подкладывать также под углы нижнего венца.

На рубеже XIX–XX веков в ряде горных и предгорных районов, в том числе, в верховьях Баксанского ущелья, в Карачае, в долине реки Уруха и некоторых других местах появляются дома на высоком цоколе из камня или дерева в срубной и закладной технике. В цокольных этажах устраивали хлев, иногда летнюю кухню.

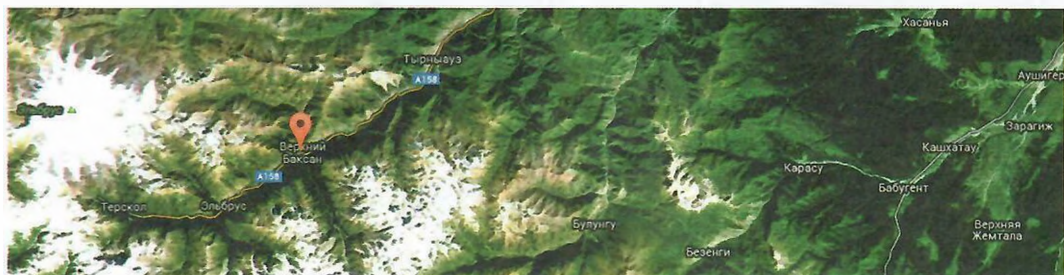
Схема размещения основных поселений Урусбиевского общества в XIX – начале XX века

Мечеть и жилые дома в Верхнем Баксане на высоком каменном цоколе со срубными деревянными стенами

7.6.1. Поселение Учкум-Кала

Поселение Учкум-Кала (или Учкум-Эль) расположено у слияния трех рек (Баксан, Адыр-Су и Кыртык) отчего и произошло его название, означающее в переводе «Село трех рек». Оно называлось еще Узун-Эль (Длинное село), Уллу-Эль (Большое село), Басхан-Эль (село, которое накрыло селом), Урусбиевское, а ныне Верхний Баксан.

В Учкум-Кала жила значительная часть Урусбиевского общества и князя Урусбиевы, которые правили им до 1917 года. Здесь находилась администрация общества, мечеть, медресе и несколько мельниц. В XIX и в первой половине XX века село являлось перевалочным пунктом для покорителей горы Эльбрус и Меккой ученых, антропологов, музыкантов и путешественников, посещавшие Баксанское ущелье, после добровольного вхождения Балкарии в состав Российской Империи.

По архивным данным (Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. II. Вып. V. Нальчикский округ, 1890. – С. 26) в 1890 году в Учкум-Кале было 104 двора, 616 жителей; в 1910 году – 104 двора, 704 жителя; в 1942 году – 298 семей, 1338 жителей; в 1944 году – 382 семьи и 1558 жителей, из которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны 114. Здесь проживали Абдуллаевы, Алчагировы, Апсубаевы, Ахматовы, Ачабаевы, Башиевы, Борчаевы, Боттаевы, Будаевы, Геккиевы, Гулиевы, Гызыевы, Гылыевы, Жаппуевы, Жубоевы, Журтубаевы, Курдановы, Мелияновы, Моллаевы, Таймазовы, Теммоевы, Тербулатовы, Узденовы, Хаджиевы, Этезовы, Эфендиевы и др.

В 1927 году в сельсовет Верхний Баксан входили поселки: Учкум-Кала, Терскол, Иткол, Койсурульген, Тегенекли, Гагиш, Верхняя Джапыр-Тала, Нижняя Джапыр-Тала, Кызыл-Тюбю, Губсанты, Кызган, Курму, Адыр-су, Тегерек-Тала, Камиш, Кылды, Чалмас, т. е. все нынешние села Эльбрус, Верхний Баксан и частично город Тырнауз.

В период депортации балкарцев с 1944-го по 1957 год село Учкум-Кала вместе со всей территорией Приэльбрусья было передано в состав Верх-

не-Сванетского района Грузинской ССР и село переименовано в Бухайдзе. После возвращения балкарцев сваны начали спешно покидать село, забирая с собой останки погребенных здесь родственников. К 1958 году население вновь стало балкарским, а село было включено в состав городского совета города Тырнауза.

7.6.2. Жилища поселения Курму

Поселение Курму расположено на правобережье Баксана, в 1 км от селения Верхний Баксан. Его название происходит от слов «кур» и «мо» (созданное осыпью камней). Это связано с тем, что вся долина речки Курму-Су была заполнена камнями от оползней и селей, которые были собраны в огромные кучи для расчистки территории для земледелия.

Курму возник как результат выселок из Учкун-Кала. Со временем здесь образовались хутора, получившие названия по населявшим их родам: Тимударовский, Гызыевский, Абдуллаевский, Хаджиевский, Узденовский, Башиевский, Моллаевский, Ачабаевский, Эфендиевский, которые со временем превратились в родовые поселки, существовавшие до 1944 года. После выселения балкарцев территория Курму отошла к Грузии и до 1957 года входила в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР. В 1957 году поселение не возрождали, но после схода разрушительного селя в Верхнем Баксане в 1967 году семьи, чьи дома пострадали, были поселены в Курму и поселение вновь возродилось.

Жилища в Курму строились из камня и дерева. Например, в усадьбе Тимудара Гулиева, состоящей из одноэтажного жилого дома и обширных крытых загонов для скота, нижняя часть стен строений сложены из крупных камней, а верхняя часть и кровля из бревен диаметром 35 см с грубой обтеской. Усадьба Гулиева построена на относительно ровном месте, поэтому все строения возведены в одну линию и имеют общую протяженность около 22 м.

Более древняя часть дома состоит из помещения 5×7 м высотой 2,5 м. Позже к нему для детей молодоженов была пристроена одна комната с окнами, тамбуром и кладовкой, а потом – еще две комнаты. Стены этих комнат на $\frac{2}{3}$ высоты сложены из крупных камней на глиняном растворе, с глиняной обмазкой и побелкой. Верхняя часть стен бревенчатая, уложенная поверх каменной кладки в 3 ряда бревен. Венцы бревен сложены без врубки углов и без обрубки различных по длине концов. Все помещения объединены единым навесом под единой двускатной деревянной кровлей. Стропила опираются одним концом на коньковый брус, а другим – на прогон, идущий вдоль стен. На стропила уложен накат из жердей, а поверх наката – плетень, покрытый

Усадьба Тимудара Гулиева в Курму в 1938 году (рисунок Э.Б. Бернштейна)

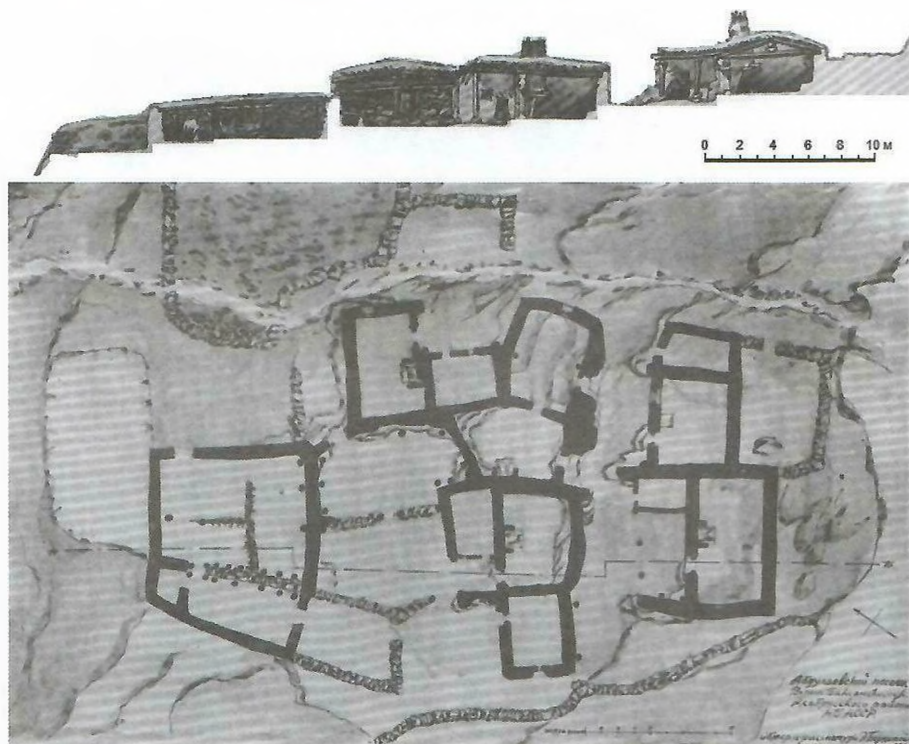
каменными плитами и слоем земли. В древнейшей части дома дымоход прямоугольного сечения, построен из досок, а в пристройках – плетенный с глиняной обмазкой и побелкой. Дымоходы возвышаются над кровлей на 2 – 3 м, чтобы обеспечить хорошую тягу.

7.6.3. Жилища Абдуллаевского поселка

Абдуллаевский родовой поселок располагался на юго-восточном склоне долины реки Баксан у впадения в нее реки Адыр-Су на участке с уклоном 1:10. В верхней части участка размером 40×25 м были построены четыре одноэтажных жилых построек, три из которых примыкали друг к другу, а четвертая – отделена узким проходом. В нижней части участка были устроены крытые помещения для скота и открытый хозяйственный двор. Вся территория обнесена каменной оградой (*хуна*).

Жилые помещения имели площадь 20–25 кв. м. Они примыкали друг к другу, но имели отдельный входы, направленные в разные стороны, а хозяйственные строения были сведены воедино.

К ним примыкали не отапливаемые помещения площадью 12–15 кв. м, имеющие по небольшому окну. Жилище Байрамука – старейшего рода и примыкающее к нему помещение имели форму неправильного четырехугольника, ограниченного громадными каменными валунами (размером 2,5×2,2 м), используемыми в качестве лицевой стены дома. Дымоход из плетня, обмазанного глиной, служил одновременно источником дневного света. Очаг располагался у наружной стены. У других стен были устроены лежанки и скамьи, высеченные в скале. Стены выложены из необработанного камня на глиняном растворе с обмазкой. В северной части основного помещения одна сте-

Фасад и план Абдуллаевского поселка (по зарисовкам Э.Б. Бернштейна, 1938 год)

на частично деревянная, а другая – построена из горизонтально уложенных бревен.

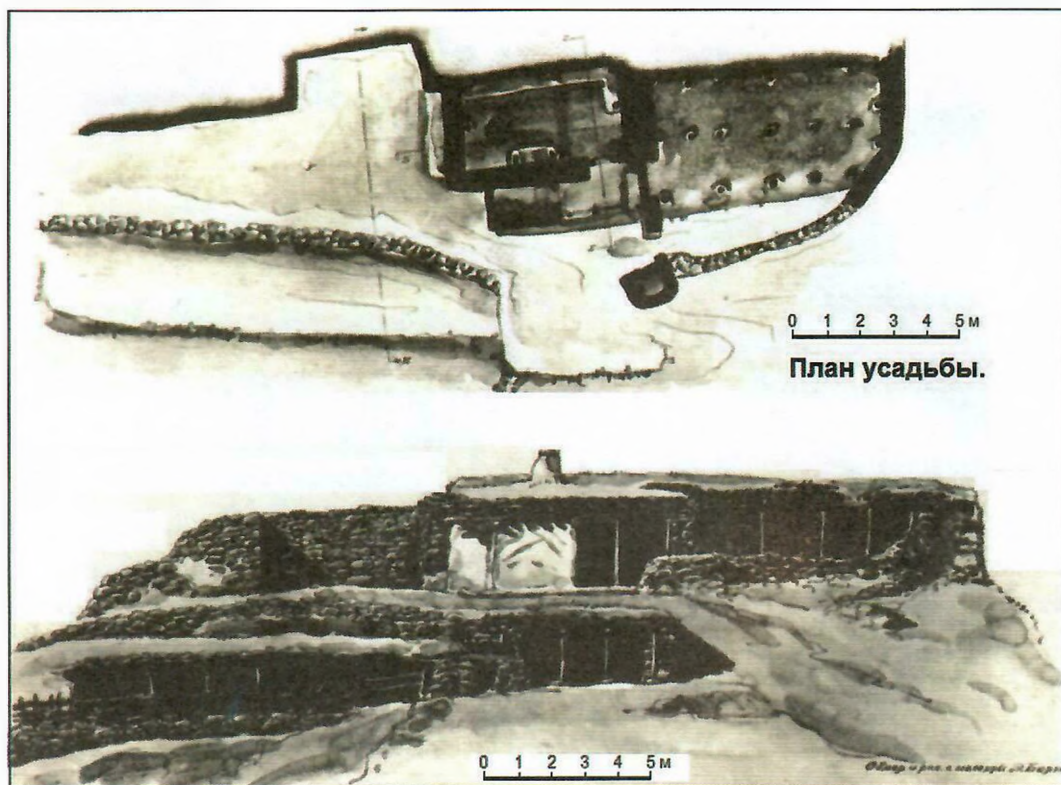
Кровля старых построек была плоская, а более поздних – двускатная. Кровли покоятся на круглых балках, на которые уложен сплошной накат из жердей, поверх него – плетень, камень и слой земли.

7.6.4. Жилища поселения Нижний Баксан (Гирхожан)

Поселок Нижний Баксан до 1923 года назывался Гирхожан, а в 1950 году значился рабочий поселок Тырнауз.

В Гирхожане, как его чаще называют жители, в 1942 году жило 210 человек из 67 семей (Атмурзаевы, Габоевы, Геккиевы, Гуданаевы, Малкаровы, Отаровы, Этезовы, Эхчиевы и др.). Здесь родилась знаменитая балкарская поэтесса Танзиля Зумакулова.

Одним из типичных жилищ Гирхожана являлся дом Омара Атмурзаева. Он был расположен на склоне с уклоном 1:2 и ориентирован на северо-запад в отличие от общепринятой ориентации на юг. Дом имел два этажа. Жилые

Дом Омара Атмурзаева в Нижнем Баксане (рисунок Э.Б. Бернштейна)

помещения расположены на втором этаже и занимают вместе с примыкающими постройками площадь 13×6 кв. м, а непосредственно жилое помещение — площадь $5,6 \times 3$ м. К нему с лицевой стороны пристроено помещение $2,6 \times 1,4$ м с входом в теневой навес. Очаг расположен у лицевой стены, а противоположная стена, выложенная из камня, является подпоркой для вышестоящего склона. Вдоль этой стены устроено обычное в балкарских жилищах скамья — почетное место. К жилому помещению примыкает справа крытый навес для скота. Такой же навес и открытые загоны для скота расположены на нижней террасе.

Стены дома сооружены из камня без раствора, но с обмазкой и побелкой. Кровля двускатная, деревянная, со сплошным накатом из брусьев диаметром 12 см, одним концом упирается в мауэрлат, а верхний на коньковый брус диаметром 30 см, лежащем на поперечных балках диаметром 23 см. Потолочные балки опираются на боковые прогоны, уложенные вдоль стен и опорные стойки вдоль стен. Дымоход устроен над очагом на деревянных консолях.

7.6.5. Поселение Былым

Поселение Былым (Медовый) расположено на правом берегу реки Баксан в 16 км к северу от города Тырнауза.

Древний Былым располагался на крутом склоне горы и жилища устроены в виде террасы, когда крыша нижестоящего дома служила двором вышестоящего. Впереди дома устраивался навес, кровля которого опиралась на колоннаду деревянных стоек. Узкие, но утрамбованные улочки обеспечивали прогон скота и проезд арбы.

Первые постоянные поселения на территории современного села начали возникать в эпоху позднего средневековья, хотя археологические данные говорят о заселении территории ещё в X–XI веках. В эпоху позднего средневековья на территории нынешнего поселения Былым находилось несколько небольших поселений, относившихся к Чегемскому и Баксанскому обществам: Кочкар-Таш, Шашбоат, Кала-Кол, Чалмалы, Кырс-Кам, Барасбиевский, Хасты-Гестенти, Джигат, Гижгит, Сары-Тюз, Кыр, Созаруковский, Кесанты, Толгуровский.

После установления Советской власти в 1920 году, их объединили в одно село, названное Былым, хотя такое название употреблялось и раньше. В 1924–1926 годах репрессированных князей Барасбиевых, Кучуковых, Балкаруковых выселяли из родовых поселений в Былым и Кёнделен, их имущество конфисковали, а дома разрушили.

Начиная с 1930 года, в Былым были переселены жители сел Чалмалы, Кочхарташа и Гижгита. Массовые репрессии и гонения вынудили переселиться сюда из родовых имений узденские фамилии Ахматовых из Шашбоата, Кочхар-Таша и Кюнлюма, Узденовых – из Гижгита, а Толгуровых – из Толгур-Чегета. В 1939 году в окрестностях села открыли угольный рудник «Местпром». После депортации балкарцев Былым переименовали в Угольное и заселили семьями горняков, но после возвращения балкарцев селу вернули название Былым. В 1966 году, после закрытия угольного рудника начался стремительный отток, и численность жителей Былыма сократилась с 3048 до 1959 человек.

Толстые стены домов с внутренней и внешней стороны штукатурились глиняным раствором и белились известью. Зачастую для выравнивания двора и самого дома приходилось строить каменные стены – подпорки и засыпать их поверхность землей и песком. К жилому дому пристраивались загоны и навесы для скота.

Таким является, например, дом Паши Шаваева, жилые помещения которого имеют размеры около 6×4 м, высоту 2,9 м и застекленные окна со став-

Фрагмент селения Былым – фасад дома Паши Шаваева (рисунок Э.Б. Бернштейна)

нями. Кроме обычного очага в основном помещении и некоторых пристройках установлены легкие чугунные печки. Перед лицевой стеной устроен навес на деревянных стойках. Кровля плоская устроена также как описанные выше кровли балкарских жилищ.

7.7. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА МАЛКИНСКОГО УЩЕЛЬЯ

В Малкинском ущелье и на обширных плато Ауар-Сырт и Бермамыт перед нашествием войск Тамерлана было более ста поселений, большинство которых стало некому возродить. Перед депортацией балкарцев было всего три бал-

Поселение Хасаут в 1939 году

карских села – Хабаз на правом берегу реки Малки, Хасаут на берегах притока Мушта реки Малки, Кичмалка на правом берегу одноименной реки, а выше по ее течению карачаевское село Кичибалык. Эти села возрождались, начиная с 1855 года. Поэтому архитектура их жилищ отличается от архитектуры древних поселений более современной кладкой стен (ровными рядами из обтесанных камней примерно одинакового размера), легкой кровлей с применением черепицы и металла, более просторными и прямыми улицами, большими окнами, многоэтажностью школ, мечетью с высоким минаретом. Это в целом уже не представляет особой исторической ценности, хотя характерные элементы балкарских жилищ (стойки – колонны, каменные хуна и др.) сохраняются.

Список литературы к разделу 7

1. Асанов Ю.Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 118 с.
2. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX в. – М., 2006.
3. Бернштейн Э.Б. Архитектура балкарского народного жилища // Международный фонд истории науки. – М.: Дикси, 1993. – 160 с.
4. Жангуразов М.Х.-М. Посемейные списки 9 населенных пунктов Нальчикского округа Терской области // Историко-культурное наследие народов центрального Кавказа. – Вып. 1. – Нальчик, 2013. – 272 с.
5. Жангуразов М.Х.-М. Холамское общество. Документы 1906 года // Историко-культурное наследие народов центрального Кавказа. – Вып. 2. – Нальчик, 2013. – 440 с.
6. Жангуразов М.Х.-М. Чегемское общество. Документы 1906 года // Историко-культурное наследие народов центрального Кавказа. – Вып. 3. – Нальчик, 2013. – 736 с.
7. Мизиев И.М. Поселения и жилища балкарцев и карачаевцев // Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. – С. 31–52.
8. Сайт <http://assia.info/> Фонд поддержки частных и муниципальных инициатив в сфере сохранения исторического наследия «АССИЯ».
9. Статистические таблицы населенных мест Терской области. – Т. II. – Вып. V. – Нальчикский округ, 1890. – С. 32–35.

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

8.1. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основой хозяйственной деятельности балкарцев было скотоводство, земледелие, ремесло, охота и торговля. Значительным подспорьем являлось разведение домашней птицы, о чем говорят находки скорлупы куриных яиц на средневековых поселениях Балкарии и Карачая. Подсобную роль играли также пчеловодство, садоводство и сбор в изобилии растущих в горах диких ягод.

Евгений Марков, объехавший Северный Кавказ в 1887 году, в своей книге «Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории» писал: «Жители почти бесплодных скал Балкарского, Безенгийского, Холамского, Чегемского и Урусбиевского ущелий, составляющие так называемые *горские общества* Большой Кабарды, живут гораздо зажиточнее и спокойнее кабардинцев равнины, хотя суровая почва, суровый климат и страшное обилие сусликов не позволяют им посевов пшеницы и проса, и собираемого хлеба достает им только на два месяца. Горец успешно вознаградил животноводством неблагодарный труд пахаря, так что при собирании в 1866 году сведений о хозяйственном положении горских общин у них оказалось столько скота, что средним числом пришлось на человека (*видимо, на главу семьи*) по 82 штуки овец, по 10,5 штук крупного скота, более двух лошадей и по одному ешаку. Вместе с тем, поля какого-нибудь балкарского горца обработаны с тщательностью и трудолюбием европейца: везде искусно проведены по скалам оросительные каналы, почва ежегодно сдабривается навозом, который часто приходится носить по обрывам и кручам в корзинах на своей собственной спине; отдельные загоны, поля или сенокосы обнесены каменной оградой или плетнем в защиту от скота. Благосостояние горца, несмотря на все препятствия природы, и на его подчас каторжный труд обеспечено вполне, и у него всегда найдутся деньги то от продаж скота, то от торговли бурками. Горец занят работою круглый год и не бездельничает... за праздными разговорами...»

8.1.1. Скотоводство в Балкарии

Скотоводство являлось ведущей отраслью экономики балкарцев с древнейших времен до последних десятилетий. Они имели многочисленные стада мелкого и крупного рогатого скота, обеспечивавшего их продуктами питания и сырьем для изготовления традиционной одежды и предметов быта.

Вблизи средневековых поселений Балкарии археологи обнаруживают

большие загоны для овец. Путешественники XVII–XVIII веков писали, что «...разведение овец составляет главное упражнение балкарцев». Академик Ю. Клапрот писал, что зимой балкарцы гонят свои стада в Кабарду на пастбище, держат много овец, ослов, мулов и лошадей, которые невелики, но сильны, проворны для езды по горам. По словам академика И. Гюльденштедта, Палласа и других, балкарцы ежегодно платили кабардинцам по одной овце с семьи за использование этих зимних пастбищ. Клапрот уточняет этот факт следующими словами: «Когда же жатва обильна и пастбища их цветущи, в эти годы они держат скот при себе всю зиму и не только не идут к кабардинцам, но запрещают им приходиться к себе, что порождает частые споры».

С расселением на Кавказе древнейших овцеводов-кочевников III тысячелетия до новой эры здесь возникает новая форма хозяйствования – жайлажное скотоводство, когда скот на лето перегонялся на летовки (*жайлык*), и зимники (*кышлык*), от чего происходит понятие кишлак.

Скотоводство являлось основным занятием, кормило и одевало балкарцев и карачаевцев. По статистическим данным в 1886–1887 годах Балкария и Карачай были самыми богатыми регионами Северного Кавказа. Например, в Балкарии в 1866 году насчитывалось: 118 273 овец и коз, 15 747 голов крупного рогатого скота, 3289 лошадей и 1424 ослов.

В начале XX века эти показатели резко возросли:

- в Баксанском ущелье насчитывалось 10 775 голов крупного рогатого скота, 62 012 овец (в среднем на одну семью приходилось по 25 голов крупного скота и 144 овец);
- в Чегемском обществе было, соответственно, 14 780 и 65 432 (т. е. по 27,7 и 100,3 головы на каждую семью);
- в Холамском – 6919 и 23 407 головы (по 23,9 и 80,7 на семью);
- в Безенгиевском – 4150 и 15 648 головы (по 20,5 и 77,5 на семью);
- в Балкарском – 9941 и 57 286 головы (по 14 и 82 на семью).

Всего в Балкарии в этот период насчитывалось 46 558 голов крупного рогатого скота и 223 788 голов овец.

Авторы, так называемой Абрамовской комиссии, по земельным вопросам Нагорной полосы Северного Кавказа писали, что балкарцы имели крупного рогатого скота в 1,7 раз больше, чем в Грозненской области, в 3,4 раза больше, чем во Владикавказской, в 1,9 раз больше, чем в Хасавюртовской, в 1,3 раза больше, чем в Кабарде. По количеству овец соответственно эти цифры были: больше в 8,3 раза, 6,6 раза, 3,3 раза, и 3,5 раза. Каждое поселение имело одно или несколько маслосырзаводов. Хамзат Урусбиев, изучив швейцарскую технологию производства сыра, открыл в Баксанском ущелье сыроварню.

Находки в археологических памятниках ножниц для стрижки овец, остатков

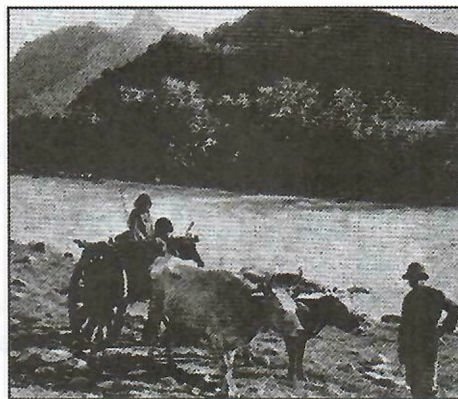
Овцеводство Балкарии в старину и современности

войлочных ковров (кийизов), сафьяновых сапожек и кожаных ноговиц свидетельствуют о значительной роли скотоводства в культуре и быту балкарцев еще XIII–XVIII веках. Скотоводческий уклад отражен и в духовной культуре балкарцев. Так, например, божеством и покровителем крупного рогатого скота у них считался «Сыйыргъын», а мелкого скота – «Аймуш». Первый ягненок нового приплода приносился в жертву божествам и назывался «Тёлю-баш» (начало приплода).

В качестве тягловой силы «арбы» (телега) и вспашки земельных участков балкарцы использовали быков, ослов и мулов. Их телеги имели обычно два огромных колеса, почти в рост человека.

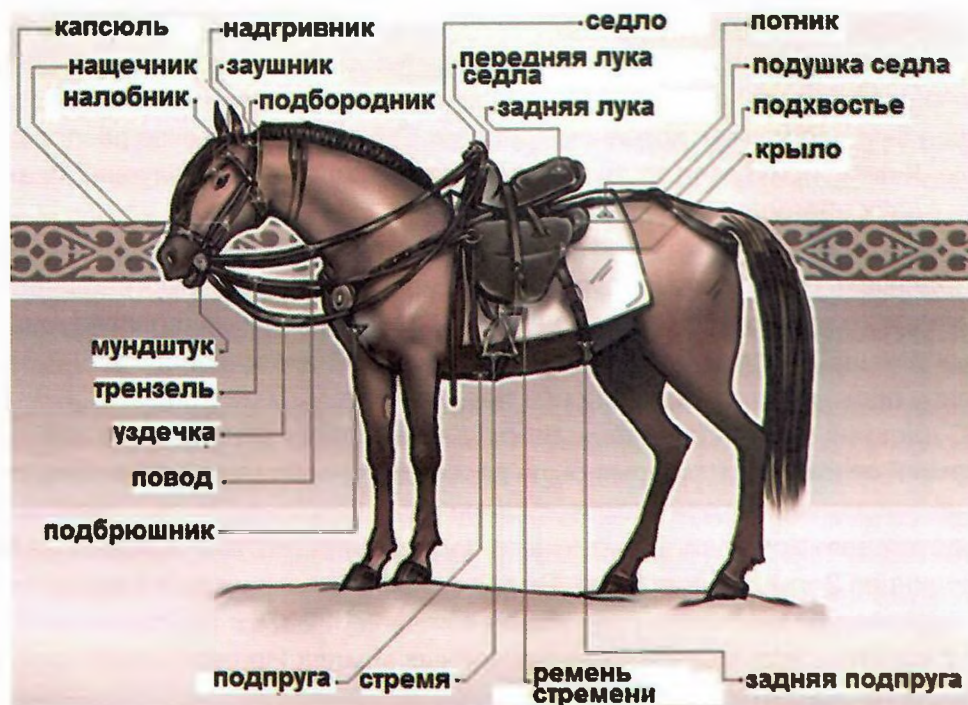
Особое место занимало коневодство. Коней использовали в основном для верховой езды в повседневной жизни, при уходе за скотом, для дальних поездок, в военных целях и джигитовки.

Снаряжение верхового коня для этих целей было важным элементом материальной культуры. Каждая деталь этого снаряжения имело свое строгое назначение. Это снаряжение включало оголовье с уздечкой, седло, подпруги,

Древняя балкарская арба с двумя огромными колесами перед выездом и в пути на сельхозработы в бычьей упряжке

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

стремена и т. д., изготовленные из кожи и металла. Особым изяществом отличалось снаряжение коней у князей.

В Балкарии широко практиковалась форма животноводства под названием «ортак» (испольщина), имевшая три варианта:

- «кьошхан-ортак» (ортак с прибавкой), согласно которой хозяин передавал определенное количество овец, а получивший прибавлял к нему свою половину и пас всех вместе. Он отвечал за сохранность скота, нес все труды и расходы по уходу за ним. Богатые отдавали свой скот малыми партиями нескольким лицам, так как это давало большую гарантию сохранности стада;

- «кьошмагъан-ортак» (ортак без прибавки) бытовал в Урусбиевском обществе. Сущность этой формы состоит в том, что хозяин, отдавший скот в ортак на 5 лет, ежегодно получал половину настрига шерсти и каждую осень одного барана и одного барашка;

• «*чезем-ортак*», когда хозяин давал, например, 100 баранов и получал ежегодно всю настриженную шерсть, одного барана и одного барашка. По истечении 5 лет хозяин получал обратно 100 баранов, отданных на выпас, а весь приплод оставался тому, кто выпасал.

Последняя форма была более выгодной для того, кто брал скот на выпас. Она давала ему очень небольшой доход, но при наличии в семье большого количества рабочих рук и «кышлыка» (зимнего пастбища) бедняк создавал себе довольно крепкое хозяйство.

В аренду сдавали не только мелкий рогатый скот, но и коров (*инек-ортак*) и даже ослов (*ешек-ортак*). Если взявший осла привозил вязанку дров, то должен был делить ее с хозяином пополам. Ортак имел широкое распространение. К нему прибегали таубии, духовенство, каракиши, карауаши, ясакчи, но он одних обогащал, а других разорял.

Для содержания большого количества скота балкарцам необходимо было заготавливать много сена и другого корма на зиму. Судя по этнографическим данным, историческим и фольклорным материалам, сенокос являлся одной из самых важных видов работ и отмечался с особой торжественностью – устраивались пиры, игрища, приносились жертвы и т. п.

С древних времен балкарцы безраздельно пользовались горными пастбищами и сенокосами, которые были распределены по родам и семьям, тщательно очищались от сорных трав, кустарника, и благодаря этому сохранились до настоящего времени. Для зимнего содержания скота они арендовали у кабардинцев Зольские пастбища. При Советской власти им были выделены в долгосрочное пользование под зимние выпаса 6322 тысяч га пашни на Куре и 79 тысяч га в урочище Бажиган на Черных землях Нефтекумского района Ставропольского края.

В 1943 году перед немецкой оккупацией значительная часть скота была эвакуирована, значительную часть немцы успели за короткое время оккупации прирезать и угнать в Германию. Однако даже остаток скота, изъятого при депортации балкарцев, удивил Сталина: «Откуда столько скота у этого малочисленного народа?».

В период депортации балкарского народа горные пастбища практически не использовались, а значительная часть этой территории была вообще передана в Грузинскую ССР.

После возвращения балкарцев из депортации, восстановления их сел и дорог горные пастбища и сенокосы в 1966–1968 гг. были розданы всем колхозам и совхозам республики для вовлечения в отгонное животноводство жителей равнинных районов, хотя исторически этим занимались жители гор. Были построены сеточные ограждения участков, отведенных каждому хозяйству, загоны для скота, линии электропередач, грунтовые дороги, горные водопроводы и

поилки, маслосырзаводы и управленческие штабы. Однако практика такого хозяйствования не оправдала себя. Она ограничила масштабы хозяйственной деятельности балкарцев, традиционно занимавшихся животноводством, и создало условия для размена и разворовывания скота. Более того, перегоны и перевозки скота в условиях частых дождей и бездорожья едва не превратили легкоранимые альпийские луга в высокогорную пустыню. Надвигавшееся экологическое бедствие остановилось лишь с развалом колхозно-совхозной системы хозяйствования, приведшей к ликвидации общественного стада и разрушения всей созданной инфраструктуры.

Вековая практика показывает, что животноводство в горах должно развиваться на месте, когда перегон и перевоз скота используется только в отдельных случаях (например, при затяжной и суровой зиме). Однако практически все горные пастбища и сенокосы в настоящее время отнесены в республиканскую собственность Кабардино-Балкарии в земли пресловутого отгонного животноводства. Они не подлежат приватизации и управляются государственными унитарными предприятиями «Аурсентх» и «Хаймаша», которые их сдают в аренду. Но более половины пастбищ и сенокосов не востребованы из-за отсутствия средств у местных жителей, а также удаленности для жителей равнины. Вместе с тем наличие около 38 тысяч га сенокосов и 215 тысяч га горных пастбищ позволяет создать (пока еще есть энтузиасты) около 10 тысяч животноводческих фермерских хозяйств местных жителей, которые обладают врожденным на генетическом уровне трудолюбием и навыками животноводства. Однако большая часть высокогорных сенокосов и пастбищ пустует и зарастает кустарником и сорной травой в ущерб развитию животноводства в Кабардино-Балкарии.

8.1.2. Земледелие в Балкарии

Для предков балкарцев была не чужда культура земледелия, имеющая уникальные черты. Об этом говорят археологические находки медно-бронзовых серпов, фрагментов железных лемехов на алано-болгарских поселениях эпохи средневековья, а также террасированные склоны горных массивов по верховьям рек Черек, Чегем, Баксан, Малка, служившие земледельческими угодьями эпохи средних веков. Земледелие отражено в культуре балкарского народа – в обрядовых празднествах, играх «Сабан-той» (праздник пахоты), и ряде топонимов, например, «сабан-кьош» (стан пахарей). На праздниках весеннего выхода в поле балкарцы варили кашу (зёже) из семи видов злаков, устраивали игрища «Су-оюн» (водные игры) с обливанием друг друга водой. С конца XVII века в Балкарию проникает огородничество.

Однако земледелие в хозяйственной жизни балкарцев играло менее значимую роль, чем животноводство. Суровые горные условия сильно препятствовали развитию земледелия. Балкарцы затрачивали огромный труд, чтобы отвоевать у суровой природы клочок земли для земледелия. Невзирая на большие трудности, они выкорчевывали деревья и кустарники, очищали землю от камней, орошали и удобряли ее навозом, строили каменные или плетневые ограды. Почвенный покров в горной местности очень тонкий и каменистый, поэтому «Без навоза нет зерна» – гласит горская поговорка. У балкарцев существовал оригинальный способ удобрения земли. Запрудив оросительный канал хорошо утрамбованным навозом, они пускали через него навозную эссенцию на поля. Это повторялось несколько раз подряд и повторялось каждые 2–3 года.

Земля в горах страдала от частых ветров, высушивающих почву. Поэтому затрачивались большие усилия на строительство оросительных сооружений. Нередко воду поднимали на значительную высоту с помощью труб или желобов, установленных на выступах скал, каменных стенах и столбах. Каналы строили всем обществом или группой хозяйств, которые поочередно пользовались водой для орошения своих посевов и сенокосов.

Н.П. Тульчинский писал, что в ущельях Балкарии была «устроена целая сеть ирригационных каналов, искусно проведенных по очень гористым местностям». Вода делилась на равные паи по числу хозяев, считавшихся собственниками главных водных артерий, и каждый двор получал по очереди свой пай на одни сутки, независимо от того, нужна ли ему в данный момент вода или нет. Такой своеобразный обычай породил торговлю водой: те хозяева, которые не имели пахотных и луговых участков, продавали свои паи другим, ощущавшим недостаток в воде. Мужчины и женщины с раннего утра до позднего вечера ходили по своим участкам с железными заступами «и заглядывали во все уголки, производя разные манипуляции над почвой и водой: где нужно, уравнивали почву, строили валы, прокапывали еле заметные канавки, пропускали в разные стороны различной величины струи воды. Когда вся площадь оросится, отводили воду в сторону».

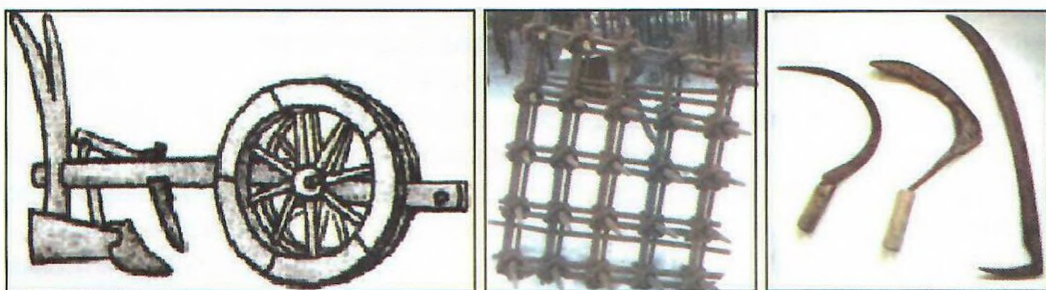
О трудности земледелия балкарцев Н.Ф. Грабовский писал: «Каждый клочок земли, показавшийся сколько-нибудь годным к обработке, не избежал внимания горца, и усиленным напряжением его труда обратился в пахоту или покос. Насколько был велик труд горца при приспособлении пахотных участков, можно судить по тому уже, что ему пришлось бороться с горами камней, нередко весьма значительных объемов, которые, сложенные в кучу близ полей, так и остались свидетелями горского труда... Пахотные участки находятся обычно вблизи жилищ... Каждый год они удобряют эти земли навозом, стаскивая его из аула, или зимою, пуская на них скот и баранту, и в течение лета постоянно дают земле необходимую влагу, посредством устроенных к этим полям во-

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

допроводов – канавок из ближайших источников». «Каждый удобный клочок земли тщательно унавожен, возделан и орошен канавой», – указывают также В. Миллер и М. Ковалевский.

Полученные ценой такого упорного труда участки пахотной земли по обычаю трудовой заимки считались неотъемлемой собственностью тех, кто их обработал, и очень дорого ценились. Поэтому не случайно современники писали, что «участок пахотной земли, на котором может поместиться бык, стоит быка». Стоимость участков земли из-за различия в продуктивности определялась по количеству собранного сена и в зависимости от его местоположения и других обстоятельств. Например, за орошаемый сенокосный участок, с которого можно было снять одну копну (выюк на сильную лошадь) и который находился недалеко от села, платили до 20 рублей. За такой участок, расположенной вдали от населенных мест, давали в зависимости от качества травы от 10 до 20 рублей.

Пашня, засеваемая зерновыми культурами, назывались «*сабан*». В XVIII – начале XIX века основным пахотным орудием балкарцев был легкий плуг, состоящий из «*сабан-агач*» (деревянная соха) и «*сабан-темир*» (металлический лемех), в который впрягали пару быков. Вспаханную землю разрыхляли примитивными боронами (*кыйытхы*). Сеяли главным образом ячмень. С первой половине XVIII века стали культивировать пшеницу, а во второй половине XVIII века – просо. Уборка проводилась серпом или косой. Жниву увязывали в сноп (*кучак*), затем складывали в скирды (*антау*), которые стояли до молотбы 40–60 дней. После уборки хлеба землю сразу вспахивали, не давая скоту потравить оставшуюся солому.

В конце XIX – начале XX века началось вытеснение деревянного плуга и сохи железным плугом. Хозяйства, не имевшие плуга и достаточной тяговой силы, объединялись в *супряги*, когда один вносил плуг, другой пару волов, третий шел в супрягу поваром или погонщиком. Избирался старший плугарь, который назначал повара, заднего и переднего погонщиков (обычно из несовершеннолетних мальчиков), а также подростка, который должен был сидеть на ярме второй пары быков. Распоряжения старшего плугаря выполнялись беспрекословно.

По давно установившемуся обычаю, никто с поля не возвращался, пока не были вспаханы все участки, в том числе участки бедняков, одиноких стариков и инвалидов. Такую помощь оказывали нуждающимся односельчанам и при выполнении других сельскохозяйственных работ, а также в период строительства домов, хозяйственных построек. Этот древний народный обычай коллективной взаимопомощи (*изеу*) играл большую роль в жизни крестьян.

Молотьба хлеба было одним из радостных событий, в котором участвовали все члены общества. Зерно мололи с помощью ручных и водяных мельниц (*тирмен*). Обилие быстрых рек способствовало повсеместному распространению водяных мельниц, в которых вода вращала вал с укрепленными на нем жерновами. Сверху на жернова сыпалось зерно, которое, попадая между жерновами, перетиралось в муку или крупу. На таких мельницах за сутки можно было смолоть 15–20 пудов зерна. Со строительством колесных дорог с плоскости стали привозить и зерно, и муку. Однако мельницы не разрушали вплоть до 70–80-х годов XX века. На них мололи и жареную кукурузу, для приготовления толокна (*куут*), очень любимую горцами и незаменимую при кочевках.

О роли земледелия в жизни Балкарии современник крестьянской реформы Н.Ф. Грабовский отметил его вспомогательный характер «Добившись с этих полей четверть – другую хлеба, горец выгадывает две-три лишние поездки для покупки его на плоскости, которые каждый раз по меньшему расчету отнимают 4–6 суток». Например, в 1867 году в пяти балкарских обществах было произведено хлебных культур около 45 тысяч пудов. При численности населения Балкарии в ту пору (11 тысяч человек) на одного приходилось немногим больше 4 пудов, да и то без вычета семенного фонда. Поэтому балкарцы вынуждены были покупать хлеб у соседних кабардинцев, осетин и русских, продавая им животноводческие продукты. Это способствовало сближению народов и укреплению дружбы между ними.

До XVIII века земли в Балкарии принадлежали пяти обществам (Балкарскому, Безенгийскому, Холамскому, Чегемскому и Урусбиевскому), а с XVIII до первой половине XIX века – сельским общинам, хотя сохранялись элементы общинного пользования землей (совместная работа по ее орошению, заготовке леса, сена, коллективная пастьба и охрана стад. В семейно-индивидуальной собственности находились пахотные и сенокосные земли. Эти участки владелец мог продать, подарить, отдать в калым, т. е. распоряжаться как своей собственностью.

Сельская община распоряжалась общинными пастбищами и лесными участками. Но иногда община распространяла свою власть на некоторые пахотные и сенокосные участки, устанавливала ряд ограничений при продаже земли. Например, при продаже земельных участков преимущественное право на покупку имели члены рода, затем соседи и только после их отказа право на

покупку предоставлялось всем желающим. Шариат защищал интересы родовых связей – разрешал даже прервать молитву, чтобы заявить о родственных связях с продавцом.

Если член общины совершил преступление, то его по обычаю выселяли за пределы Балкарии, а его земля переходила в собственность сельской общины. Община же давала согласие на вселение в поселок новых членов. Она нередко выступала в защиту своих односельчан, против наступления феодалов на их права. Феодалы, используя свое экономическое и политическое положение, стремились путем захвата и насилия сосредоточить в своих руках пастбищные и сенокосные земли. Крестьяне в одиночку не могли сопротивляться этому, но здесь им на помощь иногда приходила община.

Накануне крестьянской реформы П.А. Гаврилов писал: «Нам известно, что все земли в районе горских обществ составляют собственность или целого общества, или частного лица. К общественной собственности, относятся преимущественно пастбищные и сенокосные места, а к частной – пахотные поля и усадебные оседлости... Земли, составляющие частную собственность, распределены между 720 владельцами на участки, каждый величиной от 600 кв. саженой до нескольких сотен десятин». В этот же период по данным Н.Ф. Грабовского крестьянским категориям принадлежало на правах личной собственности 1895 участков пахоты и 1048 – покосной земли.

Представители феодальной верхушки отдавали земли внаймы за определенные повинности. Пахотная земля нанималась за половину урожая, хорошие пастбища – за одного барана и барашка со 100 голов, плохие пастбища – за одного барана. Кроме того, в обоих случаях хозяин земли пользовался надомным с овец молоком от 3 до 7 дней.

Широко практиковались в Балкарии специфическая форма аренды земли, которая называлась «бегенда», когда задолжавший человек отдавал в залог свою землю и получал ее с возвращением долга.

8.1.3. Ремесло и торговля

Балкарцы издавна умели добывать и перерабатывать горные руды. Об этом говорят многие археологические находки медных, бронзовых, железных, свинцовых, серебряных и золотых изделий. Клапрот писал: «Их горы обеспечивают им селитру и серу, и им не приходится для добывания пороха выщелачивать подстилку овечьих стойл, как соседние народы. Их порох мелкий и отличается особенной силой». О разработках свинцовой руды писал И. Гюльденштедт, упоминая «*Корганшинли-тау*» (Свинцовая гора) в Чегемском ущелье. Пере-

работка горных руд, изготовление пороха и свинца было предназначено для изготовления украшений, оружия и предметов быта.

Многочисленные каменные башни, мавзолеи, надгробные памятники и склепы свидетельствуют о высоком уровне камнерезного и строительного мастерства, выделившегося в отдельную отрасль ремесла.

В такую же отрасль выделилось изготовление войлочных ковров – кийизов, изделий из войлока, бурок, башлыков, головных уборов, обуви и других изделий. Все остальное, необходимое им в быту и хозяйстве, балкарцы выменивали на шерсть, сукно домашнего производства, войлоки, лисьи и куныи меха, бурки и башлыки на еженедельных Кавказских рынках в городах Они и Рачи.

Торговля у балкарцев в основном была меновая. Путешественники тех времен писали, что «деньги у них малоизвестны или так редки, что торговля совершается путем обмена». Судя по находкам в погребениях XVI–XVII веков, разменная монета часто служила вместе с бусами обычным украшением женского туалета. Широко были распространены у балкарцев также кожевенное, золотошвейное ремесла, украшение одежды различными галунами, позумен- тами и аппликациями.

Ремесло и торговля балкарцев были тесно связаны с сельским хозяйством – в основном со скотоводством. Как и у других горцев Северного Кавказа, их промыслы носили домашний характер. Одним из основных промыслов было суконное производство, которое сосредоточивалось исключительно в руках горских женщин, отличавшихся своим трудолюбием. Как отмечает Н.П. Тульчинский, где бы ни была горская женщина, беседовала ли она с соседками, шла ли из селения в селение, везде и всюду – в доме и на улице – у нее обязательно в руках шерсть и веретено (*урчук*)... Встретить женщину без этих атрибутов – значит она или больна или очень бедна; зато доход от этого труда принадлежит ей... она его расходует на пользу своей семьи».

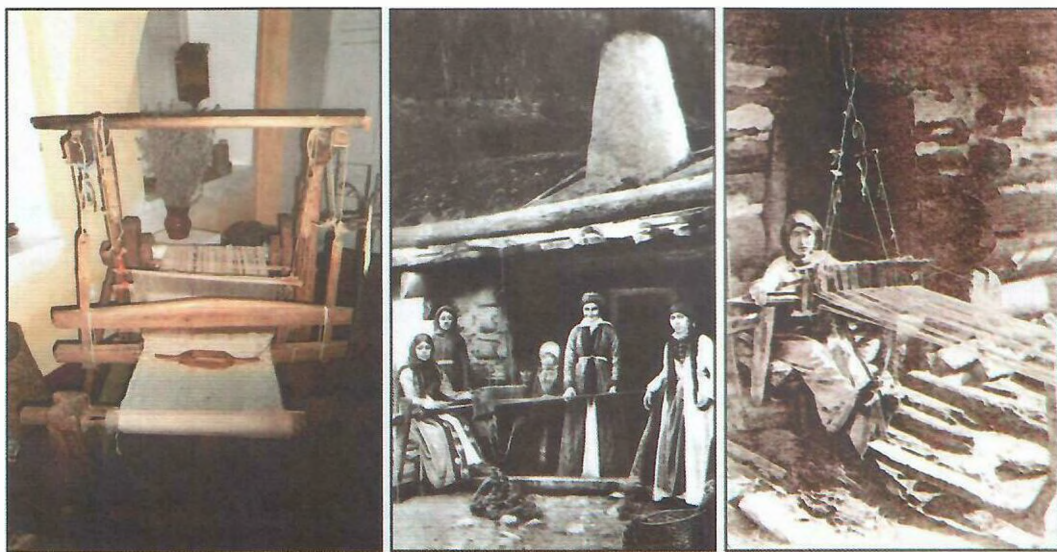
Балкарки мастерски делали сукно (*чепхен*) различных сортов, которые славились на Северном Кавказе и Закавказье. Самые лучшие сукна выделялись

Вспучивание и расчесывание шерсти, изготовление ниток (пряжи)

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

в Баксанском и Хуламском обществах. Сукно изготовлялось на деревянном станке («чепкен агач» или «тауат») кусками темно-серого и белого цвета. Кроме того, из шерсти выделывали бурки и «кийизы» (войлочные ковры – полсти). Женщины из бедных семейств, как писал Н.Ф. Грабовский, «...берут работу бурок, сукна и полстей с половины, т. е. делятся на половину изготовленными изделиями с теми, кто дал шерсть». Для представительниц господствующих классов занятие производством бурок и сукна считалось неприличным.

Балкарский ткацкий станок и эпизоды работы на нем (фото 1890 г.)

Любая балкарка с детства владела премудростями превращения овечьей шерсти в одежду и предметы быта. Издавна балкарки славились искусством изготовления из шерсти таких предметов, как бурка, башлык (наголовник), «калфак» (войлочная шляпа), вязанные платки, носки, варежки, шарфы, кофты и другие всевозможные вещи. Они не только отличные вязальщицы, но и прекрасные ковровщицы – мастера, изготавливающие различные войлочные разноцветные узорчатые шерстяные ковры – «кийизы» трех вариантов:

- «ала кийиз» (с вкатанным узором);
- «жыйгыч кийиз» (с нашивными узорами аппликациями);
- «бичилген кийиз».

Процесс изготовления нарядного «ала кийиз» включал раскладку пушистой разноцветной шерсти по задуманному рисунку на «чий» (камышовая циновка), смачивание водой, свертывание ее с циновкой в рулон и раскатку этого рулона до соединения шерстинок в единое полотно, разворачивание рулона и съема с циновки цветастого кийиза.

Еще более декоративные бичилген кийизы изготавливали путем вырезания узора из войлока одного цвета и вшивания его в такие же вырезы в войлоке другого цвета в виде инкрустации с обшивкой краев узоров блестящей тесьмой. Кийизы широко использовались в быту для украшения стен, подстилки постели и полок, половиков в жилищах, в качестве коврика для совершения намаза и т. д.

Процесс изготовления и некоторые варианты балкарских кийизов

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

Разнообразные узоры и орнаменты кийизов выполнялись в национальном колорите в соответствии с фантазией мастерицы. Детальное описание различных кийизов, их оригинальных орнаментов и процесса изготовления привела в своей замечательной книге «Народное искусство карачаевцев и балкарцев» Кузнецова А.Я.

В Балкарии были распространены также скорняжное и шорное производства. Из шкур с шерстью делали шубы, шапки, из хорошо размятых шкур с удаленной шерстью – обувь, бурдюки (*гыбыт*) для хранения и перевозки излюбленного у балкарцев напитка – айрана, молока и сбивки масла. Для хранения и перевозки зерна, муки и соли делали кожаные мешки различных размеров.

Операции по обработке кожи: засолка, дубление, очистка, разминание.
Справа внизу готовая продукция

Были в аулах и свои плотники, занимавшиеся изготовлением колес, ободьев, деревянных частей плуга, резьбой по дереву и т.п. Хорошо было развито также кузнечное дело, оружейное ремесла по изготовлению оружия, кольчуги и другого воинского снаряжения. Балкарцы слыли также мастерами по приготовлению пороха из местного сырья.

Ремесла и хозяйство Балкарии в целом носило натурально-потребительский характер. Но нарастающее воздействие Российской империи на жизнедеятельность горцев активизировало развитие торговли и продажу продукции за пределы Балкарии. Продавались бурки, сукно и кийизы. Излишек этих изделий балкарцы вывозили в Кабарду, в русские губернии, в Грузию и Сванетию – преимущественно в Рачинский уезд Кутаисской губернии. По приблизительным данным, в 60-х годах XIX века Урусбиевское общество сбывало шерстяных

изделий на сумму до 3 тысяч рублей в год. Предметами продажи служили также крупный и мелкий рогатый скот, масло, сыр, лес. В зимнее время балкарские крестьяне с большим мастерством кололи лучину и возили для продажи на плоскость. По неполным данным, в 1867 году балкарцами было продано 356 лошадей, 583 голов крупного рогатого скота и 4469 овец.

Создание Россией Кавказской линии с городами-крепостями Моздок, Владикавказ, Пятигорск, Георгиевск, Нальчик, Прохладный и др. способствовало ломке патриархальной замкнутости балкарского хозяйства. Несмотря на то, что эти города возникли как форпосты экспансии царизма, появление их объективно имело положительное значение в судьбах горцев: они стали опорными пунктами русско-кавказских торгово-экономических и культурных связей. Если в XVII веке торговые связи между горцами и казаками носили случайный характер, то в конце XVIII – первой половине XIX века они стали более систематическими. В городах и крепостях возникли меновые дворы, служившие официальными пунктами для торговых сношений горского и русского населения; периодически проводились также ярмарки.

В 1811 году были открыты меновые пункты в Прохладной, Науре, Лашурине, Константиногорске, Прочном Окопе и Усть-Лабе. С 1809 года в станице Прохладной действовал соляной магазин. Соль в большом количестве нужна была сильно развитому скотоводству горцев. Этим объясняется, что вопрос о соли не сходил с повестки дня официальной переписки. До возникновения меновых дворов балкарцы, карачаевцы и кабардинцы сами ввозили соль с Маджарских соляных озер, расположенных на территории нынешнего Ставропольского края, с уплатой в казну по 1,5 рубля за арбу. С открытием же меновых пунктов горцы лишились этой возможности и обязаны были покупать соль только на указанных пунктах с уплатой 1,0–1,5 рубля за пуд. Эта операция была явно невыгодна горскому населению и вызывала его недовольство.

Балкарцы, как и другие народы, были заинтересованы в свободной тор-

говле с русскими новоселами и казачьими станицами. Несмотря на попытки царизма монополизировать меновую торговлю горцев, хозяйственные связи и торговля горцев с русским населением все больше и больше расширялись благодаря ярмаркам, а также контрабандной торговли.

Смотритель Прохладненского менового двора в своем рапорте главному смотрителю меновых дворов Кавказской линии в ноябре 1839 года, разбирал причины упадка торговли на меновых пунктах, писал: «Происходит же это... не от другой какой-либо причины, как от того, что народы сии, имея свободный въезд в наши пределы, сбывают все свои продукты и изделия в ближайших городах Кавказской области, а оттуда получают все для себя нужное». Чтобы сохранить поступление в казну доходов от меновых дворов, он предлагал запретить казакам всякое «непозволительное сношение» с горцами и продажу им соли, а также въезд горцам в пределы кавказской области. Однако эти меры не имели успеха, и пресечь растущие хозяйственные связи не удалось. Расширилась ярмарочная торговля в Моздоке, Георгиевске, Пятигорске и налаживались торговые отношения между народами Северного Кавказа.

Царское правительство было заинтересовано в том, чтобы использовать расширение русской торговли на Северном Кавказе для укрепления здесь своего политического влияния. Поэтому в новом «Положении о меновой торговле с горцами» от 09.02.1846 года предусматривалось через торговые сношения «приобрести доверие горцев». В соответствии с этим «Положением» значительно расширилось количество меновых пунктов, стали функционировать Нальчикский, Пришибский, Солдатско-Малкинский и другие меновые дворы, на которые горцы сбывали свои товары.

В 1849 году балкарцы, кабардинцы и дигорцы привезли в Нальчик: черкесок – 385, бурок – 120, шаровар – 330, сукна 1150 аршин, полстей – 415 и различных шкур около 1000 штук на сумму около 5500 руб., а купцы завезли в том же году товаров русской промышленности на 6743 руб., в том числе ситец, коленкор, шелковые материи, платки и др.

В 1864 году в Нальчике было три площади, одна из них – торговая, с 35 лавками, в том числе с красным товаром – 9, галантерейных – 3, бакалейных – 3, мелочных – 7, питейных – 12, трактир – 1. Торговцы доставляли в Нальчик продукцию российских фабрик и заводов, а вывозили: меха куниц, лисиц, волков, рысей, медведей, баранов; воловь и лошадиные кожи; говяжье сало, мед, воск, бурки, полсти, шитые черкески и др., которые выменивали на красный товар, сахар и напитки.

Купцы на ярмарках и базарах всячески обманывали неопытных в торговых операциях горцев, сбывая им недоброкачественные товары по завышенным ценам. Обмен был не эквивалентным, но торгово-экономические связи народов Северного Кавказа с русским населением способствовал дальнейше-

му развитию экономических и культурных связей и развитию экономического содружества между горцами.

Большим тормозом в развитии экономических связей между балкарцами и другими народами Кавказа в XVIII и в первой половине XIX века было неудовлетворительное состояние путей сообщения по труднодоступным ущельям рек Чегем, Баксан, Черек. Колесных дорог в горах не было. Сообщение с соседними народами поддерживалось по горным тропам, по которым пробирались вьючные животные, причем каждая поездка на плоскость отнимала 4–6 суток. Русский капитализм, взламывая патриархально-феодалную замкнутость, вовлекал горцев в сферу всероссийских хозяйственных отношений, и это вызвало острую потребность в строительстве колесных дорог, которое приняло большие масштабы с 1880 года. Их строительство способствовало укреплению связей с соседними народами и проникновению элементов капитализма.

8.1.4. Охота как отрасль экономики

Обилие и разнообразие животного мира Балкарии способствовали развитию охоты, являвшейся подспорьем в экономике. Археологические находки говорят, что основными объектами охоты были олени, туры, зайцы, медведи, волки, лисы и куницы (чей мех особенно ценился), а также птицы – дрофы, стрепеты, куропатки, горные индейки.

Хороший охотник считался человеком достойным и уважаемым в обществе. О них складывались народные песни. Охота большой хозяйственной роли не играла, но была окружена ореолом поверий и ритуалов. О роли охоты в балкарской среде говорит поклонение божеству «Апсаты» – покровителю диких животных, лесов и охотников. В честь него балкарцы делали различные изображения – каменные стелы в виде дикого животного. Одно из них было найдено в лесу Чегемского ущелья, часть его выставлена во дворе Нальчикского музея краеведения. Перед отправкой на охоту каждый охотник оставлял Апсаты по одной стреле, а при удачной охоте выделял ему часть охотничьей туши.

Балкария богата топонимикой, связанной с охотой: «Джугутурлу тѣбе» (турья гора), «Кийикли кол» (ущелье туров), «Кийик джалау чат» (котловина, где туры лижут соль), «Тонгузла кырылган жар» (откос гибели диких свиней), «Кийикле джюрюген джол» (турья тропа), «Тонгуз орун» (кабанье место), «Тонгуз кулак» (ущелье кабанов), «борсуклу» (обиталище барсуков) и многие др. У балкарцев немало имен производных от различных видов дичи «Джумарык» (улар), «Аючук» (медвежонок), «Алатаук» (дрофа), «Доммай» (зубр) и др.

Карачаевцы и особенно балкарцы создали немало поэм с охотничьими сюжетами. В поэме «Бийнегѐр» указывается конкретно место действия, упоминаются жители трех селений – Хулам, Чегем, Басхан. Интересно, что и в других

поэмах с охотничьими сюжетами упоминается только территория Балкарии, Карачая нигде нет, что наводит на мысль, что кубанское ущелье было заселено позже ущелий Балкарии и о том, что балкарцы отводили охоте больше места, чем карачаевцы. Но при этом они трепетно заботились о сохранении равновесия в природе. Даже само слово «уу» (охота) на балкарском языке означает – отрава, порча, а «уучу» (охотник) – отравитель. Они четко соблюдали, когда на какую дичь можно охотиться. По традиции охота начиналась лишь со второй половины лета и продолжалась до поздней осени. Основной целью охоты была добыча мяса для пищи и шкур, поэтому осень была самым подходящим временем, так как к осени любая дичь набирала в весе, и к осени вырастало потомство. Обычай запрещал охоту на маток дичи, чтобы не оставить их детенышей сиротами, а также охоту на диких коз во время гона (со второй половины ноября и до самого января). Охотники, нарушавшие эти этнические традиции, резко осуждались. За это по народному поверью жестоко карал и бог Апсаты.

Летом в горах пастухи выделяли из своей среды лучших охотников, которые на целые сутки уходили на охоту в недоступные горные места. Охотники имели специальную одежду и всевозможные приспособления. Для охоты и хождения в горах балкарцы использовали специальную обувь – «чабыры», которые изготавливали из сыромятной бычьей кожи с плетеной из ремешков подошвой. Чабыры заполнялись специально подготовленной мягкой сушеной травой и отличались легкостью и прочностью. Они не скользили по камням, цепляясь за них своей подошвой. В случае увлажнения было достаточно заменить их теплоизоляционное наполнение, имевшейся всегда в запасе сухой

травой. Для подъемов на кручи к ногам крепили «*тагай*» (приспособления типа современных «кошек»).

Благодаря своей экипировке и повседневному хождению по горам и скалам балкарцы и карачаевцы были искусными скалолазами, поражавшими своей ловкостью известных горвосходителей, специально обученных в лучших клубах Англии, Швейцарии и Германии. Они, по мнению многих авторов, были и отличными наездниками в горах, что было очень важно для охоты. Исследователь В.Ф. Новицкий отмечал, что «...по смелости, неутомимости и искусстве езды по крутым склонам гор и скалистым ущельям они превосходят соседей».

Охотники брали с собой породистых больших и сильных собак «*Каплан эгер*» (порода древних аланских собак) и «*самыр*» (огромная сторожевая собака), которые сопровождали охотников, пастухов и охраняли стада. Балкарцы разводили их специально, особенно в ущелье Иткол (ущелье собак) в Верховьях Баксанского ущелья.

Шкурки диких зверей: медведей (*айыу*), куниц (*суусар*), лис (*тюлкю*), зайцев (*коян*) шли на изготовление одежды, на обмен и продажу. Иногда подстреливали кабанов, во имя пророка Магомета (с.а.с.), хотя их мясо не употребляли в пищу. Зайцев и барсуков добывали для изготовления лекарств, но их мясо как пища не употреблялось.

Звери рассматривались как общее достояние. Добытое на охоте мясо считалось посланием Апсаты для всего рода, поэтому охотник никогда не оставлял всю добычу себе, а делился с родственниками и соседями. Охотнику

предписывалось знать меру. Убив 99 зверей, он оставлял это занятие, чтобы не навлечь на себя гнев Аpsаты – покровителя диких животных. Перед охотой охотники выполняли специальные обряды, которые должны были помочь удачно поохотиться и вернуться живыми и здоровым. К дичи было уважительное отношение – ее нельзя было бросать, катить, волочить. Запрещалось непочтительно о ней говорить. На охоте строго соблюдался обычай почитания старшего и взаимного уважения между возрастными группами. Старшему принадлежало право первого выстрела, которое он мог уступить самому младшему. Старшему и младшему полагалась отдельная доля – прибавка (*артык юлюш*): старшему – шкура, младшему – голова с рогами, из которых делали различные предметы домашнего обихода или украшения жилища. Рога серн использовались в доме в качестве вешалок, а задние ножки козули – как ручки камчи.

Горцы нередко приручали детенышей диких животных – турят, медвежат, волчат и птиц – индеек. «Горные индейки очень легко приручаются, – писал И.П. Тульчинский. – Горцы это знают хорошо, берут яйца индеек и кладут под домашнюю курицу и их птенцы легко живут в деревне». С развитием торговых отношений часть охотничьей добычи стала идти на продажу – лисьи, куньи, медвежьи, заячьи шкурки, кожи оленей и туров, оленьи рога выменивали на соль и фабричные изделия.

8.1.5. Пчеловодство

Богатые альпийские луга с ярко цветущей медоносной растительностью и лиственные леса были хорошей базой для занятия пчеловодством. Это одно из древнейших занятий балкарцев часто упоминается в фольклоре. Мед был любимой едой, особенно людей пожилого возраста, входил в число почетных кушаний. Мед высоко ценился ими не только как продукт питания, но и как лечебное средство при простудных заболеваниях и болезнях желудка и других болезнях. Балкарцы и карачаевцы употребляли мед в больших количествах, особенно до появления сахара. Мед подавался к мясным блюдам вместе с различными соусами, к дичи подавали дикий мед. Женское застолье не только не обходилось без меда, мед был составной частью почетных блюд, которые готовили для девушек и женщин. По словам этнографа К.М. Текеева «В балкарской и карачаевской пище, где мясные блюда занимали и занимают самое почетное место, блюда, приготовленные с добавлением меда, занимали самое престижное положение». Его применяли для приготовления мучных блюд, варенья, пастилы, напитков, праздничной бузы и пива. В Балкарии и Карачае было много долгожителей – людей, возраст которых был более 100 лет, чему, по мнению многих исследователей, способствовало употребление лечебного

меда и занятие пчеловодством. Семьи, у которых не было своего меда, закупали или выменивали его на другие продукты.

Кроме меда (*бал*), пчеловодство давало воск (*балаууз*), который ценился на меновых дворах и базарах значительно дороже меда. Из него делали свечи. Воск использовали и в хозяйстве балкарцев и карачаевцев, горцы применяли его для изготовления восковой материи «*мелте*», которую широко применяли в хозяйстве, в частности, для хранения продуктов. Пчеловодством занимались всегда. Вначале – это было бортничество (сбор дикого меда – «*кийик бал*»). Затем стали разводить пчел, но бортничество осталось одним из способов добывания дикого меда, который ценился выше, чем пасечный.

Пасеки держали на кошах, в теплых, безветренных и низменных местах, где была хорошая растительность. Лучше всего мед получали в местах, где рос «*бал ханс*» (медоносная трава). В первоначальном виде пчеловодство горцев было роебойным. Пчел не подкармливали, содержали в плетеных ульях (*бал четен*). Доставали мед в июле – августе. Мед с сотами помещали в мешковину. Воск оставался в мешке, а мед стекал в подставленную посуду. Воск собирали и растапливали для продажи. Пчеловодство считалось выгодным занятием. Один улей стоил столько же, сколько овца с ягненком. Знакомство с русскими приемами пчеловодства внесло изменения в старые методы пчеловодства. Возросла торговля медом, который начали возить на базары в Кисловодск, Баталпашинскую и другие станицы. Большим спросом пользовался мед на Дзегутинском базаре, где его покупали карачаевцы и русские. Например, в 1895 году в одном селе Карт-Журт было продано 150 пудов меда и 50 пудов воска. В конце XIX – начале XX века в Карачае почти не было крестьянского двора, не имевшего несколько улей, а богатые содержали 200 и более. В экономике Балкарии пчеловодство имело еще большее значение, чем в Карачае. Например, в 1909 году в Балкарии насчитывалось 23 большие пасеки, в них было 2 620 ульев, собрано 786 пудов меда и 69 пудов воска.

8.1.6. Садоводство, огородничество и сбор ягод

В балкарских ущельях издавна успешно занимались садоводством, выращивая различные сорта яблок (*алма*), груш (*кертме*), абрикосов (*шаптал*), слив (*эрик*), грецких орехов и вишни (*балли*). Особый микроклимат способствует выращиванию здесь больших урожаев яблок и косточковых. Верхняя Балкария и в настоящее время славится своими вкусными и красивыми яблоками, которые способны в течение долгого времени сохранять свой первоначальный вкус и аромат.

В Карачае садоводство зародилось позже. Здесь культивировались яблоки «*карачай алма*», груши «*карачай кертме*», сливы и вишня. В Хурзуке первым садоводом стал учитель Витковский, в Джегуте – И. Хубиев, а И. Крымшамхалов на своих землях в Теберде высаживал саженцы и выводил сам путем прививки новые более морозостойкие сорта. Еще в конце XIX века было престижным иметь свой сад.

Балкарцы и карачаевцы сушили яблоки дольками, алычу, черную сливу, абрикос и круглый год употребляли сухофрукты (*катханла*). Из яблок, черной сливы, абрикоса, вишни и различных диких ягод (кизила, алычи) и сухофруктов готовили компоты, щербеты и варенья.

Огородничество практиковалось в Балкарии и Карачае с конца XVII века. На приусадебных участках сажали редьку (*турма*), лук (*сохан*), чеснок (*сарымсак*), фасоль (*кудору*), морковь (*быхы*), тыкву (хыяр), картофель (*картоф*), а карачаевцы еще и табак (*тютюн*). Профессор Т.Х. Кумыков писал: «Площади огородов в Балкарии расширялись с каждым годом, и в 1909 году под ними было занято 349 десятин, в 1910 году – 432 десятин... Картофель вывозился из Балкарии за пределы Нальчикского округа и на местные рынки. В этот же год насчитывалось 120 фруктовых садов, которые занимали 50 десятин. Виноградарство и виноделие не получило распространения в силу господства мусульманства, запрещавшего употребление вина. В 1910 году было собрано 1050 пудов фруктов, а продано 210 пудов».

Картофель настолько вошел в жизнь горцев, что в Карачае в течение короткого времени был создан свой сорт картофеля, который давал хорошие урожаи в суровых природно-климатических условиях горного района. Соседние народы высоко ценили карачаевский сорт картофеля, который, в отличие от существовавших сортов, был морозостойким, скороспелым, вкусным, содержал высокий процент крахмала. Называли его «карачайкой». В Балкарии картофель тоже был очень популярен. По данным Г.Х. Мамбетова, «особенно широкое распространение картофель получил в селениях Баксанского ущелья, где в 1906 году было собрано 18376 четвертей, а в 1910 году – 22241 четверть. В Балкарии под картофелем была занята сравнительно большая площадь (358–420 десятин земли)».

Использование ягод и трав. Территория Балкарии была богата дикорастущими ягодами, которые широко использовали в пищу. «Обилие цветов, высокая пышная трава, густо разросшийся кустарник, знойное и, вместе с тем, ласкающее дыхание воздуха, все создавало такую иллюзию, будто мы в тропическом лесу, где в изобилии росли дикие груши, яблоки, малина, барбарис, черника, брусника и т. д. Здесь были прекрасные условия для развития пчеловодства», – отмечал в начале века В.М. Будрик. «Мед они употребляли

для того, чтобы засахаривать рябину и подобные ей ягоды и фрукты», – писал И.Ф. Бларамберг.

«В пищу балкарцев и карачаевцев входили дикие растения и плоды, – писал И.М. Мизиев. – Прежде всего – это дикие яблоки (*агач алма*) и груши (*агач кертме*), лесные орехи (*чертлеук*), различные корнеплоды и травы: *чурко* (разновидность репы), *оразык* (морковник), *зыка* (разновидность кресс-салата), *мант* (лопух) и т.д. Употреблялись многие травы: например, «*жыгыра*» (укроп) как приправа, «*дугума*» (мята) как заварка чая. Сушились и употреблялись различные соки деревьев (березы, липы), в большом количестве употреблялись и ягоды».

В лесах росло много диких ягод и кустарников: «*нанык*» (малина), «*жилек*» (земляника), «*кара ишхилди, кызыл ишхилди*» (черника и брусника), «*гургум*» (крыжовник), «*жабышмак*» (боярышник), «*тукузгю*» (рябина), «*кара кайын*» (черемуха), «*итбурун*» (шиповник), «*тюртю*» (барбарис), «*касмак*» (облепиха), «*уллу ёзек*» (бузина), «*дыгынеп*» (ежевика), «*муркку*» (калина), «*заба бюртюк*» (клюква), «*кара дугум, кызыл дугум*» (смородина черная и красная), «*кара кёкен*» (терн), «*чум*» (кизил), «*агач кертме, агач алма*» (дикие груши и яблоки), «*нанык терек*» (тутовник), «*кышхамиш*» (шишки), «*чертлеук*» (лещина), «*чынар*» (чинар), «*маяр*» (орех лесной). Журналист И.И. Полищук в статье «Что мы оставим потомкам?» о лесных богатствах Балкарии писал: «Всего лишь 60 лет назад в лесах Кабардино-Балкарии росли огромные чинары диаметром более двух метров. Теперь даже полуметровые очень редко встречаются, а чинаровых трехгранных орешков наша молодежь и не видела, хотя перед Великой Отечественной войной балкарцы такие орешки на базар привозили целыми подводами».

На склонах гор и альпийских лугах горцы собирали растения для употребления в пищу и в качестве лекарства. В качестве лекарства собирали сосновую смолу, иглы сосны и ели. Из этих игл готовили лекарства для скота. Грибы в лесах Балкарии и Карачая растут в большом количестве, в том числе и огромные белые грибы. Однако горцы не кушали грибы из-за пренебрежительного отношения к ним (грибы часто росли в навозе), но местные лекари готовили из мухомора лечебное средство против рака. Это снадобье не только облегчало страдания больного, но и продлевало ему жизнь. К сожалению, рецепты этих лекарственных средств были утрачены, но ученые уже нашли в мухоморе противораковые свойства.

8.2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Одежду карачаевцы и балкарцы шили из домотканых сукон, войлока, обработанной кожи, сафьяна, мехов и пр. С развитием торговли и обмена либо вся одежда, либо ее отдельные элементы изготавливались из фабрично-заводских тканей. Археологические находки говорят о том, что сюда доставлялись шелка из Китая, Индии, Персии и Европы. Основным видом украшений верхней одежды мужчин и женщин была меховая оторочка по подолу, рукавам и вороту. Чисто мужским украшением костюма были кожаные ремни с серебряными, позолоченными пряжками, висячими язычками и бляшками.

Платье XIII–XIV веков представлено находками из Байрымского могильника: кафтан из плотной шерстяной ткани с меховой оторочкой и надеваемой под него рубахой широкого покроя типа кимоно с длинными рукавами. Здесь же попадались фрагменты обуви, изготовленной из кожи различной обработки. В археологическом материале XIII–XVIII веков достаточно широко представлены элементы женской одежды – пуговицы, застежки, пряжки и бубенцы. Их описание и типология даны в книге И.М. Мизиева. Важным источником для понимания форм одежды предков балкарцев является археологический могильник VIII века в Моцевой Балке в Карачае, состоящем из наскальных гробниц, каменных склепов и захоронений в небольших гротах. Здесь были найдены образцы средневековых халатов, кафтанов широкого покроя типа кимоно, головных уборов и обуви характерных для аланов и болгар того времени.

8.2.1. Мужская одежда

Мужская одежда состояла из войлочной бурки, меховых шуб, кафтанов, шелковых рубашек, ноговиц, горских «чабыров» и «чарыков» из обработанной кожи и шкур крупных животных. Обращает на себя внимание наименование: «чабыр», что на древнетюркском языке означат «обработанная кожа», а «чарык» – общетюркский термин – обувь, тапки. Отдельные фрагменты этого костюма археологи находили в балкарских склепах XIV–XVII веков. На основе их анализа, И.М. Мизиев полагает, что мужская одежда этого периода «не очень отличалась, по крайней мере, по своей форме и фактуре, от одежды XVIII–XIX веков, зафиксированной этнографически.

Головные уборы, одежда, обувь и прочее имеют глубокие исторические корни и сложились на протяжении многих столетий». Мужская одежда включала:

– головные уборы: «башлык» (наголовник) из домотканого шерстяного сукна; (*чырпа бёрк*) – круглая высокая меховая шапка; «керпе бёрк» – шапка из

Форма одежды князей Исмаила Урусбиева и Асланбека Шакманова

мерлушки; «калфак» – широкополая войлочная шляпа и шляпы с конусообразным верхом);

– теплую одежду: «тон» (шуба) разных видов из хорошо обработанной овчины или меха; «жамчи» (бурка) из войлока; повседневный бешмет или «каптал» (кафтан); «габарай» (жилет), надеваемый под бешмет и изготовленный из хорошо обработанной кожи, сафьяна или ткани с подкладкой; «чебкен» (черкеска), изготовленный из домотканого черного или серого сукна, а для сословной верхушки из белого сукна. Чебкен плотно облегал фигуру, расширялся к низу, вместо воротника был вырез на груди, из которого выглядывал бешмет;

– верхнюю одежду: «тыш кёлек» (верхняя рубаха) с плетеными самодельными пуговицами; «ич кёлек» (нижняя рубаха, белье) со стоячим воротом;

– верхние штаны – «тыш кёнчек» из грубых домотканых сукон и нижние штаны «ич кёнчек»;

– несколько видов узких кожаных поясов с различны-

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

ми украшениями. Весь поясной набор назывался «мет»; к поясу прикреплялись коробочка – сальница, сумочка для пуль, кинжалы и другое оружие;

– обувь: «чабыры» из сыромятной телячьей кожи с цельной или ременной плетеной подошвой; парадно-выходные «чарыки» – остроносые сафьяновые тапочки; «шым» (ноговица) из грубого домотканого сукна или сафьяна и мягкой подошвой, вправляемые в чабыры и чарыки; «чурук» (сапоги) из сафьяна с твердой подошвой из бычьей кожи.

Обязательными элементами мужского костюма были войлочная бурка, черкеска, бешмет, ремень и меховая шапка. Мужская одежда горца в присущих ей сдержанных тонах и строгостью приспособлена к условиям деятельности воина, наездника, пастуха. Она не стесняет движений и подчеркивает силу и красоту мужской фигуры – широкие плечи, узкую талию и стройность фигуры.

Виды войлочных бурок с башлыками шляпой

Основным украшением мужского костюма были кинжал, пояс и «газыры» – готовые, что изначально означало *готовые заряды для ружья*, как «газыри». До появления готовых к стрельбе патронов мужчины заготовленные заряды носили в маленьких нагрудных кармашках черкески – в газырях. С появлением патронов эти газыри стали элементом украшения с различными навершиями из серебра и позолоты.

8.2.2. Женская одежда

О женской одежде дают полное представление археологические находки во многих пунктах Балкарии. Женский национальный костюм имеет гораздо больше черт самобытности, чем мужской. Это связано с социально-историческим положением женщины-хранительницы очага и творческими устремлениями талантливых мастериц. Один из наиболее полных наборов балкарской женской одежды XIV века, найденный в Верхнем Чегеме, хранится в Краеведческом музее города Нальчика.

В состав женского костюма входили те же составные части, что и в мужской:

шуба, жилет, кафтан, платье из фабричного и домотканого сукна, нательная рубашка, штаны и обувь (сафьяновые сапожки, ноговицы, чарыки). Она включала также меховые и войлочные шапочки с металлическими навершиями, украшенными драгоценными камнями, диадемами со штампованными рисунками, и различные накидки. Женский костюм дополнялся многообразными украшениями: перстнями,

кольцами, серьгами из серебра и золота, туалетными сумочками, которые говорят о высоком уровне ювелирного мастерства балкарцев.

Женские рубашки сохраняли наиболее архаичные туникообразные черты. Они кроились из домотканого сукна или привозного шелка и льна без шва на плечах, путем использования одного полотнища, перекинутого через грудь на спину. Разрез вокруг шеи и на груди обуславливал рациональное использование ткани. Края рубах обшивались декоративной тесьмой или позументом. Молодые девушки предпочитали ткани и тесьму яркой расцветки (красные, малиновые, оранжевые). Женские шаровары отличались от мужских не столько покроем, сколько качеством ткани, легкостью и яркой расцветкой.

Верхняя одежда была длиннополой распашной с орнаментом на обеих полках ниже пояса и рукавах. Украшались они вышивкой, аппликацией кожи,

мехом и металлическими пластинками. Еще в аланскую эпоху были распространены украшения в виде золотого шитья, золоченой кожи, позолоченных бляшек и бубенчиков, которые преемственно сохранялись до XIX века. Эти древние следы имели глубокие традиции и сохраняли свои элементы почти без изменений.

Довольно длинный распашной кафтан одевался поверх рубашки и шаровар, как видно по рисункам XVIII века. В прорези кафтана проглядывал «*тьюме*» (нагрудник). В XIX веке женской кафтан шился в талию с более сложным раскроем спинки и расширением книзу, повторяя покрой мужских кафтанов. Для пожилых женщин он шился из домотканого сукна, а более нарядные девичьи кафтанчики – из ярких фабричных тканей (атласа, бархата). В нарядных богатых бешметах пришивались металлические, часто серебряные и даже золоченые застёжки.

Важным элементом наряда балкарской женщины являлось длиннополое распашное платье (жыйрык) с серебряным нагрудником и серебряным поясом (кямар), обшитое тесьмой по краям подолов, рукавов и вдоль продольных швов. Такие нарядные платья имели откидные ложные рукава с прорезью в верхней части, зафиксированные на рисунках XVIII века, и сохранявшиеся и в XIX веке. Очевидцы отмечали: «...их руки, покрытые рубашечными рукавами из красного или желтого шелка, проходят в отверстия рукавов платья, а эти последние, разрезанные по всей длине их, болтаются вокруг стана». Одновременно с ним существовали и простые облегающие рукава, спускающиеся чуть длиннее кисти рук. К середине XIX века появился рукав с оборками, пришиваемыми выше локтя. Из-под них спускались широкие нижние рукава, полностью закрывающие кисть руки, выполняя подчеркнута декоративные функции. К концу XIX века рукав стал облегающим и длинным, а из-под него продолжали выглядывать яркие рукава нательной рубашки, пока в начале XX века их окончательно не вытеснили манжеты. В грудной разрез платья выглядывала часть кафтанчика, превращая его в нагрудную манишку.

Пояс входил составной частью в общий комплект металлических украшений

Виды традиционного платья балкарок конца XIX века

женской одежды. На раннем этапе пояс изготавливался местными мастерами, которые отливали металлические бляшки и накладывали их на сыромятный ремень. Позже появились пояса из отдельных металлических пластинок, насаженных на ремennую основу, а еще позже металлические пояса, пластинки которых скреплялись на соединительных шипах. Такой чеканный металлический пояс уже самим материалом и конструктивными особенностями вносил строгость в общий ансамбль одежды, не создавая ни напусков, ни пазухи, как в одежде других народов, выявляя в женской фигуре изящество и легкость.

Обувь балкарских женщин не сохранилась во всех ее многообразных формах, но при длинных до земли платьях и шароварах она играла значительной декоративной роли в ансамбле одежды. Формы женской обуви мало менялись с веками, имели примитивный покрой из цельного куска кожи (формы женских ноговиц сохранились до сих пор). Способ желобчатого вдавливания узоров на коже являлся единственным из дошедших до нас форм украшения обуви.

В повседневной жизни широко использовались легкие «чарыки» из мягкой козлиной кожи. Долгое время они изготавливались без подошвы, с продольным швом. С появлением подошвы чарыки стали изготавливать из суконной ткани, украшая верх аппликацией из цветного сафьяна. Потом появились нарядные привозные сафьяновые чувяки ярких цветов.

При торжественных выходах княгини одевали богато орнаментированные «ходули» – деревянные подставки для ног. Из-за непригодности для ходьбы в

горах они применялись редко – в основном представительницами знати для подчеркивания своей сословной принадлежности.

Головным убором женщин в основном служили круглые и граненые с конусообразным верхом шапочки, изготовленные из дубленой кожи, войлока и ткани. Шапочки украшались полудрагоценными камнями, бронзовыми пластинками и навершием. Лицевую часть украшали металлические диадемы, которые были нескольких видов. В погребениях Карт-Журтского могильника были найдены фрагменты женских шапочек, украшенных темно-синими и голубыми глазками из аметиста и белых камешков. В XV–XVIII веках происходит замена островерхих конических шапочек на цилиндрические с плоским верхом.

Женщины обязаны были скрывать свои волосы «во избежание зла» и головной убор готовился весьма продуманно. Типы женских головных уборов балкарок были довольно разнообразны:

А) Высокая конусообразная шапочка, не удобная в быту, одевалась в торжественных случаях. Она имела войлочную основу с нашитыми бронзовыми металлическими пластинками в виде желобчатых полос, прогнутых в три параллельных ряда, и связанных между собой проволочными узкими скрепками. С течением времени они заменились более дешевыми, но не менее красивыми узорными галунами, вытканными из золотых нитей. Одной из распространенных форм была высокая цилиндрическая шапочка с круглым навершием, украшенным радиально направленными к центру галунами. Она напоминала куполообразную шапку, разбитую на дольки, бытовавшую в XVIII веке и у мужчин. Цилиндрическое основание женского головного убора сплошь покрывалось золотыми позументами. Но чаще они покрывались золотым шитьем с орнаментом «*кочхар мьююз*» (бараньи рога).

Б) Шапочка с более острым коническим навершием и сравнительно низким цилиндрическим основанием. Принцип наложения галунов тот же, что и в предыдущем типе. Ими создавалось впечатление как бы литой металлической поверхности. В верхней части галуны располагаются по граням пирамидального навершия. К ним часто добавлялись украшения в виде литых металлических птичек, имеющих древние истоки.

В) Невысокий цилиндр с плоским доньшком, обтянутый бархатом и покрытый золотым шитьем растительного орнамента. Часто такую шапочку украшали металлическим навершием, сеткой, сплетенной из золотой нити. Балкарские и карачаевские девушки свои шапочки иногда украшали монетами, что обычно свойственно тюркоязычным народам.

Семья князя Урусбиева

Самым распространенным головным убором женщин-горянок к концу XIX века стал платок. Завязанный концами на затылке, с выпущенным наружным углом, платок придавал мягкую грациозность фигурам девушек. Девичья коса обхватывалась свободным узлом платка, свободно ниспадая по спине. В прохладную погоду сверху надевалась шаль, иногда завязываемая на талии, в других случаях набрасывалась на плечи. Нарядный платок с бахромой, ставшей модной в конце XIX века, драпировался женщинами на плечах характерными мягкими складками по возможности симметричными полукружиями.

В costume девушек большое внимание уделялось его зрелищной стороне. Платье, облегаящее плечи и грудь, подчеркивало стройные пропорции фигуры. Для формирования красивой фигуры и сохранения ее стройных форм носили корсет. Он надевался на девочку в семилетнем возрасте и не снимался вплоть до замужества. Это вырабатывало тонкую талию, прямую фигуру, сохраняющуюся у горянок до старости.

Платья из дорогих бархатных и нарядных атласных тканей, украшенные золотым шитьем, металлическими застежками и узорным поясом, обычно одевались в торжественных случаях.

Основой наряда балкарской женщины являлось распашное платье с серебряным нагрудником и серебряным поясом (*кямар*). Законченность ее оде-

Княгиня Шакманова

Группа балкарских женщин (XIX век)

янию придавал белый шёлковый платок (*жаулук*) расшитый вручную шёлком с бахромой по краям. В зависимости от материала было несколько версий названия этих платков: «*гиранча*», «*чилле жаулук*», «*жибек жаулук*», «*ипек жаулук*» и т. д. Если платок был расшит шёлковыми нитями по всему полю, его называли «*сау чилле жаулук*» (сплошной шёлковый платок). Стоимость его была очень высока, так как мастерицы могли до 6 месяцев потратить на оформление такого платка.

Современные балкарские девушки в национальной одежде

С женским платком связано много различных народных обычаев. Например, новорожденного ребенка во время «курманлыка» (праздника в честь новорожденного) младшая невестка со стороны матери торжественно выносила к родственникам отца младенца, завернутого в дорогой платок, к одному из уголков которого обычно привязывали золотое кольцо, и торжественно вручает свекрови роженицы, которая принимает младенца и вручает невестке дорогой подарок. Другим примером может служить обычай, когда женщина могла остановить кровопролитие, обнажив свою голову, и бросив свой платок между враждующими.

Карачаево-балкарская народная одежда оказала существенное влияние на одежду соседних народов. Об этом свидетельствует наличие форм одежды со своим изначальным названием, которое перенимается народом вместе с самим предметом, например, галифе, фуражка, костюм, билет и т. д. Например, бытующий у всех народов Кавказа термин башлык не мог получить такое распространение без самого предмета. Если бы башлык был изобретен другим народом, то у него нашлось бы слово, чтобы назвать наголовник на своем языке. То же самое относится и к терминам «аркалык» (наспинник), «газыри» (готовый) и многое другое.

8.3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Украшения одежды в Балкарии имели декоративно-художественное и древнее смысловое значение. Их корни восходят к первобытной магии создания талисманов, оберегов и амулетов, носимых на груди и поясе.

У мужчин основными видами украшения были украшение мужского костюма кинжалом, поясом и газырями и украшения сбруи и седла коня.

Мягкие седла привилегированного сословия

Жесткое пастушье седло и уздечка

Женский костюм отличался разнообразием и богатством различных украшений: вышивка шапочек, кафтанов и платья золотыми и серебряными нитями, галунами, бубенчиками, диадемами, обшивка швов одежды тесьмой, декоративные нарукавники, а также всевозможные серьги, кольца, браслеты, нагрудники, сумочки, пояса, украшенные золотыми и серебряными пряжками, застежками и т.д.

Важное место в декоративном оформлении женской одежды балкарских и карачаевских женщин занимало шитье золотыми и серебряными нитями.

Виды старинных и современных кинжалов

Широко применялись также накладные бронзовые, серебряные или золотые узорчатые пластины. Эти пластинки располагаются, как у половецких статуй на рукавах, на нижних полах кафтанов и на груди. Вероятно, такой способ украшения унаследован у скифов, которые широко применяли накладные украшения из золотой фольги и золоченой кожи на одежде, конских сбруях и седлах.

Накладной тип украшения отмечен и в меховой оторочке женского платья из Байрымского захоронения. По всей видимости, крупными металлическими пластинками были обшиты края мужского бешмета на Этокской статуе. Археологические материалы показывают, что костюм алан был украшен не только золотым шитьем, но и аппликацией из золоченой кожи. Техника аппликации была привычным способом украшения одежды предков карачаевцев и балкарцев, у которых она до сих пор имеет широкое распространение в войлочном ковровом производстве и в женском костюме, в котором сохранился древний способ украшения платьев металлическими бляхами и золотым шитьем с рогообразными зубцами и трилистниковыми золотыми пластинками.

Древними традициями можно объяснить также тяготение народных мастериц к *украшению одежды тесьмой*. В мужском костюме тесьмой окантовывались швы одежды, из нее выделялись петли и пуговицы. Это делалось и в женской одежде, но в более художественном оформлении, с использованием техники сложных узоров, основанной на проворстве пальцев мастериц, хитрые узоры которых назывались «*шайтан чалыу*».

В Балкарии было хорошо развито и искусство изготовления *золотых га-*

лунов, отличающихся богатством орнамента, ритмами переплетения нитей, четкостью узоров, сделанных горскими мастерицами. Широкое и разнообразное использование золотых галунов не только в женской и мужской одежде, но и в украшении некоторых бытовых предметов способствовало развитию многообразия их форм.

Одним из важных элементов женской одежды был *пояс*, служебная функция которого органично слита с декоративной. В ранних формах повторялись приемы украшения мужского пояса, состоящие из металлических узорных пластин, нанизанных на шелковую ленту. Например, женские пояса, найденные в погребениях у Карт-Джурта и Ташлы-Тала, состоят из четырехугольных выпуклых пластин с небольшими отверстиями по углам, образующих составной пояс. Пластины покрывались различными узорами. Эти пояса XV–XVIII веков

Нагрудники и пояса балкарских и карачаевских женщин

послужили прототипом позднейших женских поясов, которые окончательно сложились к XIX веку, когда сложилась форма верхнего платья – «чепкен». В начале XIX века появились пластинчатые женские пояса на ленте или сыромятном ремне, но даже к концу XIX века, когда дагестанские ювелиры вытеснили местных мастеров, в формах металлических поясов балкарские и карачаевские женщины – заказчицы сохранили глубоко традиционные местные мотивы.

Важным элементом балкарского женского костюма является «*тюйме*» (нагрудник). Нашиваемые на нарядную ткань почти вплотную друг к другу несколько рядов металлических застежек образуют эффектную декоративность, обеспечиваемую сверкающими позолоченными гранеными и выпуклыми пластинками с накидными кольцами в центре. Таким образом, застежки выполняли не только служебную функцию (скрепляли полы), но и декоративную роль. В древних погребениях (например, у Тышлы-Тала) застежка представляла собой одну широкую выпуклую пластинку и накидной петлей. В последующем она постепенно удлинялась, принимала характерный для современных украшений вид горизонтальных планок с выпуклиной в центре и петлей для застегивания. Дагестанские мастера, выполнявшие с XIX века нагрудники на заказ, лишь повторяли старые формы украшения, издавна сложившиеся в Центральном Предкавказье.

В современной женской одежде используются также металлические узорные застежки наподобие элементов вышивки рогообразной формы, пришиваемые в угол подола. В углу подола помещалась треугольная орнаментированная пластинка с растущими из ее основания завитками. Такие же рогообразные или в виде ветки растения завитки пришиваются вдоль разреза платья.

Из подобных рогообразных веток, скрепленных между собой, изготавливался и *женский браслет*, соединенный на шипах, который браслет надевался на руку поверх рукава платья. Характер ромбического узора на них в виде рогообразных завитков, украшенных лепестками, говорит о национальной самобытности этого украшения, о влиянии овцеводческих традиций.

Для золотого шитья карачаевской и балкарской женской одежды характерна техника накладывания металлических нитей на высокую нитяную основу – подкладку. Это придавало объемную рельефность, сохраняла сходство с литыми металлическими фигурками. Золотые нити в шитье накладывались плотными рядами, скреплялись тонкой шелковой ниточкой. Готовая деталь проклеивалась с изнанки, что придавало ей не только прочность, но и монолитность. Многовековая практика мастериц и большой художественный опыт позволял вышивать не только простой сеточкой (*тертгюл тахта*) или косыми штрихами (*басма тахта*), но и елочкой (*чалдыш тахта*), в виде кирпичной кладки (*узун тертгюл тахта*), а также с длинными диагоналями (*тыяк ур-*

ган тахта). Самым распространенным в народном золотом шитье является ромбический рисунок с различной густотой решетки.

Угол полы женского кафтанчика или платья заполняется обычно сплошным монолитным мотивом в форме треугольника в ажурной форме с зигзагообразными полосами и рогами, вышитыми нитками другого цвета. На кафтанчике вышивка занимает нижние полы и рукава, на платье – вдоль разреза и внизу по подолу и на нарукавных подвесках.

В орнаментике золотого шитья на подоле женских платьев встречаются кружки, по-видимому, связанные с древней культурой скифов. Но в балкарской и карачаевской вышивке они плотные, рельефные, как бы литые, кружки благодаря специфичности техники золотого шитья «вприкреп», напоминают пришитые к платью золотые монеты. Из серебряных нитей, так же как и из золотых, плетется окантовочная тесьма, которая входит существенным компонентом в общий рисунок шитья. Шнур придает завершенность форм и скрадывает места стыка вышитых деталей.

В Балкарии и Карачае одним из рисунков золотого шитья был тюльпановидный цветок, на основе которого создавались целые композиции со сдвоенными цветами и кружками. Цветочные мотивы в золотом шитье встречаются и на девичьих шапочках, и на бытовых предметах – кисетах, сумочках, детских подушках.

С появлением новых фабричных материалов появилась возможность украшения платья бисером, блестками в сочетании с золотым шитьем, но с распространением фабричного стекляруса, позументов, крученого разноцветного шелка, бисера балкарская вышивка стала постепенно терять свою самобытность и внутреннюю логику.

В целом искусства украшений балкарской женской одежды, ковроделия и резьбы по камню, имеет древние истоки, в которых наглядно просматриваются два главных культурных течения – степная кочевническая и местная кавказская. Слившись воедино в формах костюма, они сохранили отличительные особенности в его украшениях.

Следует отметить, что длительные культурные контакты народов Северного Кавказа, одинаковые природные условия и общность исторических судеб привели к формированию сходных художественных вкусов, способствовали сложению единого облика кавказского костюма и его функционально-декоративных украшений, как кинжал и газыри. Мужской костюм сдержанностью цвета и форм, блеском оружия и газырей подчеркивает черты воинственности и изящества, а женский наряд вызывает ощущение жизнерадостности, спокойной величавости и монументальности. Наиболее полно эстетические качества женской одежды раскрываются в торжественно медленных и плавных ритмах танцевальных движений горянки.

8.4. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Н.М. Будаев

История развития и бытования карачаево-балкарских народных музыкальных инструментов остается одним из наименее исследованных областей кавказского музыковедения. В то время как народные песенные традиции уже давно стали предметом тщательного изучения, народный музыкальный инструментарий должного внимания к себе не привлек. В этой области до сих пор не издано ни одной обобщающей работы, а число опубликованных – предельно мало. Изучение национальных музыкальных инструментов на Северном Кавказе было делом редких энтузиастов. Имеется крайне ограниченный ряд публикаций, чаще всего представляющих собой не полное описание инструментов. Отсутствие монографических работ по традиционным музыкальным инструментам народов Северного Кавказа осложняет совокупное осмысление инструментальной культуры региона, определение общего и национально-специфического в традиционном музыкальном творчестве народов Кавказа, разработку таких важных проблем как взаимовлияния, генетическое родство, типологическая общность, национальное и региональное единство и своеобразие в исторической эволюции жанров.

Русская историческая наука XIX века в основном посвящена перипетиям Кавказской войны, военным событиям, вооружению и амуниции горцев. В этом смысле карачаевцам и балкарцам улыбнулась удача – уже в середине XIX века их музыкальная культура привлекла внимание целой когорты выдающихся представителей русской интеллигенции (С.И. Танеев, Н.А. Римский-Корсаков, М.А. Балакирев, Н.Я. Ярошенко, М.М. Ковалевский, М.И. Иванюков, В.Ф. Миллер). Их усилиями музыка и инструменты карачаево-балкарского народа описаны достаточно полно и подробно.

В 1886 году в журнале «Вестник Европы» вышла статья Танеева С.И. «О музыке горских татар», позже, в книге «Памяти С.И. Танеева», опубликованы 20 песен с нотами, записанных у Урусбиева. В этой же книге впервые описаны музыкальные инструменты карачаевцев и балкарцев. Оригиналы нотных записей 20 песен хранятся в Доме-музее П.И. Чайковского в городе Клин. В прошлом веке ряд карачаево-балкарских песен («*Канамат*», «*Жёрме*», «*Галалау*») и около 30 наров были включены в статью «Карачаевские этюды», опубликованные ученым В. Преле в венгерском журнале «*Keleti Szemle*» (№ 10. 1909). К сожалению, в тот период полная классификация тюркских музыкальных инструментов составлена не была, не были типологически описаны и их ареальные и временные модификации. Старинные экспонаты ка-

рачаево-балкарских музыкальных инструментов уже в те времена попали в музейные коллекции Москвы, Санкт-Петербурга и Тбилиси, но они отсутствуют в Этнографическом музее г. Нальчика.

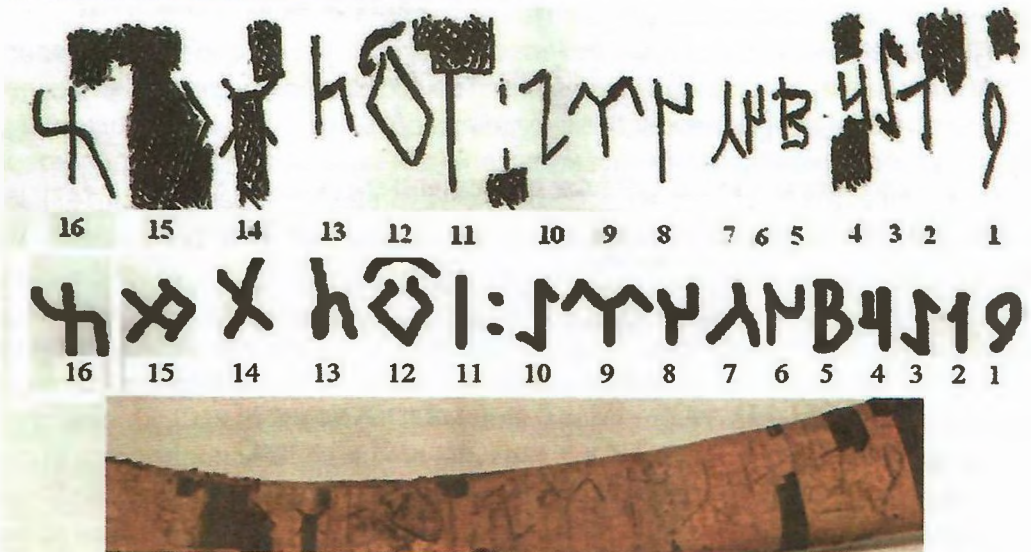
Огромный пласт информации в области музыкальной традиции до недавнего времени сохранялся в национальной среде. Благодаря этому, освещение множества вопросов возможно в режиме прямой констатации первоисточника. Информации народных певцов и сказителей, мастеров-изготовителей зафиксирована в полевых этнографических материалах, которые собрали С. Шахмурзаев, М. Джуртубаев, Х. Малкандуев, К. Алиев, Х. Лайпанов, А. Караева, Ф. Урусбиева, Х. Суюнчев, Ф. Ортобаева, Т. Хаджиева, Р. Боташев и др.

Исследование музыкальной культуры народов выявляет стиль их жизнедеятельности, быт, вкусы и нравы. Изучение генезиса музыкальных инструментов дополнительный и весьма убедительный источник изучения материальной культуры народа и его наследия, чётко отражающий этнические взаимоотношения и взаимовлияние народов в сфере быта, обычаев, обрядов и эстетического сознания. Многовековые контакты народов Евразии способствовали становлению современных музыкальных инструментов Северного Кавказа, в этой связи трудно определить родину некоторых инструментов.

В карачаево-балкарском музыкальном инструментарии известны струнные, духовые, ударные инструменты и их разновидности. Почти все виды музыкальных инструментов имели название «кобуз» с добавлением его типа (струнный, духовой, ударный). Это название можно встретить в источниках X–XII и последующих веков, в словаре Махмуда Кашкарского [1, с. 365] и ДТС, с. 451], в мамлюкских словарях Египта.

По сведениям Ф. Кепирли, в войсках Египетских мамлюков-тюрок пелись песни и сказания, сопровождавшиеся игрой на кобузе перед началом сражений. Исходя из данных археологии, можно утверждать, что одним из древнейших смычковых прототипов является музыкальный инструмент V века до новой эры, найденный в 1947 году в Пазаржикском кургане № 2 [Басилов, с. 147]. Не менее интересен струнный инструмент, найденный в 2008 году в пещере Алтайского хребта, датируемый IV–V веками. Примечательно, что на грифе этого инструмента выгравирована руническая надпись древнетюркским текстом.

Известно также изображение двухструнного музыкального инструмента на мужской половецкой статуе, в котором Н.И. Веселовский усматривал типично кочевнический струнный инструмент «комус» [Плетнева, с. 210]. Многострунная арфа изображена на поясе скульптуры воина из Краснодарского Края. [Плетнева, с. 32]. Во всех эпосах тюркских народов упоминаются музыкальные инструменты: «*кыл кобуз*» и «*сыбызгы*» (свирель). Весь имеющийся археологический и этнографический материал подтверждает, что музыкальный инструментарий известен тюркским народам с глубокой древности.

Старинный струнный инструмент – «Жия кыл кобуз» с руническими письменами (РЭМ, коллекция 1256 – 45 а)

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

Как правило, инструменты передавались по наследству. Издавна существовал обычай состязания между певцами, певцы поочередно пели под музыку кобуза героические песни. Умение играть на музыкальных инструментах ценилось у тюркских народов не меньше, чем храбрость и отвага в сражениях – своеобразный реликт древних представлений о магической силе воздействия музыкального звука. Именно эти свойства кобуза нашли наиболее широкое развитие в художественно-образном мышлении карачаево-балкарского народа, воплощённые в сюжетах эпических сказаний, богатырских сказок и преданий.

Певцы-дружинники, участвовавшие в походах, вдохновляли войско своими сказаниями, и, являясь хранителями героического наследия народа, занимали особое статусное положение в обществе. Закономерно, что умение играть на кобузе считалось серьезным мужским занятием, слово «играть» – «сокъ», «къакъ» имеет связь с семантикой битвы. Звуки на кыл кобузе, «агац кобузе» извлекаются, как на балалайке, пальцами правой руки приемами удара по струнам сверху вниз или снизу вверх, тремоло, бряцаньем и щипком. Что характерно, в эпосе тюркских народов образ богатыря связан двумя несовместимыми началами – сочетанием воинственности и привязанности к музыке и песням, причем, в некоторых случаях герои сами являются мастерами, и изготавливают себе музыкальные инструменты.

Феодалы и представители воинской знати были больше приобщены к национальным музыкально-исполнительским традициям. Например, в XIX веке одним из лучших исполнителей нартского эпоса и балкарских песен был князь Исмаил Урусбиев, удививший своим искусством великого русского композитора С.И. Танеева. Другой балкарский князь – Солтанбек Абаев, попав в Санкт-Петербург, блестяще выдержал вступительный экзамен и в первом наборе поступил в Петербургскую консерваторию. Он был сокурсником великого русского композитора П.И. Чайковского и впоследствии восхищал современников виртуозной игрой на скрипке. Это была не случайность, он и на родине был известным мастером игры на народном смычковом инструменте – «жия кыл кобуз».

Существовали несколько видов кобузов, с деками в виде лодочки, лопаты или грушевидной формы. Корпус изготовлялся из цельного дерева (клена), три или две струны изготовлялись из «кыл» (конский волос) или высушенных кишок (катык). На щипковых инструментах были лады (сначала 6, а позже 12 ладов). Они изготавливались из кишок и завязывались на грифе по количеству ладов.

Интерес представляет этимология слова кобуз в тюркских языках; «кобузак» (древесная кора), «кобур» (сосуд, футляр), «кобу» (выдолбленный, пустой), «кобрак» (дудка и растение из которого его изготавливают). Во всех этих значениях слова просматривается семантика «полый футляр». В карачаево-балкарской инструменталистике существует еще одна разновидность

скрипки, названием «чёмюш кобуз», близкая к азербайджанской, турецкой и крымско-татарской скрипке – «кяманчи». Эти два инструмента объединяет не только форма корпуса, удлинённый гриф, и кожаная дека, но и общая этимология названия «чемюч» (большой ковш) – деревянный сосуд с длинной ручкой.

В славянских письменных источниках термин кобуз, комуз, кобоз встречается в начале XIII века. Семантические исследования показывают существование аналогичных названий у многих народов: сербохорватское – «*korus*», венгерское – «*koboz*», румыно-молдавское, украинское и болгарское – «*кобза*» и т. д. Происхождение этого термина сомнению не подлежит, так как во всех тюркских языках кобуз – музыкальный инструмент [Радлов, II, с. 654–670, 1036]. Этимология слова однозначно восходит к тюркской семантике «обочка», «футляр». Следует обратить внимание, что С.И. Танеев отметил что «У горских татар есть люди, специально занимающие этим искусством...», т. е. профессиональных музыкантов.

Одним из первых в советское время исследователем карачаево-балкарского инструментария был В.Г. Ойberman – профессиональный музыкант с консерваторским образованием по классу валторны. Выйдя на пенсию, он занялся изготовлением музыкальных инструментов. Еще до приезда в КБР он заинтересовался музыкальными инструментами народов Кавказа; считал, что на Кавказе сохранились наиболее архаичные типы инструментов. Он отмечал: «Меня очень заинтересовали народные инструменты карачаевцев и балкарцев, народ, из среды которого вышел такой гениальный скрипач как Солтанбек Абаев, должен был иметь богатое музыкальное наследие. Я начал искать в этнографических музеях инструменты карачаево-балкарского народа. Удивительно, что первый экземпляр я обнаружил в Петербургском этнографическом музее, где учился в свое время С. Абаев. Затем в Ленинградском институте кинематографии, один экземпляр в Москве в музее имени Глинки, и в Тбилиси в этнографическом музее имени Джанашия» [«Минги тау», 1997, № 5]. Ойberman собрал уникальную коллекцию старинных карачаево-балкарских инструментов, в основном скрипичного ряда, этнографически достоверных, замечательных по своим конструктивным особенностям. Большая часть инструментов, в том числе, ныне забытых и вышедших из музыкального обихода, была найдена в ходе экспедиций по Балкарии и Карачаю.

8.4.1. Группа струнных смычковых инструментов

Группа струнных смычковых инструментов была наиболее почитаемой у карачаево-балкарского, кумыкского и ногайского народов:

«*Жия кыл кобуз*» – традиционный двухструнный смычковый музыкальный инструмент, по форме, размеру и звучанию они были двух типов альтового и

басового звучания. Основные характеристики «горской скрипки» отмеченные в 1894 году – «Кобуз карачаевских горцев Кубанской области – имеет вид выдолбленной, снизу полукруглой лодочки, с одного конца удлиняющейся и переходящей в шейку (гриф), с лопаточной головкой. Корпус весь закрыт декой с одним большим и тринадцатью малыми колосниками. В головке три деревянных колка (привертывающихся снизу), за которые ущемлены две струны из белого конского волоса, прикрепленные с другой стороны за два ремешка, заменяющие подгрифок; оба они продеты в отверстие на конце корпуса. Подставка для поддержки струн. Смычок небольшой с круто выгнутым древком. Гриф в середине перевязан ремешком. Длина всего инструмента около 78 см, ширина около 9 см, высота корпуса около 5 см» [ИИОЛЕАЭ. 1894. Вып. LXXXV. С. 229, 230].

Древняя балкарская скрипка и скрипка Солтанбека Абаева в 1880 годах

«Жия кобуз» – род скрипки, имеющий три волосяные струны. «Жия» – смычок к кыл кобузу, состоящий из лукообразной палки, к которой прикреплено до десятка и более волос» [РКС. 1897].

Этот вид смычкового инструмента отличается от традиционной «горской скрипки» более крупным размером, удлиненным грифом и количеством струн. По мнению Р. Боташева этот инструмент ближе классу виолончели: «Обычно эти два инструмента играли вместе: «жия кыл кобуз» выводил мелодию, а «жия кобуз» сопровождал, создавая музыкальный фон для соло» [КБ, с. 623].

«**Чёмюч кобуз**», в Карачае он больше известен как «*Сайырпын кобуз*» – вероятно, этот инструмент являлся наиболее архаичным и более ранним видом смычковых инструментов. Корпус этого инструмента имел круглую форму, как отмечал Танеев «Верхняя дека делалась прежде из бараньей кожи», гриф был намного длинней традиционной скрипки, две струны из конских волос. Образец, восстановленный Р. Боташевым, в 1986 году был представлен на Международной выставке мастеров-изготовителей и исполнителей на старинных музыкальных инструментах во Франции (Париж, Лувр) [КБ, с. 622].

Осовремененные балкарские и карачаевские скрипки

8.4.2. Группа щипковых инструментов

«*Кыл кобуз*» – трехструнный щипковый музыкальный инструмент типа пандури и агач кобуза. Корпус вытянутый, изготовлялся из цельного куска дерева (кавказского красного клена – «*тыкыр*», или струйчатого клёна «*юрге*») путем долбления. Струны изготавливались из конских волос, или высушенных и специально обработанных свитых кишок животных. Образец восстановлен мастером В.А. Мокаевым.

«*Уллу кыл кобуз*» (большой кобуз), который имел более овальную форму деки, и грушевидный корпус и отличался от обычного кобуза количеством струн (4 – 5) и ладов. Технология изготовления этого инструмента не отличается от

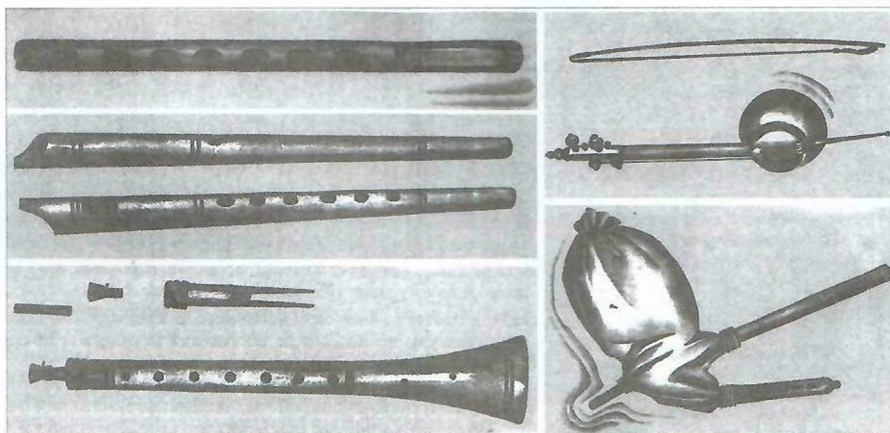
обычного кыл кобуза. По внешнему виду он похож на азербайджанский струнный саз, имеющего более колоритное художественное оформление. Образец восстановлен мастером В.А. Мокаевым .

«**Кынгыр кобуз**» – тип «арфы у горских татар» [ИИОЛЕАЭ. 1894. Вып. LXXXV. С. 209]. Его название на карачаево-балкарском языке означает «кривая гармонь». Небольшая арфа, ее часто называют «горской арфой», бывают 7 и 12-струнные типы. Есть описание этого инструмента Танеевым: «Кроме упомянутых инструментов *«сыбызгы»* и *«харса»*, у горских татар есть еще два струнных. Один вроде арфы, деревянный длиной в $\frac{3}{4}$ аршина с 12 струнами из конского волоса. Он называется «кынгыр кобуз» и встречается у осетин и сванетов. У последних он имеет 6 струн и называется *«чанг»* [Минги тау. С. 149].

8.4.3. Группа духовых музыкальных инструментов

Группа духовых инструментов в карачаево-балкарском музыкальном инструментарии является наиболее многочисленной. Многие из них уже вышли из употребления, сохранились лишь названия, которые свидетельствуют о многообразии бытовавших в старину инструментов этого класса. Простота конструкций и архаика, проглядывающая в них, говорят об их древнем происхождении, хотя до настоящего времени они практически не претерпели конструктивных и внешних изменений.

«**Сырына**» – продольная флейта (у грузин – *«соинари»*, у каракалпаков, чувашей и узбеков – *«сурнай»*, у башкир – *«курай»*, у киргиз *«сырнай»*). По Радлову *«сурна»* – «музыкальный инструмент похожий на кларнет» [т. IV, ч. 1, с. 919], *«сунай»* – «флейта, труба, музыкальный инструмент». Как отмечает Р.Х. Боташев: «Диапазон звучания сырыны невелик, но звук громкий,

Сырына, зурна, смычковый кобуз и тулук кобуз

пронзительно-гнузавый. Сырына состоит из трех основных частей: раструб из рога, деревянная цилиндрическая втулка и вставляемый во втулку штифт с закрепленным на нем двойным язычком, сплюснутым в конце. Сверху, на втулке, вырезаются семь пальцевых отверстий (ближе к раструбу), внизу втулки – еще одно отверстие для большого пальца правой руки. Сырына (как и зурна) является предшественницей современного гобоя, фагота».

«**Сыбызгы**» – вид открытой свирели, с этим же названием бытует у большинства тюркских народов. Этот инструмент часто упоминается в эпосе и в сказаниях карачаево-балкарского народа. Его упоминает в своих записях С.И. Танеев. «Дудка называется сыбызгы. Длинной около аршина и сделана из ружейного ствола, в котором просверлено шесть отверстий. Звук необычайно резкий. Объем около децимы, приблизительно от «а» до «е». Эти дудки делают также из тростника». В XIX веке отмечали, что «Сибизга из аулов карачаевских горцев Кубанской области состоит из железного ствола... Ближе к одному концу расположены три отверстия; если дуть в крайнее отверстие (держа инструмент поперек), то инструмент дает звуки f, a, h, d, но надо полагать играют на этом инструменте продольно» [«Известия Императорского общества любителей естествознания». 1894. Вып. LXXXV].

«**Саз**» – духовой инструмент, аналог азербайджанского «балабана», турецкого «мей» и армянского «дудука». Название инструмента происходит от «саз» – вид тростника, болотного камышового растения. В карачаево-балкарском фольклоре говорится: «ойна сазым, ойна» (играй мой саз, играй).

«**Зурнай**» или «сурнай» – зурна – духовой инструмент, язычковая флейта. Диапазон звучания этого инструмента был невелик, но тембр яркий, пронзительный. «Поэтому ее использовали на открытом воздухе, в основном – для сопровождения

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

танцев. При этом играли два музыканта, один из которых исполнял мелодию, а другой вторил ему протяжными звуками» [КБ. С. 617]. Широко был распространен у всех народов Кавказа, Средней Азии и Анатолии, очень популярна была у кумыков.

«**Нынну**» – пищик, свистковая свирель [Джуртубаев М. Духовная культура карачаево-балкарского народа / Минги тау. 1994. № 53. С. 182]. На этом простом инструменте играли в основном подростки. Изготавливался из ствола бузины «эхчи аяк», а также ствола зонтичных растений «балдырган, каура» и побегов шиповника (*ит бурун*), путем удаления мягкой сердцевины.

«**Гыбыт кобуз**» или «**тулук кобуз**» – волынка. Название происходит от слова «*гыбыт, тулук*» (бурдюк, целиком снятая шкура, кожаный мешок) и в переводе означает «бурдючная гармонь». «В тонкий конец бурдюка вставляются две язычковые флейты, одна из которых ведет мелодию, а другая создает музыкальный фон (сопровождение) первой флейте. Другая, более короткая, трубка служит для вдувания воздуха в бурдюк. В эту трубку вмонтирован клапан, который не позволяет воздуху выйти обратно. Звук извлекается путем прижимания локтем бурдюка с воздухом к телу музыканта, потому что кисти рук держат в это время флейту. При этом музыкант постоянно вдувает воздух в бурдюк через короткую трубку с клапаном. Звук у «гыбыт кобуза» сильный пронзительный, поэтому на нем играют обычно на открытом воздухе при сопровождении танцев. Карачаево-балкарская волынка отличается от волынок других народов тем, что у него нет длинных басовых флейт, настроенных на один определенный лад и звучащих постоянно только в этом ладу» [КБ. С. 618. Боташев]. Она играла пока не выйдет весь воздух из бурдюка. Это породило много поговорок, связанных с этим инструментом типа «гыбыт кобузча тохтамай» (не может остановиться как волынка).

Старинные балкарские флейты (с л е в а) и современные «гыбыт кобуз» и флейта венгерских кипчаков (с п р а в а)

«*Мюйюз кобуз*» – обычный пастуший рожок. Наиболее широко он использовался в охотничьем быту и в качестве сигнального инструмента. Мюйюз кобуз представлял собой рог вола с тремя игровыми отверстиями, при помощи которых извлекался звук разной величины, другой без игровых отверстий. Охотники иногда использовали этот рожок для хранения в сухом виде трута, для быстрого разжигания костра.

«*Жылаука*» – от слова «жылау (плачь, жалобный стон). В Черекском ущелье он больше известен, как «*картык сыбызгы*». По виду и конструкции мало чем отличается от русского духового инструмента «жалейки», причем, название последней явно восходит к тюркскому прототипу.

«*Хурхур*» – вид свирели, который изготавливался из двух стволов, большего и меньшего диаметра. Имел на втором стволе 4–5 отверстий и язычок (*уштуку*). Он издавал приглушённый басовый звук, был наиболее распространен в Верхней Балкарии.

«*Кауал сыбызгы*» – тип русской свистковой свирели, состоящей из двух деревянных трубок разной длины, с двумя дырочками сверху и одной снизу трубки, ближе к концу. Иногда обе трубки прикрепляются одна к другой, верхние части трубок (свистки) захватываются губами, а концы находятся под углом 20–30 градусов. Играют сразу на двух трубках: левая (длинная), ведет басы или подпевки, а правая (короткая), ведет основную мелодию. Диаметр трубок одинаковый 10–15 мм. Длина короткой трубки от 25 до 30 см. Длина длинной трубки – от 45 до 65 см. Его звук нежный и негромкий. Эта свирель до сих пор считается популярным народным инструментом в России, Украине, в Молдавии, Болгарии, в Прибалтике и других странах.

«*Турбин*» или «*быргы*» – длинная сигнальная труба с громким звуком. Встречается только в карачаево-балкарском героическом эпосе, возможно, родня карпатской трембиты. Подобные трубы есть у узбеков, туркмен, народов Ирана. Узбекская труба «*карнай*» имеет прямой ствол из латуни длиной более 3 метров с коническим раструбом. В средние века применялся как сигнальный инструмент, поскольку он издает низкочастотный звук, который распространяется на большие расстояния.

8.4.4. Группа ударных инструментов

Карачаевцами и балкарцами широко используются ударные инструменты типа: «*даурбас*» (барабан); «*дауул*» (большой барабан); «*колбас*» (бубен), которое еще называется «*конгроу кобуз*»; «*шах-шах*» или «*чыкырт харс*» – ударно-шумовой инструмент типа маракасов, изготавливаемый из бычьего или турьего рога (верхнюю часть рога отрезали и к нему приделывали ручку, внутри

закладывали мелкие камешки или фасоль, а отверстие наглухо закрывалось медной пластиной); «**каккан кобуз**» – ударный инструмент типа ксилофона – небольшая доска из хорошо высушенного дерева твердых пород. Чаще всего этот инструмент использовался при исполнении нартских песен, когда сказитель отбивал тонкой палочкой ритм в такт исполняемой песне [Джуртубаев. С.182; Ойберман. С.144].

Свидетельства о бытовании в прошлом бубна у карачаевцев и балкарцев отмечено Леонтьевым И., который в прошлом веке писал «им известна русская гармонь, бубны и дудки (сыбызгы)» [Ук. С.139].

«**Жора кобуз**» – инструмент, похожий на бунчук. Его верхняя часть оформлена как трезубец, к которому крепятся колокольчики разных тонов и металлические пластины. В центральной части трезубца пучок конского хвоста. Использовался на свадьбах и праздничных шествиях.

«**Казан кобуз**» – казанская гармонь, которая впервые попала в Балкарию из Казани, что и отразилось в ее названии. Этот инструмент благодаря небольшим размерам, богатству динамических оттенков, обширному звуковому диапазону, получил широкое распространение.

В заключение раздела следует отметить, что все виды музыкальных инструментов карачаевцев и балкарцев (более 20 видов) имеют истоки из бездонных глубин древности тюркского мира. Их музыкальное наследие наиболее близко к кумыкам, ногойцам, крымским и казанским татарам, башкирам, азербайджанцам, тюркских народов Малой и Средней Азии, Казахстана.

Список литературы к разделу 8.4

1. *Басилов В.Н.* СЭ. – № 4. – 1991.
2. ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1962.
3. *Джуртубаев М.Ч.* Духовная культура карачаево-балкарского народа // Минги тау. – № 53. – 1994.
4. Декоративное искусство Казахстана. – № 8. – 1980.
5. ИИОЛЕАЭ. – 1894. – Вып. LXXXV.
6. КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989.
7. КБ – Карачаевцы и балкарцы. – М.: Наука, 2014.
8. КБНЭ – Карачаево-балкарский эпос «Нарты». – 1995.
9. *Леонтьев И.* Поездка по Баксанскому леднику // СМОМПК. – 1897. – Вып. 22.
10. *Ойберман В.Г.* Карачаево-балкарские инструменты // Минги тау. – № 5. – 1997.
11. *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. – Вып. Е 4-2. – М., 1974.

12. Плетнева С.А. Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях // МИА. – № 62. – 1967.
13. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий // РС. Т. I–IV. – СПб., 1893, 1899, 1905, 1911.
14. Танеев С.И. О музыке горских татар // Вестник Европы. – 1886. – Т. I. – Кн. 1.
15. Танеев С.И. Дневники. – Кн. 3. – 1985.
16. Эйхгорн А. Музыкально-этнографические материалы. – Ташкент, 1963.
17. Этнография народов СССР. – М., 1858.

8.5. ПОСУДА И УТВАРЬ

Натуральное хозяйство диктовало свои условия жизни и до второй половины XIX века балкарцы и карачаевцы сами производили предметы домашнего обихода (посуду и утварь). В своем этнографическом очерке «Болкары на Кавказе» русский офицер и исследователь жизни на Кавказе Н.А. Караулов, говоря о домашней утвари, мебели и посуде балкарцев, отмечает, что «все, что он видел, было сделано руками местных мастеров. Горцы изготавливали домашнюю утварь и кухонные принадлежности из железа, стали, красной меди и ценных пород дерева¹». Посуду называли *адыр* или *саут*. Соответственно материалу, из которого она изготовлена, посуда подразделялась на деревянную – «*агач адыр*», серебряную – «*кюмюш адыр*», позолоченную – «*алтын адыр*», жестяную – «*канжал адыр*», медную посуду и котлы – «*багыр адыр*, *багыр къазан*», стеклянную – «*мияла адыр*», глиняную – «*кошун адыр*», фарфоровую – «*чын адыр*²», из кости – «*сюек адыр*».

Так как лес был основным богатством Балкарии и Карачая, древесина стала одним из основных видов сырья для изготовления орудий труда и домашней утвари. Балкарцы и карачаевцы производили хорошую деревянную посуду, часть из которой шла на продажу. Для каждого изделия применялись разные сорта дерева, о свойствах и целесообразности использования которых знал каждый хозяин. Например, домашнюю утварь делали из липы (*жерк*) и березы (*кара кайын*), а посуду из груши (*кертме*) и кизила (*чум*). Лучшие чашки, которые служили десятилетиями и не раскалывались, вырезали из наплыва дерева. Одним из способов изготовления посуды было выдалбливание. Этим способом мастерили из куса ствола всевозможные кадки разных размеров для хранения айрана (*айран чыккыр*), сливок (*сют баши чыккыр*), сыра (*бишлак чыккыр*), для сбивания масла (*жау урган чыккыр*). В деревянных дубовых бочках (*эмен чыккыр*) хранили разнообразные варенья (из малины, черники, смородины, брусники и т. д.), мед, топленое масло, напитки. Эти бочки были самых разных размеров, вместимостью достигали до 50 литров. Из кусков

очень прочные, удобные в быту красивые вещи. Изделия украшали резьбой. Наиболее распространенным орнаментом при резьбе был геометрический орнамент или изображение бараньих рогов или голов, которые встречаются в орнаменте традиционных карачаево-балкарских кийизов. Ими украшали чаши (аяк) и черпаки (чолпу). Чаши были с круглыми боками и маленькой вертикальной ручкой-кольцом. Такая ручка служила для подвешивания.

В легендах и преданиях рассказывается о почетных чашах «Агуна», «Тепшек» и «Гоппан». Самой почетной чашей считалась Гоппан. Две ручки с двух сторон изображали голову животного (тура, барана, быка или коня) или же украшены растительным узором (чаще злаковых растений).

Балкарские чаши: айран аяк, боза аяк, гоппан аяк (в н и зу)

Гоппан в свадебной процедуре имел символическое значение: пожелание молодоженам долгой, бесконечной жизни, много скота и зерна. Известна красивая легенда, связанная с гоппан: «...Жених остановился перед невестой и, протянув к ней огромную деревянную чашу, сказал: «Я дарю тебе эту чашу и называю ее чашей любви. Одна половина этого слова – *гол* означает «много», другая – *бан* «поцелуй». Я соединил два слова в одно – гоппан – чаша любви. Это – любовь к мужу, к жене, брату, родителям, сестре, людям – ко всему живому, правдивому, красивому. Пусть каждый выпьет из чаши и забудет

ненависть к другому. Пусть каждый выпьет из нее и поспешит сделать добро. Сегодня это мой лучший подарок моей невесте. Хочу, чтобы эта чаша отныне переходила из поколения в поколение в моем роду». Жених протянул гоппан невесте, та встала и первая нежными губами отпила из рук любимого, затем выпил Алан-царь, родители молодых, и пошла «чаша любви» по кругу гостей, изгоняя из сердца все ненужное, недоброе, злое³».

У балкарцев и карачаевцев существует легенда о волшебной золотой чаше нартов «Агуна» (чаша святого Грааля). Увидевшему ее, она дарит исцеление от всех недугов и бессмертие. В руках с чашей воины давали присягу, рассказывали о своих подвигах. Потому ее называли еще и «Ант аяк» (чаша клятвы, воинская), «Жора аяк» (чаша посвящения). Ее еще называли «Гун аяк» (гуннская чаша). Она уличала лживость в речах, являлась символом устройства человека.

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев описывается, как нарт Рачикау⁴ выпил чашу Агуна, в которой было сто литров бозы. В другой песне эпоса нарт Сосурук получил чашу Агуна⁵ за победу над эмегенами. В Балкарии и Карачае было принято награждать почетной чашей Агуна победителей на скачках⁶. Когда Рачикау был в гостях у Айкыз (Сатанай), то ее слуги подали почетную чашу «Тепшек», которую несли три человека. Почетные чаши Гоппан, Тепшек и Агуна обладали волшебными свойствами. В чашу наливали напиток до половины. Нарты, держа ее в руках, рассказывали о своих подвигах. Если речи героя были правдивы, то чаша сама наполнялась и переливалась через край. А если нарт говорил неправду, то напиток в чаше убывал⁷. С чашей произносили клятвы, благопожелания (*алгыш*) на свадьбах, при рождении ребенка, при земледельческих и скотоводческих празднествах, приемах гостей и т. д. Любая клятва закреплялась питьем напитка из чаши. Неважно, что было налито в чашу: вода, боза, айран, пиво (*сыра*) или какой-либо другой напиток, чаша выпивалась до дна. Оставляя на дне чаши напиток, как и остаток еды на блюде, считалась привычкой *кьула* (раба), признаком невоспитанности, неуважения к хозяину и хозяйке, к их труду.

Кроме перечисленных функций чаша играла и объединяющую роль. К примеру, за пиршественным столом в прежние времена пили напиток из одной чаши или рога, который переходил из рук в руки по кругу. Этот обычай изжил себя в начале XX века после распространения сифилиса и других заразных заболеваний, обнаруживаемых у мужчин, которые спускались на равнину по каким-либо делам.

Такое почитание чаши в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев не случайно. Геродот повествует скифскую легенду о том, что с неба им были посланы золотые плуг, ярмо, бердыш и чаша. В память о священной чаше, упавшей с неба, скифы носили чаши на поясе. Во всех сохранившихся поло-

вещных и тюркских каменных статуях неотъемлемой деталью является чаша на поясе ⁸. Очевидно, предмет, который был послан с неба, считался священным, был почитаем в народе, ему придавали особую роль при оценке особо почитавшихся человеческих и воинских качеств.

Из дерева изготовляли ложки разных размеров: небольшие и неглубокие для мамалыги и каши – «как кашык», глубокие – «шорпа кашык», малые для чая – «чай кашык», огромные плоские для снятия сливок с большой площади котла или кадушки – «сют баши кашык», ложка для разлива – черпак (чолпу), cedилки для молока (сюзгюч). Ручки ложек тоже украшали: иногда изображением рыбьего хвоста или тоненькой деревянной цепочкой. Де-

ревянные лопатки (*калак*) делали разных размеров. Они были незаменимы при приготовлении каш, мамалыги, теста и напитков.

Для разнообразных кушаний выдалбливали тарелки (*табак*, *ырча*), большие подносы (*сахан*). Сахан был необходим для изготовления пастилы (*мырзай*) – на них намазывалось варенье, затем сушилось. В него выкладывали халву для прессования. Ритуальный подарок (*тигим*) посылали, красиво уложив на сахан. Еда на коше подавалась на большом подносе с бортиками (*ашлау*). Для молодежи клали еду на подстилку из сушеной травы (*болжар салам*).

Для приготовления такого изысканного блюда как «сохта» изготовляли «сохта тиш». Это специальные палочки, которыми стягивали края кишок, а также желудка длиной не более 15 см и диаметром 0,5 см. Палочки напоминали маленькие шампуры. Приготовление сохта тиш было уделом старожилков, которые их строгали, не спеша, делясь новостями на ныгыше. В ущелье Мара, богатом твердыми породами леса (дуба, карагача, ясеня, клена, осины), жители изготавливали сохта тиш на продажу. Чаще сохта тиш изготавливали из карагача (*ечки агач*) – отмечает К.М. Текеев ⁹.

Еда подавалась на низеньких круглых деревянных столиках (*тепси*), имевших диаметре в пол-обхвата (*жарым кулач*) ¹⁰. Тепси (от слова теп – движущийся) никогда не стоял на одном определенном месте. Деревянные столики являлись обязательным атрибутом каждого балкарского и карачаевского дома. Высота их была около полуметра, круглая столешница со слегка приподнятыми краями или же в виде углубленного блюда диаметром 30–40 см. Тепси имела три ножки, редко четыре. Н.А. Караулов отмечал: «В комнате стоит круглый стол на трех

ножках высотой до аршина и небольшие треногие скамейки до аршина высотой»¹¹. Гости и члены семьи во время домашних трапез кушали за столиком – тепси, сидя на невысоких стульчиках (*шиндик*). Если столик был занят гостями, остальные члены семьи ели на полу, устланном кийизом (войлочный коврик), поверх которого стелили скатерть (*жабу*). Хлеб, мясо, вареный картофель, птицу клали часто прямо на столик¹². Иногда в столешнице делали углубления для соуса (*тузлука*), который подавали к мясу. Столики делали резными. И в этом мастера превосходили друг друга. Чаще это был геометрический рисунок или изображение рогов – символов счастья и изобилия.

Для больших застолий (свадьбы, поминки, календарные и трудовые праздники) балкарцы и карачаевцы изготавливали большие столы «*хант канга*». За таким столом могли одновременно разместиться двадцать и более человек. Обычно к такому столу мастерили длинные деревянные скамейки на четырех ножках или резные стулья со спинками.

Горский народ традиционно использовал в быту кожаные мешки, удобные в горных условиях. Большую роль в перевозке и хранении молока и молочных продуктов играли бурдюки – «*гыбыт*», а для хранения и перевозки зерна – «*капчык* и *тулук*». Их выделывали в большом количестве и с большим мастерством и искусством. Были они разных размеров и для всевозможных надобностей.

Для каждой разновидности кожаного мешка шкуру домашнего животного снимали разным способом. Из шкур овец разного возраста делали разного размера кожаные мешки, а из козлиной шкуры – «*гыбыт*». *Гыбыт* из шкур коз всех возрастов были наиболее прочными, эластичными и легкими. Снимали шкуру для *гыбыт* и *тулук* чулком, начиная с хвостовой части до шеи, не повреждая шкуру. Шкуру сразу солили и сушили, а затем подвергали тщательной обработке.

Балкарцы и карачаевцы заготавливали много масла впрок. Хранили масло в предназначенном для этой цели бурдюке (*жау гыбыт*). Такой бурдюк чаще делали из шкуры трех-четырёхгодовалого козла-кастрата. Топленое масло (*кайнаган жау*) хранили в специальных долбленных кадках (*жау чыккыр*) емкостью от 50 до 100 кг, изготовлявшихся из древесины горной березы (*тау кайын*). Масло в них могло храниться годами и не портиться. Собранные в течение нескольких дней, отстоявшиеся сливки, сливали в бурдюк, в котором уже сбивали масло. Бурдюк до этого накачивали воздухом, и он становился, как мяч.

В бурдюках хранили айран, «*гыфы*» айран (кефир) и сыр. Все продукты, хранимые таким способом, имели специфический неповторимый вкус и аромат и высоко ценились не только самими горцами, но и их гостями. Бурдючным сыром могли похвастать в каждом балкарском и карачаевском доме. Створоженную массу укладывали в бурдюк, а затем в нем же спрессовывали до

вызревания. В случае надобности его доставали из бурдюка по частям. Эти сорта сыра готовили иногда с различными добавками для улучшения вкусовых качеств. Другой вид сыра хранили в специальных кадках (*бишлакь чыккыр*) в соляном растворе.

В фольклоре упоминается применение в быту кожаной и деревянной посуды для варки мяса архаичным способом – путем вбрасывания раскаленных камней в посуду с водой и мясом.

Для хранения продуктов применяли также мешки из ткани, предварительно обработанной определенным способом, называемым «*мелте*». Мелте шили из грубой ткани, затем растапливали пчелиный воск и опускали в него мешок. Воск не позволял проникнуть ни пыли, ни каким-либо насекомым в содержимое мешка, таким образом, сохраняя сыпучие продукты.

Другим способом хранения продуктов, в частности мяса, было хранение в конопляном или льняном мешке, который опускали в крутой соляной раствор. В таком мешке мясо долго не портилось и не теряло своих вкусовых качеств. Такое хранение было особенно актуальным в дороге.

Обработка металла в Балкарии и в верховьях Кубани была известна с глубокой древности. Профессия кузнеца считалась очень почетной, и их содержали всем селом, давая по одному барану с каждого дома. Металл обрабатывали методом сырого дутья, доводя его до мягкого состояния, поддающегося ковке¹³. Но уже в XIX веке местные кузнецы перестали плавить металл. Железо стали покупать на меновых дворах, ярмарках и базарах. Часто покупали изделия и переплавляли их в новые, нужные в быту, предметы. Из железа изготавливали орудия труда и утварь.

Готовили пищу в котлах (*казан*) и котелках в форме усеченного конуса (*чоюн*). В них варили мясо, кипятили молоко и воду, изготавливали сыры, всевозможные каши (*баста*), похлебку (*биямук*), жарили кукурузу (*курмач*) и муку (*куут*), варили мамалыгу (*как*) и т. д. Для жарения пирожков и локумов применяли «*кулаклы чоюн*» – неглубокий полушаровидный казан с тремя или четырьмя выступами – ушками, при помощи которых казан ставили на таган (*юч аяк*). В таком казане жарили и ритуальные хычины на свежем сливочном масле или курдючном жире.

Казаны для варки мяса в торжественных случаях были большими. Помещали в такие казаны, в зависимости от размеров, одного или нескольких баранов, одного или несколько бычков. Из котла мясо доставали особой металлической вилкой (*эт ырзак*).

Существуют легенды, где рассказывается о котлах умещавших семь и более бычков. В них варили мясо на большие празднества всего села, рода или «*тийре*» (квартала). В сведениях о расправе с родом Жабоевых упоминается о том, что от верной смерти спаслась только беременная женщина – сноха

Жабоевых, спрятавшаяся на дне большого казана, оставшись незамеченной убийцами. Старики из Черекского ущелья упоминают о гигантском медном котле – «*тайпок казан*»¹⁴, принадлежавшем князьям Абаевым¹⁵. В нем содержались более десятка больных овец, видимо, полагая, что котел обладает какой-то исцеляющей силой.

Название котла – «*тайпок казан*» на карачаево-балкарском языке происходит от слов «*тайп*» (племя) и «*ок*» (стрела), а все словосочетание означает «котел (изготовленный) из стрел племени»¹⁶. Если бы эта святыня не принадлежала предкам балкарцев и карачаевцев, следует думать, название не объяснялось бы с их языка так просто и в полном согласии с тем, что сообщил Геродот. Кроме того, котел этот вошел в поговорку, которую употребляют, когда говорят о предмете, имеющем большие размеры: «Абайланы казаны кибик»¹⁷ (как котел Абаевых), в котором 12 овец ели корм.

Впоследствии, по одним сведениям легендарный котел распилили для изготовления различной утвари; по другим – он зарыт в горах. «Старики говорили, что если их откопать, это будет предвестием большой беды»¹⁸. Еще в одном мифе говорится о трех необыкновенно больших котлах, которых спрятаны в горах. По сей день есть люди, утверждающие, что их видели между валунами в верховьях Черекского и Холамо-Безенгийского ущелий.

Устроителя любого торжества или праздника у балкарцев и карачаевцев называли «*казан баши*». Он отвечает за весь пир, начиная от объявления праздника, приглашения и приема гостей, за меню и наличие всех нужных продуктов, работу поваров и обслуживающих (*шапа*), прохождения праздника в нужном русле, и даже за развлечение гостей. От балкарцев и карачаевцев часто можно услышать выражение: «Аны бла казаныбыз бир болмайды» – «С ним общий казан не возможен», или «Экибиз бир казаннга сыйынмайбыз» – «Вдвоем мы не помещаемся в один казан». Это означает, что с кем-то общий язык не возможен. «Мен аны бла (ала бла) казанлашмайма» – «Я с ним (с ними) не держу совет» – говорит балкарец о людях, с которыми не имеет дела.

До сих пор у балкарцев и карачаевцев, также как и у турков со времен Османской империи, существует фраза: «Баш тебен болду» – «Перевернулся (опрокинулся)», когда хотят сказать, что настроение человека или какое-то событие изменилось в худшую сторону. В случае серьезного военного события или природной катастрофы говорят «Дуния башы тюбуне болду» – «Мир перевернулся». В связи с этим можно упомянуть о том, что при дворе султана Османской империи котел считался символом войска янычар. Войско питалось из одного казана, вокруг него собирался общий совет. Во время праздников котел проносили по улицам, как знамя. А перевернутый котел символизировал отказ от повиновения властям и начало мятежа. Уважение к котлу у турецких янычар

было настолько сильным, что во время очередного мятежа, спрятавшийся под котлом вельможа был помилован. Очевидно, что котел был символом древних турков-воинов, который сохранили в своей культуре балкарцы и карачаевцы.

В выпечке хлеба широко применялся «*гыржын агач*». Лепешки (*гыржын*) подсушивали около очага, на круглой железной лопатке с длинной ручкой – «*араун*». Затем лепешки допекали прямо в золе. С появлением покупных чугунных сковород *гыржын* выпекали между двух сковород, установленных на углях и накрытых сверху углями. Хычин, который пекли на сковороде, называли «*таба хычин*», как и хлеб – «*таба гыржын*».

Многообразие и количество медных котлов и другой медной посуды было признаком богатства. Из меди были в обиходе высокие кувшины (*геген*) для ношения воды и хранения сыпучих продуктов и большие плоские тазы для стирки и мытья, подносы, большие горшки, медные тарелки, вазочки для сладостей и сахара. Маленькие кувшины с длинными носиками (*кумган*) и небольшие тазы для принятия омовения были ритуальными, сохранялся обычай дарения их молодой снохой своей свекрови вплоть до конца XX века.

Для поджарки мяса на углях изготовляли «*шиш*» (вертел, шампур). Его раньше готовили из твердых пород дерева, а позже из железа. Размеры и назначение шиша были разными. Для маленьких кусков мяса – «*шишлыка*» (шашлыка) изготовляли небольшие шампуры, для больших кусков мяса, птицы, рыбы или целой туши барана, бычка использовали большой вертел. Старики предпочитали деревянные вертела, объясняя это тем, что вкус мяса портится при жарении его на железных шампурах и вертелах.

Одним из важных предметов каждого балкарского и карачаевского дома был самодельный нож. Каждый мужчина и даже ребенок мужского пола обладал таким ножом. Он служил для разделки туши мелкого и крупного скота, дичи и назывался «*мал союучу бичак*» (нож для разделки скота). Пастухи постоянно носили его при себе, на поясе. Его использовали в хозяйственно-бытовых

8. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРЦЕВ

работах (обработка кож, шкур, дерева и т. д.). Клинок самодельного карачаево-балкарского ножа изготовляли из железа по специальной технологии. Он был не только острым и долговечным, но и легко затачивался, был удобен в применении. Рукояткой для ножа служили кость, рог тура, дерево. Нож всегда находился в деревянных или кожаных ножнах и висел на поясе у каждого мужчины, рядом с кинжалом. Сыромятная кожа, на которой нож висел, служил еще и точилом. Даже у мальчиков 5–6 лет висели на ремennom поясе их маленькие ножи, которыми они могли порезать свой кусок мяса за столом, постругать палочку или изготовить свисток и т.д. Таким образом, у детей вырабатывались навыки обращения с ножом. В разделке туши применяли еще и специальный топор (*эт балта*), которым разрубали кости.

Виды более старых и современных ножей

Многофункционален в каждом балкарском и карачаевском доме или дворе был шест – «*быкы*». Шест изготовляли из березового дерева высотой примерно 2,5 м с отростками по 20–30 см. С шеста тщательно обдирали кору. Кору тоже тщательно сушили, она являлась одним из компонентов раствора для выделки шкур. Кроме своего главного предназначения (для удобства при разделки туши мелкого скота, его вешали на шест), *быкы* служил вешалкой, куда развешивали разную утварь и посуду.

В конце XIX века в балкарских домах можно было встретить изготовленную из обожженной глины посуду очень хорошего качества: стаканы, миски, большие плоские тарелки для обрядовых блюд, котлы, горшки, изготовленные из коричневой и серой глины. Глиняную посуду широко применяли для хранения напитков (бозы, пива, айрана, молока, кваса, варений), топленого масла, животных жиров и меда. Готовили в глиняных горшках и котлах супы (*кошун шорпа*), «*толма*» с капустой, виноградными, малиновыми или смородиновыми

листьями, «*турша*» и другие блюда в «*тандыре*» или на открытом огне очага, а позже в печи.

В конце XIX – начале XX века стали завозить металлическую, стеклянную и фаянсовую посуду. Медную посуду стали вытеснять чугунные изделия российских заводчиков. Ими были учтены обычаи, вкусы и запросы кавказских народов. Из чугуна отливали не только ушастые котлы, но и кумганы, в том числе чугунные и эмалированные, расписанные розами.

Вначале заводская металлическая посуда служила исключительно украшением. В обиходе оставались котлы и чашки ручной работы, но в каждой семье можно было встретить заводскую посуду, а количество и качество ее зависели от экономического состояния семьи. Состоятельные семьи имели медную, фарфоровую и фаянсовую посуду. Большинство же крестьянских семей пользовались деревянной или гончарной посудой. Например, В.П. Невская отмечала: «Наряду с местной деревянной посудой с конца XIX века употреблялась и городская, покупная. Только богатые стали кипятить воду в медных чайниках или самоварах. Старушка Даум Хачирова, 80 лет, из Нижней Мары, рассказывает, что в дни ее детства в их семье впервые появилась городская металлическая посуда. Дед отказывался кушать из нее и доить корову в жестяные ведра, т. к. это, по его словам, придавало пище и молоку неприятный вкус»¹⁹.

Тем не менее новые вещи быстро завоевывали место в быту балкарцев. Путешественник и исследователь С.Ф. Давидовича отмечал: «К обеду подаются тарелки и приборы...»²⁰. А еще раньше, в первой половине XIX века, один анонимный автор из числа первых русских путешественников, побывавший в Урусбиевском обществе, отмечал с удивлением: «Прием отличный! Чайный сервиз, такой изящный и полный, едва ли найдется в западных губерниях у мелкопоместной шляхты...»²¹.

Список литературы к разделу 8.5

1. Караулов Н.А. Болкары на Кавказе // Балкария. Страна гор и ущелий. – Т. 2. – С. 226.
2. Чын или чин – означает Китай. Отсюда вывод, что тюрки, в их числе балкарцы и карачаевцы покупали фарфоровую посуду, завезенную из Китая.
3. Байрамукова Х.Б. Мать отцов. – М., 1976. – С. 56.
4. Нарты. – С. 237.
5. Карачаево-балкарский фольклор. – Нальчик, 1983. – С. 80.
6. Нарты. – С. 121.
7. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. 4–2. – БИС. – М., 1975.
8. Мизиев И.М. Средневековая Балкария. – Нальчик. 2009. – С. 413.
9. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. – М.: Наука, 1989.

10. *Текеев К. М.* – Там же.
11. *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе // Балкария. Страна гор и ущелий. – Т. 2. – С. 226.
12. *Караулов Н.А.* – Там же.
13. *Штофф Н.А., Багров М.М.* Из Петербурга в Карачай. – СПб., 1912. – С. 16.
14. Карачаево-балкарские мифы. – Нальчик, 2007. – С. 433.
15. Абаевы – княжеский род, долгое время обладавший большой властью, представители рода занимали должность *Олия* – верховного правителя Балкарии.
16. Карачаево-балкарские мифы. – Нальчик, 2007. – С. 433.
17. Там же.
18. Османов Х.Л. рассказал со слов деда.
19. *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие в Карачае в XIX в. (дореформенный период). – С. 50.
20. *Давидович С.Ф.* Восхождение на Эльбурис // Исторический вестник. – № 5. – 1887.
21. *Г.-Дъ.* Поездка к южному склону Эльбруса в 1848 г. // Ж. «Библиотека для чтения». – СПб. – С. 88.

8.6. НАЦИОНАЛЬНЫЕ БЛЮДА

М.А. Абдуллаева

Карачаево-балкарскую кухню можно отнести к одной из древних кухонь народов мира. Занятие скотоводством, ограниченность пахотных земель и некая изолированность в горах оставили специфический отпечаток на развитие традиционной карачаево-балкарской кухни. Практически до середины XX века набор продуктов и блюда не претерпевали изменений.

Питание балкарцы и карачаевцев, живущих в суровых условиях высокогорья и занимающихся тяжелым физическим трудом, было высококалорийным и основанным на натуральных продуктах – мясо, молоко, растительная пища и множество производных блюд.

Традиционными блюдами было вареное и жареное мясо, в том числе и сушеное; вяленая колбаса из сырого мяса и жира (*кыйма*), колбаса из жира, печени и риса (*сохта*), заквашенное молоко (*айран*), кефир (*гыфы айран*), йогурт (*жуурт айран*), различные виды сыра. Из мучных блюд популярны пресные лепешки (*гыржын*) и пироги (*хычын*) с разнообразной начинкой, жареные или выпеченные, супы на мясном бульоне (*шорпа*), среди лакомств – различные варианты халвы (*халуа*). Напитки: молочные – кефир и айран, праздничные – *боза* и пиво (*сыра*), повседневные – чай из кавказского рододендрона.

Основной рацион продуктов включал:

- мясо (говяжье, баранье, буйвола, кур, индюков, редко конское);

- молоко (овечье, коровье, кобылье, буйволиное) и продукты из него (айран, масло, сметана, сыры, редко кумыс);
- зерновые (пшено, овес, ячмень, гречка, кукуруза, рис, пшеница);
- овощи (сладкий и горький перец, капуста белокочанная и кольраби, красная морковь, сладкий и горький перец, лук и чеснок);
- фрукты (желтые и зеленые сливы, яблоки, груши, чернослив);
- множество лесных ягод.

Вырабатывались различные полуфабрикаты из мяса и молочных продуктов, которые сохраняли длительное время свои вкусовые качества:

- сушеные колбасы (*казы, жёрме, кыйма, кетен*);
- сушеное, вяленое и копченое мясо (*кьак эт*);
- соленый сбой (*тузлук эт*);
- всевозможные молочные продукты (более 50 наименований), основными из которых были сливки, сметана, айран, кефир, «*тузлук*» (соленый айран или сметана с солью и чесноком);
- масло (свежее и топленое);
- всевозможные сыры (свежие, сушеные, соленые, копченые), служившие повседневное и сезонной пищей.

Сушеное мясо и колбасы употребляли зимой и весной. Осенью свежего мяса было в достатке. При копчении мяса получали идеальный вкус, используя березовые и грабовые поленья, коноплю, крапиву, можжевельниковые ветки. Солили мясо в бочках, используя сыворотку, соль, чеснок, перец, иногда айран. Нарезанное кусочками и обжаренное в собственном жире мясо (*кууурма*) шло для быстрого приготовления пищи на пастбищах. Это блюдо заготавливалось на зиму. Курдюк использовался в пищу не только как лакомое кушанье, но и как лекарственное средство при желудочно-кишечных и сердечных болезнях.

Широко использовались субпродукты (сердце, легкие, печень, почки, язык, кишки, желудок). Очень ценится печень, из которого готовят «*жаубаур*» (шашлык из кусочков печени, обернутых жировой пленкой), «*сохта*» (колбаса), «*кууурдак*» (поджарка). Из легких готовили деликатесные блюда: «*сют ёпке*», «*тузлук ёпке*», «*кууурдак*», «*тузланган ёпке*». При приготовлении блюд не злоупотребляли специями и солью, но со всеми мясными блюдами подавали острый соус – «*тузлук*». При приготовлении блюд использовали тминную соль, соль с добавлением перца, чеснока, тмина и других специй.

Первые блюда готовятся в основном на мясном бульоне с добавлением различных продуктов, а также на разведенном цельном молоке, сыворотке. Традиционный «*шорпа*» (мясной бульон) подавали как обязательное блюдо в конце мясной трапезы. Соусом для шорпы и супов являлся тузлук или айран. Супы готовили как из одного вида мяса, так и из нескольких видов. Часто добавляли для получения специфического вкуса супа сушеное мясо и мясо разного вида

(например, говядину и баранину). К примеру, суп «*калжа*» имеет превосходный вкус и может конкурировать с лучшими кулинарными шедеврами мира.

Мясо диких животных (туры, олени) и птиц (тетерева, перепелки, куропатки и т. д.) являлось сезонной и сакральной пищей. Из него готовились те же блюда, что и из мяса домашнего скота и птицы. Чтобы подчеркнуть важность гостя часто его угощали дичью. Для приготовления дичи использовали можжевельник, из которого готовили маринад или заполняли тушку дичи можжевельниковыми плодами. Соусом к мясу дичи является дикий мёд.

В карачаево-балкарской кухне также имело широкое потребление мясо птиц и блюда из него. Если курица подавалась на семейный ужин, то индюшати́на являлась обязательной на гостевом столе. Для вареной птицы подавали сметано-мучной соус (*илибже*) с пшенной крутой кашей (*баста*). Супы из птичьего мяса считали лечебной пищей. Яйца и блюда из них (всевозможные яичницы и омлеты с применением разных трав, сыра, сметаны) относились к быстрой еде. Широко применялись в карачаево-балкарской кухне яйца дичи – перепелов и куропаток.

Не были редкостью на столе рыбные блюда. В основном в карачаево-балкарской кухне использовалась речная форель, кумжа, сазан. Приготовление рыбы сочеталось с молочными продуктами – айраном, сливками. Рыба подается на гостевой стол. А активное использование балкарцами и карачаевцами дикого меда не только для сладких, но и мясных блюд, породило уникальное карачаево-балкарское блюдо – сладко сушенную или медовую рыбу «*баллык*» (медоносная), которая не встречается, ни в одной кухне мира. Это блюдо готовили исключительно из форели. Рыбу сушили и солили, используя технологию сушки мяса.

Молочные продукты, как и мясные активно входили в заготовки впрок. Прежде всего, заготавливали *тузлук*, сыворотку, сыры, топленое масло, сметану (*каймак*), *катык* или *тузлук* (пересоленный айран с малым количеством сыворотки). В карачаево-балкарской кухне он употребляется как соус к различным мясным, зерновым и мучным блюдам, супам, как главный компонент холодных супов и тюрь. Его можно использовать как напиток, разбавив водой, и как основу для изготовления творога и сыров.

Главным продуктом карачаево-балкарского повседневного и праздничного стола были сыр и айран. В Балкарии готовят сычужные сывороточные сыры и творожные сыры. По вкусу и качеству они стоят на одной ступени с лучшими швейцарскими сырами. Это и «*хумуз*» (молодой сыр 3–5-дневной давности), и созревшие сывороточные сыры, сыры с различными добавками (зелень, тмин, перец), творожные сыры (*кой сюзме*, *токалаш*, *чекеллек*, *курут*). Из сыров готовили различные блюда: *хачанпус*, *мёрезе*, *кояжапха*, *бишлакь бишген* и другие.

Кисломолочный напиток *айран*, сохранил свою древнюю технологию приготовления и различные названия, которые ей характерны по вкусовым качествам и свежести (*жуурт*, *айран*, *кайнаган айран* и другие). Добавление в айран ярких ягод (вишни, смородины, малины), свекольного сока или отвара дубовой коры (для красивого цвета), меда и сахара (для сладкого вкуса), толокна и хлеба (для питательности) в кухнях тюркских народов, в том числе и карачаевцев и балкарцев, подвигло предпринимателей Европы для создания в пищевой промышленности йогурта – айрана с различными добавками. Из мучной еды, заготавливается впрок «*кууут*» (жареная мука из кукурузы или ячменя, а позже и из гречки). Заготавливали впрок и муку из дикой груши и шиповника.

Для сладкого стола собирали «*каймак*» (сливки), подсаливали, сушили или сохраняли, заливая медом. Это лакомство для девушек и детей. Мед всегда присутствовал в кухне горцев, являясь традиционным продуктом на пиршественном столе, символическим продуктом на свадебных церемониях (им обмазывают губы невесты, чтобы у нее жизнь сложилась сладкая, как мед). Мед добавлялся в тесто для различных мучных изделий, как «*чыкыртма*» – сдобное сладкое хрустящее печенье, «*локум*» (пышка из теста, поджаренная на масле). Сладкий стол изобилует несколькими видами халвы, козинаков с разными видами зерна, обжаренные зерна в меду, воздушная кукуруза, пряники, леденцы, ореховые трубочки, молочно-ореховый крем, пироги и пирожки с начинкой из ягод и фруктов, пастила, варенье, повидло и т. д.

Праздничный стол (*сий канга*) включал в себя все блюда карачаево-балкарской кухни, которую, отнюдь, нельзя назвать однородной и скучной. Но любой стол был знатен в первую очередь хлебом и его подавали на стол в числе первых блюд, начинали трапезу с хлеба. По этому признаку узнавали, к какому сословию принадлежит приехавший гость. О существовании древнего обычая – угощение гостей хлебом-солью говорит фраза, которая часто упоминается балкарцами и карачаевцами: «*Туз – гыржынын ашаган*» – «Угостившийся хлебом-солью». Мучные блюда – разнообразные лепешки различаются по составу ингредиентов, по форме и толщине, по способу приготовления. Хлеб пекли от кислого до сладкого, добавляли разнообразные жиры и масла. При изготовлении мучных изделий часто применяли несколько видов муки – ячменная, кукурузная, пшеничная, просяная.

К обрядовым мучным блюдам относятся знаменитый «*хычин*» с разнообразными начинками, разнообразной толщиной и способами приготовления (жареные, печенные), «*бёрек*» (пирожок лунной формы), «*чий бёрек*» (пирожки с начинкой из сырого мяса) и «*локум*». Хычин и бёрек обрядовая еда, которая готовились повседневно и в праздники, при жертвоприношениях, являя собой символы солнца и луны.

Хычин был не только обрядовой пищей, но и одним из почетных блюд

(картофель, морковь, лук) добавляли тыкву, горох, огурцы, редьку, редиску, свеклу, фасоль. Долгое время не принимали в традиционный набор продуктов помидоры, который теперь стал самым активным компонентом салатов. Фрукты и ягоды активно используют в сладких блюдах и напитках, сушат, готовят пастилу, варенья, компоты, кисели и т.д. Кроме фруктов и ягод, которые росли в горной местности, балкарцы и карачаевцы уже давно знали такие сухофрукты как изюм, курага, инжир, финики. Орехи не являлись каждодневной едой, но присутствие их на столе, несомненно. Это грецкий орех, фундук, чинар. Еще недавно, в начале XX века балкарцы и карачаевцы были главными поставщиками этих орехов на базары Северного Кавказа.

Относительно напитков можно сказать, что они присутствовали и на холодном и на горячем столе. Это традиционные хлебно-зерновые напитки боза и «ачхыл» (квас), «сыра» (пиво), айран, всевозможные кисели, квасы, морсы, чай из альпийских трав и фруктов, щербеты. Спиртные напитки не входили в национальный пиршественный и традиционный стол. Это объяснялось строгими нравственными нормами. Специальная традиционная хмельная боза (кан боза), водка (аракы), пиво подавались для «чужих» гостей, т. е. гостей из других народов и из далеких стран. В технологии приготовления напитков боза и сыра сохранен важный компонент – горный овес, который придает напитку тонкий аромат и вкусовую гамму. Для придания окраски в бозу добавляли отвар дубовой коры, а для активного брожения и вкуса – мед. Этот уникальный хлебный напиток можно встретить в Турции, Болгарии и других тюркских народов России и стран СНГ. Сыра – горское пиво, по вкусу и аромату не уступает чешскому пиву, а по полезности нет ему равных. Замечательнейший вкус этого пива часто упоминали в своих путевых заметках многочисленные путешественники, которые посещали Кавказ. Они же информировали: «Водку гнали из пшеницы». Однако производство водки не было распространено в народе, а когда соседи – осетины стали ее поставлять в любых количествах, производство его прекратилось вовсе.

Приготовлением пищи занимались в равной степени и мужчины, и женщины. Таким образом, не только женская, но и мужская половина молодежи была приобщена к искусству приготовления национальных блюд. *Несмотря на некоторые утрачивающиеся традиции в последние годы традиционная кухня переживает возрождение и всплеск интереса к кулинарным традициям и традиционным блюдам среди молодежи и старшего поколения.*

9. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРИИ

М. Ч. Джуртубаев

Судьба духовного наследия карачаево-балкарского (аланского) народа была трагичной. Геноцид, устроенный полчищами Тамерлана в конце XIV века и насильственная депортация в Среднюю Азию в 1944 году нанесли невосполнимые потери численности балкарцев, их материальной культуре и духовному наследию, нравственным и эстетическим устоям. В обоих случаях потеря исторической родины (в первом – вытеснение из предгорной зоны Кавказа в труднодоступные горы), ломка традиционного уклада жизни, сокращение численности народа, разрыв поколений и механизмов передачи духовного наследия привели к утрате целых пластов культуры и многих письменных и устных источников.

Однако многое сохранилось в публикациях российских и зарубежных ученых, путешественников и балкарских просветителей прошлых веков. Серьезную работу выполнили также современные балкарские ученые, собирая по крупицам сведения у сказителей устного народного творчества и многочисленных источников, посвященных истории и культуре Алании и карачаево-балкарского народа. Можно полагать, что основные фрагменты богатейшей духовной культуры народ сохранены. Записаны и опубликованы сотни мифов, поверий, нартских сказаний, историко-героических песен, сказок, несколько тысяч пословиц и поговорок, загадок, притч, детских песенок, этический кодекс «Ёзден Адет». Изданы несколько сборников народных лирических песен. Опубликована часть анекдотов (в том числе – о Ходже Насреддине). Есть описания нескольких десятков танцев и плясок. Хуже обстоит дело с легендами и преданиями – до сих пор нет ни одного сборника и ни одного исследования, посвященного им. Наличие такого огромного богатства обусловлено долгой и насыщенной событиями историей скифо-алан, культуротворческой мощью народа, и традициями, которые способствовали сохранению духовного наследия предков. Далеко не все имеющиеся материалы опубликованы, предстоит осветить целые пласты культурного наследия, хотя многое утрачено с уходом носителей. Но даже то, что удалось собрать, поражает своим богатством.

9.1. РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ

Религия и верования балкарцев и их предков имеет многовековую историю, включающую эпоху язычества и обожествления объектов окружающего мира, эпоху веры в единого бога небесного Тейри, эпохи христианства и ислама. При этом следует отметить, что во все времена балкарцам была присуща толерантность, веротерпимость и отсутствие религиозного фанатизма.

9.1.1. Тенгрианство

Балкарцы и карачаевцы издревле исповедовали «тенгрианство» – веру в единого бога небесного Тейри (Тенгри) – общую первобытную монотеистическую религию всей степной Евразии, в основе которой лежало почитание Вечного Неба. В настоящее время у представителей тюркских народов, исповедующих ислам, тенгрианство воспринимается как исконная и традиционная религия тюркских народов, где Тенгри не только синоним Аллаха, но выражение коллективного духа тюркских народов. Считается, что тенгрианство зародилось много тысяч лет назад и возможно является древнейшей религией в мире.

Богу Тенгри поклонялись, поднимая руки вверх, и совершали земные поклоны. Священной стороной света считался север (для якутов восток). Праздник в честь Тенгри отмечался в середине июня (его отголоском являются сабантуй и Науруз). Он носил общенародный характер и сопровождался разжиганием огня на открытом воздухе и жертвоприношением. Для ритуала приоритет отдавался возвышенному месту, где росли березы. В процессе праздника у Тенгри просили удачу и здоровье, молитвы именовались словом «алгыш» (благопожелание, здравица). Заканчивался праздник соревнованиями (стрельба из лука, метание камня, влезание на гладкий столб...) и угощениями.

Символы тенгрианства во многом схожи с символами христианства и ислама. Иногда Тенгри отождествляется с Богом Отцом и Аллахом, допускается бессмертие души и представляется (например, в Казахстане и Киргизии) в неразрывной связи с национальными и общетюркскими обычаями.

Мурат Аджи утверждает, что равносторонний крест является основным символом тенгрианства и заимствован христианами. По другой версии символом тенгрианства является солярный знак равносторонний крест внутри круга (именно таким он изображался аланами), означающий также колесо и бубен. Также символом – является руническое написание Тенгри.

В последние годы в Казахстане, Киргизии отме-

чаются призывы признать тенгрианство основной религией. В Болгарии появилось движение «Воины Тенгри», которое воспринимает тенгрианство как исконную веру болгар до принятия христианства в IX веке и ставит цель восстановить ее.

У балкарцев и карачаевцев имя Тейри употребляется в многочисленных клятвенных формулах: «Тейри де!» (скажи Тейри!), «Тейри бла ант этеме!» (клянусь Тейри!); в проклятиях: «Тейри урсун!» (Пусть поразит Тейри!), «Тейри онгдурмасын!» (Пусть Тейри не благоволит!) и т. д. Многие традиционные благопожелания (алгышла) начинаются с призыва благословения Тейри: «Тейри айтса» (если Тейри благоволит). Часто упоминается имя Тейри в пословицах и поговорках: «Тели коркганны Тейри урур» (Беспричинно струсившего накажет Тейри), в названии явления природы: «тейри кылыч» (радуга – небесный меч; в поверье: «Тейри эшик» (божьи врата). Имя Тейри упоминается в заговорах и заклинаниях, а также входит в состав личных имен, сохранилось несколько гимнов-обращений к Тейри. Клятвенные формулы с упоминанием Тейри и само это слово в обыденной речи балкарцев и карачаевцев означает «клянусь», «ей-богу».

9.1.2. Христианство

Христианство аланы (предки балкарцев и карачаевцев) приняли в X веке от миссионеров Византии. Оно проникало в Балкарию и из Грузии, о чем говорят развалины церкви у селения Хулам, на стенах которой были открыты христианские фрески.

В Алании были два крупных христианских центра: Аланская епархия и Кавказская митрополия. Аланская епархия располагалась в Карачае, и по мнению археолога В.А. Кузнецова была в свое время наиболее крупным на Северном Кавказе православным центром.

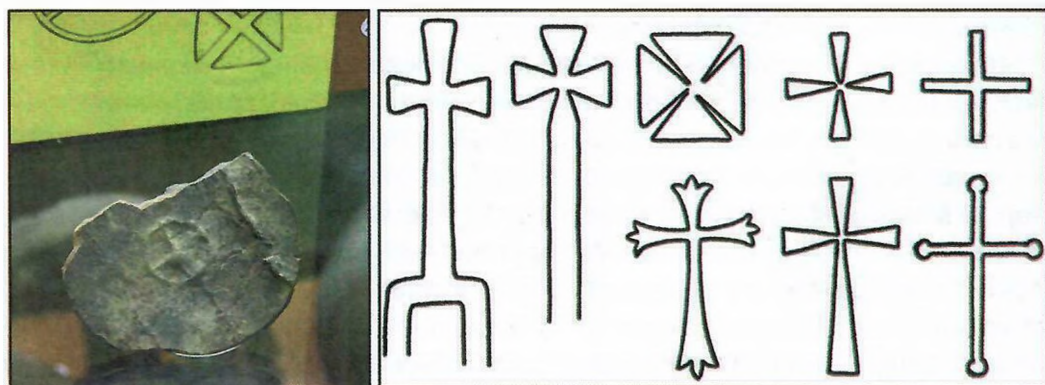
Кавказская митрополия базировалась в районе поселения Верхний Чегем. Внедрение христианства в Алании продолжались около трех веков, вплоть до ее разгрома войсками Тамерлана в конце XIV века. После этого связь с Византией ослабела, новая религия постепенно пришла в упадок, и произошел возврат к старым верованиям, но следы христианства сохранялись. Достаточно сказать, что даже в XVIII веке ученые и путешественники, побывавшие на Кавказе, а также соседи балкарцев и карачаевцев, считали их христианами. Например, кабардинские князья М. Атажукин и А. Гиляксанов писали в Петербурге о балкарцах: «Издревле они были христианского закона, который и ныне многие из них содержат».

Следы христианства до сих пор сохранились в карачаево-балкарском

Самая большая церковь центральной Архызской Епархии (IX–X вв.)

языке в некоторых терминах, именах святых, названиях дней недели, месяцев и именах людей (например, Абустол – август, Геурге кюн – день Георгия (вторник), Шабат кюн – суббота, Геурги – Георгий). О них напоминают также кресты разных форм на башнях, каменных надгробьях и даже крестообразный контур некоторых кладбищ.

Аланские солярные знаки и разновидности крестов на каменных надгробьях и стенах архитектурных сооружений Балкарии

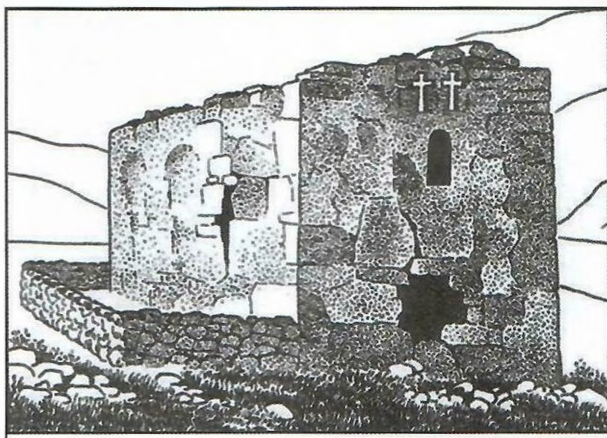

Крестообразное кладбище в селе Тура-Хабла в Верхней Балкарии

П.С. Паллас, посетивший Кавказ в 1794 году, говорит о чегемских балкарцах, что они были прежде христианами и имеют церкви. Даже в 1846 году Н. Данилевский писал, что у балкарцев и карачаевцев «заметны следы прежнего христианства, ибо они сохраняют, почитают воскресные дни и развалины древних церквей, осеняют себя крестом, снимая при этом шапки, и едят свинину». Свидетельством былого наличия этого культа являются находки старинных церковных книг на греческом языке и греческих надписей богословного содержания, сообщения о существовании их общин и храмов. На следы христианства указывают и археологические памятники эпохи средневековья.

Христианство на Северном Кавказе развивалось и распространялось вплоть до эпохи Золотой Орды. Но, христианские церкви в Балкарии и Карачае функционировали вплоть до конца XVII века.

Но необходимо иметь в виду, что как в Алании, так и в Балкарии и Карачае не происходило прямого копирования христианства, внедрялись его отдельные элементы, соответствующие менталитету и социально-экономическому уровню развития балкарских обществ. Традиционные балкарские общества воспринимали догматику христианства в адаптированной форме.

Христианская церковь на реке Гестенты (1913 г.)

Поэтому в течение длительного периода христианские верования на территории Балкарии сосуществовали с древними языческими верованиями с некоторой их трансформацией.

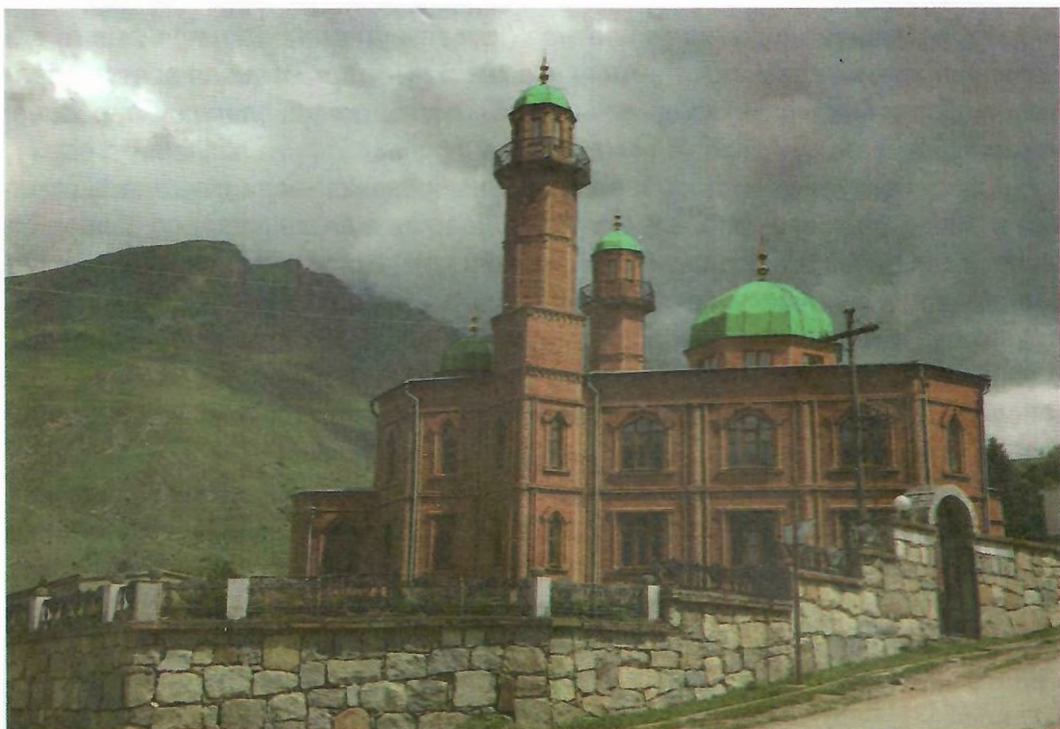
9.1.3. Мусульманство

Ослабевшее христианство, вновь почти поглощенное древними верованиями, не смогло противодействовать исламу, активная пропаганда которого шла из Дагестана и Крыма. Постепенно балкарцы и карачаевцы приняли мусульманство суннитского толка.

В XIV веке было начато строительство первых мусульманских мечетей на месте прежних христианских церквей: у Эльхотовских ворот в местности Татар-Тюп, в городище Нижний Джулат у города Майский и других местах. Активный процесс исламизации балкарцев начался в XVII веке, однако еще в XIX веке их верования представляли собой сложный синтез христианства, ислама и дохристианских традиций (вера в Тейри). Принимая ислам, они придавали ему своеобразную «окраску» так называемого «бытового ислама». Уже более двух веков исповедуют ислам балкарцы, но имеет место проявление

Пятничный намаз в Верхней Балкарии. В чалме – совершившие хадж в Мекку и Медину

Современная мечеть в Верхней Балкарии

элементов древних религиозных верований. Ислам, обеспечив идеологию феодального общества, выступал не только в качестве религиозной системы, но и способствовал интеграции балкарских обществ.

Большой интерес читателя, по-видимому, могут представлять выработанное веками духовное наследие, основные фрагменты которого изложены ниже.

9.2. МИФОЛОГИЯ

9.2.1. Почитание животных и птиц

Здесь речь идет об отголосках тотемизма – веры в происхождение человеческих групп от различных видов животных и птиц. До недавнего прошлого у балкарцев и карачаевцев, как и у других народов мира, бытовало множество «звериных» и «птичьих» имен, например, Аслан (лев), Каплан (барс), Аю (медведь), Тайчык (жеребенок), Каз (гусь), Кёгюрчюн (голубь) и т. д. Таковыми были, вероятно, и первые имена первобытных людей. С течением времени членам рода стало казаться, что их предок был не человеком со «звериным» или «птичьим» именем, а был зверем, понимавшим человеческую речь.

По этой причине данное животное (или птица) для рода, носившего его название, становилось почитаемым. Самыми почитаемыми для предков балкарцев были *барс, волк, конь, змея, ласка, олень, голубь, ласточка, ворона, чернобурая лиса*.

Змею, живущую во дворе, нельзя было убивать – она считалась охранительницей дома, и, умирая, могла страшно проклясть весь род. Перед ее норкой каждый день ставили чашку с молоком. Широкое распространение имела вера в магическую силу «змеиной бусины», находящейся в зеве змеи. Отнимать ее нельзя – надо бросить перед ней красную тряпочку или шнурок, и тогда змея сама выплевывает бусину и уползает. Верили, что человек, взяв в рот эту бусину, может понимать язык зверей, что эта бусина может исцелять все болезни.

Оленье молоко, по народным представлениям, является волшебным лекарством, исцеляющим самые страшные хвори. Верили, что из могилы праведного человека по ночам выходит его душа в образе **золотого оленя**.

Волк по народным воззрениям, является злейшим врагом всяких злых духов, враждебных человеку. Предание гласит, что волк имеет способность видеть чертей, что волки ловят и поедают их детей. В доме, где на стене висит волчья шкура, черти не появляются. Повстречать в пути волка считалось хорошей приметой, а, например, зайца – плохой.

Человеку, подозреваемому в воровстве, давали поддержать зажженную волчью жилу, веря, что если человек виновен, но скрывает вину, его схватят корчи или он распухнет.

Больного ребенка лечили протаскиванием под черепом или шкурой волка, подвешивали к его люльке кусочек шкуры и косточку волка, заплетали из волчьей шерсти косички и подвязывали к перекладине колыбели и т. д.

Балкарцы и карачаевцы считали, что там, где живет **чернобурая лиса**, всегда есть изобилие, поэтому убивать чернобурку считали грехом, но если уж такое случилось, брали себе по пучку ее шерсти, веря, что это предохранит дом от всяких бед. Вплоть до середины XX века почти в каждом доме можно было найти кусочек шкуры чернобурки.

По сей день строго выполняется запрет не только убивать, но и ловить **ласку** (агаз). Считается, что ласка может жестоко отомстить обидчику, отравив своими экскрементами воду или молоко в доме, что человека, убившего ласку, всю жизнь будут преследовать несчастья. В честь почитаемого животного девушки исполняли даже «Танец ласок».

Рысь вызывала у наших предков тревогу. Они верили, что грозное божество смерти, забирающее души (Жан Алыучу), имеет ее облик. Человек, который убил рысь, должен был всю жизнь носить с собой ее коготь, полагая, что он

будет сильно мучиться перед смертью, и, чтобы прекратить мучения, надо было показать ему этот коготь.

Из домашних животных наибольшим почитанием пользовался у балкарцев и карачаевцев, как и у их предков, *конь*. Коневодство было их традиционным занятием. Перед отменой крепостного права на душу населения в Балкарии и Карачае приходилось больше лошадей, чем в любом другом районе Северного Кавказа. Даже злые оборотни (обуры) не могли, по народному мнению, причинить вред коням. Старики говорили, что способностью видеть нечистую силу – бесов, джиннов – обладают только волки и кони. Бить коня по голове строжайше воспрещалось, говорили: «Голова коня – солнце». Чтобы прекратить засуху, опускали в воду подвешенный на веревочке конский череп, считая, что вскоре после этого пойдет дождь. Видимо, череп символизировал солнце, а река – дождевые облака.

Другим домашним животным, почитаемым в народе, был *баран*. На его шею, в отличие от коров или коз, никаких талисманов не вешали, считая, что баран сам является живым талисманом: новорожденному ребенку мазали лицо кровью жертвенной овцы, чтобы ему передалась магическая сила, заключенная в ней; при строительстве дома под ним закапывались бараньи рога, чтобы оберечь его от несчастий. Бараньи и туры рога прибавляли над входом в жилище.

Орел в фольклоре, особенно в сказках и в нартском эпосе часто помогает героям выбраться из трудных ситуаций, например, выносят героев из подземного мира, дают мудрые советы и т. д.

Доброй птицей считалась *ворона*, особенно если имела белую отметину. Ее крик считался предвещающим удачу и счастье. Эта же птица является, согласно мифам и эпосу, спутником и гонцом покровителя воинов, бога молнии Элии.

Запрещалось убивать или беспокоить *филина* (байкуш – «божья птица» или «божественная птица»), который воспринимался олицетворением мудрости. Такие же запреты распространялись на голубей, ласточек, журавлей, удонов.

Названиями животных обозначался порядок годов в 12-летнем цикле: год мыши, коровы, тигра, зайца, рыбы, змеи, лошади, овцы, обезьяны, орла, собаки и свиньи.

9.2.2. Олицетворение

Олицетворение является важным элементом религиозных верований. Смысл его состоит в том, что предметы или явления природы наделяются свойствами живых существ, часто даже людей – способностью мыслить, чувствовать, говорить, обликом животного или человека и т. д. Но прежде, чем

придавать явлениям природы такие образы, долгое время полагали, что они сами по себе являются живыми существами.

Например, балкарцы и карачаевцы верили, что ночью на какое-то мгновение вода в ручьях и реках застывает (засыпает), чтобы отдохнуть. **Огонь** считали самым чистым существом, поэтому запрещали плевать в него, бросать в очаг мусор, даже топили огонь только чистыми дровами; нельзя было и перешагивать через него. Таким же чистым существом считалась **земля**. Нельзя было ночью выливать кипяток на землю – она спит, и, ошпарив ее спящую, человек может навлечь на свою голову проклятие земли. Живым существом считался и **ветер**. По народному верованию, если в вихрь бросить ножом, на нем останутся капли крови.

Представление о том, что природа делится на **четыре великие стихии**, является в карачаево-балкарской мифологии важнейшим. Человек, который начал познавать окружающий мир, должен был очень дорожить своим открытием – он сумел понять и дать название главным элементам – огню, воде, земле и воздуху – из которых состоит мир. Поэтому, видимо, запрещалось смешивать их с чем-то, «загрязнять», например, выливать в воду молоко или гасить огонь водой. Эти запреты вызваны страхом забыть, потерять достигнутое в мысли, порядок, который воцарился в сознании на основе обобщения. Только лишь затем начался процесс олицетворения – стихиям и предметам, временам суток и т. д. стали придавать облики животных и растений, людей. Например, день и ночь олицетворяли в образах двух баранов – черного и белого, которые бьются между собой, обходя при этом всю землю.

Не следует думать, что люди в ту древнюю эпоху действительно думали, что день и ночь – это два барана. У них было точно такое же зрение, как и у нас, но свои знания они выражали другими терминами, теми словами, которые выражали то, что было им близко и понятно. Отсюда и родилось олицетворение, и смену света и мрака они обозначили через представление о борьбе белого и черного баранов. Короче говоря, их мышление было таким же, как у нас, но язык, которым оно выражалось, был мифопоэтическим.

Могучие стихии природы – земля, огонь, вода, ветер – были олицетворены нашими предками в образах **быков**. Верили, что если нырнуть в воду, можно иногда услышать рев «быка воды» (*суу ёгюз*). Быком представлялся и ветер, земля же – коровой. Отсюда и бытующее по сей день выражение: «*Жер бугасы – желди*» (Бык земли – ветер). Отсюда же появилось представление о том, что земля стоит на трех быках. Когда они устают стоять неподвижно, начинают переминаясь, происходят землетрясения.

Олицетворяли не только конкретные силы природы, но и, например, времена года. Так, перед новым годом и сейчас иногда говорят: «*Жыл картайды*» (Год состарился).

9.2.3. Чуговища и страшилища

Могучие силы природы во много раз превышали возможности и силы человека. Поэтому при их олицетворении стихиям придавался облик громадных и уродливых существ, грозных и прожорливых. К наиболее древним из таких существ в карачаево-балкарской мифологии относится, наверное, дракон (*сарьук*) – змей с тремя, семью или девятью головами, чудовищной величины и мощи. В сказках и в эпосе дракон представляется как существо, враждебное людям, которое преграждает течение реки, или выпивает воду в ней, отчего наступает голод и засуха. Он требует в уплату за воду дань – красивых девушек, которых тут же съедает. В древности дракон считался покровителем воды, земли, поэтому мог даровать урожай или лишить его. Пытаясь задобрить, ему в жертву приносили девушек. Такой обряд сохранялся долго (в измененном виде): девушку перед пахотой окапывали в землю, а затем старики уговорами «выкупали» ей свободу.

Самые известные в карачаево-балкарском фольклоре чудовища – *эмегены*, великаны уродливого вида, сплошь обросшие густой шерстью, тупоголовые и прожорливые. Особенно они любят человеческое мясо. Они отдаленно напоминают людей тем, что умеют разговаривать, из хозяйственных занятий они знают только одно – пасти коз. Кровь их ядовита. Эмегены в нартском эпосе являются смертельными врагами нартов, с которыми ведут жестокую борьбу. В конце концов, нарты одолевают их и в последнем решающем сражении уничтожают всех.

Агач киши (Лесной человек – леший) – существо огромного роста и силы, с острым, в виде топора, костяным наростом на груди; может напасть на человека, но может и помочь. Агач киши представлялся нашим предкам хранителем леса. Он строго следил, чтобы люди зря не рубили деревья – за это он жестоко наказывал. Иногда говорилось, что «лесных людей» было много, и что они жили стадами, бродя по лесам.

Другие страшные существа – *алмасты* (снежный человек, йети). Они, как и люди, делятся на мужчин и женщин, но чаще рассказывают о женщинах. Их описывают то, как очень безобразных, то, как неслыханных красавиц с длинными до пят волосами, безо всякой одежды. Они могут жить и в лесу, в оврагах, но могут поселиться на чердаке дома и тогда нужно оставлять там еду для них. Убивать их, как считали, нельзя – перед смертью это существо проклинает убийцу, и проклятие всегда сбывается.

Чудовище *Желмауз* – кровожадная великанша-людоедка, обладающая невероятной силой, со стальными зубами. Некогда она была разорвана на части крылатыми собаками нарта Кыйынлы. Но ее голова вместе с вцепивши-

мися в нее собаками (они называются самырами) улетела в небо, где они стали охранять от нее луну. Когда собаки от усталости засыпают, голова Желмауз набрасывается на луну, пытаясь ее проглотить, отчего происходят лунные затмения. Тогда люди начинают стрелять из ружей, кричать, бить в медные тазы; собаки просыпаются и оттаскивают голову Желмауз от луны.

9.2.4. Демоньы

Ряд демонов в карачаево-балкарской мифологии облика не имеет – Бастырык, Байча, Азмыш, Кара-Кура.

Воздействием демона **«Бастырык»** (душитель, удавитель) объясняли состояние внезапного оцепенения тела, которое наступает иногда после кошмарного сна, но иногда и во время бодрствования. Человек осознает происходящее, но не может пошевелиться. Бастырык может принять вид змеи, лягушки, кошки и т. п.

«Асмыш» (сбивающий с пути) также представлялся существом, враждебным людям. Жертвами его становились, по народному верованию, одинокие путники. Азмыш окликал их голосом знакомого человека, а когда путник откликнулся, то попадал во власть демона, который уводил его и сбрасывал со скалы.

«Байча» тоже, как считалось, окликает человека голосом его знакомого или родственника. Если оклик был резким – быть беде, если спокойным – будет удача, счастье. Чтобы отвести беду, нужно было ответить ему благословением или пригласить Байчу в гости. Тогда Байча менял гнев на милость и благословлял человека. Имя демона *Байча* означает «божок, хозяин» – от древнего значения слова *бай* «хозяин, владыка, бог».

Напоминает этих трех демонов и **«Кара-кура»** – злой дух, насылающий на людей кошмарные сны и видения. Обычно его именем пугали детей. *Кара-Кура* в переводе означает «черно-серый».

Много рассказов можно услышать и сейчас о **джиннах** – особых, невидимых для обычных людей существах, которые делятся на черных (злых) и белых (добрых). Между ними постоянно, как говорят, идет война. Белые джинны являются покровителями добрых ведунов (*билгич*), а черные – помогают злым колдунам.

9.2.5. Духи – хозяева мест

Эти духи тоже не имеют ясного облика и отдельных имен, их именуют просто **«жер иеси»** (хозяин места) или **«су иеси»** (хозяин воды). У каждой местности, и у каждой реки, озера и т. д., были свои духи – хозяева, которых

нужно было задобрить. Поэтому им приносили жертвы – поливали землю мясным бульоном, кровью овцы, клали мясо на видном месте. Хозяева вод, кроме того, именовались еще *су ердинами*. Верили, что они могут навредить человеку, но могут и помочь.

Под землей обитали «*жеки*» – малорослые, но сильные и умные карлики. Летом они выходили на поверхность, жили в корнях деревьев.

Верили наши предки и в домовых (*юй иеси*). Считалось, что у каждого дома есть свой дух-хозяин, живущий в кладовой, в пристройке, хлеву. Этим духам полагалось оставлять на ночь еду, иначе обиженный домовый мог задушить ребенка в колыбели.

До принятия мусульманства каждая семья имела своего домашнего божка, изображение которого в образе коня, собаки, барана, быка и т. п., вырезанное из дерева, устанавливали в центре дома или возле очага. Изваяния идолов устанавливались на центральном опорном столбе дома. Главный идол назывался *Деуер* (могучий муж).

9.2.6.оборотничество

До наших дней дожила вера в «*обуров*» – людей, способных принимать любой облик. Чаще всего говорят об обурах женщинах. Русский ученый Е.З. Баранов писал о них, на основе расспросов стариков: «Ночью, выйдя на реку, сняв с себя одежду и повалявшись в песке, они превращаются в волков, хватают баранов и пожирают их; принимают они также вид кошек, собак и других зверей для того, чтобы легче причинить человеку или его скоту, за исключением лошадей, всяческий ущерб. Обуры обладают способностью не только ходить по земле, но и летать по воздуху; для этого они садятся верхом на лопату (деревянную) или веник, поливают их волшебной жидкостью черного цвета и вылетают в трубу. Каждую пятницу, ночью, обуры слетаются на вершину Эльбруса, захватив с собой спящего человека, раскладывают костры под медными котлами, убивают человека, мясо его бросают в котлы и, пока оно варится, с песнями пляшут вокруг них. Поевши мясо, они складывают кости в кучу, дуют на них и человек оживает, хотя по-прежнему продолжает находиться во сне. Затем обуры относят человека на место, откуда он был взят. Проснувшись наутро, он чувствует во всем теле боль, но о своем пребывании в руках обуров ничего не знает».

Слово «*обур*» означает также «ясновидящий, вещий», поэтому главную героиню нартского эпоса Сатанай именуют «обур Сатанай».

9.2.7. Умай-бийче и Байрым-бийче

Слово *бай* (богач), как и слово *бий* (князь) имели в древнюю эпоху другие значения – «хозяин, владыка, бог», слово *бийче* – «богиня».

«*Умай-бийче*» является одним из древнейших образов в мифологии всех тюркских народов. Ее имя означает «лебедь-богиня». Предки тюркских народов почитали лебедя как птицу, которая может передвигаться и по земле, и по воде, и по воздуху. У них был миф, согласно которому перволебедь нырнула и достала со дна мирового океана землю, которая стала разрастаться и на ней появились горы, реки, растения и животные. Поэтому тюрки почитали Умай-бийче как родительницу мира (по другому варианту, мир первоначально представлял собой яйцо, снесенное лебедью – Умай). Умай-бийче представлялась в образе прекрасной женщины, иногда спускающейся с неба, а почитать ее стали в качестве богини – покровительницы материнства.

В X веке, когда аланы приняли христианство, образ Умай-бийче стал сливаться с образом Девы Марии, матери Иисуса Христа, но так и не слился до конца. Поэтому в карачаево-балкарской мифологии остались две богини материнства – Умай и дева Мария, которую стали именовать Байрым-бийче.

9.2.8. Богини-матери стихий

Из древних пластов мифологии и религии тюркоязычных предков карачаево-балкарского народа складывалась система религиозно-мифологических воззрений. Важное место в ней занимают богини-матери, пользовавшиеся всеобщим почитанием. Мать Огня называли «*Тыпана*» или «*Тепена*», Мать Воды звали «*Анакей*» (*матушка*) или «*Дамм еттир*» (творящая влагу). Ее изображали как неслыханную красавицу огромного роста – белолицую, с синими волосами, с которых на горы и долины стекают потоки дождя, а вокруг головы стоит радуга.

Мать Земли называлась «*Джаучи*» – от «*джайыучу*» (плодящая, производящая). У нее был сын по имени «*Сауман*» (или *Сакман*), тоже божество. Матерью Ветра была «*Химикки*» – от «*хим*» (легкий, пустой). Ее сыновьями считались боги ветров «*Гылан*», «*Горий*», «*Эуль*», а дочь – «*Сууичмез*» (не пьющая воды). Говорили, что Мать Ветра живет на краю мира, в горной пещере, откуда иногда выпускает порезвиться своих буйных сыновей, и тогда на земле поднимается ветер, бури, ураганы. Когда они возвращаются, Химикки закрывает вход в пещеру и на земле воцаряется тишина.

Матерью снов считалась «*Чомпараш*» (Жумпараш).

Но это были главные богини. Кроме них было множество и других бо-

гинь-матерей – у каждой местности, речки, очага. Вообще считали, что у всего на свете, у каждого предмета, вещи, явления и т.д. есть своя покровительница – мать, богиня.

В воде, кроме того, обитали «**суу кызла**» (дочери вод) а также «**балык кызла**» (русалки), в скалах – «**кая кызла**» (дочери скал).

На какой-то стадии развития религиозные представления достигли точки, на которой все эти женские образы стали обобщаться в один образ. Так появилась богиня «**Ажам-бийче**» (старшая госпожа): голова у нее – пламя, из спины проступает вода, подошвы ног ее толстые, как земля, ее дыхание – свист ветра. В ее облике есть и черты, напоминающие Агач киши и Алмасты. Об Ажам говорится, что у нее на поясе топор, и что она обросла рыжими волосами. Ажам – Великой Госпоже Природы, приносили жертвы и дары, прося милости, моля быть снисходительной к людям, не причинять им ущерба.

9.2.9. Боги-отцы

Вслед за появлением культа богинь-матерей появился и культ богов-отцов; считалось, что у всего на свете есть свой покровитель-отец – у вод, у деревьев, предметов и т.д. Например, Е. Баранов писал, что, по воззрениям балкарцев суу анасы и суу атасы живут в реках и озерах, и что существа это добрые – спасают утопающих. Если же кто-нибудь утонет, то говорят, что они чем-то рассердили отца воды или мать воды.

Но были и главные боги-отцы стихий. Это Отец Земли (**Даулет**), Отец Ветра (**Эрирей**), Отец Огня (**Татай**), Отец Воды «**Суулемен**». Они считались мужьями богинь-матерей, в их честь складывали гимны (некоторые сохранились). Каждый из них считался покровителем и хозяином одной из стихий. Даулет, например, мог даровать урожай угодившим ему людям, но мог, как считали, и лишить его, сделать труд людей бесплодным. К Эрирею обращались, прося поднять ветер во время веяния зерна и т.п.

9.2.10. Апсаты

Одним из самых популярных божеств был «**Апсаты**» (покровитель диких животных). Его представляли в образе высокого старца с длинной белой бородой и посохом в руках. У него были сыновья – **Атыл**, **Гамалбай**, **Тугулбай**, **Ындырбай** и дочери – **Байдымат**, **Гамалар**, **Гошала**, **Жумарук**. Сестра Апсаты, которую именуют **Агач катын** (лесная женщина), является в мифологии покровительницей птиц. По народным верованиям, Апсаты жил на вершинах высоких гор, откуда зорко следил за тем, чтобы охотники не истребляли

зверей сверх необходимого. Если же охотник был жаден или жесток, Апсаты строго наказывал его. К Апсаты охотники обращались с молитвой, прося дать добычу.

Караульным на службе у Апсаты балкарцы и карачаевцы считали покровителя волков «*Тотура*». Верили, что Тотур может наслать стаи волков на отары неугодного ему человека и разорить его. К нему обращалась мать юноши, впервые отправлявшегося на охоту. Были камни или даже целые местности, посвященные этому божеству. Проходя мимо таких камней, охотник должен был спешиваться, оставлять возле него пулю, а после удачной охоты – часть добычи в дар Тотуру.

9.2.11. Грозовые божества

Божество грозы, грома и молнии имело четыре имени – *Папай, Чоппа, Шибиля и Элия*. Их иногда принимали за имена разных богов.

Элия считался покровителем молнии и воинов, *Чоппа* – покровителем урожая, браков и детей. В песнях-обращениях к божеству звучат просьбы послать дождь, умерить жару, прославляется мощь и щедрость Чоппы. В одном из гимнов Чоппа назван вторым после Тейри богом. К Чоппе обращались, прося защитить луну от дракона Желмауз. Возле многих селений находились священные «камни Чоппы», у которых устраивались праздники и исполнялись ритуальные пляски. К помощи Чоппы обращались с молитвами и исполнением гимна, когда кого-либо поражала молния. Имя божества происходит от *чёл* (колос, злак) + *бай* (бог) – «бог злаков».

В древности Чоппа совмещал много функций – он покровитель и грозы, и урожая, и бури, и деторождения, и воинов. Позже функции бога ветра перешли к Эрирею, а покровителем воинов стал считаться Элия.

9.2.12. Солнечные божества

Олицетворения солнца образуют целую группу. Покровитель плодородия Золотой Хардар представлялся в виде золотого барана. Праздник, посвященный ему, проводили перед весенней пахотой. Хардар означает «обилие, изобилие». Иногда и сейчас можно услышать, как, указывая на накрытый стол, говорят: «Клянусь вот этим хардаром (изобилием)».

Другое солнечное божество – *Голлу* (огненный, владеющий огнем, от древнего *гол, гул* – огонь). Его представляли в образе небесного всадника, одетого в золотую шубу и восседающего на белом коне. Это умирающий и

воскресающий после зимних холодов бог, олицетворение силы солнца, бог веселья и радости. Поэтому праздник в честь Голлу проводился весной, в дни весеннего равноденствия, когда и наступал Новый год. Это был общенациональный праздник, на который съезжались в селение Верхняя Балкария представители всей Балкарии, Карачая и Дигории.

Сословные различия на время празднества отменялись – все считались равными, и князья, и уздени, и крепостные. Люди обращались за решением спорных вопросов к *Тёре*, проводились состязания в народных видах спорта (борьба, скачки, стрельба, бег, бой на палках, толкание камня и т. п.), избиралась самая красивая девушка. К празднику готовились задолго до его начала – шили красивую одежду, выезжали коней и т. п. Являться на праздник Голлу с оружием было запрещено, так же, как и браниться, ссориться. Напиваться на празднике до пьяна считалось особенно большим позором.

Еще одним олицетворением солнца было божество *Кайнар* (горячий, кипящий). По мифу, Кайнар сотворил мир, а затем уже вместе с другими богами сотворил животных и людей. Летом Кайнар посылает тепло в наш мир, а зимой его часть отдает миру мертвых (*Ёксюзле Дуниясы* – буквально «мир сирот»). Однажды, разгневанный туманами, которые не пропускали его лучей, Кайнар изрыгнул из своего чрева дождь золотых, медных, серебряных и железных камней. Вот откуда появились на земле металлы.

Солнечным божеством мыслился покровитель кузнечного дела *Золотой Дебет*. Он собрал металлы, которые изрыгнул Кайнар, стал ковать из них орудия труда и оружие для своих сыновей и внуков – богатырей нартов, и они стали одолевать своих врагов – драконов и великанов эмегенов. Поскольку Дебет является прародителем эпических богатырей нартов, о нем будет сказано ниже, как и о лунной богине Сатанай-бийче.

9.2.13. Покровители скотоводства

Скотоводство было главным хозяйственным занятием балкарцев и карачаевцев, так же, как и их предков-скифов, алан, болгар. Разумеется, в их религиозной системе были божества, покровители животноводства. Они считались братьями. Божеством-покровителем овец и овцеводов считался *Аймуш*, который представлялся то в образе златорогого белого барана, то в образе человека. Пастухи коров почитали его брата *Сыйыргына*, козопасы – *Маккуруша*. Коневодам покровительствовал *Сыйкюн* или *Зейкюн*. У строителей и каменщиков также был свой покровитель – *Тохун*.

9.2.14. Тейри

Долгое время было принято думать, что многобожие предшествовало единобожию. Ныне становится все более очевидной правота британского этнографа Эндрю Лэнга, еще в XIX веке высказавшего мысль о том, что многобожие появилось в результате деградации древнего единобожия (прамонотеизма). Одним из примеров, подтверждающих правоту Лэнга, является карачаево-балкарское тенгрианство. Анализ мифов и сказаний, в которых фигурирует *Тейри* (Небесный царь), показывает, что вначале он был единственным и единственным богом в прамонотеистической религии тюрков. Остальные божества появились в результате того, что его именованья были приняты за именованья отдельных божков. Кроме того, учение о едином Боге – Творце было труднодоступно для народной массы, которой были гораздо ближе и понятнее образы различных покровителей стихий и ремесел. Языческой народной массе *Тейри стал представляться главой других богов, главнейшим из них, борцом против чудовищ, великим героем*. В одном из мифов говорится, что драконы от страха перед Тейри ревут, «как старые вепри».

Несмотря на все это, в текстах *Тейри часто именуется «единственным и единым Богом»*; все остальные божества выглядят рядом с ними лишь мелкими духами, безропотными исполнителями его воли. *Тейри – единственный Творец и владыка мира*; ни одно событие не могло, по народным понятиям, произойти без его ведома и воли. Никто не смеет ослушаться его. В мифах к нему обращаются с жалобами даже божества. Его именуют также *Уллу Тейри* (Великий Тейри), *Хан Тейри* (Властительный Тейри), *Кёк Тейрисис* (Бог небесный), чтобы отличить от других богов. Этому же божеству, под сходными именами – *Тенгри, Тенгир, Тенгри-хан* поклонялись и древние тюркоязычные народы – гунны, савиры, болгары, хазары и многие др.

Сохранилось сказание о том, как боги испытывали своих любимцев – нартов на празднике Голлу. Сам Тейри на праздник, конечно же, не является, он посылает туда 90 Тейри во главе с Элия. Боги следят за состязаниями нартов, любят их плясками и поединками с эмегенами, а в конце в круг выходит бог смерти *Кюйсюз Тейри* (Безжалостное божество), он же – *Аламан* (Первозло) и вызывает на бой любого из богов. Вызов принимает Элия и побеждает свирепого бога смерти, который вынужден спасаться бегством, не выдержав жара, исходящего от огненного кинжала Элия.

Если брать всю мифологию карачаевцев и балкарцев в целом, то она представляет собой достаточно стройную систему. Все мифологические существа по степени могущества и значения делятся на восемь классов:

– Тейри-Хан;

- класс других тейри (боги-творцы);
- класс богов-отцов;
- класс богинь-матерей;
- класс духов-хозяев мест и вод;
- класс невидимых демонов Бастырык, Азмыш, джинны, бесы и др.;
- класс чудовищ: драконы, эмегены и т.п.;
- олицетворения сил природы в образах животных: бык воды, бык земли и др.

9.2.15. Представления о мире

Согласно мифу, Тейри создал мир из своей плоти, вдохнув в живые существа свою душу: сначала появились земля, моря, скалы и растения, затем птицы и звери, созданные из тела, костей, крови и волос божества, и уже против воли Тейри из его желчи возникли драконы и эмегены. Чтобы не дать им властвовать на земле, Тейри создал из кусочка своего сердца (солнца) Золотого Дебета, которому даровал 19 сыновей богатырей. Они и положили начало человеческому роду.

Было также два других варианта происхождения мира. Богиня-лебедь, нырнув в воды мирового моря, достала со дна землю, которая, разбухая, превратилась в мировую гору Эльбрус – *Минги Тау* (Вечная Гора) или *Алтын Тау* (Золотая Гора). Вместе с землей она достала со дна раковину, из которой появились два первочеловека *Адам и Хауа*. У них было 25 девочек и 25 мальчиков. Они и положили начало человеческому роду. Еще по одному мифу, мир возник из плоти гигантской рыбы (сома), растерзанного еще более громадным орлом.

Весь окружающий мир наши предки представляли состоящим из трех ярусов (*юч къат*), вместе составляющих подобие огромного яйца. В каждом из этих миров своя жизнь, ничем не отличающаяся от жизни в других мирах – во всех них живут люди, звери, птицы, драконы и т.д., есть свои луна и солнце, свои звезды. Посреди каждого мира протекает Срединная река (*Ара Суу*), которая делит его на мир живых и мир мертвых. Таким образом, получается шесть миров – три мира живых и три мира мертвых. Границей между миром живых и миром мертвых, кроме того, по понятиям балкарцев и карачаевцев, является и радуга (*тейри кылыч* (небесный меч) или (божественный меч), другое название – *жан кылыч* (меч жизни)). Поэтому и говорят, что человек, перепрыгнувший через радугу, меняет свой пол: девушка становится юношей и наоборот. Точно так же человек, живым перебравшийся на другой берег Срединной реки, и даже животные, меняют свой пол, а в мире мертвых все наоборот. Человек или животное, которые попадают туда после смерти, со-

храняют свой пол, а живые, случайно туда попавшие, меняют его. Время в мире мертвых течет гораздо быстрее, чем в мире живых: если здесь проходит несколько часов, то там – несколько лет.

Посредине каждого из трех миров возвышается своя мировая гора (Вечная, Золотая). Все три мира окружены кольцом высоких, ограждающих их гор «*Кал Таула*» (Оградные горы). Была и другая модель мироздания; считалось, что весь космос представляет собой гигантское дерево – Золотую Иву (*Алтын Тал*). Когда рождается человек, на дереве вырастает листок, когда он умирает, листок падает с дерева.

9.2.16. Мифологические эпосы

Карачаево-балкарский народ за свою долгую историю сложил три монументальных стихотворно-песенных эпоса – *мифологический, героический* (о нартах) и *историко-героический*. Как известно, эпос о деяниях богов и героев складывается на основе того, что диктуется мифологией и историей. Если в мифологическом эпосе преобладает миф, в героическом эпосе соотношение истории и мифа приблизительно равное, то в историко-героическом эпосе преобладает история, элементов чудесного, мифического в нем мало.

Мифологический эпос карачаевцев и балкарцев состоит из разных текстов – это и гимны в честь богов-покровителей, и мифы, созданные для объяснения различных явлений природы, происхождения животных, птиц, рыб, человека, мифы о происхождении и устройстве вселенной, о событиях, имевших место в глубокой древности (например, о Всемирном потопе). Здесь же рассказы о деяниях некоторых богов, о различных мифологических существах как доброжелательных, так и враждебных к людям. Есть много песен и легенд, в которых повествуется о близких отношениях тех или иных героев-охотников со сверхъестественными существами, чаще всего с дочерьми богов и богинь. Они становились возлюбленными героев, оказывали им покровительство, но кончалась эта связь, как правило, трагедией – гибелью человека, особенно если он изменял богине, влюбившись в обычную девушку.

Об этом и повествуется в мифах «Тохтар и дочь Апсаты», «Лесная девушка и охотник», «Охотник Баппу», в песнях «Мызы-батыр», «Гошала и Гогуй», «Охотник Болат», в охотничьей поэме «Ажо-батыр и Апсаты». Ядром мифологического эпоса является известная в нескольких вариантах большая народная поэма «Бийнёгер, сын Гезоха» (наиболее полный ее вариант состоит из 700 строк).

9.3. НАРТСКИЙ ЭПОС

Эпос о богатырях-нартах бытует и у других народов Кавказа – осетин, абазин, кабардинцев, адыгейцев, абхазов, вайнахов. В них много общего, но есть и различия. Уже в XIX веке ученые, записывавшие эпические сказания карачаевцев и балкарцев, сетовали, что все меньше остается людей, которые могли бы спеть эти древние песни, хотя в пересказе сюжеты их известны всем. Количество утраченного в годы сталинского геноцида, видимо, очень велико, погибла почти треть населения, в том числе многие и многие сказители. Забыты многие мелодии – а ведь еще в 1879 году русский ученый П. Остряков писал, что каждое из них исполняется на особый мотив. И все-таки, несмотря на то, что карачаево-балкарский эпос стали собирать и записывать тогда, когда остальные национальные версии Нартиады были уже собраны, изданы и даже исследованы, удалось записать тысячи строк стихотворно-песенных текстов, не считая прозаических вариантов. И даже тот, далеко неполный, вариант эпоса, которым мы сейчас располагаем, позволяет говорить о нем, как о вполне законченном и великом произведении мировой литературы.

9.3.1. Основные темы эпоса

- сотворение мира, человека и животных, орудий труда, оружия;
- борьба нартов с людоедами-великанами (*эмегенами*) и драконами. Часто в образах эмегенов или целых племен эмегенов изображаются и народы, с которыми пришлось сталкиваться предкам балкарцев и карачаевцев в сражениях. В таких сказаниях эти эмегены представлены как свирепые и безобразные существа, но владеющие речью, оружием, конями, живущие в селениях и т.д.;
- во многих сказаниях отражаются исторические события, происшедшие в отдаленные времена: войны, сражения, походы, в которых участвовали предки балкарцев (скифы, аланы, болгары).
- добывание героем-нартом жены или каких-либо волшебных предметов: поющего дерева, золотой шубы, меча-самосека и т.п.;
- междоусобица из-за угона табунов или месть героя за убитого отца или братьев;
- приключения героев на охоте, в пути и жизни;
- грандиозные новогодние празднества, посвященные солнечному божееству Голлу, отмечающиеся в дни весеннего равноденствия.

9.3.2. Кто такие нарты

Нарты, согласно карачаево-балкарским сказаниям, это бесстрашный народ воинов-богатырей, потомки бога кузнечного дела Золотого Дебета. Они созданы Тейри с определенной целью – распространить на земле веру в Единого Бога, установить мир, очистить мир от всех злобных существ, враждебных людям, истребить эмегенов и драконов. Поэтому главное занятие нартов война. Конечно, они воюют не только с чудовищами, но и с другими народами, случается, сталкиваются и между собой. Прирожденные воины, они не могут долго засиживаться дома, начинают скучать, и стоит кому-либо кинуть клич, как все снаряжаются в поход или в набег.

Карачаево-балкарский нартский эпос является продолжением, трансформацией множества рассказов о подвигах тотемических предков. Являясь людьми, нарты, в то же время – сыновья и внуки бога кузни *Золотого Дебета*, который сам является действующим лицом эпоса, первым нартом. Богиней луны является и *Сатанай-бийче*, олицетворение мудрости и красоты, «мать нартов», как ее именуют во многих сказаниях. И она не только богиня, но и человек, мать и жена. Божеством является и ее муж, вождь и законодатель *Ёрюзбек* (*ёр* – *верх, небо*; *юзбек* – *обрывок, часть*). По содержанию эпоса он небесного происхождения – родился (появился) из упавшей на землю железной кометы, но вырос среди людей, одержал во главе нартского войска победу над великанами и вновь вернулся на небо.

Нарты делятся (в карачаево-балкарском эпосе) на 19 родов – по именам родоначальников: Аликовы, Схуртуковы, Гезоховы, Бораевы, Ачеевы, Индиевы и др. Каждый род имеет своих героев-богатырей. К роду Аликовых принадлежат, например, старший сын Золотого Дебета – *Алауган* и его сын *Карашауай*, к Схуртуковым – предводитель нартов *Ёрюзбек* и его сыновья *Сосурук*, который появился из гранитного камня (*сосран* – гранит, *урук* – кусок), а также Сибилчи, Бюрче, к Индиевым относятся семь братьев и т.д. Все нарты едины в своей борьбе с внешними врагами: чудовищами и иноплеменниками.

Территория, на которой происходят события, описанные в нартских сказаниях балкарцев и карачаевцев, очень велика. В эпосе упоминаются 5 морей – Черное (*Кара тенгиз*), Каспийское (*Хазар тенгиз*), Средиземное (*Ак тенгиз*), Азовское, имеющее два названия (*Азау тенгиз*, *Кёк тенгиз*), Балтийское (*Буз тенгиз* или *Боз тенгиз*).

Из крупных рек чаще всего говорится о Волге (*Итиль*), Кубани (*Кобан*), Доне (*Тынай*, *Дон*), Тереке (*Терк*), из гор – об Эльбрусе (*Минги Тау*), Казбеке (*Казман Тау*), *Дых Тау* и др. Действие большинства нартских сказаний про-

исходит в степях и в горах между Черным и Каспийским морями, а также в Закавказье. Религиозный центр Страны Нартов называется *Кырк-Суу* (Сорок вод) или *Шамкала* (Святая крепость) и находится в районе нынешнего города Пятигорска.

И конечно, часто упоминаются названия местностей, гор и рек с территории современных Балкарии и Карачая, например, *Ташлы Сырт*, как одно из мест, где жили нарты. Разбросанность нартских родов в пространстве велика. Если Аликовы живут где-то у Черного моря, то Схуртуковы на побережье Каспийского. Нарт Карашауай совершает длительное путешествие от одного моря к другому, отправившись на скачки, которые ежегодно устраивали Схуртуковы.

Нартский эпос создавался в ту эпоху, когда происходило формирование самого аланского (карачаево-балкарского) народа, а потому в нем ярко отразился процесс этногенеза. Первоначально нарты живут где-то в Северном Причерноморье, откуда часть родов уходит к Каспийскому морю, а другая – на Кубанскую равнину. На месте остается старший род – Аликовы и некоторые другие, но затем и они уходят на Кавказ. Все это происходит немного спустя после Всемирного потопы. Сюда же к Приэльбрусью вынуждена были впоследствии уйти из Прикаспия и третья часть нартов, потерпев поражение в борьбе с народом *хункуров* (гуннов?).

9.3.3. Занятия нартов

Нарты – прежде всего воины. Но нартам присущи и черты тружеников, конечно, не витязям-батырам, а всему народу в целом, и богатыри не чураются работы. Например, *Алауган* помогает отцу в его кузне, *Бёдене* ловит рыбу, *Чюерди* пасет табуны Бора-батыра, прежде чем стать воином-героем. Второй сын Дебета – *Гуу* – пасет овец, третий, *Цехни* – охотник, *Ауар* и *Астар* – пахари и т. д. Постоянно упоминаются возделанные поля, говорится о небывалых урожаях пшеницы и ячменя и т.п. Одно из любимейших занятий нартов – охота, чаще всего на оленей и зубров. Если нарты не в походе или в набеге, то обязательно на охоте или на пиру. Наибольшее место в эпосе отведено труду кузнеца. Видимо, это связано с образом бога кузни Золотого Дебета, ведь и сам карачаево-балкарский эпос начинается с того, что нарты начинают обрабатывать металл (железо). Основные занятия нартов по важности располагаются в следующем порядке: походы и набеги; добыча и обработка металла; коневодство и овцеводство; земледелие; охота и рыболовство.

9.3.4. Обычай и обряды нартов

Каждый народ в своем эпосе изображает героев по своему подобию и согласно своим идеалам, как и их нравы и обычаи. Балкарцы и карачаевцы считали нартов своими легендарными предками (так оно и есть, поскольку нартский эпос – это устная художественная история их тюркских предков – скифо-алан), тоже изображают нартов похожими в своем быту на самих балкарцев и карачаевцев. Например, нарты платят калым за невесту: Карашауай отдает в калым за прекрасную Агунду, дочь Ёрюзмека, табун угнанных им породистых коней. Свадебный обряд нартов тоже напоминает обряд балкарцев и карачаевцев. Алауган приезжает за своей невестой со своими друзьями. Эмегены готовят для них угощение и т. д. Описан и погребальный обряд нартов (видимо так, как хоронили погибших наши предки). Через каждые четыре года на могиле героя приносили в жертву коня, а после поминальной трапезы плясали вокруг могилы, затем давали клятву богу небесному Тейри быть стойкими, не отступать в бою.

Обычай гостеприимства для нартов священен, желание гостя – закон. Когда в гости к Ёрюзмеку приезжает богатырь Ногайчик, он сразу предупреждает хозяина, что будет находиться в его доме целый год, и, что каждый день будет съедать по откормленному валуху, а его конь – по копне сена. И только через год Ёрюзек спрашивает гостя о цели его приезда. Что бы ни попросил один нарт у другого, тот не имеет права отказать ему в просьбе. Именно поэтому Золотой Дебет оставляет своего приемыша, маленького Ёрюзмека, бездетной чете – Схуртуку и его жене Асеней.

В эпосе не замалчиваются некоторые неблагоприятные дела того или иного нартского героя, но подчеркивается, что нарты были самым справедливым народом и утверждали на земле правду, не жалея себя.

9.3.5. Развлечения нартов

Много места в карачаево-балкарском нартском эпосе отведено описанию развлечений нартов, их досугу, например, ежегодным пирам и спортивным состязаниям в период проведения великого новогоднего праздника «Голлу».

В одном из сказаний ход пира описывается следующим образом: сначала отведывают угощения, едят, пьют **бузу** и **сыра**, затем каждый рассказывает о самом своем замечательном подвиге, и если рассказ был правдив и подвиг действительно был подвигом, то питье в волшебном бочонке **Агуна** трижды переливалось через край. Затем начинаются пляски. **Сосурук** пляшет на груди

Нартские игры и состязания

речных гольшей до тех пор, пока не обращает их в песок, затем передает черед богатырю *Рачикау*. Тот пляшет на холме из колючего кустарника босиком, пока кустарник не превращается в золу.

Присуца героям эпоса и любовь к песне; им приписывают несколько гимнов в честь богов, песни-славы в честь некоторых витязей-батыров, а также песни «Возвращение из похода» и «Охота на зубров». Любимые музыкальные инструменты нартов *сыбызгы* (дудка) и *сырына* (свирель). У нарта Бёдене дудка медная, у нарта Карашауая – из слоновой кости, у пастуха Созука – из дерева. Даже о предводителе нартов, суровом Ёрюзмеке, говорится, что дома у него на стене висел *кыл кобуз* (мандолина), на котором он удивительно хорошо играл.

И, разумеется, народ воинов любит воинские забавы и состязания: борьбу, скачки, стрельбу из лука, метание камня. Нарт Алауган состязается в толкании камня с могучими эмегенами и превосходит их в силе, нагнав на великанов страх. Нарт Сосурук борется с эмегеном и одолевает его. Нарты состязаются в меткости, стреляя из луков, и чаще всего побеждает

Ёрюзмек. Но основное внимание эпос уделяет скачкам, в которых неизменно побеждает идеальный герой эпоса Карашауай на своем крылатом коне Гемуде.

9.3.6. Нартское общество

Нарты живут родами и в то же время осознают себя единым народом, противостоящим не только чудовищам-эмегенам, но и другим племенам. В нартских походах принимают участие богатыри из всех родов, как и в набегах. В сказании о том, как нарты окончательно истребили эмегенов, говорится, что в их войске насчитывалось несколько туменов (*тумен* – десятитысячный отряд). Каждый род возглавляется родоначальником, одним из сыновей Золотого Дебета. У Аликовых это Алауган, у Схуртуковых – Схуртук и его приемный сын Ёрюзмек (Схуртук погибает, когда Ёрюзмек был еще подростком), у Бораевых – Бора-батыр, у Индиевых – Индияй и т. д.

Важнейшие дела обсуждаются и по ним выносятся решения на Тёре. Богатыри отправляются на поиски приключений и группами, и в одиночку. Последнее считается признаком особого мужества. Один из эмегенов, увидев едущего Карашауая, которого молодые эмегены собрались ограбить, говорит им: «Он едет один. Если бы он не был уверен в себе, не ездил бы в одиночку. Прежде чем напасть на него, испытайте его силу в состязании».

Обычно богатыри пользуются мечом (*сырпын*) и саблей (*кылыч*), луком (*садак* – простой лук и *жия* – составной лук), кинжалом (*кама*), булавой (*чонкур*, *токмак*), боевым топором с двумя лезвиями (*гида*), копьем (*зебох*), пикой (*сюнгию*). Они одеты в панцири (*кюбе*) или кольчуги (*жилян кюбе*, *берем*), на головах носят шлемы (*такыя*, *темир бёрк*). Сражаются нарты верхом, но иногда и пешими.

9.3.7. Мир нартского эпоса

Эпос уделяет описанию природы не так уж много места; но это прекрасный мир, в котором плещутся синие моря и озера, простираются бесконечные степи, высятся пики заснеженных гор и скал, тянутся дремучие леса, зеленеют долины и возделанные поля. Герои попадают то в пещеры, где живут людоеды-великаны, пасущие коз, то в замки и дворцы владык, то в кошары пастухов. Их всегда подстерегает опасность, но это не только не останавливает их, а наоборот, разжигает в них жажду приключений. Они полны жизненной силы, и потому не признают никаких преград, имея одно стремление – идти от победы к победе.

Мир карачаево-балкарского эпоса населен довольно густо. Это и глав-

ные герои сказаний – великие воины, их отцы и матери, сестры и братья, это остальные, не столь именитые нарты, составляющие войско героического народа, пастухи, табунщики, батраки, рыболовы, кузнецы, охотники, мудрые старцы, обсуждающие новости, сидя на *ныгъыше* (сельская площадь), знахарки и колдуньи, служанки и княгини и т.д. Это и языческие боги, помогающие нартам в их борьбе, и мудрые карлики (*жеки*), дикие существа (*алмасты*) и *агац киши*, крылатые, говорящие кони и собаки, птицы, звери. Это, наконец, заклятые враги нартов – племена эмегенов, змеи-драконы о трех-, пяти-, семи- и двенадцати головах, злобные и глупые; иноземные цари, посылающие свои полчища для завоевания страны нартов, например, владыка города *Темир-Капу* (Дербента), какой-то ближневосточный царь по имени *Кёсе-Бурунчук* (живущий в Закавказье) и т. п.

Мир, в котором живут нарты, полон опасностей, неведомого, иногда страшного, иногда чудесного. Герои не пытаются избежать тревог, волнений и конфликтов, а наоборот, сами ищут их, они видят смысл своей жизни в борьбе со всеми силами, которые противостоят человеку. Довольно часто звучат в сказаниях имена божеств, они во всем покровительствуют своим любимцам – нартам, участвуют в их праздниках. Покровитель воинов Элия дарует им удачу в битвах. Бог земли Даулет помогает Ёрюзмеку одолеть могучего эмегена в единоборстве. По просьбе Сосурука бог неба Тейри насылает на землю страшные холода, чтобы заморозить в озере эмегена. Но, конечно, в основном нарты действуют, рассчитывая на свои силы, и карачаево-балкарский эпос является гимном именно мужеству и самоотверженности человека, а не богов.

9.3.8. Золотой Дебет

Родоначальником нартского народа является бог кузнечного дела Золотой Дебет. Изображенная с величайшим искусством и любовью, эта монументальная фигура стоит в одном ряду с другими кузнецами мирового фольклора – карело-финским Вяйнемейненом, греческим Гефестом, иранским Каве и др. Согласно одним сказаниям, родителями Дебета являются Бог Неба и Богиня Земли, по другим его создал Тейри из кусочка своего золотого сердца (т.е. солнца) и даровал ему 19 сыновей-богатырей, от которых и пошел народ нартов. Тейри сразу же ставит перед ними задачу – истребить с лица земли все существа, враждебные человеку: драконов, эмегенов, бесов, хищников. До появления нартов на земле властвуют эмегены, вернее, племя эмегенов, называемых *харра*. С ними и завязывается у нартов война не на жизнь, а на смерть.

Тогда, говорится в сказаниях, звезд на небе не было, по ночам стояла

кромешная тьма. В этой тьме и приходилось нартам сражаться с эмегенами и крупными хищниками-львами, тиграми, медведями, с тем оружием, что подворачивалось под руку. Но вот однажды Дебет, который понимал языки птиц и зверей и мог видеть любой предмет насквозь, нашел в горах тяжелый, блестящий камень. Когда он сжал его в руке, камень расплавился, и на землю упали капли металла. Дебет начал добывать железо, ковать для своих сыновей различные орудия труда и оружие. Когда он бил кулаком по наковальне, искры, вылетающие из его кузницы, прилипли к небесному своду и превратились в звезды. Ночи стали ясными, и нарты с помощью оружия стали одолевать племя эмегенов харра и других врагов.

Дебет, кроме того, что снабжал оружием нартов, изготовил для них два волшебных предмета: *золотую чашу*, которая излечивала все недуги, *жезл*, навершие которого представляло собой резное изображение головы оленя, а оканчивалось изображением копыта коня. Этот жезл обладал чудодейственными свойствами – он нагонял на эмегенов страх, сеял среди них болезни, а нартов, наоборот, излечивал и вселял в них уверенность. Кроме того, Дебет является и хранителем сокровищницы нартов – Яхонтовой пещеры (*Накут дорбун*). Когда же Дебет решил, что на земле ему делать больше нечего, он смастерил крылатую колесницу и улетел на ней в верхний мир. В эпосе говорится, что он, по-прежнему кует железо для людей, живущих на небе. Звездопады, частые в ноябре-декабре – это искры, вылетающие из-под молота могучего бога-кузнеца.

9.3.9. Сказания об Алаугане и Карашауае

Алауган – один из популярных в народе героев. Это самый могучий из всех 19 братьев, добродушный, но грозный богатырь, великий воин. О нем говорится, что Алауган голыми руками убивал зубров, ловил и связывал львов, как ягнят, ходил в шубе из барсовых шкур, что его свиные глаза различали волос, плывущий в реке ночью. Он сам говорит о себе, что часто для забавы ловил эмегенов и привязывал их к деревьям.

Крылатый Гемуда – верный конь Алаугана, которого он передал своему сыну Карашауаю. Гемуда может принимать то облик захудалой клячи, то вид богатырского коня. Однажды он предстает в истинном виде – с крыльями орла и с рыбьим хвостом, т.е. Гемуда одинаково свободно передвигается и по земле, и по воде, и по воздуху. Он живет в подземной конюшне, питаясь рудой или железными опилками. Но самое главное – Гемуда владеет человеческой речью и является мудрым советчиком и Алаугана, и Карашауая. Этому коню в эпосе отведено больше места, чем описанию подвигов некоторых нартов.

Это и неудивительно, если учесть, что коневодство было главным занятием скифо-алано-болгар и их прямых потомков карачаевцев и балкарцев вплоть до XX века. Народ-коневод не мог не сложить поэм о своем верном помощнике, поэтому в эпосе есть несколько сказаний о рождении Гемуды и даже песня-слава в его честь.

Но самым известным является сказание о женитьбе Алаугана на девушке-великанше. Подробно описана поездка за невестой, свадебный пир, возвращение домой. Но эмегенша поедает рожденных ею детей, и только хитростью удается спасти одного младенца; его оставили в расщелине ледника на склоне Эльбруса. Он вырос, питаясь водой, стекавшей с сосулук, и стал непобедимым богатырем Карашауаеи. Наконец, его привели домой, где на него набрасывается мать-людоедка, но Карашауаи убивает ее. Так начинается большой цикл сказаний о подвигах этого нарта.

В образе Карашауаи карачаево-балкарский народ дает свое понимание того, каким должен быть благородный человек. Карашауаи – самый сильный и храбрый из всех нартв, но он и самый скромный. Одет он просто, иногда даже бедно. Он никогда не начинает ссору, не старается показать свою силу. Под стать ему и Гемуда, приняв вид клячи, он едва-едва ковыляет, и никто не может опознать в нем богатырского коня, а в его хозяине непобедимого героя, о котором сам великий воин Ёрюзиек говорит, что с Карашауаеи может справиться только Тейри. Одним словом, Карашауаи – идеальный герой карачаево-балкарского эпоса – скромный, мужественный, добрый, сильный, но и грозный, когда задевают его честь или обижают слабого.

Нартский эпос карачаевцев и балкарцев заканчивается тем, что часть нартв на крылатых конях улетает в верхний мир, на небо, чтобы уничтожить и там всю нечисть, а другая часть – опускается в нижний мир, с той же целью. Но Карашауаи, говорится в сказании, остался на земле, и продолжает жить на склонах Эльбруса со своим верным конем Гемудой. Когда он слабеет, Гемуда приносит ему воду из волшебного источника, пьет сам и дает этой воды хозяину, и оба, не старея, живут там вечно; говоря о Карашауаеи, народ говорит о самом себе и о своем бессмертии.

9.3.10. Сатанай-бийче и нарт Ёрюзиек

Много сказаний, посвященных жизни предводителя нартв Ёрюзиека и его жены мудрейшей из всех нартских женщин Сатанай. Золотой Дебет отправился однажды в горы за железной рудой и заночевал в пещере. Вдруг ночное небо озарила вспышка света, и огромная комета «*куйруклу жулдуз*» (хвостатая звезда) прочертила ночной небосклон и со страшным грохотом упала в горах.

Дебет отправился туда и обнаружил, что комета угодила в горное озеро, которое от жара звезды высохло, а звезда раскололась при ударе на две части. Посреди обломков лежал мальчик-богатырь и сосал вымя волчицы. Вокруг, дивясь на эту картину, стояли звери и птицы. Старый орел рассказал Дебету, который знал языки птиц и зверей, что мальчик выпал из кометы при ударе о землю. Голодная волчица хотела съесть младенца, но мальчик одолел ее и стал сосать ее вымя. Дебет взял младенца с собой и отправился домой, но по дороге заехал в кошару Схуртуковых, которые жили на берегу Каспия. Пастухи попросили: «У тебя и так 19 сыновей. Зачем тебе еще и этот волчий выкормыш? Оставь его нам. Он породнился с волками, и пока он будет с нами, волки на наши стада не нападут».

По обычаю нартов, Дебет не мог отказать в просьбе и оставил Ёрюзмека у пастухов. Маленький богатырь стал пасти овец. Но вскоре его приемный отец Схуртук погиб, и Ёрюзек остался беззащитным сиротой. В то время нарты подчинялись Кызыл Фуку (Красному Фуку), злобному существу, обладавшему огромным могуществом. Он мог посылать на землю дожди, но мог и прекратить их, и тогда начиналась засуха, гибли посевы и скот. Сам Фук жил то на земле, где приказал понастроить высоких башен, то на небе, где у него был хрустальный дворец. Ездил он верхом на драконе. Поэтому нарты, при всем их мужестве, были вынуждены подчиняться Фуку и платить ему дань.

Вскоре Ёрюзек вырос, и стал ходить на охоту, совершил свои первые подвиги. Женился на Сатанай-бийче. Нарты по-прежнему платили дань Фуку. Пользуясь ее советами, молодой богатырь расправился с Фуком, а затем и с его сыновьями. Впоследствии он становится главой не только Схуртуковых, но и всех нартов.

Один из ярких образов эпоса – жена Ёрюзмека, вещая Сатанай-бийче, самая прекрасная и из всех нартских женщин, верная жена и заботливая мать. Родителями Сатанай-бийче были Солнце и Луна. Никто из нартов не может сравниться с ней в мудрости, она выручает их своими советами в самых трудных ситуациях. Благодаря ей нарты одолевают войско, двинувшееся на Страну Нартов из *Темур-Капу* (Дербента). Она обучает людей гаданию, она знает все лекарственные травы и яды. Часто именно она решает спорные вопросы, и никто не оспаривает ее решения. Если Ёрюзек – это образ идеального вождя-полководца, Дебет – идеальный труженик и мастер, Карашауай – идеальный воин, то Сатанай – идеальная жена и мать.

Карачаево-балкарский эпос, несмотря на все утраты, все же является цельным и вполне законченным произведением. Судьбы главных героев, как и судьба всего богатырского народа, прослежены от начала до конца. После того, как часть нартов во главе с Ёрюзмеком улетела в верхний мир, а другая часть опустилась в нижний, Сатанай еще долго оставалась на земле, обучая

людей различным ремеслам, лечению травами и ворожбе. Наконец, истосковавшись по нартам, она взмолилась к Тейри, и голос во сне сказал ей, чтобы она ночью поднялась на гору, в святилище нартов (*чууана*). Туда с неба опустилось подобие орлиного гнезда на шелковом аркане. Сатанай села в него, и гнездо поднялось в небо. Так Сатанай вернулась к нартам.

Популярны были в народе сказания и о других героях эпоса – булатнотелом богатыре *Сосуруке*, рожденном из камня, юном богатыре Ачезе, сыне Ачея, могучем Рачикау, сыне Бёдене, воителе Чюерди, сыне Кубадия, о пастухе Созуке, Бора-батыре, младшем сыне Ёрюзмека – Сибильчи и др. Олицетворением зла, много досаждавшим богатырскому народу, является злобная красавица, властительная *Ак-бийче* (*Бойранкыз*, *Кырс-бийче*) – антипод Сатанай-бийче. Под стать этой княгине и ее сын Тотурбий, которого она родила от некоего небесного духа. Сеятелем зла и раздоров в среде нартов является сын Кызыл Фука – Ширдан, которого именуют *ачы тилли* (злослыжный).

9.4. ЖАНРЫ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

9.4.1. Историко-героические песни

Историко-героические песни, созданные о различных событиях и деятелях более поздней эпохи, называются *эски жырла* (старинные песни) или *жигитлик жырла* (песни о подвигах). Они образуют третий эпос, созданный народом. По объему он примерно равен нартскому, насчитывая более 20 000 строк. Не менее 25–30 из этих песен являются поэмами, каждая из них состоит из нескольких сот строк.

Их великолепно исполнял выдающийся балкарский певец и сказитель народный артист КБР и КЧР Омар Отаров – вершина карачаево-балкарского вокального искусства XX века. Мужественный, сильный голос певца дает зримое представление о суровой судьбе народа, о героических и трагических страницах его жизни, горестных и радостных днях. Омар Отаров выразил в своей песне всё богатство народного духа, посредством волшебных звуков сумел показать сущностные черты карачаево-балкарской ментальности.

Одна из самых старых – «Песнь о Чюерди» (не путать с нартом Чюерди – это разные эпохи и разные события и характеры). Песнь повествует о человеке, который не по своей воле, боясь обвинения в трусости, отправляется с несколькими своими гостями в набег, чтобы добыть рабов. Но его товарищи, те, из-за кого он согласился идти в набег, погибают. Чюерди в одиночку направляется с целой дружиной, пустившейся за ними в погоню, но оставляет в живых одного старичка. Сойдя с коня, он вручает старику свой меч и велит зарубить его. Старик убивает его и уезжает домой.

Выдающимся произведением является поэма «Ачемез, сын Темиркана». Ачемез и Азнаур – два сына знаменитого героя, князя Темиркана, который победил в поединке бойцов крымского хана, а затем и в сражении разбил его войско. Но после его смерти крымцы совершают новый набег. Его наследники владеют двумя селениями – Ачемез в районе нынешнего с. Кенделен, а Азнаур ниже, на месте нынешнего с. Заюково. Крымцы сначала захватывают селение Азнаура и врываются во владения Ачемеза. Оба они находились в то время на охоте. Крымский полководец «не признает братьев ни ханами, ни князьями», а вдобавок еще и требует отдать ему в наложницы жену Ачемеза. Молодой князь, видя, что сопротивляться, когда крымцы заняли все село, бесполезно, сделал вид, что согласился на такую позорную сделку, но попросил дожидаться наступления темноты. Ночью он убил хана выстрелом из арбалета (*чыкен*). Затем братья собрали своих людей и разгромили захватчиков.

Не имея возможности описывать все разнообразные сюжеты историко-героических песен, мы кратко перечислим некоторые и отметим их главные особенности.

«Песнь о Карче» – о легендарном вожде карачаевцев и его столкновениях с кабардинским князем Кази. «Каншаубий и Гошayah» – трагическая поэма о любви князя Каншауби (внука Карчи) и его жены, красавицы Гошayah (не менее 1000 строк). «Железный Баксанук» – о князе Баксануке Суюнчеве, прозванном «Железным» (*Темир Баксанук*), и его жене, развратной, как ее называет песня, княгине Сарайда, убитой князем за измену.

В ту суровую эпоху народы часто сталкивались между собой из-за набегов, совершаемых с целью угона скота, пленных, которых обращали в рабов или из-за другой добычи. Несколько песен повествуют о столкновениях со сванами (хотя с ними балкарцы больше поддерживали хорошие отношения, дружили, торговали, оказывали помощь друг другу).

«Бекмурза и Кайсын» – песня о набеге, возглавленных двумя княжичами, на Имеретию. По пути домой они попали в засаду и погибли.

«Сарыбий и Карабий» – песня о двух сыновьях старого князя Айдабола, во

главе дружины разгромивших отряд набегников и отбивших у сванских князей Мызы и Зорта угнанных ими овец.

«Отара Кубановых» повествует о сражении с мингрельскими набегниками, угнавшими отару Кубановых.

«Заурбек» и «Джандар» – о борьбе карачаевцев с набегами абазин.

Некоторые песни повествуют о событиях, связанных с борьбой за власть. Такова «Песнь о Рачикаовых», княжеском роде, почти полностью истребленном в Чегемском ущелье.

Есть песни, повествующие о событиях в жизни соседних народов. Такова поэма о борьбе дигорского князя Эсена Канукова с кабардинским князем Сары-Асланбеком Кайтукиным, стремившимся обложить дигорцев данью. В песне «Мисирбий Каражауов» речь идет о совместном походе балкарцев и дигорцев на русскую крепость Святой Крест, в котором погибает их предводитель, дигорский князь Мисирбий Каражауов.

Широкой популярностью пользуется замечательная песня, сложенная карачаевцами о судьбе кабардинского аула Ходзь, взятого и разрушенного дотла царскими войсками (это сражение считается последним в Кавказской войне). Песня называется «Уллу Хож» (Большой Ходзь).

В песнях «Хасаука» и «Умар» воспето мужество героев, доблестно сражавшихся в Карачае против царских войск. На помощь карачаевцам тогда пришли отряды балкарцев и дигорцев (в 1828 году).

В песнях о переселенцах в Турцию (после окончания Кавказской войны) отражена трагедия людей, лишившихся родины, тяжесть жизни на чужбине. Эти песни так и называются – *Стампулчула* (Стамбульцы) или *Мухажирле* (Переселенцы).

Многие балкарцы и карачаевцы участвовали добровольцами в Русско-японской войне, многие из них сложили свои головы на Дальнем Востоке. Оплакиванию их посвящены несколько песен.

Следует отметить, что если в старинных, средневековых песнях-поэмах главными героями являются представители правящей верхушки – князя, то в песнях, сложенных в XIX–XX веках, героями их часто выступают люди из народа, обычные чабаны, охотники, табунщики. К этим песням примыкают произведения, посвященные героям, которые выражали протест против насилия властей, князей и богачей, песни об абреках или бедняках, трагически погибших в борьбе с несправедливостью. Таковы песни «Канамат Эбзеев», «Атабий», «Бекболат Махиев, «Гапалау Салпагаров» и др.

9.4.2. Устное народное творчество

К малым жанрам народной поэзии можно отнести традиционные благопожелания (*алгыш*), загадки (*элбер*), пословицы (*нарт сёзле* – нартские изречения), поговорки (*айтыу*), притчи (*ойбер*).

Древнейшими из них, вероятно, являются *алгыш* – благопожелания (некоторые из них насчитывают по сотне или даже более строк). Обычно их произносили на застольях, устраиваемых по различным радостным событиям – на свадьбах, вечеринках. Чаще всего они начинаются с призывания благословения Тейри, пожеланий здоровья и благополучия родным, близким, селу и всему народу.

Загадки представляют собой небольшие виртуозно составленные стихотворения из двух или более строк (но не более 10). Прежде, по рассказам стариков, они служили одним из развлечений на посиделках. Тот, кто загадывал загадку, в том случае, если никто из присутствующих не знал разгадки, требовал за ответ выкуп – село или страну (*эл*), откуда и само название «*элбер*», что означает «отдай село, страну». Тот, кто набирал, таким образом, наибольшее количество «сел», получал приз. Это были своеобразные уроки по развитию мышления, владения возможностями языка. Привычное, хорошо известное и потому ставшее незаметным, оборачивалось к человеку, благодаря поэзии загадок, своей необычной стороной, привлекало внимание.

Ученые считают, что загадки – это остатки тайной речи древних людей. Полагая, что везде – в воде, в лесу, в земле скрываются враждебные человеку существа, они старались их перехитрить, и, чтобы достичь успеха в деле, скрывали свои намерения, называя вещи другими именами. Загадки служили и в качестве испытания молодых людей – хорошо ли они усвоили систему тайной речи, можно ли их по этому признаку считать взрослыми. Главные особенности загадки, как и пословиц и поговорок – краткость, остроумие, умение в немногих словах сказать многое (например, «*Жаны бар да, каны жок*» – «Душа есть, а крови нет» (Яйцо).

Карачаево-балкарский народ сложил огромное количество **пословиц и поговорок, кратких образных изречений**, очень часто рифмованных, в которых обобщен многовековой опыт, понимание жизни и различных ее сторон. Это одновременно и практические советы, и наставления, и наблюдения, и мудрость. Вот примеры пословиц:

*Жау жокда – батыр кеп,
Дау жокда – акыл кёп.
Тойган хантын унутур,*

Много смельчаков, пока нет врага,
Много умных, пока нет спора.
Сытый забывает о съеденном блюде,

9. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРИИ

<i>Тыннган антын унутур</i>	Успокоившийся забывает о данной клятве.
<i>Жигитлик кишиликден чыгады.</i>	Подвиг рождается из мужества.
<i>Бир абыннган – сокур,</i>	Споткнувшийся один раз – слеп,
<i>Эки абыннган – акмак.</i>	Споткнувшийся дважды – глуп.

Поговорки определяются как образные выражения, известные всем и применяющиеся для оценки людей, их действий или каких-либо обстоятельств, сравнение. К сожалению, несмотря на то, что балкарцами и карачаевцами в речи используется множество поговорок, остроумных и тонких, отдельного издания пока нет, они публикуются вперемешку с пословицами. Их анализ мог дать много интересного для выявления особенностей народного мышления и всей художественной системы фольклора. Примеры поговорок:

<i>Алты эчкиге тогъуз скорючю.</i>	На шесть коз девять козопасов.
<i>Атха нал урганда,</i>	Как лягушка тоже задирала ногу, когда
<i>мака да аягын кётюргенлей.</i>	подковывали коня.
<i>Киштик, этге жеталмаганда,</i>	Когда кошка не смогла дотянуться до мяса,
<i>бюгюн мен оразама дегенди.</i>	она сказала, что у нее сегодня пост.

Разнообразна и устная проза карачаево-балкарского народа:

Сказки о животных – в них иносказательно изображаются характеры людей, их нравы и взаимоотношения. Чаще всего в этих сказках фигурируют лиса – хитрая и коварная, трусливый заяц, добродушный, но глупый медведь, злой и алчный волк, кроткий баран, драчливый петух, умный и добрый конь и т. д.

Волшебные сказки, в которых герои добиваются счастья и удачи благодаря предметам, обладающим магической силой: шапке-невидимке, мечу, кольцу, талисману, мудрым советам волшебников и колдуний и т.п. С ними же связаны и **богатырские сказки**, где роль волшебных предметов выступает не так явно, а на первом плане сила и мужество богатыря, боевые качества его коня.

Бытовые сказки чаще всего они гораздо короче волшебных, это небольшие рассказы, высмеивающие человеческие пороки: жадность, глупость, жестокость и т. п.

Анекдоты – народная память хранит огромное количество этих маленьких шедевров. К сожалению, они еще не изданы, за исключением части анекдотов о Ходже Насреддине – всемирно известном герое юмористических и сатирических рассказов тюркских народов. О нем в народе говорят, что конец света наступит в тот день, когда на земле ни разу не прозвучит из чьих-либо уст имя веселого мудреца.

Не опубликованы **легенды и предания** (за исключением некоторых, изданных как до революции, так и в наши дни). Сюда включаются рассказы о

различных исторических деятелях и событиях, например, легенды о нашествии войск Тамерлана, гибели правителя Золотой Орды Тохтамыша, предания о Карче, о Боташе и многие другие, топонимические предания – о происхождении названий местностей, рек, гор и т. п.

Былицы – рассказы о столкновениях и встречах самого рассказчика или его знакомого с представителями сверхъестественных сил: чертями, алмасты, агач киши (лесным человеком), ожившими мертвецами, домовыми, оборотнями, колдунами и колдуньями, говорящими животными, о чудесных случаях и т. п.

Притчи – рассказы назидательного, поучительного характера о тех или иных происшествиях; обычно они заканчиваются выводом, обобщением. Известна притча о юноше, который захотел уплатить матери сыновний долг. Мать была человеком богомольным, и юноша решил отнести ее на своей спине на хадж в Мекку и обратно. Так он и поступил. Но когда он вернулся домой, голос с неба сказал ему: «Ты уплатил матери только одну сотую часть своего долга».

Небылицы (*ётюрюкле* – вранье) – рассказы, в которых самым остроумным образом нагромождены невозможные в жизни события и действия. Но было одно неперемное условие – такие рассказы должны были быть связными, представлять одну непрерывную цепь. В стародавние времена рассказчики состязались в сочинении таких выдумок, некоторые из которых поражают богатством фантазии. Часто эти выдумки облечены в форму сказки, где герой (чаще всего мальчик-пастух) состязается с чертом. Вот, например, начало одной из таких выдумок: *«Когда родился мой отец, я играл во дворе с дедом. Ну, понятное дело, раз человек родился, нужен пир»* и т. д.

Зикиры – песнопения религиозного характера на сюжеты из Корана, о жизни пророка Мухаммада (с.а.с), молитвы, обращенные к Аллаху.

9.4.3. Народные сказки

Мир карачаево-балкарских сказок удивляет своим духовным богатством и фантазией. Героями этих сказок являются, воспетые в сказках А.С. Пушкина, многоголовые змеи, изрыгающие огонь, соловей-разбойник, 33 богатыря, табуны лошадей, вынырывающие из пучины моря, волшебники и колдуны, баба-яга и кощей бессмертный, чья жизнь на кончике иглы, говорящая голова, кот в сапогах, эмегены и драконы, не дающие воду людям и, конечно же, богатыри, побеждающие зло. Фигурантами этих сказок являются животные и деревья, говорящие человеческим языком, шапка невидимка, волшебный меч, магическое кольцо и талисманы. Двухтомное издание этих сказок под редакцией С.М. Мусукаевой, по-видимому, является наиболее полным собранием этих

удивительных сказок. По их тематике среди них можно выделить следующие основные типы:

Сказки о животных, в которых иносказательно изображаются характеры людей, их нравы и взаимоотношения. Чаще всего в этих сказках фигурируют лиса – хитрая и коварная, трусливый заяц, добродушный, но глупый медведь, злой и алчный волк, кроткий баран, драчливый петух, умный и добрый конь и т.д.

Волшебные сказки, в которых герои добиваются счастья и удачи благодаря предметам, обладающим магической силой: шапке-невидимке, волшебному мечу, кольцу, талисману, мудрым советам волшебников и колдуний и т. п. С ними же связаны и **богатырские сказки**, где роль волшебных предметов выступает не так явно, а на первом плане сила и мужество богатыря, боевые качества его коня.

Бытовые сказки – чаще всего они гораздо короче волшебных, это небольшие рассказы, высмеивающие человеческие пороки – жадность, глупость, жестокость и т. п.

9.4.4. Национальные песни

Характер исполнения песен был разнообразен. В большинстве случаев исполнитель пел соло, а присутствующие вели басовое сопровождение (*эжу*). Солист назывался *жыр башчы* (предводитель песни). Или солист пел, аккомпанируя себе на том или ином инструменте. В более давние времена исполнители нартского эпоса назывались *нартчыла*, в отличие от других певцов, которые назывались *жырчыла*. Часто певец-импровизатор совмещал в себе и автора, и исполнителя. До недавнего времени существовала особая форма импровизации – *айтыш*, когда два певца или юноша и девушка создавали песню прямо на глазах у слушателей, стараясь как можно остроумнее высмеять соперника.

Устраивались также состязания в исполнении песен, они являлись и частью народных праздников. В обычное время кто-либо мог пригласить на пир певцов из соседнего селения для соревнования со своими исполнителями. Рассказывают, что однажды приехали певцы из Безенги в гости в Кашхатау. После угощения, выставленного хозяином, певцы стали петь по очереди. По условию, каждую песню нужно было петь до конца, не искажая и не пропуская ни одной строки. Состязание длилось до утра, победили безенгиевцы, так как певцы из Кашхатау исчерпали свой репертуар и не смогли вспомнить ни одной песни в ответ на колыбельную, спетую кем-то из безенгиевцев.

9.5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ

Хореографическое искусство карачаево-балкарского народа красочно и своеобразно. Количество танцев и плясок относительно невелико, не более пятидесяти-шестидесяти. В первую очередь надо назвать пляски, связанные с ритуалами и обрядами, почитанием языческих богов. В фольклорных текстах говорится, что боги любят пляски, исполняемые в их честь, благосклонно взирают на танцующих. Таковы пляски воинственного характера в честь бога грозы и покровителя воинов *«Элия»*, пляска юношей, исполнявшаяся при их посвящении в воины – *«Чоппа»*, пляска молодых охотников – *«Апсаты»*. Танец, посвященный богине-матери огня *«Тепене»*, исполнялся после постройки дома вокруг очага или на плоской крыше.

Сохранилась память об одной тотемической пляске – *«Агаз тепсеу»* (пляска ласок). Ласка считалась неприкосновенной и почитаемой.

К глубокой древности относится возникновение *«Бийче тепсеу»* (танец богини), сложного и красивого, иллюстрирующего появление в обществе деления на сословия. Танец посвящен богине *«Умай-бийче»*. Многие танцы и пляски связаны с началом сезонных работ – первой вспашкой, уборкой урожая, жатвой и молотью, с праздниками и т. д. Таковы песни-пляски *«Эрирей»*, *«Голлу»*, *«Алтын Хардар»* и др.

Круговой танец *«Тёгерек тепсеу»* в Верхнем Баксане (XIX век).
В центре круга музыканты с кыл кобуз и сыбызгы

9. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРИИ

Конечно, к нынешнему времени большинство этих танцев и плясок исполняться перестали, поскольку были связаны с языческими обрядами, и память о них сохранилась только у старшего поколения, в записях иностранных и русских путешественников. На свадьбах и праздниках обычно исполняют всего два-три танца – «Тюз тепсеу» (Прямой танец), «Тёгерек тепсеу» (Круговой танец), «Абзех» (Парный танец).

Огромный вклад в возрождение и развитие танцевального искусства балкарцев вносит Государственный фольклорный этнографический ансамбль танца «Балкария».

Профессиональный ансамбль «Балкария» создал основоположник карачаево-балкарской этнической хореографии, талантливый исследователь и

ученый, заслуженный деятель искусств КБР Мухтар Кудаяев, который возродил около 28 этнических танцев, осмыслил каждое танцевальное «па», являющееся неотъемлемой частью обрядов и культовых действий, отражением труда, уклада жизни, характера, нравов и истории балкарского народа, выражаемые красивыми телодвижениями.

В оттачивание танцевального мастерства артистов ансамблей «Балкария» и «Кабардинка» неоценимый вклад внес балетмейстер, хореограф, народный

артист РСФСР, КБР и Чечено-Ингушетии Мутай Ульбашев. Благодаря усилиям этих двух выдающихся хореографов и талантливых танцоров ансамбль «Балкария» достиг вершин танцевального искусства, стал победителем многих конкурсов, заслужил всенародную любовь и известность на родине, в России и за рубежом.

9.6. Ёзген адет – этукет

Еще один замечательный памятник духовной культуры карачаево-балкарского народа – устный свод правил, обычаев, норм, которыми руководствовались в своей жизни наши предки, это этический кодекс «Ёзден Адет» (Дворянская традиция), изданный отдельной книгой и включающий в себя около 3 000 изречений. Уздени – второе, после князей, свободное сословие, которое

и составляло основное ядро народа. Мы приведем некоторые характеристики этого кодекса.

1. Кодекс состоит из 18 частей – «Знание», «Мир», «Человек», «Здоровье», «Болезнь», «Испытание» и т. д.

2. Подавляющее большинство изречений имеют форму рифмованных двух-, трех-, и четырехстиший, и представляют собой изящные, точные афоризмы. *Ёзден Адет* – произведение поэзии.

3. Некоторые из этих правил даются в форме запретов, другие носят характер рекомендаций, советов, третьи – выводов и т. д.

4. Несмотря на то, что *Ёзден Адет* – кодекс довольно объемистый, в нем нет стремления к мелочной регламентации, к тому, чтобы учесть все жизненные ситуации. Отмечая ценность знания и исполнения этических правил, кодекс все же подчеркивает, что безошибочным является только путь совести. Сказано:

*Адетни билсенг – адетге кёре,
Адетни билмесенг – бетге кёре.*

Знаешь обычай – поступай по обычаю,
Не знаешь – поступай по совести.

Поразительна цельность, непротиворечивость всех частей этой этической системы, поскольку она обладает внутренним стержнем, главной идеей. Кратко эту идею можно сформулировать в следующем виде: «Воспитывай в себе и в своих детях чувство собственного достоинства. Никогда его не роняй, ни при каких обстоятельствах, и никогда не унижай другого. Будь скромн и тверд».

Как и в нартском эпосе, где с большой художественной силой обрисованы идеальные в понимании народа фигуры, так и в *Ёзден Адет* представлен идеал человека, к которому должен стремиться каждый. Уважение к старшим, к ребенку, к женщине, к родителям. Чуткое, внимательное отношение к гостю. Сдержанность в речи и манерах, воздержанность в пище и питье. Много правил, определяющих поведение человека в общественных местах – на сельской площади, на празднествах, на свадьбах, пирах, в дороге и т.д. Например, появиться на людях в грязной, запачканной одежде расценивалось как неуважение к присутствующим:

*Тойга барсанг, тоуп бар,
Ёски тонгу коюп бар.*

Когда идешь на пир, иди сытым,
Сбросив старую шубу.

Отличительной чертой свободного человека, по кодексу, является щедрость (в широком смысле этого слова). Резко осуждаются сквернословие, пьянство, трусость – все это, согласно кодексу, признаки раба, также как и жадность, лицемерие и даже хитрость. Высоко ценится правдивость, прямота, верность

9. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРИИ

20. Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия. – Нальчик, 1996.
21. Малкъар-къарачай нарт таурухла. – Нальчик, 1966.
22. Малкъар халкъ джомакъла, эки том. – Нальчик, 1959, 1963.
23. Къарачай-малкъар халкъ жырла. – 2001.
24. Малкъар халкъ жырла. – Нальчик, 1969.
25. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла, эки том. – Нальчик, 2012.
26. Малкъар нарт сёзле. – Нальчик, 1982.
27. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары. – Нальчик, 1988.
28. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1990.
29. *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1996.
30. *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. – Нальчик, 2000.
31. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. – Нальчик, 1962.
32. *Мусаев Б.К.* Ёмюрле къарангысындан. – Нальчик, 1987.
33. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994.
34. Нартла. – Нальчик, 1995.
35. Нарт жырла бла таурухла. – Нальчик, 1992.
36. *Ортабайланы Р.А.-К.* Джетегейли – джети джудуз. – Черкесск, 1985.
37. *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик, 1974.
38. *Шаманов И.М.* Народный календарь карачаевцев // Из истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980.
39. *Шаманов И.М.* Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1982.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что в данной книге сделана попытка осветить состояние памятников древней истории и культуры балкарского народа и обратить внимание на плачевное состояние подавляющего большинства уникальных архитектурных памятников средневековья Балкарии, на их недостаточную изученность. Эта задача оказалась довольно сложной и требующей более детальных исследований. Например, не удалось собрать материалы об уникальной крепости, расположенной на «Великом шелковом пути» в ущелье реки Харбаз (притока реки Малки) и многих других объектах.

При написании книги проведены экспедиционные обследования многих памятников и использованы сведения, рисунки и фотографии из публикаций многих российских, советских и зарубежных исследователей, а также ученых Кабардино-Балкарии, которые своим кропотливым трудом высветили сохранившиеся и скрытые веками страницы балкарской истории и культуры и заслужили глубокое уважение балкарского народа. Если где-то допущены оплошности в плане ссылок на цитируемых авторов, составители книги приносят свои извинения, абсолютно не претендуя на авторство заимствований, и выражают глубокую благодарность этим ученым за их крупный вклад, внесенный подчас за счет их героической работы в труднодоступных горных районах Балкарии.

Целью написания книги является повышение интереса нынешнего поколения и особенно молодежи к своему культурному наследию, стимулирование работ по восстановлению и предотвращению дальнейшего разрушения архитектурных и археологических памятников, являющихся частью всемирного культурного наследия, представляющего серьезный научный и познавательный интерес.

Уникально дополняя незабываемую красоту природы балкарских ущелий, эти памятники могут служить основой для этнографического туризма. При этом некоторые объекты, например, поселение Эльтюбю в Верховьях Чегемского ущелья благодаря наличию множества средневековых мавзолеев, некрополя Фардык, боевых башен, «греческой лестницы и мемориального комплекса «Сто шагов к Кайсыну» практически готовы для создания музеев под открытым небом.

Научное издание

Абшаев Магомед Тахирович

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

Корректор *Т.М. Жабоева*
Макет обложки *А.М. Иевлев*
Дизайн, компьютерная верстка *О.Ф. Малюги*

Подписано в печать 15.12. 2015. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура Arial. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 31,2. Тираж 400 экз. Заказ № 261

ООО «Печатный двор»
360030, КБР, г. Нальчик, ул. Калюжного, 1
Тел. (8662) 74-11-33
E-mail: printhouse07@gmail.com